

Н. П. Таньшина

Самодержавие и либерализм

*эпоха Николая I
и Луи-Филиппа
Орлеанского*

Н. П. Таньшина

Самодержавие и либерализм

*эпоха Николая I
и Луи-Филиппа
Орлеанского*

РОССПЭН

Москва

2018

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)52
Т18

*Исследование осуществлено по гранту
Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы
«Институциональное развитие научно-исследовательского сектора»
государственной программы Российской Федерации
«Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг.
Договор № 14.Z50.31.0045.*

Рецензенты:

доктор исторических наук А. В. Чудинов
доктор исторических наук Д. Ю. Бовыкин

Таньшина Н. П.

Т18 Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского / Н. П. Таньшина. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 334 с.

ISBN 978-5-8243-2243-9

Россия в годы царствования императора Николая I (1825–1855) и Франция в эпоху правления конституционного короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848). Это был период резкого ограничения контактов, что было вызвано негативным отношением российского самодержца к режиму, рожденному революцией. Однако, несмотря на жесткое, порой на грани конфронтации, противостояние, между нашими странами происходило и постоянное взаимодействие. Это был первый опыт сложных и противоречивых отношений между российским самодержавием и французским либерализмом.

Отношения между странами – это отношения между народами. С одной стороны, неприятие российским императором Июльской монархии, а также линия на свертывание двусторонних контактов только подогревали интерес русского человека к Франции. С другой стороны, к России и русским французы, особенно после Июльской революции и подавления Николаем I Польского восстания, испытывали, как правило, крайнюю настороженность, временами переходившую в откровенную русофобию. Почему нас не любили? Связано ли это было с глубинными цивилизационными отличиями или же антирусские настроения подогревались активной внешней политикой Российской империи? Любовь же русского человека к Франции была неизбывной. Даже несмотря на то, что порой она была безответной...

Книга предназначена для историков и всех, кто интересуется историей Франции и России.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-8243-2243-9

© Таньшина Н. П., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Немного историографии	10
Глава 1. Николай I и Луи-Филипп Орлеанский: двойной портрет	
Николай и Луи-Филипп в исторической памяти	18
Детство и юность. Взросление	22
Восстание декабристов и Июльская революция: легитимация власти	36
Надежды и разочарования.	
Реформы первых лет царствования	41
Монархи у кормила власти: стиль и правила правления	61
Распорядок дня монархов. В кругу семьи	66
Глава 2. Политика и политики	
Июльская революция: от непризнания к признанию	83
Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе	87
Портрет Луи-Филиппа работы Поццо ди Борго	99
Император Николай и барон Поль де Бургоэн	110
Проспер де Барант и дипломатический инцидент 1841 г.	119
Русофобия как элемент политики	126
Маркиз де Кюстин и «журнальные войны» между Россией и Францией	145
Глава 3. Образы России и французы в России: дипломаты, художники, ученые	
Французские путешественники в России и о России	161
«Заметки о России» Проспера де Баранта	177
«Крым вдруг вошел в моду»: Крым в путевых заметках барона де Баранта	193
Орас Верне: художник и дипломат?	198
Образ власти Николая: Кюстин, Барант, Верне	206

Жозеф-Поль Гемар и несостоявшаяся русско-французская арктическая экспедиция	216
Саркофаг для Наполеона из Карелии	223
Глава 4. Образы Франции и русские во Франции:	
дипломаты и не только	
Наши люди в Париже	231
Восемь лет без права переписки: княгиня Д.Х. Ливен	238
Париж на троих: П.А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин	246
Париж Виктора Балабина	271
Разночинцы в Париже: зарисовки Авдотьи Панаевой	282
Образ победы над наполеоновской Францией в николаевской России	285
Глава 5. Финал	
Почему французы изменили традиции и устроили революцию зимой: мнение Н.Д. Киселева	297
Крымская война и смерть Николая I: мнение А.Д. Блудовой	310
Заключение	316
Список источников и литературы.....	319
Указатель имен.....	328

ВВЕДЕНИЕ

Россия в годы царствования императора Николая I (1825–1855) и Франция в эпоху правления конституционного короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848). Казалось бы, это был период крайнего ограничения контактов, что было вызвано негативным отношением российского самодержца к режиму, имеющему революционное происхождение во главе с «королем баррикад». Однако несмотря на жесткое, порой на грани конфронтации, противостояние, между нашими странами происходило и постоянное взаимодействие. Можно сказать, что это был первый опыт сложных и противоречивых контактов между российским самодержавием и французским либерализмом. Взаимодействие Российской империи с режимом Реставрации (1814–1830), основанном на Конституционной хартии 1814 г., вряд ли является типичным примером такого сотрудничества. Как известно, после 1815 г. и вплоть до Июльской революции 1830 г. отношения между Санкт-Петербургом и Парижем были едва ли не идиллическими: со стороны Франции в первые годы Реставрации за них отвечал бывший генерал-губернатор Новороссии, ставший главой французского кабинета, герцог Э.О. Ришельё; со стороны России на протяжении двадцати лет – бывший депутат Законодательного собрания Франции, кровный враг Наполеона Бонапарта, «русский корсиканец» граф Ш.-А. Поццо ди Борго. Однако Александр I и тем более его брат Николай I старались не замечать, что имеют дело с конституционным режимом. Для обоих монархов главное заключалось в том, что речь шла о легитимной династии Бурбонов. Ведь Николай I не предъявлял тех же претензий к фактически конституционной британской монархии (в 1832 г. в стране была проведена парламентская реформа, названная Великой), которые он ставил в упрек «фальшивой», по его выражению, Июльской монархии.

На первый взгляд, русское самодержавие Николая I и французский либеральный режим короля Луи-Филиппа – две противоположности. Но только на первый взгляд. В России, действительно, существовало самодержавие, но готовое пойти на реформы, пусть и ограниченные, умеренные и осторожные. Либерализм Луи-Филиппа, именуемый по названию династии орлеанизмом, – это либерализм умеренный, яркий пример либерально-консервативного синтеза, со-

четавшего либеральную категорию «свободы» с консервативной ценностью «порядка». В этом отношении изучение опыта взаимодействия двух политических режимов и идеологий, выяснение эволюции этих отношений от непризнания к признанию и взаимодействию представляется весьма важным.

Изучение этого опыта невозможно в отрыве от представления государей, возглавлявших режимы и олицетворявших разные идейные платформы: «Государь всея Руси» и «король французов» персонифицировали самодержавие и либерализм.

В исторической памяти сформировались устойчивые представления о противоположности двух монархов, да и сами они никогда бы не согласились со своей общностью. Один – «жандарм Европы», «рыцарь самодержавия», «душитель революций», убежденный сторонник принципа легитимизма, вынужденный признать режим Июльской монархии, но до конца своих дней считавший Луи-Филиппа узурпатором трона, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского, и так и не пожелавший называть его, как было принято между коронованными особами, *«государь, брат мой»*. Другой – «король баррикад», «король-буржуа», получивший корону в результате Июльской революции 1830 г., ставшей катализатором революционной бури, пронесшейся по Европе. Все верно, но это одна сторона медали. Однако при внимательном рассмотрении окажется, что при всем внешнем различии и даже противоположности обоих монархов, между ними было очень много общего.

Отношения между странами – это не только отношения между правителями, но и между народами. И здесь опыт контактов русских и французов того времени крайне любопытен. К незнакомому, «Другому», будь то на уровне межличностном или государственном, люди испытывают эмоции двоякого рода: интерес и страх. Именно так Россию и русских во все времена воспринимали во Франции: нас либо любили, либо ненавидели; либо восхваляли и связывали с Россией надежды на будущее европейской цивилизации, либо воспринимали как варварское деспотичное государство. Последнее гораздо чаще. Но, главное, интерес к загадочной «русской душе», русскому менталитету не иссякал во все времена, причем независимо от характера отношений между нашими странами, корнями уходящими в Киевскую Русь. С одной стороны, неприятие российским императором революционной Июльской монархии, а также курс на ограничение двусторонних контактов только подогревали интерес русского человека к Франции. С другой – к России и русским французы, особенно после Июльской революции и подавления императором Николаем Польского восстания, испытывали, как правило, крайнюю

настороженность, переходившую порой в откровенную русофобию. Почему нас не любили? Связано ли это было с глубинными причинами, истоки которых надо искать в противостоянии между Востоком и Западом, расколе христианской церкви, событиях Ливонской войны, когда Запад открыл для себя Россию, тогда еще Московию? Или же антирусские настроения подогревались активной внешней политикой Российской империи, направленной на защиту национальных интересов, но воспринимаемой на Западе как экспансия и поток, который необходимо остановить и оградить Европу от новых гуннов, готовых заполнить Европу?

Рассмотрение этих разных аспектов взаимоотношений России и Франции тех лет определило структуру книги: первая глава посвящена сравнительному анализу личностей императора Николая Павловича и короля Луи-Филиппа Орлеанского, воссозданию их двойного портрета. В центре внимания второй главы – политические отношения между нашими странами – как их видели дипломаты и политики – с выходом на проблематику политической русофобии и журнальных войн, спровоцированных публикацией книги маркиза Астольфа де Кюстина. В третьей главе реконструируются образы России в представлениях французских дипломатов, политиков, путешественников, а также рассматриваются отдельные сюжеты из истории научных и иных контактов между Россией и Францией. Образу Франции, созданному русскими, а также пребыванию русских в Париже Луи-Филиппа, посвящена четвертая глава книги. В заключительной главе подводятся итоги правления императора Николая I и короля Луи-Филиппа.

* * *

При изучении истории Франции времен Луи-Филиппа меня всегда особенно интересовали сюжеты, связанные с взаимоотношениями между нашими странами, с восприятием французами России и русскими Франции. Меня привлекали люди, русские и французы, олицетворявшие двусторонний диалог: граф Шарль-Андре Поццо ди Борго и барон Проспер де Барант, княгиня Дарья Христофоровна Ливен и Франсуа Гизо, художник Орас Верне. Этим сюжетам и персонажам в разные годы мною был посвящен ряд статей, которые, переработанные и дополненные, стали основой этой книги, обогащенной новыми материалами¹.

---

¹ *Таньшина Н.П.* Июльская монархия глазами российского посла во Франции К.О. Поццо ди Борго // *Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 7.* М., 2006. С. 138–150; *она же.* Корсиканец на русской службе, или куда приводит вендетта // *Родина.* 2008. № 4. С. 58–63; *она же.* Карл Осипович

Книга не претендует на всесторонний анализ политико-дипломатических отношений между Россией и Францией в годы правления

Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67–85; *она же*. Луи Филипп Орлеанский // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 37–56; *она же*. «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 184–204; *она же*. Революция от скуки или как французы изменили своей традиции не устраивать революцию зимой // Родина. 2012. № 3. С. 78–81; *она же*. Король французов Луи Филипп Орлеанский: штрихи к портрету (по дипломатическим донесениям российского посла во Франции графа К.О. Поццо ди Борго) // Вестник РГГУ. № 9 (89). Серия: Исторические науки. Всеобщая история. М., 2012. С. 133–145; *она же*. Французская революция 1848 года по дипломатическим донесениям российского поверенного в делах Н.Д. Киселева // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 74–92; *она же*. Восемь лет без права переписки // Родина. № 3. 2013. С. 41–44; *она же*. Маркиз де Кюстин и барон де Барант; два образа России в исторической памяти // Образы будущего России: желаемое-возможное-необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, МПГУ, 8–9 июня 2016 г. М., 2016. С. 75–84; *она же*. «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // Материалы научной конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XX вв.». Ялта, 25–26 апреля 2016. Ялта, 2016; *она же*. Образ победы над наполеоновской Францией в николаевской России // Образ и смысл победы в российской истории. М., 2017. С. 135–142; *она же*. Орас Верне: художник-дипломат в диалоге между Россией Николая I и Францией Луи-Филиппа // Вопросы всеобщей истории. Выпуск 19. Сборник научных и учебно-методических трудов (Ежегодник). Екатеринбург, 2017. С. 180–189; *она же*. Современная методология изучения российско-французских отношений в XIX веке (от окончания Наполеоновских войн до начала XX века) // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М., 2017. С. 174–186; *она же*. Образ власти императора Николая I в представлениях современников-французов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 10. С. 109–116; *она же*. Император Николай I и король Луи-Филипп I. Двойной портрет // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2017. С. 17–46; *она же*. Антирусские настроения во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. № 4. 2017. С. 91–108; *она же*. Три взгляда на Францию 1838–1839 гг.: П.А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин // Локус. Люди, общество, культуры, смыслы. М., 2017. № 1. С. 72–85; *она же*. Жозеф-Поль Гемар и несостоявшаяся русско-французская арктическая экспедиция // Арктика: история и современность/ Материалы второй международной научной конференции. СПб., 2017. Ч. 1. С. 26–34; *Таньшина Н., Борисёнок Ю.* Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. С. 105–109; *Tanchina N. Pozzo di Borgo et le Tzar // Autour de Charles-André Pozzo di Borgo (1764–1842). Ajaccio, 2018. P. 57–66.*

Николая I и Луи-Филиппа, это тема для отдельного исследования. Моя работа – это скорее калейдоскоп образов и впечатлений французов и русских друг о друге и о Другом, своеобразные наброски к истории двусторонних отношений, представленных через историю людей.

В том, что касается личности и правления императора Николая I, я опиралась на труды современных специалистов по российской истории XIX века, прежде всего – на работы Л.М. Ляшенко и Л.В. Выходкова. При изучении вопросов, связанных с восприятием французами России и русских, большим подспорьем послужили книги Мишеля Кадо и Шарля Корбе¹.

Хочу выразить огромную благодарность доктору исторических наук Александру Викторовичу Чудинову и доктору исторических наук Дмитрию Юрьевичу Бовыкину за помощь в работе над книгой, а также ценные советы и рекомендации. Я признательна также доктору исторических наук, члену-корреспонденту РАН Петру Петровичу Черкасову за идею написания этой книги и многолетнее сотрудничество. Я искренне благодарна научному сотруднику Отдела рукописей Российской национальной библиотеки Елене Михайловой за доброжелательное отношение и помощь в поиске материала.

---

¹ Об этих работах речь пойдет впереди.

НЕМНОГО ИСТОРИОГРАФИИ

Прежде чем начать повествование об истории российско-французских отношений и личностях государей двух стран, остановимся вкратце на историографическом аспекте, дабы воздать должное предшественникам, коллегам-историкам. Что и как они изучали в истории двусторонних отношений России и Франции XIX столетия?¹

Прежде всего, внимание историков привлекало начало века: время проникновения в русское общество идей Французской революции, идеалов свободы и прав человека, оказавших немалое влияние на умонастроения русской интеллигенции и всю интеллектуальную жизнь эпохи², а также конец столетия: время заключения франко-русского союза. А вот российско-французские отношения в 1830–1840-х годах долгое время оставались почти не исследованной темой. Во многом это было связано с тем, что и эпоха Николая I, и годы правления Луи-Филиппа воспринимались советскими историками как период господства консерватизма, закончившийся в одной стране смертью императора и поражением в Крымской войне, в другой – с Февральской революцией 1848 г. и отречением Луи-Филиппа от престола. Период Июльской монархии и во французской, и в отечественной науке рассматривался как некое промежуточное звено, переходный этап между революциями и империями, когда не было достигнуто значимых позитивных результатов (за исключением экономического роста), а напротив, зрели предпосылки очередного революционного взрыва.

В настоящее время историографическая ситуация во многом изменилась, и отношения между Россией и Францией в эпоху императора Николая I и короля Луи-Филиппа становятся привлекательными сюжетами для исследователей.

За последнюю четверть века историческая наука претерпела серьезные изменения парадигмального свойства, пройдя через ряд кризисов, или «поворотов». Если «поворот» конца 1980 – 1990-х гг.

---

¹ Проблематика Отечественной войны 1812 г. и Наполеоновских войн в целом здесь не рассматривается.

² Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013. С. 6.

был обусловлен прежде всего политико-идеологическими процессами, имевшими место в нашей стране, то переосмысление методологии истории в последней четверти века во многом связано с глубинными процессами, происходившими в историческом знании как таковом. Это связано с очередным кризисом исторической науки, на сей раз постмодернистским, который если и не расколол сообщество историков, то поставил новые вопросы, очертил новые методологические подходы и приемы. И те, кто принял постмодернистский вызов, и те, кто, по их собственному определению, так и остались «позитивистскими троглодитами», вынуждены реагировать на изменения, происходящие как в исторической науке в целом, так и в интеллектуальном пространстве.

Это не могло не затронуть и исследователей, занимающихся проблемами внешней политики и международных отношений. В данной сфере, помимо собственно методологических аспектов изучения истории, существенную роль играют текущая политика и международная ситуация. В работах, посвященных международным отношениям прошлых столетий, очень часто прослеживается тенденция актуализации истории, а идея о том, что «история – служанка идеологии», причем без всякой негативной коннотации, наглядно иллюстрирует современное состояние исследований во многих странах по данной тематике.

Казалось бы, история двусторонних отношений – это в первую очередь дипломатия. Но классические дипломатические исследования в духе Антонена Дебидура уже давно не появляются, причем это общемировая тенденция. Современные французские ученые сожалеют о сложившейся в науке ситуации: дипломатическая история не привлекает такого пристального внимания, как прежде. Видимо, это связано с общим кризисом позитивистской методологии с ее стремлением к глобальным обобщениям и конструкциям.

Можно сказать, что современная дипломатическая история российско-французских отношений развивается в модернизированном виде, а именно сквозь призму персонификации истории, рассмотрения ее через личности – как известные, так и не очень. То есть это история дипломатии в лицах. Здесь бесспорным лидером является Петр Петрович Черкасов, создавший целую галерею образов в рамках дипломатической истории Франции и России. Применимо к XIX в. – это работы о Якове Толстом и продолжение серии двойных портретов – императоры Александр II и Наполеон III¹. С присущим

---

¹ *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867). М., 2008; *он же.* Александр II и Наполеон III. М., 2015;

ему литературным мастерством П.П. Черкасов создает не просто яркие портреты, порой извлекая своих персонажей из исторического забвения, но и проводит глубокий анализ истории двусторонних отношений, основанный на детальном изучении российских и французских архивов. На мой взгляд, работы этого автора являются одним из ярких примеров плодотворного синтеза классической науки и новаций, основанного на высочайшем профессионализме и тщательнейшем анализе документов.

В жанре научно-популярной истории написана книга П.П. Черкасова «Шпионские и иные истории из архивов России и Франции»¹. С одной стороны, эта книга удовлетворяет интерес широких читателей ко всему шпионско-детективному. С другой – приучает к серьезной научной литературе, написанной на основе изучения архивных материалов, при этом талантливо, литературно и доступно.

Особо отмечу выпускаемый под руководством П.П. Черкасова сборник «Россия и Франция. XVIII–XX века». Анализ публикаций этого периодического издания может быть предметом самостоятельного научного исследования. Сам факт того, что сборник пережил сложные времена (а счет его выпусков пошел уже на второй десяток), – это, несомненно, личная заслуга его главного редактора.

В русле классических дипломатических исследований плодотворно работает петербургская исследовательница Татьяна Николаевна Гончарова. В своей кандидатской диссертации, написанной на основе документов из российских и французских архивов, она анализирует деятельность французских и российских дипломатов, а также французских консульств в России². Это весьма важное исследование, содержащее ту самую фактуру, без которой никакие методологические повороты просто невозможны. Кроме того, у Т.Н. Гончаровой имеется целая серия научных статей, посвященных дипломатическим и культурным контактам между Санкт-Петербургом и Парижем в 1814–1848 гг.³, в том числе с выходом на историю повседневности.

он же. Граф П.Д. Киселев – российский посол во Франции (1856–1862) // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 11. М., 2014.

¹ Черкасов П.П. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.

² Гончарова Т.Н. Французские дипломатическая и консульская службы в России: 1814–1848 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

³ Гончарова Т.Н. Опыт самодержавия. Поль де Бургоэн в России (1828–1832) // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора

Исследование повседневной жизни – один из ведущих сюжетов современной мировой историографии, одно из кардинальных направлений как российской, так и французской исторической науки, получившее свое развитие еще в середине прошлого века в связи с деятельностью школы «Анналов».

Применимо к истории российско-французских отношений особо выделяю работы известного переводчика, филолога и историка Веры Аркадьевны Мильчиной, в частности, ее книгу «Париж в 1814–1848 годах: Повседневная жизнь»¹. В этой работе определенное место уделяется и франко-российским связям. Новая книга В.А. Мильчиной «“Французы полезные и вредные”. Надзор за иностранцами в России при Николае I» посвящена разнообразным аспектам пребывания французов в России и представляет собой серию блестящих очерков, основанных на богатом документальном материале².

Интенсивно развивающимся современным направлением является интеллектуальная история. Этот подход также плодотворно разрабатывается в контексте российско-французских отношений В.А. Мильчиной, В.С. Парсамовым, О.С. Даниловой и др. Несомненный научный интерес представляет работа В.А. Мильчиной «Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы»³. Это сборник статей, написанных в разное время на основе архивных источников, прежде всего материалов Государственного архива Российской

К.Б. Виноградова. СПб., 2005. С. 94–99; *она же*. Ориентализм и политическое наблюдение французских дипломатов в Новороссии в 20–30-е гг. XIX в. // Актуальные проблемы истории нового и новейшего времени. Сборник материалов международной конференции преподавателей, аспирантов и студентов по проблемам истории XVII–XX вв. СПб., 2006; *она же*. Посольство Франции и светская жизнь Санкт-Петербурга в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 2. СПбГУ, 2008. С. 141–147; *она же*. Французские дипломаты в России (1814–1848): персоналии и карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Выпуск 4. Ч. 1. С. 130–136; *она же*. Внешняя политика Российской империи и ее творцы в описаниях французских дипломатов (1814–1840-е гг.) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2008. № 2 / Сост. Б.П. Заостровцев. СПб., 2009.

¹ Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М., 2013.

² Мильчина В.А. «“Французы полезные и вредные”. Надзор за иностранцами в России при Николае I». М., 2017.

³ Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004; *она же*. Дипломатический корпус в Петербурге глазами первого секретаря французской миссии // Одиссей. М., 2003.

Федерации. В книге представлена галерея образов и проанализированы взаимные контакты представителей российской и французской интеллектуальной элиты. Интеллектуальная история конца XIX – начала XX вв. плодотворно разрабатывается ранее екатеринбургской, а ныне парижской исследовательницей О.С. Даниловой, занимающейся анализом «французского» славянофильства¹. Сюжеты начала века, в частности декабристы и французский либерализм, изучает В.С. Парсамов².

О глубоком интересе к проблемам интеллектуальной истории свидетельствует ряд конференций, по итогам которых были опубликованы сборники, в том числе «Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв.»³

Показателем научного интереса к истории двусторонних связей является публикация и перевод источников, связанных с историей двусторонних отношений. Это первый, без купюр, перевод, может быть, самой известной и полемичной книги о России – Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»⁴. Из важных изданий отмечу также публикацию писем французского художника Ораса Верне, которая позволяет по-новому взглянуть на двусторонние отношения и внешнеполитическую линию императора Николая I⁵.

То, что все это переводится и издается, свидетельствует о живом интересе к периоду Реставрации и Июльской монархии, то есть к 1814–1848 гг. И это весьма показательно. В XX в., в условиях господства позитивизма и основанного на нем марксизма, историки изучали, как правило, великое, эпохальное, революционно-героическое: Великая Французская революция XVIII в., наполеоновские войны, революция 1848 г., Парижская Коммуна – в общем, француз-

---

¹ Данилова О.С. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

² Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

³ Французы в научной интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан. М., 2010; Намазова А.С. Русские парижане в интеллектуальной и художественной жизни Франции XIX в. // Франция–Россия: Два народа – единая история и культура. Орел, 2011.

⁴ Кюстин А. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. Первое изд.: М., 1996; второе: М., 2000; третье: СПб., 2008. ; Ансело Ф. Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронавания его императорского величества / Вступ. статья, сост., пер. с фр. и коммент. Н.М. Сперанской. М., 2001.

⁵ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и комм. Д. Васильева. М., 2008.

ская история XIX в. была благодатным полем, которое возделывали историки-позитивисты, марксисты, социалисты. Революционные сюжеты они «вспахали» весьма плодотворно, хотя, конечно, сейчас многие изучавшиеся ими проблемы нуждаются в серьезном переосмыслении. В последнюю четверть XX в. в связи с общим пониманием приоритетности эволюционного, а не революционного пути развития, историки активно обращались именно к тем периодам относительно мирного и стабильного существования, которые раньше воспринимались не иначе как промежуточные, переходные и «скучные». Именно так долгое время во французской и в отечественной науке трактовалась эпоха существования во Франции режимов Реставрации и Июльской монархии. Сейчас же научный интерес у исследователей вызывают именно такие, не «приоритетные» прежде темы.

Региональная, или локальная, история – также весьма популярное направление. Несомненно, для XIX в. история двусторонних отношений – это история контактов между Парижем и Петербургом. Северная столица в этом плане плодотворно работает, свидетельством чему является сборник «Петербург и Франция»¹.

Во французской науке рост интереса в российско-французским отношениям и интеллектуальным связям пришелся на вторую половину 1960-х гг., то есть на время советско-французского сближения в годы президентства Шарля де Голля (1958–1969). Именно в это время во Франции вышли две фундаментальные работы: Шарля Корбе «Эра национализма. Французское общественное мнение перед лицом неизвестного русского» и Мишеля Кадо «Россия и интеллектуальная жизнь Франции. 1839–1856 гг.»² Тогда же вышла книга французского историка русского происхождения Константина Грюнвальда «Франко-русские союзы», посвященная политико-дипломатической истории двух стран³.

Как писал Ш. Корбе, история долгого и усердного открытия французами России поучительна не только с точки зрения восприятия России и русских. История открытия французами нашей страны непосредственно связана с историей французской души и содействию-

---

¹ Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. Серия «Санкт-Петербург и мир». СПб., 2010.

² *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. P., 1967; *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P., 1967.

³ *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968.

ет раскрытию ее завуалированных сторон. То есть, постигая русских, французы познают прежде всего самих себя. По словам Корбе, «в суждениях, формируемых одними нациями о других, вне всякого сомнения, проявляются их тайные чувства о самих себе. Изучая вопрос о том, что французы говорили и думали о России, и ожидая многое узнать о ней, больше узнаешь о Франции и механизмах формирования ее собственного общественного мнения»¹.

Последующие десятилетия были отмечены спадом интереса к русской теме. Однако всегда находятся энтузиасты, занимающиеся этой проблемой, несмотря на политическую конъюнктуру. На волне, прямо скажем, современных русофобских настроений и невзирая на них, плодотворно изучает Россию известная французская исследовательница М.-П. Рэй, чьи работы посвящены началу XIX столетия, эпохе Наполеоновских войн и политике императора Александра I².

Итак, процессы, происходящие в современной исторической науке, новые методологические подходы и принципы, – все это проявляется в историографии российско-французских отношений XIX столетия. Говоря о политической компоненте, важно отметить еще один аспект, связанный с рассматриваемым нами предметом: всплеск научного интереса к эпохе Николая I и внешней политике этого государства. В последние годы появилось большое количество работ, посвященных николаевской эпохе, публикуются документы, связанные с царствованием Николая I, все это тоже способствует переосмыслению истории международных отношений той поры, в том числе и отношений между Францией и Россией³.

---

¹ *Corbet Ch.* Op. cit. P. 7.

² См: Рэй М.-П. Александр I. М., 2013; *она же*. 1814. Царь в Париже. М., 2017; *она же*. 1814–1815 гг.: от французского похода до конгресса в Вене. Александр Первый – европейский император? // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013; *она же*. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.

³ См., напр.: Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017; Вискочков Л.В. Николай I. М., 2006; Император Николай Первый. М., 2002; Ляшенко Л.М. Николай I. Случайный император. М., 2013; Николай I: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой, Л.В. Вискочкова. СПб., 2011; Николай I. Рыцарь самодержавия / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Тарасова; М., 2007. Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011; Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008; Олейников Д. Николай I. М., 2012; тематический номер журнала «Родина» за 2013 г., № 3; Шевченко М.М. Конец одного величия. М., 2003.

Изучение этих проблем выводит на очень важные и актуальные вопросы: причины любви, порой, безответной, русских к французам, а также «упущенных возможностей» для сближения двух стран, которое произошло лишь после поражения Франции в войне с Пруссией, когда союз с Россией стал для нее жизненно необходимым.

Глава 1

НИКОЛАЙ I И ЛУИ-ФИЛИПП ОРЛЕАНСКИЙ: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Николай и Луи-Филипп в исторической памяти

ИНиколая I, и Луи-Филиппа современники и потомки оценивали крайне противоречиво, что во многом было связано с неоднозначностью восприятия самих периодов существования во Франции режима Июльской монархии, а в России – времени правления императора Николая I.

Лишь в последние годы личность короля французов Луи-Филиппа Орлеанского начала привлекать серьезное внимание историков¹. Во многом это связано с появлением научного интереса к самому периоду существования во Франции режима Июльской монархии, традиционно воспринимавшейся как некий промежуточный этап между войнами и империями, время господства финансовой буржуазии, спекуляций и коррупции, расцветших под покровительством «короля-буржуа» Луи-Филиппа, крайне властолюбивого правителя, возведенного на трон революцией 1830 г. Вместе с тем никто не отрицал, что при Луи-Филиппе Франция стала более богатой и процветающей, чем при его предшественнике Карле X. Современные же исследователи рассматривают Июльскую монархию как период высокой деловой активности, институциональной стабильности и внешнего мира. Это было время, когда Франция получила возможность развиваться в условиях относительной политической свободы, реализовывать на практике теорию представительного правления и претворять в жизнь либеральные идеи в их умеренной интерпретации; именно в те годы закладывались основы современных политических институтов и традиций Франции, было положено начало соз-

---

¹ См., например: *Antonetti G.* Louis-Philippe. P., 2002; *Bordonove G.* Louis-Philippe. 1830–1848. Roi des Français. P., 2009; *Price M.* Louis-Philippe. Prince et le roi. La France entre deux révolutions. P., 2009.

данию Второй колониальной империи¹. Июльская монархия оказалась необычайно плодотворным этапом в развитии французской культуры, общественной мысли, литературы, достаточно назвать имена В. Гюго, О. Бальзака, Стендаля, А. Дюма, Ж. Санд.

И все же Луи-Филиппа не любили как его современники, так и потомки. Современники – потому, что он всего лишь позволил Франции стать богатой и процветающей, а им очень хотелось осуществить свои широкомасштабные амбиции в духе Наполеона I. Луи-Филипп, умевший нравиться и всегда пользовавшийся расположением толпы, далеко не всегда был в милости у элит: их усилиями он остался в исторической памяти французов в своем карикатурном образе: король, превращающийся в грушу². Как писал о нем английский политический деятель тех лет Чарльз Гревилл, «он, конечно, обладал важными качествами, и в его характере были и иные черты, нежели эгоизм и двуличие. Но и их хватило, чтобы, несмотря на привлекательные стороны его натуры, он никогда никому не внушал ни любви, ни уважения, разве что только своей семье и некоторым близким друзьям»³.

«Политика, более семейная, нежели национальная»⁴, – писал о царствовании Луи-Филиппа его знаменитый современник и добрый знакомый Виктор Гюго. «Две страсти губят его достоинство: чрезмерная любовь к собственным детям и ненасытная жажда богатства; обе они будут беспрестанно помрачать его рассудок», – так отзывался о правлении короля не менее известный современник Франсуа-Рене де Шатобриан⁵. Подобные упреки в проведении династической политики, пренебрежении национальными интересами Франции были весьма распространены во французском обществе. Короля об-

---

¹ См., например: *Broglie G.* L'Orleanisme. La ressource libéral de la France. P., 1981; *Broglie G. de.* La Monarchie de Juillet. 1830–1848. P., 2011; *Rosavallon P.* La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. P., 1994.

² Луи-Филипп был излюбленной мишенью карикатуристов. Самой известной из их работ была карикатура Шарля Филиппона, на которой голова и лицо короля благодаря трансформации некоторых черт постепенно превращалось в грушу. Впрочем, любимым занятием короля было именно коллекционирование карикатур и чтение направленных против него статей и памфлетов.

³ *Greville Ch.* Les quinze premières années de regne de la reine Victoria. P., 1889. P. 443.

⁴ *Гюго В.* Отверженные // Гюго В. Собрание соч. в семи томах. М., 1995. Т. 4. С. 18.

⁵ *Шатобриан Ф.-Р., де.* Замогильные записки. М., 1995. С. 552.

виняли в том, что он «был скромен во имя Франции» и что в нем «слишком громко говорило отцовское чувство»¹.

Очень точно суть отношения французов к политике Луи-Филиппа была отражена французским литератором, воспитателем, а затем секретарем сына короля, герцога Омальского, А. Кювийе-Флери: «Это был хороший политик, человек серьезный и положительный, очень активный и предусмотрительный, стремившийся править согласно законам и говоривший людям: “Живите спокойно, будьте трудолюбивы, торгуйте, обогащайтесь, будьте свободными, уважая свободу и не потрясая государство”. Король, говорящий подобным языком, требующий от народа только того, чтобы быть счастливым, не предлагающий ему никаких экстраординарных зрелищ, никаких страстей, — и это легитимный король свободной нации?! И подобный режим длился восемнадцать лет? Не слишком ли?!»²

Досталось Луи-Филиппу и от историков. Вся ответственность за Февральскую революцию 1848 г. возлагалась на короля и его окружение. Луи-Филиппа упрекали в том, что он, как настоящий буржуа, больше заботился о своей семье, приумножал свое личное состояние, став одним из богатейших людей Франции, однако в отношении рядовых французов считал, что индивидуальное благосостояние должно быть личным делом каждого. Сдержанная и осторожная внешняя политика Луи-Филиппа также воспринималась простыми обывателями, а затем и специалистами-историками как слабая, антинациональная и проанглийская. И только со второй половины XX в. Июльская монархия стала оцениваться исследователями как важный этап формирования современных политических институтов Франции, время становления конституционализма, либеральных правовых норм, парламентаризма. По словам французского историка Ги Антонетти, Луи-Филипп был умным человеком, он мог стать великим королем, но дело было в том, что Франция не хотела больше королей, ни бесславных, ни великих³.

Сходная ситуация наблюдается и в отношении императора Николая Павловича, которому досталось и от современников, и от потомков. Личность государя оценивалась очень противоречиво. «Царь-Христианин», «Раб своих монарших обязанностей», «Вечный работник на троне», «Первый в нашу эпоху представитель самодержавия», «Муж высшего разума», «Незабвенный» — для одних, «Николай Палкин», «самодовольная посредственность с кругозором

---

¹ Гюго В. Отверженные. С. 18–19.

² Цит. по: *Lucas-Dubreton J.* Louis-Philippe. P., 1938. P. 225.

³ *Antonetti G.* Louis-Philippe. P. 948.

ротного командира», «коронованный барабанщик», «коронованный палач», «страж абсолютизма», тюремщик русской свободы», «жандарм Европы», «польского края зверский мясник» – для других. В западноевропейской революционной публицистике и поэзии российский император всегда представал в образе душителя демократии, «кроважадного медведя», стремившегося «запустить свои когти в Европу»¹.

Если консерваторы единодушно защищали личность Николая I и время его царствования, то либералы, а уж тем более революционеры, столь же единодушно подвергали нападкам. В подобном единодушии обеих сторон важную роль сыграли в первую очередь Великие реформы 1860–1870-х гг., последовавшие вскоре после смерти императора. В этот переломный для России момент консерваторы всячески пытались напомнить Александру II о заветах его отца, а либералы из всех сил старались внушить новому монарху мысль о том, что пренебрежение общественным мнением ведет к застою во всех сферах жизни и краху правительственной политики².

Современные исследователи, стремящиеся отмежеваться от советских оценок царствования Николая Павловича, делают упор на цельности его натуры, твердости воли, верности монаршему долгу. Они напоминают о том, что ему были не чужды благотворительность, рыцарские качества, что он часто выступал защитником «сирых и убогих», а если иногда и перегибал палку, то делал это для укрепления дисциплины, более успешного управления страной и ее развития. Именно для развития России Николай I, по мнению этих авторов, сделал очень многое. Так, стремясь урегулировать отношения между помещиками и крестьянами, он в значительной степени подготовил отмену крепостного права. Он заботился о развитии отечественной промышленности, торговли, транспорта. Начавшийся в годы его правления технический переворот стал импульсом для развития пореформенной экономики. При Николае I был разработан новый свод законов Российской империи; время его царствования стало «золотым веком» русской культуры; при нем значительно вырос престиж России на международной арене, появилась новая правительственная идеология и регулярная организация политической полиции.

Оппоненты «защитников» Николая Павловича спешат предьявить свои аргументы. Они подчеркивают его якобы недостаточное

---

¹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 3–4.

для главы государства образование, чрезмерное увлечение внешней стороной военного дела, грубость в обращении с людьми, коварство, злопамятность. Удивляются неумению монарха выбирать себе помощников, обвиняют в гонениях на инакомыслие, пишут, что он «каждый год начинал освобождение крепостных», но так и не решился отменить это варварское установление¹.

Привычные стереотипы и традиционные штампы зачастую не соответствуют исторической реальности. Только в последние годы стали появляться более взвешенные оценки личности и деятельности этого монарха². В современной российской историографии правление Николая I получило более объективную оценку, а образ самодержца, уже не символа, а человека с его достоинствами и недостатками, стал более многогранным и приближенным к реальности. Сегодня большинство специалистов, занимающихся николаевской эпохой, считают, что царствование Николая I было временем, подготовившим эпоху Великих реформ 1860-х гг. Умеренный консерватизм Николая I, выступавшего за «реформы сверху», способствовал этому эволюционному процессу.

Детство и юность. Взросление

Все люди родом из детства. И царственные особы – не исключение. Казалось бы, маленькие Луи-Филипп и Николай воспитывались в совершенно разных условиях, в разной обстановке, с применением различных воспитательных методик. Но при более внимательном анализе детского опыта обоих монархов в нем просматриваются сходные черты.

Отцы обоих ушли из жизни трагически: отказавшийся от своего титула и перешедший на сторону Революции герцог Филипп, ставший «гражданином Эгалите», голосовавший за казнь Людовика XVI, в итоге сам был гильотинирован якобинцами как «враг народа» 6 ноября 1793 г. Император Павел I был убит заговорщиками. Герцог Орлеанский к моменту смерти отца был уже взрослым, самостоятельным человеком, который сам едва избежал гильотины. Николаю же было всего пять лет, когда погиб его отец. Но, несомненно, этот трагический опыт и воспоминания не могли не повлиять на будущую судьбу обоих.

---

¹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 4–5.

² Очень подробный историографический обзор работ, посвященных Николаю I, содержится в вводной статье Т.В. Андреевой и Л.В. Выскочкова. См.: Николай I: pro et contra, антология. С. 7–64.

Ни тот, ни другой не были прямыми наследниками престола, хотя и находились все время поблизости от него. Герцоги Орлеанские, представители младшей ветви династии Бурбонов, принадлежали к числу принцев крови, а один из них, племянник Людовика XIV Филипп Орлеанский, в течение восьми лет (1715–1723) был даже регентом при малолетнем Людовике XV. Однако королем из всей фамилии стал только Луи-Филипп, да и то в результате революции и отречения Карла X. При чем Карл X отрекся от престола в пользу своего внука, герцога Бордоского, назначив герцога Орлеанского всего лишь регентом при малолетнем внуке.

С легкой руки В.О. Ключевского Николая Павловича нередко именуют «случайным императором»¹, хотя многолетнее его правление случайностью назвать весьма сложно. Он был третьим сыном в семье, и старшие братья, Александр и Константин, называли его «добрым малым». Его не готовили в наследники престола, а о том, что трон уготован именно ему, Николай узнал только после смерти императора Александра I, да и то принял корону далеко не сразу, а после неоднократного отказа от власти своего старшего брата Константина.

Как воспитывали обоих государей? Вроде бы по-разному. Николай родился 6 июля 1796 г. в Царском Селе. Императрица Екатерина, плохая мать, но заботливая бабушка, поздравив Марию Федоровну, написала своему доверенному лицу барону Гримму: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого называли Николаем. Голос у него бас, кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою первый раз вижу такого богатыря»². Великая императрица успела лишь порадоваться рождению внука-богатыря (61 см), а спустя четыре месяца ее уже не стало. В отличие от двух старших сыновей Павла Петровича – Александра и Константина, воспитывавшихся бабкой, – воспитанием младших – Николая и Михаила – занимались родители. Павел оказался чрезвычайно нежным отцом, при малейшей возможности посещал младших сыновей на их половине, с удовольствием играл с ними, шутливо называя «мои барашки»³. Хотя у Николая память об отце почему-то оказалась свя-

---

¹ В своем курсе лекций известный историк заявил: «Вступление Николая I на престол, как мы знаем, было чистой случайностью». См.: *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. V. М., 1989. С. 240.

² Цит. по: *Труайя А.* Николай I. М., 2003. С. 6.

³ *Щербакова Е.* Нянюшкины сказки // Родина. 2013. № 3. С. 26.

зана с «чувством страха и схожим с ним чувством почитания»¹. Мать же, напротив, держалась с детьми холодно и сухо и довольствовалась тем, что виделась с ними во время специальной «аудиенции» четверть или полчаса в день. Маленькие Николай и Михаил страшились этой холодной, чопорной женщины, которую все хвалили за доброту, но которая отказывала своим детям в малейшей ласке.

Когда Николаю минуло пять лет и отца уже не было в живых, Мария Федоровна соизволила вплотную заняться сыновьями. С присущей ей немецкой пунктуальностью она разработала весьма рациональную систему воспитания. Огромное значение придавалось гигиене и физическому развитию царевичей. Николай и Михаил спали на железных кроватях. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий, обтянутый кожей, составляли постель; две подушки, набитые перьями; одеяло из канифаса² летом, а зимой – ватное из белой тафты³. Прогулки были обязательны в любую погоду. Первыми игрушками великих князей были деревянные ружья и шпаги, английские головоломки, шахматы, книжки с картинками, музыкальные инструменты. На игрушки Мария Федоровна не скупилась, считая, что они развивают сообразительность и память малышей. В этой практической системе воспитания не было места изнеженности, но она не давала простора непосредственности и живости, присущей детям⁴.

Поначалу большое влияние на детей оказывали не столько родители, сколько няни и бонны-воспитательницы – Шарлотта Карловна Ливен и Евгения Васильевна Лайон, назначенные еще императрицей Екатериной. Судя по всему, особое влияние на маленького Николая имела мисс Лайон, которую мальчик, обыгрывая на английский манер ее фамилию, называл «няня-львица». Все звали ее англичанкой, хотя на самом деле она была шотландкой⁵. Джейн Лайон, на русский манер – Евгения Васильевна, «дочь лепного мастера», оказалась в Петербурге с семьей в ту пору, когда в моду при дворе и в обществе стремительно входило все английское. Весной 1784 г. в Петербург прибыли шотландские строители и художники, приглашенные зодчим Камероном для работ в Царском Селе. Первоначально контракт был заключен на три года, но многие пожелали остаться в России,

---

¹ Олейников Д. Николай I. М., 2012. С. 13.

² Канифас – легкая хлопчатобумажная ткань, украшенная рельефным тканым узором.

³ Щербакова Е. Указ. соч. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 12.

среди них и штукатурный мастер Вильям Лайон, отец Джейн. В 1794 г. она оказалась в Варшаве, сопровождая супругу драгунского полковника Чичерина с двумя детьми, где та должна была встретиться с мужем. В Польше, пережившей в 1793 г. второй раздел, разгоралось восстание за независимость. Войска Тадеуша Костюшко бились с русскими войсками. Попав к полякам в плен вместе с другими русскими женщинами, Лайон провела две недели узницей в здании арсенала. Еще четыре месяца дамы прожили в «Брюлевском дворце» при довольно сносном содержании, но постоянно опасаясь за свою жизнь. Затем русских женщин перевели в здание, где находились другие пленники. Здесь и встретили они весть о своем освобождении¹.

Смелая, решительная, открытая, при этом вспыльчивая и отходчивая, мисс Лайон очень привязалась к воспитаннику. Она была готова в случае необходимости поступать наперекор приказаниям гувернанток, графини Ливен и даже императрицы Марии Федоровны – лишь бы это шло на пользу ее подопечному².

По словам Н.К. Шильдера, Николай неоднократно говорил, что свою ненависть к полякам он унаследовал от няни. Скорее всего император перенес в далекое детство более поздние впечатления, быть может, о тех временах, когда пил чай у няни и слушал ее воспоминания о жестокостях, творившихся в 1794 г. в Варшаве. Можно согласиться с мнением российской исследовательницы Е. Щербаковой, что вряд ли мисс Лайон пришло бы в голову развлекать подобными рассказами маленького мальчика³. В любом случае, влияние «шотландской львицы» на формирование характера будущего государя несомненно⁴. Готовить к разлуке с няней Николая стали исподволь и заранее. Когда двор на лето переехал в Павловск, великий князь не увидел рядом своей любимицы. В июне 1803 г. Евгения Васильевна вышла замуж и стала госпожой Вечесловой. Они виделись все реже, но продолжали испытывать друг к другу прежнюю нежность. По восшествии на престол Николай I не забывал свою няню, навещал Евгению Васильевну в Аничковом дворце, где ей была отведена квартира, в которой она прожила до своей смерти в 1842 г.⁵

Общаясь с воспитательницами, Николай проникся строгой полунемецкой, полуанглийской моралью. Это пуританство весьма кон-

---

¹ Щербакова Е. Указ. соч. С. 25.

² Олейников Д. Указ. соч. С. 15.

³ Щербакова Е. Указ. соч. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

трастировало с добродушием, простотой и вседозволенностью, принятыми в русских семьях. Он учился следить за собой, постоянно себя контролировать, не терять самообладания. Его товарищи по играм, подобранные гувернантками, носили немецкие имена: граф Адам Вюртембергский, маленький Адлерберг. Считалось, что для правильного воспитания отпрыска правящей династии России надо остерегаться всего русского¹. Правда, сам Николай, став государем, будет, напротив, сторониться всего иностранного.

Опасаясь, что женское окружение сделает характер Николая слишком мягким, Павел занялся поиском образованного и благовоспитанного наставника для сына. Среди кандидатур на это место был даже Ф.-Р. де Шатобриан, написавший об этом в своих «Замогильных записках»². В итоге Павел выбрал графа Семена Романовича Воронцова, российского посла в Великобритании. Выдающийся дипломат и горячий поклонник английской конституции, граф, возможно, справился бы с этой задачей. Но он испытывал такое отвращение от мысли о возвращении из своей любимой Англии в Россию, что уклонился от просьбы императора³. После его вежливого отказа Николай и Михаил были переданы на попечение уроженца Курляндии генерала Матвея Ивановича Ламздорфа, директора Кадетского корпуса, приступившего зимой 1800–1801 гг. к исполнению своих обязанностей воспитателя. Честный и благородный старый военный с небывалым усердием радел о воспитании и образовании своих учеников, подчеркивая важность соблюдения дисциплины и уповая преимущественно на выговоры, приказы и наказания. Никакого удовольствия от этих свирепых кар генерал не получал, просто «время было такое: били людей по убеждению, а не из злобы»⁴.

Сам же Николай позднее писал о чувстве постоянного страха, внушаемого воспитателем: «Страх и искание, как избегнуть от наказания, более всего занимали мой ум...»⁵ Ламздорф рано познакомил Николая со своеобразным опытом грубой казарменной дисциплины, и Николай мало-помалу начал любить скромный и простой мир, выстроенный по ее законам.

Трагическая смерть отца почти не коснулась пятилетнего Николая. Его спальня находилась над спальней императора Павла.

---

¹ Труайя А. Указ. соч. С. 11.

² Шатобриан Ф.-Р., де. Указ. соч. С. 207.

³ Труайя А. Указ. соч. С. 11.

⁴ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

Уже когда трагедия свершилась, дети были разбужены Шарлоттой Карловной, одеты, отведены к матери и отправлены в Зимний дворец. О смерти отца им ничего не сказали. На следующий день после гибели Павла императрица привела Николая и Михаила к своему старшему сыну Александру, ставшему императором, со словами: «Отныне ты их отец!» Однако Александр, поглощенный размахом стоящих перед ним задач, не стремится взвалить на себя еще и воспитание младших братьев. Поэтому в детской продолжал властвовать Ламздорф.

Один из самых распространенных мифов о Николае Павловиче, чему он, неизменно требовательный к себе, немало способствовал своими высказываниями, это миф о его плохом образовании. На самом деле оно вполне соответствовало университетскому курсу того времени¹. Перечень предметов, изучавшихся великими князьями, весьма внушительен: русский язык и словесность; французский, английский, немецкий, латинский и древнегреческий языки, русская и всемирная история, география, арифметика, рисование, музыка, верховая езда, танцы, фехтование, военные науки и особенно инженерное дело. Правда, Николай Павлович не был склонен к отвлеченным наукам или философии. Из гуманитарных дисциплин лишь история привлекала его как «наставница жизни» и описание жизни знаменитых полководцев и монархов. Император при врожденной способности к живым языкам охотно пользовался французским, немецким, английским, однако с юношеских лет имел стойкую неприязнь к древним языкам, считая их знание излишней «роскошью» в практической жизни². Иными словами, о скудном образовании Николая не могло быть и речи. Правда, учиться Николай не любил. Он позднее писал: «В учении я видел только принуждение и учился без охоты. Меня часто и, я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности; но нередко были случаи, когда во время уроков Ламздорф больно бил меня тростью»³. После гимназического курса наук великие князья прослушали еще цикл лекций по этике, логике, политическим наукам, государственному праву и политэкономии. К ним во дворец приходили лучшие ученые. Николай и Михаил слушали их, скучая, рисуя на полях тетрадей карикатуры. Тем не менее преподаватели признавали, что у Николая живой ум и прекрасная память. Единственный интересовавший его предмет – это искусство форти-

---

¹ *Высочков Л.* Человек в мундире. Николай I – «консерватор с прогрессом»? // Родина. 2013. № 3. С. 13.

² Там же.

³ Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 14.

фикации. В течение всей своей жизни он смотрел на себя как на специалиста в этой области и с удовольствием называл себя «инженером». Его пристрастие к армии росло с годами; он лучше любого офицера знал все секреты строевой службы.

Нашествие войск Наполеона в 1812 г. вызвало у Николая настоящий шок; казалось, за считанные дни он повзрослел на несколько лет. Его, с детства чуждого всему русскому, вдруг охватил патриотический подъем. Он умолял мать позволить ему участвовать в сражениях, но напрасно. Николай пришел в ярость, узнав, что Москва взята французами, но продолжал верить в благополучный исход войны. Он даже заключил пари с сестрой Анной, что первого января 1813 г. на территории России не останется ни одного француза. Пари он выиграл. «Я отдала ему серебряный рубль, – писала великая княжна, – и он засунул его под галстук, идя на благодарственный молебен, который служили в Казанском соборе в честь освобождения России»¹.

* * *

А теперь обратимся к детству Луи-Филиппа. Он был первенцем в семье Луи-Филиппа-Жозефа, герцога Шартрского и Марии-Аделаиды де Бурбон-Пентьевр, правнучки «короля-солнца» и мадам де Монтеспан, и появился на свет в Париже 6 октября 1773 г. Тогда еще был жив глава Орлеанского дома, Луи-Филипп, по прозвищу Толстый, которому и принадлежал титул герцога Орлеанского. С его смертью в 1785 г. этот титул перешел к его сыну, будущему Филиппу-Эгалите, а титул герцога Шартрского унаследовал его сын, будущий король Луи-Филипп. При рождении же малыш получил титул герцога Валуа. Вслед за ним в семье родились еще два мальчика и две девочки-близняшки, одна из которых умерла в младенчестве.

Что касается воспитательной стратегии, то при воспитании Луи-Филиппа применялся совсем иной подход, нежели при воспитании Николая Павловича, да и учителя были иными. Если Николай из мягких женских рук попал в жесткие мужские, то Луи-Филипп напротив: когда ему исполнилось шесть лет и сменилось несколько наставников, воспитательницей Луи-Филиппа, его братьев и сестры Аделаиды была назначена очаровательная 34-летняя графиня Стефани де Жанлис, начинающая детская писательница, восторженная почитательница идей Ж.-Ж. Руссо и одновременно – любовница герцога Шартрского. Сначала он пристроил ее к своей супруге в качестве фрейлины, а затем определил гувернанткой к своим детям.

---

¹ Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 16.

Мадам Жанлис оказалась умелым, даже талантливым педагогом, применявшим разнообразные методы воспитания, в том числе и спартанские. Под ее руководством Луи-Филипп приобрел глубокие и разносторонние знания, усвоил либеральный образ мыслей, любовь к путешествиям, привычку к простоте и выносливость (в этом они с Николаем I были похожи).

Своим трудолюбием герцог Орлеанский также был во многом обязан мадам де Жанлис. Она говорила своим воспитанникам: «Очень важно уметь использовать каждую минуту, каждую секунду». Действительно, их день – с шести часов утра до десяти вечера – был расписан по минутам¹. Своей воспитательнице Луи-Филипп был обязан и знанием иностранных языков. По утрам дети изучали ботанику с садовником, говорившим по-немецки; на немецком они продолжали разговаривать за завтраком; во время послеполуночной прогулки их сопровождал учитель английского; за ужином они беседовали на итальянском и завершали день испанским. «В результате такого образования, – констатировал герцог Орлеанский, – в двенадцатилетнем возрасте я говорил на четырех языках и знал английский так же хорошо, как французский»². Впоследствии, уже будучи королем и учитывая важность франко-английских отношений, Луи-Филипп как-то сказал: «Чтобы проводить разумную политику, необходимы англичане, владеющие французским, и французы, знающие английский»³.

Мадам де Жанлис не пренебрегала гуманитарными науками, но особое внимание уделяла практическим вещам, тем наукам, которые она сама страстно любила. Она заставляла своих учеников постигать основы математики, физики, естественной истории, архитектуры, ботаники. Значительное время она уделяла физическому развитию детей, посвящая много часов в день гимнастическим упражнениям, бегу и плаванию. Наконец, она пыталась привить им свои идеи, мнения и манеры. Она не хотела, чтобы юные аристократы занимались исключительно военным делом и охотой, и направляла их, по словам биографа Луи-Филиппа Ж. Берто, в сторону рабочих классов, посылая их то в мастерские, где их обучали изготовлению булавок, то к торговцам, которые им показывали, как делаются уксус и горчица. Эта практичная женщина хотела, чтобы дети получили разностороннее образование и были сведущи как в ремесленном труде, так и в

---

¹ Bertaut J. Louis-Philippe intime. P., s.a. P. 19.

² Ibid.

³ Ibid. P. 81–82.

науках¹. В результате к семнадцати годам из рыхлого, болезненного подростка Луи-Филипп превратился в атлетически сложенного юношу, наделенного отменным здоровьем, недюжинной физической силой и твердостью духа.

Каков же был итог воспитания наших героев? Конечно, их воспитывали по-разному. Если Николай вынес чувство страха к своему наставнику Ламздорфу, то Луи-Филипп до конца своих дней сохранял благодарность мадам де Жанлис. Она дожила до восшествия своего воспитанника на престол, и умерла в зените своей писательской славы, а благодарный король выплачивал ей почетную пенсию. Либеральные убеждения Луи-Филиппа сформировались не столько под влиянием отца, сколько мадам Жанлис. Именно она познакомила юного принца с Монтескье и Руссо, именно она внушила ему широкие взгляды на окружающий мир. Прагматизм, практицизм и педантизм, присущие Луи-Филиппу, – это тоже результат воспитательной работы мадам Жанлис. Что бы ни говорил сам Луи-Филипп о суровости своей наставницы, мадам Жанлис наилучшим образом подготовила его к судьбе, которая его ожидала.

Помимо широкого и солидного образования, Луи-Филипп прошел настоящую школу жизни, что впоследствии ему очень пригодились. Много лет спустя, вспоминая свое детство и свою воспитательницу, Луи-Филипп рассказывал Виктору Гюго: «О, мы с сестрой прошли суровую школу. Вставали мы обыкновенно в шесть часов, ели жареную говядину да хлеб с молоком; ни сластей, ни лакомств, никаких удовольствий не полагалось: ученье и работа, работа и ученье – вот и все. Ведь это Жанлис приучила меня спать на голых досках; она же обучила многим ручным мастерствам, и вот благодаря ей я знаю теперь всего понемножку: могу даже постричь, а при случае пустить кровь не хуже Фигаро. Я и столяр, и конюх, и каменщик, и кузнец»².

Когда в 1843 г. королева Великобритании Виктория была приглашена во Францию, в королевский замок Ё (Eu), что в Нормандии, во время прогулки по парку король галантно предложил ей угоститься персиком. Королева оказалась в затруднении, не зная, как его очистить. Тогда Луи-Филипп достал из своего кармана большой нож со словами: «Когда-то мне приходилось жить, имея сорок су в день и нож в кармане. С тех пор прошло много лет. И я мог бы оставить эту привычку, но я этого не сделал, поскольку никогда не знаешь, что тебя ждет»³.

---

¹ Bertaut J. Louis-Philippe intime. P. 20.

² Цит по: Гюго В. Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007. С. 73.

³ Bertaut J. Op. cit. P. 83.

Что получилось в результате «воспитательного хаоса», царившего в российской императорской семье? Строгость установленного Марией Федоровной этикета привела к тому, что товарищей в играх и занятиях у Николая почти не было. Его детство протекало в основном в обществе младшего брата Михаила и сестры Анны, с которыми у него на всю жизнь сохранились теплые дружеские отношения.

Неудачный подбор преподавателей (они были отличными учеными, но слабыми педагогами) и личные пристрастия Николая привели к тому, что интерес его к изучаемым предметам был весьма избирателен. Гуманитарные дисциплины, особенно философия, логика, политические науки, эстетика, навсегда остались для него пустой болтовней и не привлекали особого внимания. Он неплохо знал военную историю, а также интересовался жизнеописаниями великих полководцев и государственных деятелей. Музыка Николая глубоко не трогала, хотя он хорошо пел, особенно любил церковное пение. В целом образование Николая Павловича оказалось весьма обширным, но в нем, безусловно, имелись значительные пробелы. Это было вызвано отчасти неудовлетворительным преподаванием тех или иных предметов, отчасти же характером самого великого князя.

Несмотря на отличие в подходах к образованию и воспитанию, а также на разные воспоминания о годах обучения, Луи-Филиппа и Николая многое сближало. Оба они привыкли к аскетичному, даже спартанскому образу жизни; оба стали умелыми, трудолюбивыми, физически сильными, выносливыми и храбрыми людьми; самыми близкими друзьями на всю жизнь стали брат Михаил и сестра Анна – для Николая, и сестра Аделаида – для Луи-Филиппа¹.

С годами в их личностях стали проявляться общие черты. Николай становился более самостоятельным и самодостаточным, но в то же время, в его характере было немало отталкивающих черт. Он не выносил шуток над собой, казавшихся ему обидными, а таковым из-за развивающихся комплексов Николаю казалось очень многое. Чем дальше, тем больше он не любил признавать своих ошибок, настаивая на собственной правоте всегда и во всем. Луи-Филипп, хоть и допускал шутки в свой адрес, с годами также стал человеком, абсолютно уверенным в собственной непогрешимости.

* * *

Несмотря на то что к военной службе наши герои относились по-разному, и Луи-Филипп не имел такого пиетета и преклонения перед всем, что было связано с ратным делом, как Николай Павлович,

---

¹ Об Аделаиде см.: *Paoli D. Madame Adélaïde. Soeur et égérie de Louis-Philippe*. P., 2016.

оба они начали свою карьеру в армии. Когда произошла революция, Луи-Филипп, как и его отец, объявил себя ее сторонником, вступил в Национальную гвардию и клуб якобинцев. В чине генерал-лейтенанта он участвовал в сражениях при Вальми, Жемаппе и Неервиндене, проявив хорошие способности к военному делу и храбрость. В 1792 г. он отказался от своего титула и по примеру отца принял имя «гражданин Эгалитэ». После того, как Конвент издал закон об изгнании Бурбонов, для обоих Эгалитэ было сделано исключение. Однако когда генерал Дюмурье, адъютантом которого служил Луи-Филипп, перешел на сторону австрийцев после поражения при Неервиндене, будущий король французов, не разделявший политических взглядов якобинцев и опасавшийся за свою жизнь, был вынужден бежать за границу. Но в отличие от других эмигрантов он не стал бороться против Республики. Отец Луи-Филиппа был казнен якобинцами в ноябре 1793 г. по обвинению в организации заговора с целью захвата власти.

К этому времени Луи-Филипп во многом обрзумился, избавившись от многих прежних революционных иллюзий. Он тяжело воспринял казнь Людовика XVI, оценив ее как проявление революционного насилия, но не как акт исполнения законного правосудия. Еще тяжелее для него было узнать, что за казнь короля проголосовал его отец, в своем желании не отстать от стремительного развития революции договорившийся в Конвенте до того, что заявил: он сын кучера, а вовсе не герцога Орлеанского. Недостойное поведение отца глубоко травмировало душу юного Луи-Филиппа. В феврале 1793 г. он написал отцу очень жесткое письмо, не подозревая, что больше никогда его не увидит.

Под именем Шабо-Латура Луи-Филипп вместе с сестрой Аделаидой и мадам де Жанлис поселился в Швейцарии, в Рейхенау. Как писал В. Гюго, «этот наследник самых богатых королевских поместий Франции продал свою старую лошадь, чтобы не умереть с голоду. В Рейхенау в частном коллеже он давал уроки математики, а Аделаида занималась вязаньем и шитьем»¹. Здесь же Луи-Филипп узнал о гибели отца. С этого момента он стал главой Дома Орлеанов и носителем титула герцога Орлеанского, о чем, разумеется, предпочитал помалкивать, так как швейцарцы симпатизировали французским революционерам.

Совершив путешествие по северо-западной Германии и Скандинавии и проведя несколько лет в Америке, в 1800 г. Луи-Филипп переехал в Англию, где обосновался в деревне Твикенгэм

---

¹ Гюго В. Отверженные. С. 19.

близ Лондона. Здесь произошло его примирение со старшей ветвью Бурбонов, после того как он подписал декларацию покорности Людовику XVIII как своему законному государю. С этих пор с ним обращались как с принцем, хотя и относились с недоверием, тем более что он не принимал никакого участия в интригах роялистов против французского правительства. В 1809 г. Луи-Филипп отправился на Сицилию, где познакомился с дочерью короля Фердинанда Неаполитанского Марией-Амелией, приходившейся племянницей казненной королеве Марии-Антуанетте. 25 ноября 1809 г. в Палермо состоялось их бракосочетание. 3 сентября 1810 г. Мария-Амелия подарила мужу наследника, получившего, в соответствии с давней традицией Орлеанского дома, титул герцога Шартрского. Впоследствии она родила еще четырех сыновей и трех дочерей¹.

В 1810 г. Луи-Филипп отправился в Испанию, где намеревался принять участие в борьбе против Наполеона, мечтая получить испанскую корону; однако этой мечте не суждено было сбыться, как, впрочем, и его планам о короне Ионических островов.

Великий князь Николай Павлович, как и Луи-Филипп, тоже начинал как военный. Только в отличие от Луи-Филиппа он до конца своих дней сохранил пиетет перед всем армейским. Если Луи-Филипп прошел через войну и армию в молодости, после чего весь воинственный задор у него иссяк, то для Николая это стало главным вектором его жизни и судьбы.

Великих князей, как и детей большинства дворян в России, было принято с колыбели записывать в армию. Николай Павлович при рождении был произведен в полковники и назначен шефом лейб-гвардии Конного полка с обычным для данной должности жалованием в 1105 рублей в год. В мае 1800 г. он стал шефом еще и лейб-гвардии Измайловского полка и с тех пор с особым удовольствием носил измайловские мундиры. В 1814 г. император Александр разрешил младшим братьям присоединиться к русскому победоносному войску с условием, что участия в боевых действиях они принимать не будут. Во время своего первого пребывания в Париже Николай имел случай познакомиться с герцогом Орлеанским. Эта встреча не прошла бесследно для великого князя: он был свидетелем семейного счастья герцога, и эта отрадная картина глубоко запала в его душу.

«— Какое громадное счастье жить так, семьею! — сказал ему великий князь.

---

¹ О Марии-Амелии см.: *Isabelle, comtesse de Paris*. La reine Marie-Amélie, grande-mère de l'Europe. P., 1998.

– Это единственное истинное и прочное счастье, – твердо ответил герцог Орлеанский»¹.

Закончились Наполеоновские войны. Во Франции установился режим Реставрации, Бурбоны вернулись к власти. В России и по всей Европе гремела слава императора Александра I.

Через две недели после прибытия в Париж Людовика XVIII там же оказался и Луи-Филипп – вместе с братом короля Карлом д' Артуа и его двумя бездетными сыновьями он входил в число непосредственных наследников трона. Король возвратил герцогу Орлеанскому громадные имения его отца, конфискованные во время революции, и уже в конце сентября Луи-Филипп вместе с женой и детьми въехал в Пале-Руаяль. Его положение при дворе Людовика XVIII было, однако, весьма затруднительным: ему не простили ни роли его отца в революции, ни его собственных либеральных убеждений, от которых он никогда не отказывался. После возвращения Наполеона с Эльбы Луи-Филипп, назначенный главнокомандующим Северной армии, был вынужден передать командование маршалу Мортье и уехал в Англию, а вернувшись в Париж уже после второго падения Наполеона и заняв место в Палате пэров, где проявил себя либералом, решительно выступил против реакционных мер нового правительства, из-за чего ему было приказано выехать за границу. Только в 1817 г. он получил окончательное разрешение вернуться во Францию.

Отчужденность герцога Орлеанского от двора, ненависть, которую он внушал ультрароялистам, привлекли к нему симпатии всех противников режима Реставрации – от либералов до бонапартистов. Пале-Руаяль постепенно превращался в центр умеренной оппозиции. Благодаря непринужденной атмосфере, созданной стараниями Марии-Амелии, Пале-Руаяль притягивал к себе видных деятелей литературы, искусства, науки и политики. Талейран называл герцогиню Орлеанскую «последней знатной дамой Европы»². Что касается самого Луи-Филиппа, то он вел себя по отношению к царствующему дому вполне тактично. Вплоть до смерти Людовика XVIII в сентябре 1824 г. он сторонился двора, однако после восшествия на престол Карла X отношения между Тюильри и Пале-Руаялем улучшились, хотя герцог посвящал себя не столько придворной жизни и политике, сколько приумножению своего состояния. Орлеаны получили свою долю (17 млн франков) от «эмигрантского миллиарда» –

---

¹ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М., 2010. С. 38.

² Bertaut J. Op. cit. P. 103.

либерала Луи-Филиппа, в недавнем прошлом «генерала Эгалите», нисколько не смущало, что он оказался в числе жаждавших компенсации роялистов. Вообще он никогда не был щепетилен в том, что касалось денежных вопросов, считая первейшим долгом обеспечение материальной будущности своих восьмерых детей. Он с явным удовольствием, как завзятый буржуа, занимался коммерческими операциями: покупал, продавал, обменивал; делал деньги из всего, что можно, словно подтверждая мнение мадам Жанлис о его скупости. Большую радость доставило ему расширение старых владений в Нейи, куда он перебрался с семьей в начале 1830 г. Там и застали герцога Орлеанского июльские события, кардинально изменившие его жизнь.

Спустя год после восшествия во Франции на престол Карла X в Таганроге умер император Александр I.

Николай к тому времени был уже главой семьи. Еще во время поездки за границу его внимание привлекла красивая и грациозная дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III Шарлотта Фредерика Луиза Вильгельмина. Он посватался к пятнадцатилетней принцессе, получил согласие ее родителей, и в ноябре 1815 г. состоялась их помолвка. Для завершения образования Николай Павлович совершил поездку по России (1816) и три поездки в Европу (1814–1817)¹.

13 июля 1817 г. в дворцовой церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание Николая и принцессы Шарлотты, ставшей в православии Александрой. В качестве резиденции молодым супругам был дарован Аничков дворец. Вскоре после этого новоявленный глава семьи стал главным инспектором Корпуса инженеров и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. Иными словами, генерал-инспектором по инженерной части российской гвардии.

В 1818 г. Николай Павлович стал командиром 2-й бригады 1-й пехотной дивизии, а в 1825 г. был назначен еще и начальником 2-й пехотной дивизии. Получив в свои руки гвардейские полки, он занялся «подтягиванием» дисциплины. Прежде всего он защищал особую модель армейских порядков, причем не реальных, а некий их идеал. Его восхищали простота, незатейливая четкость армейской жизни, точность отдачи приказов и их безусловное выполнение, нравилась иерархичность жизни солдат и офицеров, прямая зависимость их друг от друга. При этом, постоянно вращаясь в гвардейской среде, общаясь с вернувшимися из заграничных походов офицерами, вели-

---

¹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 20.

кий князь усматривал в отдельных нарушениях уставной дисциплины не простую оплошность, а симптомы серьезной оппозиции власти.

Отношения со старшими братьями у Николая складывались весьма своеобразно. Николай был моложе Александра на двадцать лет, а Константина – на семнадцать. Братья относились к нему снисходительно. Именно в этом, очевидно, была одна из главных причин «незанятости» Николая Павловича в государственных делах. Чтобы не стать изгоем в семье, «добрый малый» понимал, что надо прикрыться маской. Он выбрал для себя любимую роль не рассуждающего солдата, прикинулся простым и недалеким воякой¹. Однако на самом деле великий князь был далеко не прост...

Восстание декабристов и Июльская революция: легитимация власти

Казалось бы, Николай I и Луи-Филипп получили власть совершенно разными способами. Николай – легитимным путем, унаследовав престол после смерти императора Александра I. Луи-Филипп, представитель младшей ветви Бурбонов, – в результате революции, и легитимность его власти сразу была подвергнута сомнению. В стране произошла смена династии и утвержден новый политический режим. Но восшествие на престол обоих монархов сближают такие события, как революция, восстание, бунт. Хотя есть и важное отличие: для Николая Павловича обстоятельства прихода к власти были очень тревожными: неудавшаяся «революция» – восстание декабристов – в значительной степени повлияла на все его дальнейшее царствование и определила основные направления деятельности в области внутренней и внешней политики. Для Луи-Филиппа обстоятельства прихода к власти были тоже тревожными (особенно с учетом той паники, которую они спровоцировали по всей Европе), но и триумфальными: революция победила. Несмотря на то что победителей, как известно, не судят, это не относилось к Луи-Филиппу: ему еще предстояло доказывать легитимность своего правления перед всей Европой, особенно перед Николаем I. Но не будем забывать, что и перед самим Николаем Павловичем в свое время стояла та же задача.

Луи-Филипп лишь согласился принять корону, но в революции не участвовал, да и Николай отнюдь не рвался к власти. Он не был

---

¹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 28.

посвящен в суть завещания императора Александра I и был убежден, что наследником является его брат Константин. Поэтому Николай, как заметил Н.К. Шильдер, «отказывался от престола потому, что не верил, чтобы Константин Павлович отказался от такого лакомого куска»¹. В результате вместо ожесточенной борьбы за престол шло соревнование в отказе от прав на него. При этом «жонглирование короной» не могло продолжаться бесконечно. Оно и так дало возможность декабристам в Петербурге собрать силы для выступления. Николай узнал о готовящемся мятеже и получил третье «отказное» письмо Константина одновременно. 13 декабря все члены Государственного совета были вызваны к восьми часам вечера на секретное заседание. На этих ночных бдениях был выработан официальный акт, в котором Николай Павлович в начале документа титуловался «великим князем» и «высочеством», а в конце провозглашался «императором» и «величеством».

Несомненно, события 14 декабря оставили в душе Николая глубочайший след. Они породили в его и без того недоверчивом уме опасения относительно дворянского сообщества, которое, оказываясь, могло взяться за оружие, отстаивая собственное представление о путях развития страны. Кроме того, Николай Павлович не мог не признать себе в том, что недовольство части общества не сводилось только к идейным заблуждениям, а имело под собой объективные основания. Мятеж декабристов Николай считал частью общеевропейского заговора, направленного против порядков, установленных на Венском конгрессе и закрепленных созданием Священного союза. Именно с этого момента Николай взял на себя роль непоколебимого защитника этого союза. То, что позже стало линией его жизни, было во многом «сформулировано» им в декабре 1825 г. Первые же месяцы после воцарения Николай был занят беспощадной борьбой с духом «анархии».

Необходимость утвердить официальную версию событий 14 декабря 1825 г., рассеять сомнения в легитимности нового царствования, успокоить союзные монархические дома, дипломатические представительства России, европейское общественное мнение относительно династического кризиса, «гибельных» происшествий в Петербурге, — все это заставило российское правительство ускоренно информировать Европу о произошедшем. И хотя власть еще не обладала всей полнотой сведений о характере «мятежа» и его масштабах, уже 15 декабря 1825 г. в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» было опубликовано первое правитель-

---

¹ Там же. С. 36.

ственное сообщение, подготовленное бывшим чиновником внешне-политического ведомства Дмитрием Николаевичем Блудовым¹. Дипломатам предписывалось «предать гласности» официальное сообщение, а также подтвердить приверженность государственным принципам и союзническим обязательствам предыдущего царствования.

Накануне, 14 декабря, вице-канцлер К.В. Нессельроде особыми нотами оповестил иностранных дипломатических представителей в Петербурге о восшествии на престол императора Николая I. В документах подчеркивались преемственность внешнеполитических принципов России и «верность принятым на себя обязательствам»².

Итак, восшествие Николая на престол было омрачено попыткой государственного переворота, мятежом. Отсюда – его стремление во что бы то ни стало предотвратить последующие революции, возможные потрясения – как в России, так и в Европе. Становится понятной реакция Николая на Июльскую революцию 1830 г., приведшую к власти Луи-Филиппа. Не имея ничего против герцога Орлеанского лично, император был глубоко возмущен обстоятельствами его прихода к власти.

Действительно, Луи-Филипп получил власть в ходе революции и вошел в историю под именем «короля баррикад». Однако он не принимал участия в Июльской революции. Корона была ему предложена депутатами парламента, и он ее принял. Революция же стала реакцией на грубое нарушение королем Карлом X конституционной Хартии. Характерно, что Николай I, не понаслышке знавший, что такое бунт, накануне революции 1830 г. отчетливо видел сгушавшиеся над Францией тучи и предупреждал своего венценосного собрата Карла X о неминуемой катастрофе, если тот будет идти тем же путем. При получении известия о свержении Карла X император сказал сыну, великому князю Александру: «Вот, сын мой, тебе урок! Ты видишь, как наказываются цари, нарушающие присягу!»³

Предостерегал Карла X и Луи-Филипп. Еще в августе 1829 г., когда Карл X назначил главой правительства одного из лидеров ультра-роялистов князя Ж. де Полиньяка, Луи-Филипп предупредил короля об опасности такого выбора, чреватого политическим кризисом.

---

¹ Д.Н. Блудов являлся министром внутренних дел (1832–1838), главным-управляющим Второго отделения (1839–1861), с 1861 г. был председателем Государственного совета Российской империи.

² Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX века // Николай I: pro et contra, антология. С. 476–477.

³ Император Николай Первый. С. 175.

Действия Полиньяка полностью подтвердили предостережения Луи-Филиппа, считавшего, что политика правительства выходит за рамки Хартии 1814 г., служившей гарантией поддержания стабильности режима Реставрации.

14 июня 1830 г. произошла встреча Луи-Филиппа с Карлом X в замке Рони, принадлежавшем невестке короля герцогине Беррийской. Луи-Филипп попытался еще раз предостеречь Карла X, открыв ему глаза на опасное положение дел.

25 июля, когда Карл X издал ордонансы, нарушавшие конституционную Хартию, Луи-Филипп с семьей находился в своей летней резиденции в Нейи. Большинство оппозиционных депутатов, группировавшихся вокруг Ж. Лаффита, А. Тьера и М.-Ж. Лафайета, настаивали на кандидатуре Луи-Филиппа как продолжателя королевского правления; большая часть бойцов на баррикадах требовала провозглашения республики и назначения президентом генерала Лафайета.

В сложившейся ситуации Луи-Филипп решил не вмешиваться в ход событий, ожидая, когда они сложатся в его пользу. Он покинул Париж, но не отправился в Нейи; никто, за исключением немногих друзей, не знал о его местонахождении.

У читателя может возникнуть закономерный вопрос: был ли Луи-Филипп искренен по отношению к Карлу X, которому накануне Июльской революции давал благоразумные советы соблюдать Хартию? Ведь поведение герцога Орлеанского можно оценивать как сознательное лицемерие с целью отобрать корону у Бурбонов. Не случайно Стендаль, современник и знаток эпохи, отмечал, что Луи-Филипп – это «лукавый и хитрый ум», умело воспользовавшийся ситуацией в свою пользу. Оставаясь за кулисами, он предоставил возможность действовать своим многочисленным сторонникам, умело и тонко их направляя. В то же время не исключено, что события конца июля 1830 г. застали Луи-Филиппа врасплох и он лишь следовал за ними, не направляя их, а потому принятие короны было для него столь же вынужденным, сколь и неожиданным решением.

Между тем 27 июля Адольф Тьер, находясь в Нейи, во время отсутствия там Луи-Филиппа, предложил его сестре Аделаиде, чтобы герцог стал регентом. После некоторого колебания Луи-Филипп принял это предложение.

Карл X, пребывавший вместе с семьей сначала в замке Сен-Клу, затем в Рамбуйе, до последнего момента не отдавал себе отчета в происходящем. Лишь в ночь на 30 июля он наконец дал согласие на отставку правительства Ж. Полиньяка и отмену ордонансов. В тот же день Палата депутатов провозгласила Луи-Филиппа наместником

(lieutenant-général) королевства. Он продиктовал прокламацию к парижскому населению, в которой объяснял свое согласие желанием предотвратить междоусобную войну и анархию. По улицам, на которых толпился взволнованный народ и еще не были убраны баррикады, Луи-Филипп отправился в городскую Ратушу. Не проявляя ни малейшего волнения, он пробирался верхом через толпу народа, пожимая руки направо и налево. В Ратуше его встретил глава Временного правительства генерал Лафайет.

2 августа король Карл X отрекся от престола в пользу своего внука, герцога Бордоского, а до совершеннолетия последнего назначил Луи-Филиппа регентом и наместником королевства. Герцог Орлеанский немедленно сообщил Палатам об отречении короля, скрыв, однако, его условия.

7 августа 1830 г. Палата депутатов, предварительно объявив трон вакантным, предложила корону Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому и его потомкам по мужской линии в порядке первородства. Через два дня в Бурбонском дворце, где заседала нижняя палата, состоялась церемония гражданской коронации: герцог Орлеанский принял присягу на верность конституции, подписал Хартию, после чему ему вручили королевские регалии. Отныне он стал именоваться Луи-Филиппом I, «королем французов».

Столь необычная церемония возведения на трон, противоречившая вековым традициям династии, символизировала важную перемену в характере режима конституционной монархии по сравнению с периодом Реставрации. Хотя его основные составляющие – король, Хартия, Палаты – оставались неизменными, но их относительная роль изменилась. Власть короля отныне основывалась не на божественном праве, а на суверенитете нации.

14 августа Луи-Филипп подписал новую Хартию – несколько измененный вариант Хартии 1814 г., – ознаменовавшую дальнейшую либерализацию режима, укрепление конституционного строя и переход от наследственного к выборному способу передачи государственной власти¹. Хартия существенно расширяла права Палаты депутатов. В ней, помимо прочего, была изменена и статья 14-я, которой так неумело попытался воспользоваться Карл X. Новая редакция этой статьи гласила: «Король делает распоряжения, необходимые для исполнения законов, но он никогда не может ни отменять законов, ни разрешать кому бы то ни было их нарушать». Белое знамя Бурбонов было заменено трехцветным стягом революции. Палата пэров сохра-

---

¹ О Хартиях 1814-го и 1830 г. см.: *Rosanvallon P. La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. P., 1994.*

нилась, но утратила наследственный характер. Имущественный ценз снижался с 300 до 200 франков, а возрастной – с 30 до 25 лет для избирателей и с 40 до 30 лет – для кандидатов в депутаты. Значительно ограничивались права католического духовенства, которому, в частности, запрещалось владение земельной собственностью. Постепенно прекращалась выплата денежного возмещения бывшим эмигрантам, установленная Карлом X. Вводилось местное и областное самоуправление, отменялась цензура, суды прекратили выносить смертные приговоры. Восстанавливалась распущенная Карлом X Национальная гвардия с выборными офицерами (до капитана) и унтер-офицерами¹.

Однако принятие короны из рук революции явилось первым и последним революционным актом Луи-Филиппа, девизом всего его царствования будут слова: «Порядок и свобода». Несмотря на службу в революционной армии король не был радикалом. Хотя он любил вспоминать молодость, он крайне редко говорил о революции, так как воспоминания о ней его ужасали. Он не хотел разжигать пожар войны в Европе; самым большим его желанием было добиться признания его короны другими европейскими монархами, и он надеялся добиться этого с помощью проведения конституционной внутренней и миролюбивой внешней политики. Сразу после революции 1830 г. правительство Луи-Филиппа признало все территориальные изменения, произведенные трактатами 1815 г., а в столицы европейских государств были направлены представители Луи-Филиппа с соответствующими заявлениями.

Надежды и разочарования. Реформы первых лет царствования

И на Николая I, и на Луи-Филиппа общество возлагало определенные надежды. Подавляющее большинство российского общества приветствовало победу верховной власти в лице Николая I, подавившего «военный мятеж». Использование радикальным крылом декабристского движения насильственного способа государственных преобразований обусловило негативную реакцию на события 14 декабря как в кругах столичного и провинциального дворянства, так и дворянских интеллектуалов². Потрясенный трагедией на Сенатской

---

¹ См.: *Dechappe m-me, Dechappe L.* L'Histoire par les textes. La France contemporaine 1814–1914. Histoire politique. P., 1927. P. 155–156.

² *Андреева Т.В., Выскочков Л.В.* Николай I: pro et contra (зеркало для героя) // Николай I: pro et contra, антология. С. 8.

площади, В.А. Жуковский в письме от 16 декабря 1825 г. сообщал ближайшему другу А.И. Тургеневу: «Мой милый друг. Провидение сохранило Россию... Какой день был для нас 14-го числа. В этот день все было на краю гибели...» При этом поэт подчеркивал, что только спокойствие, хладнокровие и неустрашимость Николая I определили победу правительственных войск: «Николай представился нам совсем другим человеком; он покрылся честью в минуту, почти безнадёжную для России»¹.

Глубокомысленный аналитик и друг старшего поколения декабристов – князь П.А. Вяземский в своем письме В.А. Жуковскому во время работы Следственной комиссии 26 марта 1826 г. сокрушенно сетовал: «Я охотно верю, что ужаснейшие злодейства, безрассудные замыслы должны рождаться в головах людей, насильственно и мучительно задержанных, тогда как правительство, опереженное временем, заснуло на старом календаре»².

В военной среде разговоры в основном велись невеселые. Николая Павловича боялись, а то и просто ненавидели, в общем готовились к худшему. В принципе же, после невнятных последних лет александровского царствования, приведших чуть ли не к анархии в управлении государством, от вступившего на престол тридцатилетнего императора ждали энергичного наведения порядка во всех сферах жизни, воцарения законности, борьбы с чиновничьим всевластием, тем более что чисто внешне Николай импонировал публике.

В то же время в начале нового царствования доминирующей тенденцией были общие надежды на проведение насущных реформ «сверху», «благодаря мудрости монарха, достойного блаженной памяти Петра Великого». Это находило отражение в письмах и записках 1826 г. на имя Николая I видных декабристов, в публицистических высказываниях деятелей проправительственного лагеря, а также в первых отчетах III отделения «о состоянии общественного мнения»³. Сопоставление Николая I с Петром возникло сразу после событий 14 декабря 1825 г., то есть еще задолго до аналогичного сравнения в записках Астольфа де Кюстина, а потом и барона Проспера де Баранта.

Теперь посмотрим, какие надежды французы возлагали на Луи-Филиппа. Очень точно их ожидания выразил прославленный герой трех революций генерал Лафайет. Еще в жаркие июльские дни 1830 г. во время визита герцога Орлеанского в Ратушу после перегово-

---

¹ Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: pro et contra... С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 9.

воров с ним маркиз успокоился на фразе «Луи-Филипп – лучшая из республик» и вышел вместе с генералом, держа в руках трехцветное знамя, на балкон Ратуши. Толпа восторженно приветствовала Луи-Филиппа, который немедленно утвердил в министерских должностях всех комиссаров, назначенных Временным правительством.

Однако либералы-орлеанисты, пришедшие к власти, после единодушия «Трех славных дней», как французы именуют события Июльской революции, очень быстро разошлись во взглядах на дальнейшее развитие французского общества, разделившись на два фланга – Движение и Соппротивление. Если сторонники политики Движения настаивали на необходимости дальнейшего реформирования французского общества в направлении его демократизации и либерализации, то сторонники политики Соппротивления считали, что революция окончена и вместо того, чтобы заниматься постоянной модернизацией политических институтов, надо постараться жить в рамках достигнутого. Все, в чем Франция нуждалась, по мнению приверженцев политики Соппротивления, было гарантировано Конституционной хартией 1830 г. Кроме того, если сторонники политики Движения выступали за широкомасштабную внешнюю политику, ликвидацию ненавистной французам Венской системы, поддерживая идею «экспорта революции» в ее новом варианте, то Луи-Филипп, стремившийся обеспечить полноправное место Франции в «европейском концерте», был противником насильственного распространения либеральных идей за пределы отечества, выступал против прямого вмешательства во внутренние дела других стран и за проведение политики в рамках Венской системы. По мнению Луи-Филиппа, перед страной стояли следующие задачи в области внешней и внутренней политики: «Долг национального правительства заключается в том, чтобы подавить внутреннее брожение, обеспечить сохранение общественного порядка и упрочить внешний мир»¹. О внешнеполитических задачах Франции король писал: «После блестящего урожая побед, собранного на протяжении многих веков французской нацией, ей принадлежит, может быть, больше, чем кому-либо другому, право признать, что мирные добродетели являются не менее впечатляющими, чем военные заслуги». Однако в дальнейшем именно замедление темпа реформ и несоответствие умеренного внешнеполитического курса Луи-Филиппа народным ожиданиям станет во многом фатальным для режима.

---

¹ *Louis Philippe. Pensées et opinions de Louis Philippe sur les affaires de l'état.* P., 1850. P. 238.

Но что же реформы? В начале царствования и Николая Павловича, и Луи-Филиппа в России и Франции были проведены весьма важные социально-экономические и административные реформы.

Итак, что сделано в России? Программы конкретных действий у нового самодержца не было, да и не могло быть, поскольку старший брат не допускал его до каких бы то ни было государственных занятий, а потому Николай ничего не знал об истинном положении дел в России. Он вынес для себя лишь одно убеждение, «что без принципа власти нет общественного блага, что это значит исполнять долг, а не пытаться завоевать популярность слабодушием, что народами следует управлять, а не заискивать перед ними...»¹

Поскольку помощников у Николая не было, на помощь пришли декабристы, вернее их подробные показания на следствии. В них – мрачная картина российской действительности и в то же время – полный набор мер и шагов, необходимых для исправления опасной ситуации. Николай попытался создать штаб будущих преобразований, которым стала Собственная Его Императорского Величества (С.Е.И.В.) Канцелярия. На протяжении 1826 г. в ее составе появилось первое, второе и третье отделения, в 1828 г. – четвертое, в 1836 – пятое и, наконец, в 1842 – шестое.

Стремление Николая I поставить все на твердое основание закона и таким образом регламентировать различные стороны жизни русского общества прослеживается на протяжении всего его тридцатилетнего царствования. Огромная заслуга императора заключается в том, что он завершил дело, которое его предшественникам не удавалось осуществить в течение почти полутора веков: собрал и систематизировал российское законодательство – были созданы Полное собрание и Свод законов Российской империи. В то же время закончил реформатор тем, что кодифицировал все, что было сделано до него, то есть занялся консервацией существующих порядков².

Успешной инкорпорации правовых норм в практику жизни способствовали личные качества Николая Павловича: природное здравомыслие, целеустремленность и настойчивость в достижении поставленных задач. Кроме того, ему, несомненно, повезло: у него был достойный исполнитель – М.М. Сперанский. Николай не только завершил дело своих царственных предшественников, он стал «первооткрывателем» многих направлений в российском законодательстве.

---

¹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 47.

² Мироненко С.В. Тридцать лет одиночества // Родина. 2013. № 3. С. 3.

При нем были приняты первые законы о труде, об охране окружающей среды, издан первый специальный общий закон об акционерных обществах. Был «обновлен» Вексельный устав. Городовое положение Санкт-Петербурга 1846 г. легло в основу городской реформы 1862 г. Император стал инициатором составления первого в России кодекса уголовных законов – Уложения о наказаниях. И если Александра II после 1861 г. стали называть «царем-освободителем», то его отца вполне можно назвать «царем-законодателем».

Не все задуманное императором осуществилось. Например, так и не были приняты устав гражданского судопроизводства и уложение (т. е. кодекс) гражданских законов, а также «узаконения», радикально менявшие отношения между помещиками и крестьянами¹.

Был принят еще один важный документ – Цензурный устав, состоявший из двухсот тридцати параграфов, носивших в основном запретительный характер. В 1828 г. устав был заменен новым документом. Подчеркнутое недоверие к печати и просвещению шло непосредственно от императора.

С первых лет своего царствования Николай крайне внимательно относился к системе народного образования. В 1826 г. был принят новый устав для низших и средних учебных заведений; в 1828 г. последовал новый устав гимназий и уездных училищ, ликвидировавший преемственность между ними: училища и гимназии становились равноправными средними учебными заведениями с законченным курсом обучения, что затрудняло доступ в университеты выходцам из недворянских сословий. В начале 1830-х гг. вышел запрет принимать в гимназию крепостных крестьян. Без внимания не остались и дворянские отпрыски. В 1831 г. последовало распоряжение обучать детей от десяти до восемнадцати лет только в России, в противном случае они лишались права вступать в государственную службу. Исключения из правил допускались, но разрешения на них давал сам император.

В высшей школе начиналось все весьма оптимистично, ибо едва вступив на престол, Николай избавил Петербургский и Казанские университеты от двух мракобесов – Д.П. Рунича и М.Л. Магницкого, причем первый из них попался еще и на финансовых нарушениях. Однако уже осенью 1826 г. ревизия Московского университета привела к тому, что читавший курс философии профессор И.И. Давыдов был отставлен от предмета. С одной стороны, при Николае были открыты Сельскохозяйственный, Горный и Технологический универ-

---

¹ Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I // Николай I: pro et contra, антология. С. 472–473.

ситеты. С другой – в 1835 г. в университетах был введен «порядок военной службы», а их автономию резко ограничили. В 1849 г. Был установлен «комплект студентов» – не более трехсот в каждом университете; личным приказом монарха запрещалось упоминать о студентах в периодической печати. В результате в 1853 г. в России на 50 млн населения приходилось всего 2900 студентов, то есть почти столько, сколько обучалось в одном Лейпцигском университете. Помимо опасения перед проникновением в Россию идей просвещения, государя крайне раздражало, что дворянская молодежь, прикрываясь необходимостью получить высшее образование, уклонялась от военной службы, выбирая себе поприще, не вполне, с точки зрения Николая, достойное дворянина.

Крайне беспокоило государя и «тлетворное влияние» Запада: молодые люди, получившие образование за границей или воспитанные наставниками-иностранцами, являлись, по его мнению, потенциальными или реальными оппозиционерами. В отчете III отделения за 1830 г. отмечалось: «Среди молодых людей, воспитанных за границей или иностранцами в России, а также воспитанников лицея и пансиона при Московском университете, и среди некоторых безбородых лихоимцев, и других праздных субъектов мы встречаем многих пропитанных либеральными идеями, мечтающими о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России»¹.

В отчете III отделения говорилось: «Таковое сближение наше с европейскими народами было, конечно, до некоторой степени полезно и даже необходимо для приобретения того истинного просвещения, коим гораздо прежде нас пользовались Германия, Англия и Франция; однако ж, вместе с сим просвещением начались в последнее времена водворяться между нами и то безнравие и то вольнодумство, которые были главнейшими причинами происшедшей в конце XVIII столетия во Франции революции»². «Революция сия наводнила Россию французскими наставниками; многие из них были люди весьма достойные, но далеко не все. Юношество нашего высшего сословия приобретало образование чуждое национальности; оно всему научалось, приобретало все познания, кроме познания Отечества своего. Множество наших молодых людей все образование свое получали в чужих краях. Таким образом в высшем разряде нашего дворянства поселилось пристрастие к иностранцам и ко всему

---

¹ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 71.

² Там же. С. 113.

иностранному»¹. И дальше: «...самый высший класс нашего дворянства, убеждаясь событиями последних годов в некоторых европейских государствах, и особенно во Франции, видит, куда бы нас вело дальнейшее послабление правительства к отношениям нашим с иностранцами, а потому чувствует всю пользу данного Государем направления»².

В отчете за 1833 г. также отмечалось: «6 декабря 1833 года появились в первый раз во дворце дамы наши и Сама Государыня Императрица в национальном платье и русском головном убранстве»³. Независимо от красоты сего одевания, оно по чувству национальности возбудило всеобщее одобрение. Многие изъявляют желание видеть дальнейшее преобразование и в мужских наших нарядах, и судя по общему отголоску, можно наверное сказать, что таковое преобразование сближением нынешних мундиров к покрою одевания наших бояр прежнего времени было бы принято с крайним удовольствием. Новый гимн “Боже, Царя храни”⁴, оригинальное отечественное произведение, искусно приновленный к русскому напеву, возбудил всеобщее восхищение, как в Москве, так и здесь; ибо заменил музыку, хотя прекрасную, но от иностранцев взятую»⁵.

Таким образом, первые десятилетия царствования Николая Павловича оказались довольно противоречивыми. Пониманию необходимости перемен сопутствовало желание сделать их не слишком заметными и глубокими; попытки навести порядок в управлении государством связывались прежде всего с усилением роли государя; проекты реформ – с боязнью затронуть вековые основы монархии. Появилась и новая идеология в виде знаменитой триады министра просвещения С.С. Уварова. Его замыслы в отношении просвещения и культуры были сложны, обширны и в чем-то даже благородны. Он

---

¹ Там же. С. 113–114.

² Там же. С. 114.

³ 27 февраля 1834 г. было утверждено «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». Платья, имевшие разрез книзу от талии, открывавший юбку из белой материи, полагались для гофмейстрин малинового цвета, для статс-дам и камер-фрейлин – зеленого, для фрейлин – пунцового. В качестве головного убора замужние дамы должны были иметь «повойник или кокошник», девицы – повязку произвольного цвета с белой вуалью. Наряд получил название «русского платья». См.: *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – н. XX в. СПб., 2001. С. 430–431.

⁴ Российский гимн «Боже, Царя храни!» А.Ф. Львова на стихи В.А. Жуковского заменил прежний, исполнявшийся с 1814 г. на музыку английского национального гимна.

⁵ Россия под надзором... С. 114.

попытался соединить новые идеи с элементами традиции, учебы (очень выборочной) у Европы. Однако с 1843 г. энергичный, неутомимый министр, полный некогда дерзких планов, превратился в осторожного вялого чиновника. Уже в отчете III отделения за 1839 г. о его деятельности сообщалось: «Нет никакого сомнения, что Уваров человек умный, способный, обладающий энциклопедическими сведениями; но по характеру своему он не может никогда принести той пользы, которую можно было бы ожидать от его ума. Ненасытимое честолюбие, фанфаронство французское, отзывающееся XVIII веком, и непомерная гордость, основанная на эгоизме, вредят ему в общем мнении»¹.

* * *

В начале правления Луи-Филиппа во Франции был проведен целый ряд важных реформ экономического, административного и социального характера. В отличие от Николая I с его упором на цензуру и ограничение образования, во Франции, наоборот, делали ставку на свободу прессы и распространение образования. 28 июня 1833 г. был принят закон о начальном образовании, вошедший в историю как «закон Гизо», а также восстановлена уничтоженная Наполеоном Академия моральных и политических наук.

В первые годы Июльской монархии, помимо реформы избирательного права (о чем речь пойдет ниже), министерским кабинетом во главе с известным деятелем либеральной оппозиции времен Реставрации банкиром Ж. Лаффитом был проведен ряд важных политических реформ. Законом от 21 марта 1831 г. восстанавливалась выборность муниципальных советников, со времен Наполеона назначаемых правительством. В соответствии с законом от 22 марта 1831 г. вместо королевской гвардии была образована Национальная гвардия, членами которой могли стать все граждане, платившие налоги и на свои средства приобретавшие обмундирование. Национальные гвардейцы сами выбирали офицеров. Только высшие командиры назначались королем.

Однако после отставки Лаффита, последовавшей в том же 1831 г., темп реформ замедлился. Лишь в 1833 г. был принят закон о выборах членов генеральных советов департаментов и окружных советов. К выборам генеральных и окружных советов, наряду с цензовыми избирателями, были допущены так называемые таланты, или способные, а к муниципальным выборам еще более широкие слои средней и мелкой буржуазии. Корпус муниципальных избирателей увеличил-

---

¹ Россия под надзором... С. 210.

ся до 2,9 млн человек. Замедление темпа реформ привело к росту оппозиционных настроений в обществе.

* * *

Теперь обратимся к экономическим проблемам. Главным вопросом, стоявшим перед Россией, был крестьянский. Все разговоры в «верхах» о ситуации в деревне, все, связанное с планами правительства относительно проблемы крепостничества, было окружено глубочайшей тайной. Это вполне естественно и объяснимо, поскольку даже разговор о данной проблеме, не говоря уже о реальных шагах в этом направлении, страшил Зимний дворец в двух отношениях. Во-первых, власть опасалась возбудить массовое недовольство помещиков, которые в массе своей и слышать не хотели об освобождении принадлежавших им «душ». В отчете III отделения за 1834 г. отмечалось: «...по внимательному наблюдению представляется у нас другая слабая сторона, которая может быть источником величайших для России бедствий: год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 г. много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все таковые случаи... происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу»¹.

Во-вторых, власть боялась спровоцировать крестьянство на мощное протестное выступление. Ведь если бы крепостные поняли, что государь желает их освободить, но помещики и министры противятся, то трудно даже предположить, какие потрясения могли ожидать Россию. При этом в Зимнем дворце осознавали, что в данный момент всероссийский бунт стране не угрожает, но кто мог сказать, надолго ли хватит народного терпения. Так, в отчете III отделения за 1839 г. сообщалось: «Мнение людей здравомыслящих таково: не объявляя свободы крестьянам, которая могла бы от внезапности произвести беспорядки, – можно бы начать действовать в этом духе... Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо, и что крестьянское сословие есть пороховая мина, в этом все согласны»².

С момента восшествия Николая I на престол его постоянно преследовали мысли о необходимости решения «аграрного вопроса». По

---

¹ Там же. С. 117.

² Там же. С. 202–203.

его указанию над разрешением крестьянского вопроса только в 1835–1848 гг. трудились девять секретных комитетов. 30 марта 1842 г. Николай I, впервые за девять лет, явился на заседание Государственного Совета и высказал свою позицию по этому вопросу. Он решительно опроверг слухи об освобождении крестьян, но сделал важное заявление: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное». «Нынешнее положение таково, – добавил царь, – что оно не может продолжаться... необходимо... приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей...»¹. 2 апреля 1842 г. государь подписал указ об обязанных, а 10 июля 1844 г. был опубликован указ о дворовых, однако оба этих документа носили факультативный характер и не имели практического результата.

В крестьянском вопросе особо стоит отметить реформу государственной деревни, которая по замыслу ее инициатора Павла Дмитриевича Киселева была первым этапом освобождения крестьян. Вторым этапом должно было стать преобразование помещичьей деревни. Первый этап удался, второй – нет, и секретный комитет 1839–1842 гг. разработал указ об обязанных крестьянах, не имевший никакого практического значения².

Почему же Николай, убежденный противник крепостного права, не довел это дело своей жизни до логического конца? За два года до смерти в разговоре с Д.Н. Блудовым он так высказался по поводу крепостного права: «Как я ни добивался отмены крепостного права, вижу, к сожалению, что оно невозможно». Блудов ответил на это: «Оно возможно, но, конечно, постепенно и не в скором времени»³.

В целом в экономике был предпринят ряд реформ. Самой известной стала денежная реформа 1839–1841 гг. Дело в том, что эмиссия бумажных денег, начавшаяся еще в царствование Александра I, привела к резкому падению курса ассигнаций. К апрелю 1851 г. все бумажные знаки оказались обменены на новые кредитные билеты, и денежная система России получила в результате реформы достаточную устойчивость.

Развитие главной отрасли сельского хозяйства, земледелия, происходило в основном за счет расширения посевных площадей. Сохранение малоэффективных экстенсивных систем хозяйст

---

¹ *Тарле Е.В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг. // *Тарле Е.В. Сочинения в 12-ти т. Т. 4. М., 1959. С. 574.*

² *Мироненко С.В.* Указ. соч. С. 3.

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 29.

ния плюс малоплодородные почвы и неблагоприятные климатические условия приводили к низкой урожайности: на 40 % ниже урожая, получаемого во Франции, и на 100 % ниже, чем в Англии¹. Из новаций в сельском хозяйстве можно отметить специализацию производства.

По темпам роста промышленное производство в России заметно опережало сельскохозяйственное. Наиболее быстро развивалось хлопчатобумажное производство, особенностью которого стало наличие, наряду с крупными предприятиями, кустарных промыслов. С 1835 г. начинается история фабричного законодательства. Именно в этом году появился закон «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими по найму». Этим законом рабочим запрещалось оставлять работу до истечения установленного срока или требовать увеличения жалованья.

Успехи промышленности и торговли потребовали развития транспортной сети. На вторую четверть XIX в. пришлось строительство почти половины всех шоссейных дорог империи, считая до начала XX в. В те же годы в России началось строительство первых железных дорог: в 1838 г. было открыто движение от Петербурга до Царского Села, в 1851 г. – от Петербурга до Москвы. Всего в царствование Николая I было построено 980 верст железнодорожной сети. Во Франции к 1850 г. имелось уже 5535 км железных дорог, в Германии – более 6000 км. Одна из причин подобного отставания крылась в том, что строительство железных дорог встретило в России большое сопротивление. Против этого выступили великий князь Михаил Павлович, Е.Ф. Канкрин и многие другие сановники, считавшие, что этот вид транспорта нивелирует сословия, деморализует народ, приведет к излишнему бродяжничеству и т. д. Плюс финансовая составляющая: дорога от Петербурга до Москвы обошлась казне в 64 млн руб., что оказалось в три раза дороже, чем в Европе.

* * *

Небывалым экономическим подъемом сопровождались и годы правления Луи-Филиппа. Король сам являлся одним из богатейших людей Франции и позволил своей стране стать более богатой и процветающей. В массовом сознании Июльская монархия вошла в историю как период господства финансистов и предпринимателей, а девизом правления «короля-буржуа» стали знаменитые слова «Обогащайтесь!» Рассмотрим, кто же обогащался и как это происходило.

---

¹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 81.

Начнем с короля. Он был одним из богатейших людей Франции, причем не только потому, что был крупнейшим землевладельцем и финансистом, но прежде всего благодаря наследству, доставшемуся ему от герцога де Бурбон-Пентьева, его деда по материнской линии, внука короля Людовика XIV и одного из богатейших людей своей эпохи¹. В качестве короля Луи-Филиппу пришлось довольствоваться содержанием лишь в 12 млн франков (в отличие от Карла X с его 40 млн)². Вступая на престол, он не присоединил своих имений к государственным имуществам, как это делали Бурбоны, а дарственными записями закрепил большую его часть за своими детьми, опасаясь, что с ним может произойти то же самое, что и с Бурбонами, и, оказавшись в изгнании, он останется почти без средств к существованию. К концу 1830 г. состояние Луи-Филиппа резко увеличилось еще и благодаря наследованию имений принца Конде.

Теперь обратимся к знаменитому лозунгу «Обогащайтесь!» Именно в таком варианте этот призыв вошел в историю и воспринимался как символ господства духа стяжательства, жажда неумеренного обогащения и денег. Автором этого лозунга был не крупный предприниматель и финансист, а интеллектualan, добившийся своим умом значительного положения в обществе, ставший человеком обеспеченным, но в быту очень умеренный, даже аскетичный. Имя этого человека хорошо известно – это Франсуа Гизо, знаменитый историк, один из ярких политиков Франции времен Июльской монархии, с 1840 г. занимавший пост министра иностранных дел, а по сути возглавлявший правительство, номинальным главой которого являлся маршал Николя Султ. Почему же этот аскет призывал к неумеренному обогащению? Дело в том, что в полном варианте этот лозунг звучит следующим образом: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости, и вы станете избирателями!» До настоящего времени остается спорным вопрос, когда Гизо мог произнести оба эти выражения. Сам он не повествует об этом ни в своих «Мемуарах», ни в своей переписке, ни в многочисленных статьях. Во время обсуждения в Палате депутатов 1 марта 1843 г. вопроса о секретных фондах Гизо произнес речь об «истинных нововведениях», откуда можно было извлечь урезанный лозунг: «Обогащайтесь!» Но эти слова нельзя вырывать из общего контекста его речи: «Было время, славное время, когда нация боролась за обретение социальных и политических прав... Это дело свершилось, права завоеваны, теперь надо идти дальше. Вы хотите

---

¹ Зелдин Т. Франция. 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004. С. 358.

² Французские короли и императоры. Ростов-на-Дону, 1994. С. 526.

продвинуться вперед, вы хотите совершить то, что не успели сделать ваши отцы. Вы правы... В настоящее время, исходя из этих прав, формируйте правительство, укрепляйте институты, просвещайтесь, обогащайтесь, улучшайте моральные и материальные условия жизни нашей Франции: вот истинные инновации»¹. Он призывал отнюдь не к непомерному обогащению, а к уважению труда, посредством которого человек сможет подняться на более высокую ступень социальной лестницы, опираясь на свои собственные таланты и способности.

Как видим, Гизо подчеркивал два момента: богатство, получение прибыли является естественным вознаграждением за труд; кроме того, постепенная эволюция условий жизни посредством труда представляется для него, несомненно, более надежной, чем импровизированная трансформация и революционные потрясения. Для Гизо и для либералов-орлеанистов в целом богатство было важно не само по себе: оно принималось в расчет скорее как показатель личных заслуг, умственных способностей и моральных качеств.

А теперь, как «обогащалась» Франция. Темпы экономического роста увеличились в среднем с 2–3 до 4–5 % в год, причем непрерывный экономический рост продолжался вплоть до кризиса 1846 г. Частая смена политических кабинетов в первые десять лет после революции 1830 г. не ставила под сомнение главного: основ «буржуазного» общества, экономического либерализма правительства.

Для индустриализации французской экономики того времени были характерны следующие черты: преимущественное положение отраслей, производящих предметы потребления; параллельный рост крупной и мелкой индустрии; специализация на выпуске высококачественных изделий. Сочетание этих особенностей, долгое время трактовавшееся как отставание в развитии современной промышленности во Франции, современным исследователям представляется скорее признаком успешной адаптации промышленности к условиям экономики Франции.

В это время индустриализация была сосредоточена на развитии отраслей, производивших потребительские товары. Наивысшую динамику развития демонстрировала текстильная промышленность. В то же время, распространение механических методов производства еще не стало всеохватывающим даже в том, что касалось переработки хлопка. Положение других отраслей текстильной промышленности, по крайней мере переработки шерсти и шелка, характеризуется двойным, на первый взгляд, парадоксальным отличием от

---

¹ См.: *Brogie G. Guizot. P., 1990. P. 126.*

переработки хлопка: они были менее развиты в технологическом отношении, чем процесс переработки хлопка, но занимали более сильные экспортные позиции: низкая степень механизации сочеталась со специализацией на производстве высококачественных товаров (тонких шерстяных тканей) или предметов роскоши (шелковые ткани), на которые существовал большой спрос в наиболее развитых странах: Великобритании, США, Бельгии. Аналогичная ситуация сложилась в ряде традиционных отраслей с малой концентрацией, где механизация оставалась на низком уровне, иногда даже отсутствовала вообще, но качество рабочей силы играло решающую роль.

В первой половине XIX в. ускорилось развитие отраслей, производящих средства производства. Впервые в истории Франции на первое место выходит черная металлургия. В металлургии усилилась модернизация, быстро росли количество и средняя мощность доменных печей на коксе. К 1860 г. объем выплавки чугуна заметно превысил совокупный уровень производства в немецких государствах. Аналогичный быстрый рост наблюдался и в производстве промышленного и транспортного оборудования. Если в начале 1840-х гг. большинство локомотивов Франция импортировала, то к концу 1860-х основные французские производители уже экспортировали 40 % своей продукции¹.

Одним из факторов, способствовавших ускорению промышленного развития страны, явилась роль государства как источника накопления капиталов. Банки начинают инвестиционную деятельность в новых отраслях хозяйства. Например, банк Ротшильда в 1831 г. принял долевое участие в закладке шахт Гранд-Коломб, а в 1848 г. ему принадлежало около 7 % общего объема акций железнодорожных компаний. Еще более важное значение приобретает в это время посредническая деятельность французских банков по привлечению иностранных банков (к примеру, на долю британских, бельгийских, швейцарских капиталов приходилось в 1840 г. примерно $\frac{1}{3}$ капиталов, участвовавших в строительстве железных дорог во Франции), а также инвестиции французских банков за пределами Франции².

В целом по абсолютным показателям промышленное производство Франции находилось на втором месте в мире после Великобритании.

---

¹ Черников Г.П. Экономика Франции: традиции и новейшие тенденции. М., 2002. С. 10–11.

² Там же. С. 12–13.

Замедляющими факторами в развитии французской индустрии являлись высокая себестоимость угля (высокая стоимость энергии сильно давила на развитие базовой металлургии, где доля топлива в издержках производства достигала практически половины¹), а также общая нехватка капиталов (отсталость в развитии банковской деятельности сохранялась до 1850 г.). Однако промышленное развитие основывалось на самофинансировании, прежде всего в текстильных отраслях, где доходы были велики, а расходы на инвестирование оставались относительно умеренными.

На протяжении первых десятилетий XIX в. по крайней мере два сектора придавали решающий импульс промышленному развитию: сельское хозяйство и транспорт. В начале XIX в. Франция оставалась страной с доминирующим сельскохозяйственным и деревенским укладом жизни. Активное сельскохозяйственное население, абсолютная численность которого продолжала расти, к 1860 г. превышало практически в два раза население, занятое в промышленности². Урбанизация шла медленными темпами: доля городов с числом жителей более 20 тыс. в общей численности населения увеличилась всего лишь с 7 % в 1801 г. до 10,5 % в 1851 г. В первой половине XIX в. большинство французских городов были небольшими, только три из них насчитывали более 100 тыс. жителей: Париж, Лион, Марсель.

В сельском хозяйстве вплоть до 1850 г. процесс интенсификации шел крайне медленно. В то же время сельское хозяйство Франции с 1820 по 1870 г. достигло самого быстрого за целый век роста со среднегодовыми темпами в 1,2 %. Вплоть до Второй мировой войны это достижение ни разу не было превзойдено³. Рост опирался главным образом на расширении обрабатываемых площадей. С 1815 по 1852 г. стоимость сельскохозяйственной продукции увеличилась на 75 %⁴.

Модернизация транспорта проходила во Франции в два этапа: первый – модернизация традиционных видов транспорта (1815–1840 гг.); второй – революция в области железнодорожного транспорта (решающая стадия – с 1842 г.) С 1815 по 1848 г. увеличилась более чем в три раза сеть каналов. Строительство новых каналов часто соответствовало потребностям транспортировки угля. В период Реставрации работы велись прежде всего по восстановлению основ-

---

¹ *Асслэн Ж.-Ш.* Экономическая история Франции с XVIII века до наших дней. М., 1995. С. 84–85.

² Там же. С. 88.

³ Там же.

⁴ *Beltran A., Griset P.* La croissance économique de la France 1815–1914. P., 1988. P. 50.

ных дорог. Июльская монархия предприняла ряд существенных мер по строительству департаментских дорог и проселочных путей (закон 1836 г.), что представляло собой значительный вклад в обеспечение коммуникации с деревнями. С 1800 по 1850 г. стоимость наземной перевозки товаров (в тонно-километрах) сократилась почти наполовину, а объем перевозок людей и грузов быстро увеличивался вплоть до 1850 г. В 1837 г. был принят закон о строительстве шести больших железнодорожных линий. Исходным пунктом периода масштабного железнодорожного строительства явилось принятие закона 1842 г., в котором предусматривалось создание сети железных дорог, расходящихся из Парижа, причем государство брало на себя все расходы по созданию инфраструктуры.

В течение всей первой половины XIX в. французская экономика находилась под защитой мощной системы протекционизма. Традиционно политика протекционизма, проводимая правящими кругами Франции, рассматривалась как серьезный тормоз на пути быстрого экономического развития. Однако без подобных защитных мер французская экономика была бы не в состоянии выдержать конкуренцию, прежде всего Великобритании, Бельгии или Пруссии после создания Таможенного союза 1834 г. Протекционистский путь дал Франции возможность заранее создать собственную индустрию оборудования для железных дорог и в особенности поддержать развитие металлургии, что оказало вторичный эффект на всю экономику в целом. Французская экономика уже на относительно ранней стадии была вынуждена заняться созданием собственной индустрии машиностроения; начиная с 1850 г. 80–90 % используемых во Франции паровых машин были отечественного производства¹, и Франция даже вывозила машины на экспорт.

Важно отметить, что несмотря на систему протекционизма, промышленный рост во Франции в годы Июльской монархии не носил замкнутого характера. Это время было отмечено значительным ростом внешней торговли. Если в 1830 г. внешняя торговля Франции составляла 13 % национального продукта, то в 1850 г. – уже 19 %². Основная доля экспорта приходилась на Великобританию и США: в 1841 г. французский экспорт в США составил 341 млн франков, в Великобританию – 308 млн франков³.

---

¹ *Асслэн Ж.-Ш.* Указ. соч. С. 86–87.

² *Caron F.* Histoire économique de la France XIXe–XX e siècles. P., 1981. P. 94.

³ *Сын отечества.* № 11–12. 1842. Ноябрь. С. 2.

Основные статьи французского импорта – это товары, необходимые для развития французской промышленности, такие как железо и сталь. Именно эта продукция составляла 64 % импорта в 1830–1834 гг. Кроме того, постоянно возрастал импорт угля, а также материалов текстильной промышленности, в частности шерсти. Запрет на экспорт английских машин был окончательно отменен только в 1843 г. Однако запрет не имел реальной эффективности: машины вывозились в разобранном виде, французские промышленники выезжали изучать их в Англию, английские конструкторы переселялись во Францию.

Французский промышленный экспорт основывался прежде всего на традиционных отраслях, производивших высококачественные товары, изделия роскоши, так называемые «парижские изделия», предназначенные для богатой клиентуры, прежде всего англо-саксонской. В экспорте фабричных изделий вплоть до 1866 г. доля текстильной продукции составляла 58–60 %.

Между тем значительные круги французских предпринимателей были связаны с внешними рынками, и протекционистская система не соответствовала их интересам. Кроме того, во Франции все более явно начинали ощущать растущее отставание на экспортных рынках сбыта от других европейских государств, прежде всего от Великобритании. Несмотря на то что Франция экспортировала гораздо больше мануфактурных товаров, чем импортировала, соотношение их экспорта к совокупному промышленному производству оставалось низким (7–8 %)¹. В условиях экономического кризиса 1846–1847 гг. заметный размах приобрело движение сторонников либерализации международной торговли, осуждавших политику протекционизма, которая, по их мнению, ограничивала конкуренцию, вела к повышению цен и сокращению спроса и, следовательно, являлась одной из причин кризиса. На рубеже 1845–1846 гг. была образована Центральная ассоциация за свободу обмена, среди активных деятелей которой были либеральные экономисты Ф. Бастиа, А. Бланки, М. Шевалье. В противовес ей возникла Ассоциация в защиту национального производства, выступавшая за сохранение высоких таможенных тарифов.

Однако все ли богатели во Франции? Ведь социальные проблемы в условиях модернизации экономики всегда являются весьма острыми. Во многом это было связано с последствиями промышленной революции, а именно с упадком тех отраслей производства, которые не выдерживали конкуренции с крупными предприятиями. Это способ-

---

¹ *Асслэн Ж.-Ш.* Указ. соч. С. 87.

ствовало усилению во Франции социальной пропаганды теоретика коммунизма Э. Кабе, фурийеристов Л. Блана и Ж. Прудона.

Принимая слишком отвлеченно принцип «laissez faire», орлеанисты мало обращали внимания на торгово-промышленные интересы, мало заботились о положении низших слоев общества. «Я могу только сожалеть о вас», – говорил Луи-Филипп эльзасским рабочим, жаловавшимся на недостаток работы¹. Такие заявления короля вписывались в рамки общего подхода к социальным проблемам, доминировавшего в Европе первой половины XIX в. Классический экономический либерализм не подразумевал активной социальной политики. Во-первых, по твердому убеждению либералов, государство должно лишь создавать благоприятные условия для бизнеса (отсюда главный лозунг орлеанистов – «Порядок и свобода!»), но не вмешиваться в естественный ход вещей и закономерности рынка. Во-вторых, у государства тогда не было средств для активной социальной политики. Поэтому либералы-орлеанисты полагали, что государство не должно обременять себя социальными функциями, считая их делом частных лиц или благотворительных организаций. Как полагал Ф. Гизо, улучшение материального благосостояния основной массы населения зависело прежде всего не от государства, а от самих людей. Он писал в «Мемуарах»: «Долг правительства заключается в том, чтобы прийти на помощь обездоленным классам, помочь им укрепить их усилия в их растущем стремлении к благам цивилизации. В этом нет ничего более очевидного и более святого. Но это должно делать не государство, а сами люди»².

Было бы неверно утверждать, что правительство Луи-Филиппа ничего не сделало в социальной сфере. 22 марта 1841 г. король обнародовал закон о детском труде на мануфактурах, заводах и в мастерских, согласно которому запрещался ночной труд детей и ограничивалась продолжительность рабочего дня восемью часами для детей в возрасте от восьми до двенадцати лет и двенадцатью часами – для подростков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет.

Если в России важнейшим вопросом был крестьянский, вызывавший наибольшие споры и дискуссии, то во Франции такой проблемой являлось реформирование избирательной системы. Именно отказ правительства Луи-Филиппа от проектов реформирования избирательной системы во второй половине 1840-х гг. вызвал наиболее

---

¹ *Вьзинский Г.* Защитники парламентаризма и оппозиционная литература во Франции // Русский вестник, 1858. Т. 17. Кн. II. С. 570.

² *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps.* Т. 1–8. Р., 1858–1867. Т. 6. Р. 347.

острую критику со стороны оппозиции. Вопрос о расширении избирательного корпуса занимал Луи-Филиппа и его министров с первых дней после Июльской революции. Основные принципы новой избирательной системы были намечены в Хартии 1830 г. и окончательно закреплены в избирательном законе от 19 апреля 1831 г. Эта реформа почти вдвое увеличила число избирателей по сравнению с периодом Реставрации. Избирательный корпус составлял 166 813 избирателей, плативших 200 франков прямых налогов, 1262 избирателя, плативших менее 200 франков, и 668 «способных» – всего 168 813 человек, то есть немногим более пяти избирателей на одну тысячу жителей¹.

Для современников, привыкших за годы Реставрации к медленному, но постепенному сокращению числа избирателей, это увеличение стало настоящим потрясением. Хотя Франция далеко отставала от Великобритании и Бельгии по числу избирателей на одну тысячу жителей, в целом тенденция была прямо противоположной тому, что происходило в годы Реставрации.

В то же время орлеанисты не предполагали дальнейшего реформирования избирательной системы, являясь приверженцами цензовой демократии и жестко увязывая собственность и политические права. По твердому убеждению либералов, начиная с Бенжамена Констана, только собственность, предоставляющая достаточный досуг, давала человеку возможность осуществлять политические права. Осторожное отношение либералов к идее всеобщего избирательного права диктовалось их уверенностью в том, что эффективно участвовать в общественной жизни может лишь человек, способный принимать ответственные решения, обладающий в силу своей достаточной образованности необходимой политической грамотностью, в силу оседлости – интегрированный в реальные социальные структуры, в силу устойчивого материального достатка – имеющий конкретные личные интересы и не склонный к опасному для общества радикализму.

Без всяких реформ к 1846 г. число избирателей достигло 240 983 человек, то есть увеличилось на 45 % по сравнению с 1814 г.² Это расширение избирательного корпуса явилось, с одной стороны, следствием роста численности населения Франции: с 1831 по 1846 г.

---

¹ В Великобритании в 1832 г. было 800 тыс. избирателей, то есть 32 избирателя на одну тысячу жителей. См.: *Ponteil F.* Les institutions de la France de 1814 à 1830. P., 1966. P. 144–146.

² *Rémond R.* La vie politique en France. 1789–1848. T. 1–2. P., 1965. T. 1. P. 303.

с 32,5 млн до 35,4 млн человек. Однако этот рост составил всего лишь 9 %, в то время как число лиц, пользующихся избирательным правом, возросло до 45 %. Эти цифры говорят о том, что расширение численности избирательного корпуса было следствием роста экономического благосостояния граждан; очевидно, режим Июльской монархии создавал благоприятные условия для развития их экономической активности. Однако оппозиция не была готова к такому медленному, эволюционному развитию; если в 1830-е гг. она выступала только с требованиями расширения избирательного права, то во второй половине 1840-х гг. уже требовала провозглашения всеобщего избирательного права во Франции. К тому же немало разбогатевших торговцев и промышленников так и остались за бортом цензовой системы, поскольку в расчет принимались не размеры богатства вообще, а уплачиваемые налоги, главным образом с недвижимого имущества (земельной собственности).

* * *

Итак, подведем итоги. Николай I отнюдь не был реакционером, каким его часто изображали политические противники. Он был консерватором, но «консерватором с прогрессом», способным к определенным умеренным реформам сверху, которые готовились постепенно, без заигрывания с общественным мнением. Либеральная бюрократия, подготовившая и осуществившая реформы Александра II, сформировалась именно в николаевское время. Большинство соратников Николая I могли эффективно действовать в рамках сложившейся системы, которую они зачастую сами и создавали. Впрочем, несменяемость власти, стремление законсервировать существующие порядки в российских условиях ни к чему хорошему не приводили. Дополненные николаевской тягой к невероятной централизации, эти факторы в итоге и привели Россию к кризису середины 1850-х гг.¹

Николай I одним из последних в истории России государей пытался держать все под личным контролем. Однако такой управленческий подход во многом был архаичным. Уже в те времена было ясно, что один человек в масштабах современного на тот момент государства попросту не мог контролировать абсолютно все. Николая часто и банально обманывали все – от хитрых старообрядцев до собственного сына Константина (чтобы папá не узнал)². Как писала баронесса М.П. Фредерикс, «император Николай был жестоко обманут своими окружающими...» По ее словам, Николая упрекали в том, что страх,

---

¹ *Мироненко С.В.* Указ. соч. С. 5.

² Там же. С. 4.

внушаемый его суровостью, заставлял его обманывать. Однако, как полагала баронесса, страх и обман «существуют, к сожалению, в нашей крови русской»¹.

Что же во Франции? Конституционного короля Луи-Филиппа, стоявшего во главе либеральной Июльской монархии, обвиняли в консерватизме, а его сторонников, либералов-орлеанистов, именовали консерваторами. Впрочем, они и сами себя порой так называли, причем без всякой негативной окраски. В частности, известный французский политик Ф. Гизо писал в 1847 г.: «Мы являемся решительными консерваторами... Но в то же время... мы решили быть консерваторами разумными. Мы верим, что для самых консервативных правительств существует долг и необходимость признать и осуществить без колебаний изменения, которых требует состояние общества...»² Французский либерализм начиная с Реставрации носил умеренный характер. Применимо к идеологии Луи-Филиппа и в целом к орлеанизму уместнее говорить о либерально-консервативном синтезе, или о консервативном либерализме³. Поэтому не случаен и девиз орлеанистов – «Свобода и порядок», то есть сочетание идеи свободы как базовой категории либерализма и идеи порядка как оплота консервативной идеологии. Однако замедление темпа реформ в 1840-х гг. стало одной из причин стагнации режима и роста оппозиционных настроений. Именно действий, реформ, движения не хватало режиму Июльской монархии, особенно в 1840-е гг. Да, Луи-Филипп добился стабильности режима, но эта стабильность стала восприниматься французами как стагнация. Альфонс Ламартин, поэт-романтик и политик, охарактеризовал состояние страны одной-единственной фразой: «Франция скучает».

Монархи у кормила власти: стиль и правила правления

Немало общих черт было и в стиле правления, и даже в личных качествах Николая Павловича и Луи-Филиппа. Оба государя относились к психологическому типу личности, который можно определить как «практик». Это люди с преобладанием практических, пре-

---

¹ *Фредерикс М.П.* Из воспоминаний // Николай I. Портрет на фоне империи. С. 38.

² *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. Т. 1–8. Р., 1858–1867. Т. 8. Р. 353.

³ См. об этом: *Таньшина Н.П.* Либерально-консервативный синтез: политико-философский аспект (на примере французского либерализма первой половины XIX века) // Философские исследования. 2004. № 2. С. 26–44.

образующих мир ценностей, склонные руководить людьми, обладающие умением и готовностью принимать ответственные решения, но порой эмоционально несдержанные. Этот тип людей часто представляют физически развитые люди мощного телосложения – «атлетики», к которым, несомненно, относились Николай Павлович и Луи-Филипп.

Для практика характерна склонность к точным наукам, и в этом отношении Николай и Луи-Филипп не были исключениями, особенно российский император: он, проявляя соответствующие наклонности в годы ученичества, и затем искренне предавался своему увлечению инженерным делом. Оба обладали способностью к языкам. Явные недостатки в сфере гуманитарного знания не мешали Николаю разбираться в людях, а также быть человеком, компетентным в определенных сферах – военно-инженерном деле, градостроительстве, картографии, повседневном быте армии от уставов до униформы. Как отмечала Д.Х. Ливен, «я мало встречала людей, одаренных таким логическим положительным и практическим умом, как император»¹.

Практический склад ума и особенности характера приводили к тому, что Николай Павлович старался вникать во все дела. Требовательный к другим, он был наиболее строг к себе. Государь развивал неутомимую деятельность, будь то чтение отчетов и бумаг, которые он изучал от корки до корки, испещряя пометами карандашом на полулистах почтовой бумаги, а то и меньше, или смотры, ревизии, дальние поездки по российским дорогам, зарубежные вояжи. «Деятельность его, и физическая и моральная, всегда превосходила, казалось, силы обыкновенных людей», – писал барон М.А. Корф. Он не любил «тунеядцев» – слово, характерное для его лексикона².

Подобно Петру, на которого Николай Павлович искренне пытался походить, он старался научиться делать все, вплоть до того, что самонадеянно пытался управлять большим парусным судном нестандартных габаритов «Россия», построенным с некоторыми изменениями в плане по высочайшей воле.

Что касается стиля правления самодержца Николая Павловича и конституционного короля Луи-Филиппа, то ничего общего, на первый взгляд, быть не могло. Однако первое впечатление обманчиво. Конечно, Николай Павлович, абсолютный монарх, был главным распорядителем, устройтелем и вершителем судеб в империи. Как в свое время написал князь Клеменс фон Меттерних своему посланнику в

---

¹ *Высочков Л.В.* Николай I (фрагмент) // Николай I: pro et contra. С. 723.

² Там же. С. 723.

Петербурге графу К.-Л. Фикельмону, «когда говорят о России, то при этом говорят об императоре Николае»¹. По словам другого иностранца, художника Ораса Верне, император «хочет непременно сам вникать в малейшие подробности всего, что происходит в его империи»².

Кроме того, людей, на которых он мог бы опереться и которые могли бы принимать самостоятельные решения, в его окружении не было. Как писал граф Оттон де Брэ, советник баварского посольства (1833–1835), а затем баварский посланник в Петербурге (1843–1859), «все государственные сановники в глазах этого монарха» «являются исполнителями его воли и орудиями его администрации и политики». Государь «охотно принимает советы тогда, когда спрашивает», но «по своему характеру почти недоступен постороннему влиянию». По словам дипломата, «Николай до такой степени преисполнен сознанием своей власти, что ему трудно представить себе, чтобы какие бы то ни было люди или события могли оказать ему сопротивление. Быть приближенным к такому монарху равносильно необходимости отказаться, до известной степени, от своей собственной личности, от своего я и усвоить себе известный облик»³.

Луи-Филипп – конституционный монарх, получивший власть от народных избранников, обязанный придерживаться Конституционной хартии и править посредством министров, опираясь на Палаты. Однако он вовсе не хотел быть королем, который «царствует, но не управляет». Он стремился решать все дела сам, вмешиваться во все детали.

Как отмечал английский исследователь Теодор Зелдин, Луи-Филиппу очень нравилось быть королем; он испытывал страсть к власти и имел исключительно высокое мнение о своем таланте политика. Кроме того, он полагал, что должен обладать властными полномочиями еще и потому, что если он станет «бессильным» конституционным монархом и предоставит решение всех вопросов профессиональным политикам, то те ввергнут страну в ужасную смуту, революцию, войну, а его самого лишат престола⁴. Поэтому король хотел отделаться от сильных политиков, таких как Л.-В. де Брой и А. Тьер, создавая, по крайней мере до октября 1840 г., нестабильные министерства и не противодействуя затяжным мини-

---

¹ *Бре О., де.* Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra, антология. С. 399.

² *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга. 1842–1843 // Николай I: pro et contra, антология. С. 168.

³ *Бре О., де.* Указ. соч. С. 399–400.

⁴ *Зелдин Т.* Указ. соч. С. 357.

стерским кризисам¹. Н.Г. Чернышевский писал, что король «...стремился иметь министрами не тех людей, на которые указывало общественное мнение или хотя бы мнение большинства депутатов, а людей, которые были бы простыми исполнителями его личных желаний»².

В донесении Нессельроде от 8 (20) июня 1834 г. Поццо ди Борго писал: «Луи-Филипп, опираясь на новую Францию, Францию доктринерскую, промышленную и буржуазную, придерживаясь либеральных принципов правления, введенных в практику людьми гнусными и раблепными, обладает почти безграничной властью в стране»³.

По словам политического и военного деятеля тех лет маршала Э. Кастеллана, «диктат министров для него был невыносим. Он всегда пытался плести интриги и вмешиваться в дела»⁴. Король как-то сказал герцогине Доротее де Дино, племяннице и на протяжении двадцати с лишним лет спутнице жизни Ш.-М. Талейрана: «Знаете мадам, чтобы все шло хорошо, надо, чтобы я был управляющим всего, и в то же время, чтобы мне лично ничего не принадлежало»⁵.

Королю было сложно совершать назначения на важнейшие посты, поскольку приходилось прислушиваться к мнению главы кабинета или министров. По этой причине некоторые важные дипломатические посты в начале царствования Луи-Филиппа в течение многих месяцев оставались вакантными. Один из ярких французских политиков тех лет Одилон Барро отмечал в своих «Мемуарах», что, хотя Луи-Филипп «имел искреннее убеждение в необходимости представительных учреждений для Франции, был решительно настроен уважать произнесенную им клятву, однако в его характере имелись черты, очень мало совместимые с условиями существования этих институтов». По словам Барро, в короле сочетались «странная смесь буржуазной простоты и потребности доминировать; философский ум, более чем свободный в некоторых отношениях, и предрасудки рождения; революционные страсти и необдуманый страх перед революцией...»⁶

---

¹ *Broglié G.* L'Orléanisme. La ressource libéral de la France. P., 1981. P. 293.

² *Чернышевский Н.Г.* Июльская монархия. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1950. С. 135.

³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 469. Д. 144 (1834). Л. 425–425 об.

⁴ *Bertaut J.* Op. cit. P. 80.

⁵ *Ibid.* P. 81.

⁶ *Barrot O.* Mémoires posthumes de Odilon Barrot. V. 1–4. P., 1875–1876. V. 1. P. 219.

Луи-Филипп был королем в высшей степени умным, активным, но властным и мелочным. Он хотел решать все дела сам, вмешиваться во все детали; суть его правительственной системы заключалась в том, чтобы управлять Францией с помощью, а не посредством палат. Российский чиновник Чубаров, посетивший Францию в 1837 г. и оставивший весьма интересные наблюдения о Луи-Филиппе, писал: «По наружности кажется, что Луи-Филипп не имеет никакого влияния на ход дел государственных, что все преимущества его заключаются в одном королевском титуле и в некоторых, весьма ограниченных правах, по Хартии 1830 года ему предоставленных. Но в самом деле, едва ли не выходит противное... он, имея на своей стороне президента палаты депутатов, распространил права конституционного короля далеко за пределы Хартии... Луи-Филипп делает, что хочет, или, лучше сказать, держит обе палаты, и депутатов, и пэров в таком положении, что они не делают только того, чего он не хочет: поспорот, пошумят, а всегда окончится так, как он предполагает»¹.

Период с 1840 г., а именно с момента формирования министерства 29 октября под руководством Николая Сульта, а фактически Франсуа Гизо, занимавшего с 1840 по 1848 г. пост министра иностранных дел, а в 1847 г. ставшего главой правительства, многие исследователи называют «личным правлением короля». Как писал Ф.-Р. Шатобриан, «Филипп поработил всех своих приближенных; он надул своих министров: назначил их, потом отставил, снова назначил, скомпрометировал, – если сегодня что-нибудь еще может скомпрометировать человека, – и снова отстранил от дел»².

Сын короля принц Жуанвильский писал своему брату герцогу Немурскому: «Нет больше министров; их ответственность равна нулю; все дела восходят к королю; все это дело короля, который извратил наши конституционные учреждения»³.

Луи-Филиппа, однако, мало беспокоили упреки и обвинения в том, что он сконцентрировал в своих руках всю полноту власти и даже, по словам Н.Г. Чернышевского, «успел обратить в такую машину Гизо, человека с великими талантами, поддавшегося хитрым обольщениям, воображавшего, что управляет Луи-Филиппом, между тем как Луи-Филипп водил его за нос»⁴.

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. Оп. 4 а. Д. 60. Л. 2 об.

² Шатобриан Ф.Р. *де*. Указ. соч. С. 552.

³ Цит. по: Таньшина Н. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000. С. 113.

⁴ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. С. 135.

К концу 1840-х гг. король был упрям как никогда прежде. Он был убежден, что его «система», как он говорил, была правильной, что никто на самом деле не желал реформ, что кризис был вызван язвительными агитаторами, что народ его любил, а Национальная гвардия была его самой надежной опорой и такой же преданной ему, как в 1830 г.

Распорядок дня монархов. В кругу семьи

Император Николай был записным трудоголиком. Просыпался он ежедневно в пять-шесть утра, принимал холодный душ, выпивал чашку черного кофе, набрасывал на плечи шинель, шел на прогулку в сад с верным пуделем и возвращался в кабинет. Петербуржцы, проходившие по набережной Невы мимо Зимнего дворца, могли видеть государя, сидящего в кабинете при свете четырех свечей и работающего с бумагами. Еще до завтрака он успевал управиться с множеством дел: выслушать доклады о происшествиях в столице, просмотреть фельдъегерскую почту, на свежую голову решить дела. Пунктуальность государя была известна всем. Время каждого визита заранее рассчитывалось до минуты. Все документы были расставлены по порядку, подписаны. Ни одна бумага не лежала просто так.

Решив самые неотложные дела, Николай съедал легкий завтрак и шел поздороваться с императрицей и поцеловать детей. Затем принимал еще нескольких генералов, наводил справки в личных делах и к часу или двум, всегда один, выходил в город проверить работу каких-либо учреждений, провести смотр гвардейского полка, снять пробу с солдатского котла или просто подышать столичным воздухом. Его силуэт был привычен прохожим, которые уважительно снимали шляпы, издалека увидев его сидящим в маленьких санях или коляске. Было запрещено подходить на улице к государю, чтобы подать прошение. Весьма курьезный случай описал француз Шарль Сен-Жюльен, с которым нам еще предстоит познакомиться. Как-то Николай Павлович прогуливался по Невскому проспекту и в приветствовавшей его толпе заметил актера французского театра Верне, которому весьма симпатизировал. Государь обратился к нему с несколькими фразами, после чего удалился, будучи уверенным, что вечером насладится его игрой. А бедного француза городской отправил в участок, поскольку тот невольно вступил с Николаем Павловичем в диалог. Вечером, во время спектакля, царь понял, что произошло, когда не увидел на сцене любимого артиста и когда ему доложили, что тот исчез. Он приказал немедленно освободить актера, извинил-

ся перед ним и спросил, что он может для него сделать. Верне же ответил в духе Сократа, попросив государя больше не заговаривать с ним на улице¹.

После полудня государь отправлялся осматривать учебные заведения или присутственные места. Кроме прогулок, ежедневно в быстром темпе повторял сложные приемы с оружием, служившие ему своеобразной гимнастикой.

Обед для узкого семейного круга, начинавшийся в промежутке от пятнадцати до шестнадцати часов, проходил в маленькой столовой, украшенной фресками из Помпеи. Кроме Николая и его близких, еще лишь трое или четверо допускались к столу: Бенкендорф, Орлов, министр двора генерал князь Волконский, Паскевич, Мейендорф. Французский повар комментировал подаваемые блюда, а император, придумавший это, весело улыбался. Любимыми кушаньями монарха считались овощные супы, котлеты и каши в горшочках. Николай ел мало и быстро, пил только воду и ждал десерта, чтобы насладиться бокалом рейнского вина. Во время строгого поста его меню состояло из рыбы и овощей. По вечерам он чаще всего с большим удовольствием съедал суп «парментьер». Разговор за столом, как правило, велся по-русски или по-немецки. Говорили о дворцовых интригах, последних спектаклях, реже – о политике. После обеда Николай опять работал в кабинете, а в половине восьмого пил чай с семьей и готовился к вечернему выходу в «свет», в театр.

Если говорить о театре, то царь отдавал предпочтение французским труппам и итальянской опере. Приходилось ему посещать и традиционные маскарады в Большом театре и Дворянском собрании. «Приходилось», поскольку, по словам дочери, «Папа терпеть не мог балов и уходил с них уже в двенадцать часов спать»².

С большим удовольствием Николай Павлович, когда это позволял этикет, проводил вечера дома, на половине императрицы, в ее кабинете со стенами, обитыми красной узорчатой тканью, окна которого выходили на Неву. Здесь собирался узкий круг избранных. Сидя полукругом перед императорской четой, приглашенные пили кофе и беседовали. На первом месте была музыка, причем государь сам отлично играл на флейте и трубе. Занимались в семейном кругу также чтением русских и иностранных литературных новинок. В своих художественных вкусах монарх был сентиментален, предпочитал романы Жермены де Сталь, Эжена Сю, религиозные сочинения

---

¹ *Saint-Julien Ch. Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. P., 1854. P. 74–76.*

² *Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 189.*

Шатобриана. Произведения Жорж Санд и аббата Прево считал фривольными и социально опасными, поэтому запрещал их печатание в России. Императрицу же все, связанное с Парижем, раздражало. Она не могла простить французам то, что при Наполеоне они оккупировали Пруссию. У нее на столе редко можно было увидеть французскую книгу. Наоборот, немецкая литература высоко ценилась в Зимнем дворце.

Впрочем, государь считал себя прежде всего руководителем литературы и искусства, нежели их ценителем. Его крупной заслугой перед искусством стало учреждение Императорского Эрмитажа. Богатое собрание художественных сокровищ, начатое Екатериной II, расширенное Александром I, по инициативе Николая превратилось в доступный публике национальный музей. С 1829 по 1850 г. собрание Эрмитажа пополнялось замечательными экспонатами из-за границы. По инициативе Николая и под его наблюдением была построена Пулковская обсерватория, Большой Кремлевский дворец в Москве, там же начато строительство храма Христа Спасителя, Исаакиевского собора в Петербурге, создан замечательный частный музей оружия в Царском Селе. При Николае двор стал одним из самых блестящих и пышных в Европе, однако в быту государь был очень умеренным. Если Луи-Филипп, став королем, с неохотой покинул пышный Пале-Руаяль, то симпатии Николая склонялись в пользу относительно скромного Аничкова дворца. Вот что писала об образе жизни Николая баронесса Фредерикс: «К самому себе император Николай I был в высшей степени строг, вел жизнь самую воздержанную, кушал он замечательно мало, большею частью овощи, ничего не пил, кроме воды, разве иногда рюмку вина, и то, право, не знаю, когда это случалось; за ужином кушал всякий раз тарелку одного и того же супа из протертого картофеля, никогда не курил, но и не любил, чтоб и другие курили. Прохаживался два раза в день пешком обязательно – рано утром перед завтраком и занятиями и после обеда, днем никогда не отдыхал. Был всегда одет, халата у него и не существовало никогда, но если ему нездоровилось, что, впрочем, очень редко случалось, то он надевал старенькую шинель. Спал он на тоненьком тюфячке, набитом сеном. Его походная кровать стояла постоянно в опочивальне августейшей супруги, покрытая шалью»¹. Единственной его слабостью оказались шелковые носки, к которым он привык с детства².

---

¹ Император Николай Первый. С. 490.

² *Ляшенко Л.М.* Указ. соч. С. 179.

Весьма активным, деятельным и трудолюбивым был и король Луи-Филипп, а распорядок его дня в целом походил на распорядок дня императора Николая.

Зимой и летом в семь утра король покидал свою спальню и со свертком одежды под мышкой, в сером рединготе до пят отправлялся в туалетную комнату и, как в свое время Людовик XIV, сам разжигал огонь в камине. Он очень тщательно заботился о своем теле, особенно о гигиене своих красивых зубов. Затем умывался и принимал первого человека за день – своего парикмахера Ришара. Только Ришару было позволено причесывать знаменитый хохолок Луи-Филиппа, над которым потешались парижские сорванцы и который так активно эксплуатировался карикатуристами.

После завершения туалета король встречался со своим адъютантом, контролером замка и интендантом гражданского листа Монталиве. После этого он принимался за чтение газет, причем всегда это была английская пресса, прежде всего газета «Таймс».

Затем король быстро завтракал в кругу семьи, причем меню всегда было одним и тем же: рис, одно заварное пирожное и стакан воды. К десяти часам король покидал семью и выходил на улицу как простой обыватель, либо один, либо в сопровождении своего архитектора Фонтена. К полудню он возвращался в Тюильри на заседание Совета министров. Здесь король всегда был очень внимателен, крайне заинтересованно слушая все, о чем говорилось. Пока его министры говорили, он с рассеянным видом водил пером по большим листам белой бумаги, рисуя мужские и женские головы. Время от времени он вставлял фразу, показывая, что не пропустил ни слова¹. Редкое заседание совета обходилось без присутствия сестры короля, его «серого кардинала», с которой он советовался по всем вопросам.

Потом приходил черед официальных аудиенций, многочисленных особенно в начале правления, после чего король ежедневно совершал длительную прогулку – то в карете в Сен-Клу, то пешком в Нейи. Именно тогда в массовом сознании сформировался его легендарный облик: старый костюм, помятая шляпа и зонтик под мышкой. К шести часам король возвращался в Тюильри: это было время обеда. Король переодевался: теперь на нем был каштановый костюм, черные панталоны, черный сатиновый жилет или жилет из белого пике. Завершал образ белый галстук и лакированные туфли.

Среда и пятница были днями семейного обеда: его можно было начинать без короля. Столовая находилась рядом с галереей Дианы,

---

¹ Bertaut J. Op. cit. P. 113–115.

и король входил туда часто через запасной вход. Он требовал, чтобы никто не вставал при его появлении, и тихо садился на свое место. Ему подавали четыре или пять видов супов, которые он по своему желанию смешивал: это было для него настоящим удовольствием! Затем он съедал кусок жареного мяса, немного рагу из овощей, а на десерт тарелку пирожных макарони и бокал испанского вина.

После обеда королевская семья устраивалась в салоне. Около десяти часов Мария-Амелия вставала: это был знак расходиться. Король уходил в свой рабочий кабинет. В эти часы впервые за день он оставался в одиночестве и мог заняться важными делами, работая до двух-трех часов ночи¹.

Как отмечала одна английская газета, «образ жизни короля был очень правильным, и за исключением занятий поздней ночью, он не делал ничего такого, что могло бы повредить его самочувствию. Уверяли, что король из шести ночей пять проводит с одиннадцати или с двенадцати часов совсем один. В это время он занимается перепиской со своими дипломатами, делает заметки о планах на завтрашний день, один час посвящает ведению дневника. Хотя король ложится так поздно, встает он очень рано и если находится за городом, то прогуливается до завтрака»².

Часто король брал судебное дело и проводил всю ночь за просмотром какого-нибудь процесса, полагая, что дать отпор Европе – это очень важно, но еще важнее – вырвать человека из рук палача. Иногда груды судебных дел заваливали его стол; он просматривал их все. Однажды Луи-Филипп, по словам В. Гюго, сказал одному из своих приближенных: «Сегодня ночью я отыграл семерых»³. Принципиальный противник смертной казни, Луи-Филипп широко пользовался правом помилования. В частности, в 1836 г. он выпустил из тюрьмы Полиньяка и других министров последнего кабинета Карла X, приговоренных после Июльской революции к пожизненному заключению.

По словам Ж. Берто, для людей, мало знавших Луи-Филиппа, он был настоящей загадкой. В его характере была такая смесь противоречивых качеств, что было очень сложно разобраться в его истинной натуре. Но для тех, кто его хорошо знал, не было никаких сомнений: это был настоящий аристократ, а не буржуа, каким он пытался, и не безуспешно, предстать в глазах французов⁴.

---

¹ Bertaut J. Op. cit. P. 129.

² Сын Отечества. 1842. № 10. С. 3.

³ Гюго В. Отверженные. Т. 4. С. 21.

⁴ Bertaut J. Op. cit. P. 76.

Что касается прозвища «король-буржуа», то Луи-Филипп получил его за вполне буржуазный стиль жизни, который он вел как до восшествия на престол, так и после. Стремясь опереться на буржуазию, Луи-Филипп адаптировал к ней свой костюм, свое душевное состояние и нравы. Он принимал у себя представителей оппозиции; своих детей отдал учиться в общественную школу «Коллеж Генриха IV»; он любил гулять по Парижу, по крайней мере в первые годы правления, один. Он рядился в буржуа с головы до ног, и у него это так искусно получалось, что все в итоге согласилось с его «буржуазностью». Голова Луи-Филиппа в форме груши, густые бакенбарды, большие глаза, хитрый взгляд – все это не имело ничего общего с королевским величеством, он выглядел как типичный парижский буржуа. Когда он не носил униформу Национальной гвардии, был одет в голубой сюртук с золотыми пуговицами, белый жилет, хлопчатобумажные панталоны, и никогда не выходил без своего легендарного зонтика¹.

С первых дней пребывания на троне Луи-Филипп, стремясь укрепить свою популярность в обществе, постоянно пел «Марсельезу». Он понимал, что это была песня протеста против ультраконсерваторов, реакционной политики Ж. Полиньяка, иезуитов. Ни один другой гимн не мог подойти для этого. В Ратуше, на улице, в Пале-Руаяле, везде он ее пел с воодушевлением, положив руку на сердце и устремив глаза к небу. По словам секретаря австрийского посольства во Франции графа Рудольфа Аппоньи, он «был готов поверить, что у короля в кармане есть трехцветный носовой платок, которым при необходимости можно было воспользоваться как знаменем»². Правда, по мере укрепления своей власти Луи-Филипп стал испытывать все меньше необходимости афишировать революционные чувства и «буржуазность»; «Марсельеза» стала все реже звучать на официальных мероприятиях. Луи-Филипп как-то сказал Франсуа Гизо, что во время исполнения гимна он только открывает рот и уже давно перестал произносить слова³.

Вот что писал Виктор Гюго о «буржуазности» Луи-Филиппа: «Он редко бывал у обедни, не ездил на охоту и никогда не появлялся в опере. Не питал слабости к попам, псарям и танцовщицам, что являлось одной из причин его популярности среди буржуа. У него совсем не было двора. Он выходил на улицу с дождевым зонтиком под мыш-

---

¹ Ibid. P. 76–77.

² Ibid. P. 79.

³ Ibidem.

кой, и этот зонтик надолго стал одним из слагаемых его славы. Он был немного масон, немного садовник, немного лекарь»¹.

Однако все эти внешние проявления не заслоняли от людей, знавших короля, одну из его существенных черт – скупость. Та же мадам де Жанлис в разговоре с Гюго о короле как-то обмолвилась: «Он был мальчиком, я из него сделала мужчину; он был неповоротливым, я его сделала ловким; он был замкнутым, я его сделала разговорчивым человеком; он был трусливым, я его сделала храбрым, он был скупым, и мне не удалось превратить его в щедрого человека»².

Кроме этого недостатка, Луи-Филипп обладал качествами, отнюдь не сближавшими его с буржуа. Он был храбрым человеком, хотя войны не любил, и неоднократно проявлял мужество в сражениях, в частности, при Вальми и Жемаппе; однажды в Вандоме он спас тонущего человека. По словам Ж. Берто, хороший игрок и хороший солдат, он рисковал собой и своими близкими; он не только не боялся опасности, но любил испытывать судьбу³. Можно сказать, что зонтик и знаменитый парик Луи-Филиппа, как черты принадлежности к буржуа, во многом были своеобразными рекламными приемами. По словам Т. Зелдина, прогулки по парижским улицам без сопровождения и охраны являлись не проявлением буржуазного склада души, а обдуманном шагом очень храброго человека, поскольку частые покушения на жизнь короля, а их было совершено восемь, делали Луи-Филиппа своего рода рекордсменом среди монархов. Настоящие буржуа оставались в таких случаях дома⁴.

Как видим, угроза покушений висела и над Николаем, особенно со стороны поляков, и над Луи-Филиппом. Причем Николай, так же как и Луи-Филипп, гулял по Петербургу без охраны. Как отмечала русская публицистка начала XX в. А.И. Соколова, «ни о каких “охранах” в то время не было речи... Государь свободно гулял где и когда хотел, и то, что теперь считается заботой и зачисляется за необходимую и полезную службу, явилось бы в те времена дерзким и непростительным шпионством»⁵. После покушения на Николая во время коронации в Польше в 1829 г. и «вспышки» революционности в Европе царь стал больше опасаться за свою жизнь, считая, что его «хотят зарезать», окружал себя «верными молодцами» «отца-коман-

---

¹ Гюго В. Отверженные. Т. 4. С. 18.

² Bertaut J. Op. cit. P. 83.

³ Ibid. P. 89.

⁴ Зелдин Т. Указ. соч. С. 357–358.

⁵ Соколова А.И. Император Николай и васильковские дурачества // Николай I: pro et contra, антология. С. 226.

дира» И.Ф. Паскевича, верил в террористов, «подосланных из Франции». Все это актуализировало во внешнеполитической доктрине Николая мифологему «всевропейского заговора революционеров»¹.

Если в первое время после Июльской революции Луи-Филиппа на улице осаждала восторженная толпа и до своих покоев он добирался в расстегнутом жилете и измятой шляпе, то в последующие годы королю приходилось опасаться уже не восторгов подданных, а их агрессии. За те восемнадцать лет, что Луи-Филипп находился у власти, на его жизнь неоднократно покушались республиканцы, надеясь убийством монарха уничтожить ненавистную им монархию. 28 июля 1835 г. Джузеппе Фиески взорвал на пути королевского кортежа «адскую машину». Король чудом уцелел, но восемнадцать человек, в том числе маршал Мортье, погибли. 25 июня 1836 г. республиканец Луи Алибо стрелял в короля в непосредственной близости от дворца, но промахнулся. Это же случилось с Менье, выстрелившим из пистолета в королевскую карету на набережной Тюильри 27 декабря того же года. Подметальщик улиц Дармес, стрелявший в короля из карабина 15 октября 1840 г., тоже промахнулся. Все, кто покушался на жизнь короля, были казнены, и только одного Менье Луи-Филипп помиловал и выслал в Америку. Готовились и другие покушения, которые заговорщики не смогли осуществить.

Из-за покушений Луи-Филипп жил в постоянном страхе: на его ночном столике всегда лежали два заряженных пистолета, и он никогда не гасил свет в своей спальне. Король редко покидал Тюильри, превратившийся для него в «дворец-тюрьму». В город он выезжал только в экипаже, обитом железом. Напуганный покушением Алибо, Луи-Филипп не присутствовал даже на торжественном открытии Триумфальной арки на площади Звезды 29 июля 1836 г. После покушения Фиески Луи-Филипп впервые появился на публике, перед двумя сотнями тысячами зрителей, лишь 25 октября 1836 г., в день воздвижения на площади Согласия Луксорского обелиска².

Вот что писал об этом оказавшийся в Париже в 1838–1839 гг. князь П.А. Вяземский, увидев короля на мессе в Соборе Парижской Богоматери: «Уж только после видел мельком короля, когда он проезжал в карете и кланялся народу в окошко, и должно отдать справедливость неустрашимости его, довольно высовывал голову свою

---

¹ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX века. С. 483.

² Мильчина В. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. С. 98–99.

из кареты. Впрочем, около кареты телохранителей бездна, и полицейских предосторожностей тьма...»¹

Между тем все эти церемониальные события были чрезвычайно важны для Луи-Филиппа. Король, которого Николай I считал «узурпатором» трона, напротив, всячески стремился подчеркнуть преемственность своей власти; он активно поддерживал свою репутацию защитника родины и «солдата свободы». Решительно пресекая бонапартистские заговоры, Луи-Филипп дорожил причастностью к славе «великой империи». В 1836 г. закончили строительство Триумфальной арки Наполеона, начатое еще во времена Империи. В армии были восстановлены маршальские звания, назначены пенсии ветеранам Наполеоновских войн. На средства своего личного королевского бюджета он восстановил сильно запущенный со времен Революции Версальский дворец, украсил его произведениями искусства и сделал музеем национальной доблести. В 1840 г. король согласился со своим министром А. Тьером вернуть на родину с острова Святой Елены прах императора. «Праздник почившего изгнанника, с торжеством возвращающегося на родину», как образно назвал церемонию Виктор Гюго, состоялся в Париже 15 декабря 1840 г.²

Итак, «буржуазность» Луи-Филиппа была двойственной; говоря словами Гюго, «манеры он усвоил при Старом порядке, а привычки при новом: то была смесь дворянина и буржуа, подходящая для 1830 года»³.

Несмотря на прозвище «король-буржуа», Луи-Филипп весьма ревностно относился к своим монаршим прерогативам. «Король-буржуа», он играл в монарха французского дома. Русский дипломат, поверенный в делах России во Франции в годы Июльской монархии Николай Дмитриевич Киселев отмечал такую деталь: если сыновья Луи-Филиппа, обращаясь к королеве, называли ее «матерью», то никто из них не обращался к королю иначе, как «Ваше Величество». Эта демонстрация почтительности со стороны принцев распространялась и на остальное окружение короля⁴.

---

¹ Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. Ч. 2. М., 1937. С. 126.

² См. об этом подробнее: *Таньшина Н.П.* «Наполеоновская легенда» во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 26–44.

³ Гюго В. Отверженные. С. 18.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 45. Донесение Н.Д. Киселева от 5 (17). 01. 1844.

Луи-Филипп страстно желал, чтобы его приняли, несмотря на революционное происхождение режима Июльской монархии, в королевские фамилии Европы. Как отмечал секретарь австрийского посольства в Париже граф Р. Аппоньи, Луи-Филипп стремился к тому, чтобы «отношения дипломатического корпуса с его двором были такими же, как при Людовике XVIII или Карле X»¹. В этом контексте весьма показателен эпизод путешествия Луи-Филиппа в Англию в октябре 1844 г. Сопровождавшие его французские политики были поражены переменой, произошедшей с ним, едва он ступил на английскую землю: Луи-Филипп стал королем с головы до ног и вел себя как настоящий суверен².

* * *

Что еще сближало Николая и Луи-Филиппа, так это приверженность семейным ценностям. В семейном кругу Николай I, как и во всем остальном, предпочитал не полагаться на случай, а выстраивал эту важнейшую сферу жизни по довольно четкому плану, согласно которому семья монарха должна быть символом нравственной чистоты не только для членов самой этой семьи, но и для всех подданных. Монарх представлял прежде всего рыцарем, защитником Прекрасной Дамы, а императрица, в свою очередь, воплощала материнскую любовь и супружескую нежность. Образцовый государь, Николай хотел служить примером для мужей и отцов семейств.

Императрица Александра Федоровна действительно была женщиной, достойной восхищения и поклонения. Ее красота, грациозность, ум, образованность не раз отмечались, а то и воспевались современниками. Она живо интересовалась новинками литературы, театром, музыкой, живописью. Женщиной она была доброй, даже снисходительной. Николай не только строго соблюдал внешний этикет во взаимоотношениях с супругой, но и окружил Александру Федоровну неизменной заботой и не скупился на подарки для нее. Когда она попросила Николая построить ей коттедж в понравившемся уголке Петергофа, то в кратчайшие сроки там возник целый городок из коттеджей, шале, палатки и теремов, названный в ее честь Александрией.

В то же время Николай стремился и покровительствовать супруге, и властвовать над ней. Обеспокоенный ее хрупким здоровьем,

---

¹ *Apponyi R. Vingt-cinq ans à Paris (1826–1850). Journal du compte Rodolphe Apponyi, attaché de l'ambassade d' Autriche à Paris. T. 2. P., 1913. P. 304.*

² *Bertaut J. Op. cit. P. 88.*

дрожал, когда она заболела, но, не колеблясь, увлекал в круговорот приемов и путешествий, лишь только она выздоравливала.

Во время долгой зимы весь Петербург пребывал в возбуждении. Балы сменялись ужинами и приемами. Всегда неразлучные, Николай и Александра выезжали почти каждый вечер. Публика видела их на спектаклях итальянской оперы, французского театра или на спектаклях, которые дают русские труппы. Когда Николай в сопровождении жены появлялся в царской ложе, все присутствующие в едином порыве вставали¹.

Вместе они следили за воспитанием своих детей. Образование старшего сына, великого князя Александра было возложено на знаменитого поэта В.А. Жуковского. В братьях и сестрах наследника престола воспитывали уважение к Богу, родителям, родине и традициям².

Сферой деятельности Александры Федоровны являлась культурная жизнь двора и ближайшего окружения царской семьи. По вечерам она собирала кружок близких лиц, где читали вслух литературные новинки, любила театр и раз или два в неделю бывала в нем с императором и старшими детьми, устраивала музыкальные вечера и сама играла на фортепьяно.

Она родила десять детей, из которых выжили семеро: Александр, Константин, Михаил, Николай и дочери – Мария, Ольга и Александра. От частых родов и капризного петербургского климата здоровье императрицы серьезно пошатнулось уже в 1838 г., а с 1841 г. она стала жаловаться на сердце и надолго уезжала на лечение за границу. Несмотря на годы, проведенные в России, она так и осталась маленькой прусской принцессой, привязанной к воспоминаниям о своей родине.

После рождения в 1832 г. Михаила врачи предупредили Александру Федоровну, что следующие роды могут ее убить и что она больше не должна выполнять супружеские обязанности. Это позволило Николаю называть себя «соломенным вдовцом»; по слухам, он получил от жены разрешение заводить связи на стороне. Однако эти связи никогда не выставлялись напоказ, все делалось скромно и по возможности тихо. В своих романах Николай не был подвержен словесным предрассудкам и проявлял истинный демократизм. Среди его пассий были и светские красавицы, и дочери министров, и фрейлины, и смолянки, и актрисы, а порой простые обывательницы. Отдельная история – Варвара Аркадьевна Нелидова, фрейлина им-

---

¹ Труайя А. Указ. соч. С. 130.

² Там же. С. 131.

ператрицы. Варенька Нелидова происходила из благородного семейства, из которого вышла другая царская любимица Екатерина Нелидова, фаворитка отца Николая императора Павла I.

* * *

Если семья императора Николая являлась своего рода образцовой для абсолютной монархии, то семья Луи-Филиппа олицетворяла буржуазные ценности Июльской монархии. Приверженность короля семейным ценностям являлась одним из аспектов его «буржуазности»; более того, Луи-Филипп обвиняли, что интересы семьи у него всегда были на первом месте.

Глубокая нежность короля к своей большой семье была общеизвестным фактом. Луи-Филипп, необычайно трепетно относившийся к своим монаршим прерогативам, для своих детей хотел быть прежде всего отцом, а не королем. «Он слишком отец, он хочет составить конкуренцию Небесному Отцу», — писала его дочь Клементина¹.

Его домашний круг, по словам Гюго, был восхитителен: «там добродетели сочетались с дарованиями»². Одна из дочерей Луи-Филиппа Мария Орлеанская прославила свой род среди художников; старший сын, наследник престола герцог Фердинанд Орлеанский, широко известный своими либеральными взглядами, был весьма популярен в армии и в целом в стране. Другой сын короля, Анри, герцог Омальский, стал в 1847 г. генерал-губернатором Алжира; сын Франсуа, герцог Жуанвильский, принимал активное участие в военных операциях на море, у берегов Марокко и Италии.

Король трепетно заботился о здоровье детей, тяжело переживал их болезни. Трагическая смерть старшего сына герцога Фердинанда Орлеанского, произошедшая 13 июля 1842 г., настолько его потрясла, что в момент получения страшного известия из его груди вырвался ужасный крик, «нечеловеческий», по словам одного из свидетелей³. Король очень тяжело переживал отъезд дочери Марии-Луизы в Бельгию, когда она была выдана замуж за короля Леопольда. В день свадьбы, во время обеда, он и вся королевская семья были просто убиты горем. Когда настал час расставания с дочерью, Луи-Филипп, обнимая ее, разрыдался. По словам Кювийе-Флери, король упрекал себя за то, что принес свою дочь в жертву политике: ведь это был династический брак, очень нужный королю, отказавшемуся от канди-

---

¹ Bertaut J. Op. cit. P. 90.

² Гюго В. Отверженные. С. 19.

³ О смерти герцога Орлеанского и реакции королевской семьи и парижан см. в разделе, посвященном Виктору Балабину.

датуры своего сына, герцога Немурского, на вакантный бельгийский престол. Когда трон был предложен Леопольду, европейские державы, решавшие судьбу Бельгии на конференции в Лондоне, дабы пощадить самолюбие Франции, предложили ей в качестве компенсации такую брачную комбинацию. По словам Ж. Берто, каждое письмо от дочери лишь увеличивало его печаль и вызывало слезы¹.

Со своей женой, королевой Марией-Амелией, Луи-Филипп был самым нежным, внимательным и заботливым супругом; «моя добрая королева», – так он ее называл. Король ни в чем не хотел перечить жене. Он, сын века Просвещения, человек, в принципе, неверующий, старался как можно меньше раздражать набожную королеву в том, что касалось вопросов веры. В течение всей своей жизни он всегда пытался находить предлоги, чтобы не ходить к мессе. Только на смертном одре он приобщился к святым дарам, исповедался – и то лишь для того, чтобы было спокойно королеве. После ухода священника Луи-Филипп спросил у Марии-Амелии: «Жена, ты мною довольна?»²

Рассмотрим теперь нравственные качества наших героев. О моральных свойствах Николая современники высказывали противоположные суждения, однако было распространено мнение о жестокости государя с «оловянными глазами», чуждого всякого милосердия и сантиментов. Между тем при всем своем ярко выраженном темпераменте холерика, Николай отличался склонностью к меланхолии и нередко выглядел несчастным. Он был чувствительным, часто плакал, когда его сердце бывало затронуто. По словам А. Труайя, эмоциональная раздвоенность Николая проявлялась и в его любви к животным. Он выказывал по отношению к ним безграничное терпение и понимание, одновременно относясь к людям с неумолимой жестокостью. Животные утешали его своей покорностью и простодушием. Среди всех представителей животного мира государь отдавал предпочтение лошадям. Обожание было столь велико, что в 1830-х гг. на территории Александринского парка в Царском Селе архитектор А.А. Менелас начал строительство здания из красного кирпича, которое должно было стать «домом престарелых» для лошадей, обладавших когда-то исключительной привилегией – носить на своей спине представителя императорской фамилии. Эта образцовая конюшня в шутку была названа близкими императора «Домом Инвалидов». Когда одна из лошадей умирала, он испытывал настоя-

---

¹ Bertaut J. Op. cit. P. 90. Хотя, отметим, всем своим детям Луи-Филипп устроил выгодные династические браки.

² Ibid. P. 91.

щее горе и приказывал, чтобы животное погребли неподалеку, на кладбище для лошадей, созданном по его инициативе. Этой страсти к лошадям сопутствовала не менее прихотливая любовь к собакам. Ярый поклонник псовой охоты, Николай ввел в России моду на борзых¹.

А вот по свидетельству мемуаристки М.А. Цербиковой, дочери вице-адмирала А.Р. Цербикова и племянницы декабриста Н.Р. Цербикова, ее отец считал Николая «образцом великодушия и справедливости». Государь не был чужд состраданию на бытовом уровне. Он, например, выступил в роли мецената при оказании помощи пострадавшим от пожара на Васильевском острове в 1831 г., проявлял гуманность по отношению к пленным полякам или англичанам, мог подарить шинель нуждающемуся учителю, позаботиться о пострадавшем при столкновении с его санями извозчиком.

Николай Павлович был человеком своего времени и по-своему заботился о солдатах, хорошо зная их повседневные нужды. На основании упорядоченного устава о рекрутской повинности 1832 г. срок службы солдат в действительной армии был сокращен с 25 до 20 лет, а довольствие, выплачиваемое нижним чинам, возросло в 9 раз. В 1849 г. были увеличены более чем в два раза нормы выдачи мяса (составляли почти 100 граммов в день). Особое внимание государь уделял госпиталям, число которых к 1851 г. удвоилось, достигнув 189².

Народ в целом и придворные Николая боялись. Его неожиданное появление в школе, казарме, больнице вызывало ужас. Его приглашения воспринимались как приказы. На бал в Зимний дворец приезжал даже прикованный к постели больной, лишь бы не ослушаться Его Величества. Даже те, кому не в чем было себя упрекнуть, чувствовали свою вину. В присутствии царя каждый стоял, боясь пошевелиться, словно зачарованный. Полковник Стрижовский на вопрос, любит ли он царя, простодушно ответил: «Я не знаю, дозволено ли мне это»³.

Для императора не существовало ошибок, достойных прощения. Иногда тем не менее он вдруг из прихоти проявлял благожелательность и помогал на улице мужику взвалить на спину мешок с мукой, пешком сопровождал похоронные дроги всеми забытого чиновника. Из этих проявлений доброты слагалась легенда. Он знал об этом и искусно на этом играл. Патриархальный самодержец, Николай, в ду-

---

¹ Труайя А. Указ. соч. С. 125–126.

² Николай I: pro et contra, антология. С. 726–727.

³ Труайя А. Указ. соч. С. 132.

хе Макиавелли, хотел, чтобы подданные равно любили и боялись его¹.

Как и Николай, Луи-Филипп, несмотря на свидетельства о его скупости, занимался делами благотворительности и помогал бедным. С 1830 по 1848 г. он израсходовал на благотворительность 42 млн 850 тыс. франков². Только за 1832 г. граф Монталиве привел следующие данные: «Бывшим слугам Орлеанской семьи: 20 тыс. франков. На образовательные учреждения: 6 тыс. франков. Художникам и писателям: 60 тыс. франков. Бывшим пенсионерам гражданского листа Карла X: 73 тыс. франков. Парижским повстанцам: 202 тыс. франков. Повстанцам в провинции: 72 тыс. франков. Пожертвования на борьбу с холерой: 577 тыс. франков», и это не полный список³.

Все слуги Луи-Филиппа хорошо знали его доброту; она была сродни доброте его супруги, о чем остались многочисленные свидетельства. Как-то в 1833 г. он с семьей направлялся в Бурже, чтобы встретить бельгийскую королевскую чету. Почтовый курьер поручил фореитору Верне пройти около королевской кареты. Случилось несчастье, лошади понесли галопом, и он оказался под копытами и колесами. На крики королевы и принцесс карета остановилась. Медика не оказалось. Несчастного могло спасти только кровопускание. Король выпрыгнул из кареты. «Я делал кровопускания в юности, – сказал он, – может, я сейчас вспомню, как это делается... Дайте мне помыть руки». Королю дали платки принцев и принцесс, он вынул из портфеля ланцет и сделал надрез. Потекла кровь, раненый был спасен⁴. Этот эпизод описал Виктор Гюго в «Отверженных»: «Однажды он пустил кровь фореитору, упавшему с лошади; с тех пор Луи-Филипп не выходил без ланцета, как Генрих III без кинжала. Роялисты потешались над этим смешным королем, – первым королем, пролившим кровь в целях излечения»⁵.

Король был милостив к своим политическим оппонентам. В начале своего царствования он позволил (тайно) королеве Гортензии и ее сыну Луи-Наполеону несколько дней прожить в Париже, а потом весьма милосердно обошелся с Луи-Наполеоном во время его попыток организовать захват власти в 1836 и 1840 г.

---

¹ *Труайя А.* Указ. соч. С. 124–125.

² *Bertaut J.* Op. cit. P. 91.

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid.* P. 91.

⁵ *Гюго В.* Отверженные. С. 18.

Образ жизни королевской семьи также не вписывался в традиционные представления. Поначалу Луи-Филипп продолжал жить в своем дворце Пале-Руаяль. Об этикете нового двора сразу начали ходить самые странные слухи. Говорили, будто к королеве отныне являются в сапогах, забрызганных уличной грязью, что никто не считает нужным встать, когда встает она, что открывать королеве дверь «уже не модно». Да и сама королева далеко не так строго соблюдала этикет, как прежние государыни, а ведь она приходилась племянницей Марии-Антуанетте! Если раньше концерты в Пале-Руаяле начинались ровно в восемь вечера, без всякой задержки, то теперь королева дожидалась приезда всех «важных шишек» – министров с супругами.

Луи-Филипп хорошо себя чувствовал в родном Пале-Руаяле и в начале царствования не хотел переезжать в Тюильри. Однако в Париже стали поговаривать, будто он не любит королевский дворец и королевские резиденции потому, что не чувствует себя законным монархом. Кроме того, Луи-Филиппу пришлось учесть соображения безопасности: его трон, особенно в первые годы правления, был не слишком прочен. Ему угрожали и слева, и справа, а дворец Пале-Руаяль, окруженный узкими улочками, было бы трудно защитить от бунтовщиков. В конце сентября 1831 г. Луи-Филипп смирился с необходимостью переселиться во дворец Тюильри, защищенный гораздо лучше. Однако стиль общения с гостями и в этой официальной резиденции остался таким же, как и ранее в Пале-Руаяле.

При Июльской монархии существенно сократился придворный штат. К концу 1840-х гг. цивильный придворный штат короля и принцев насчитывал всего 314 человек. Но это не значит, что Луи-Филипп был равнодушен к престижу королевской власти, наоборот: он охотно тратил деньги на украшение королевских резиденций. При нем были обновлены и расширены дворцы в Фонтенбло и Версале¹.

Здоровье монарших особ – это вопрос государственной важности. Как обстояло дело со здоровьем у наших героев? Слухи о «железном» здоровье Николая были сильно преувеличены. Вероятно, они были связаны с тем, что государь обладал недюжинной физической силой. Однажды, когда от криков толпы лошади понесли его сани, он, как вспоминал А.Х. Бенкендорф, «встал на ноги в пошевнях, схватив вожжи, своею атлетической силою скоро успел сдержать лошадей»². В зрелом возрасте он был подвержен резким перепадам кровяного давления, головокружениям, частым простудам, порой

---

¹ Мильчина В. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. С. 88.

² Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 46.

переходившим в «горячку». С годами его все сильнее донимали приступы подагры, спровоцированные постоянным ношением форменных сапог. В ноябре 1829 г. Николай перенес тяжелую болезнь, после которой у него навсегда осталась крайняя раздражительность. При этом Николай к докторам обращаться не любил, предпочитая средства народной, а то и нетрадиционной медицины.

Луи-Филипп и в преклонном возрасте отличался крепким здоровьем и большой активностью. Внешне в эти годы короля вряд ли можно было назвать привлекательным, хотя в молодости он был весьма красивым мужчиной. По словам русского публициста, с годами он «одряхлел и сильно страдает грыжею. Лицо его от полноты приняло странную форму, и если б не глаза, в которых отсвечивается много хитрости и ума, то общее выражение его физиономии изображало бы совершенного добряка, неспособного ни к каким хитрым замыслам»¹.

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4 а. Д. 60. Л. 2.

Глава 2 ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ

Июльская революция: от непризнания к признанию

Император Александр I оставил Николаю нечто вроде «внешне-политического завещания». Его главной заботой была безопасность Европы, в том числе и России, как ее составляющей. Николай I трепетно относился ко всему, что считал наследием старшего брата, и выполнял его заветы с особым усердием. Но при этом черты характера и взгляды государя придавали своеобразия российской внешней политике. Не обладая дипломатическим даром императора Александра, не умея так тонко, как старший брат, вести политическую игру на европейской шахматной доске, Николай делал упор на военный авторитет России в Европе.

Прямота внешнеполитических заявлений Николая на фоне общепринятой сдержанности и утонченности европейского дипломатического языка порой не находила понимания в Европе. Об этом императору было известно из особого внешнеполитического раздела, появившегося в ежегодных «нравственно-политических отчетах» III отделения в 1830-е гг.

Император Николай всегда подчеркивал свое доброжелательное отношение к Франции. Он поддержал готовившуюся королем Карлом X алжирскую операцию. По словам поверенного в делах Франции в России Поля Бургоэна, император говорил ему об этом «с самым жарким сочувствием». Более того, император предложил Бургоэну сотрудничество с российскими военными, предоставив сведения, содержащиеся в русских архивах по войне с восточными народами¹. Когда находившийся на учениях Николай I получил известие о первых успехах французской армии в Алжире, то послал за

---

¹ Воспоминания барона Бургоэна, французского посланника при с.-петербургском дворе, с 1828 по 1832 г. // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 221.

Бургоэном и попросил его сообщить Карлу X, что он, Николай, обрадован победами французской армии¹.

Июльская революция 1830 г., не ставшая неожиданностью для императора, пугала его не столько тем, что грозила захлестнуть Россию (хотя это, конечно, играло определенную роль), сколько нарушением миропорядка, установленного Венским конгрессом и последующими конгрессами Священного союза. Кроме того, изменения, стремительно происходившие в европейских странах, шли вразрез с тем порядком, который упорно и кропотливо создавал Николай. Он по-прежнему связывал сохранение династии исключительно с незыблемостью традиционного консервативно-политического режима. Понятно, что согласиться с изменениями, происходившими в Европе, Николай Павлович не мог, а потому стремился всячески оградить собственных подданных от «разрушительного» влияния европейских событий.

Кроме того, помимо нежелания Николая примириться с существованием режима, имеющего революционное происхождение, следует учитывать и такой не менее важный фактор, как опасение русского правительства по поводу возможного изменения расстановки сил в Европе, неблагоприятного для России вследствие наметившегося сближения Франции с Великобританией. В лице Карла X император Николай терял союзника, в Луи-Филиппе, друге Англии, он мог видеть только потенциального врага.

17 августа к барону Бургоэну явился военный министр граф А.И. Чернышев с уведомлением о том, что император прерывает дипломатические отношения с Францией. Для выяснения позиций европейских абсолютистских дворов и выработки согласованной линии поведения с правительствами Австрийской империи и Пруссии Николай I отправил в Вену и Берлин соответственно генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова и генерала И.И. Дибича.

Дибичу, направившемуся в Берлин к королю Фридриху-Вильгельму III, было предписано предложить Пруссии 16 тысяч русских солдат на случай войны против революции. Однако прусский король, поблагодарив за эту готовность, отвечал, что надобно подождать дальнейших событий и начать войну, только если Франция сама нападет. Когда было получено известие о восстании в Варшаве, король сказал Дибичу, сидевшему напротив него за обедом: «Вот видите, любезный фельдмаршал, какие события случились в Варшаве. Теперь вам самим нужны будут те 16 000 человек, которые вы мне

---

¹ Воспоминания барона Бургоэна... С. 221–222.

предлагали»¹. Эти слова были переданы Бургоэну одним из баварских придворных².

Действительно, опасения Николая подогревались ростом революционного движения в Европе: в сентябре 1830 г. произошли волнения в некоторых государствах Германского союза, 29 ноября 1830 г. началось восстание в Варшаве, в феврале 1831 г. вспыхнули восстания в итальянских герцогствах Парме и Модене, а также в Романье, принадлежавшей римскому папе. 25 августа 1830 г. разразилась революция в Брюсселе, охватившая почти все крупные бельгийские города и закончившаяся отделением Бельгии от Голландии и образованием самостоятельного бельгийского государства.

Однако европейские монархи хорошо понимали, что без участия Франции стабильность в Европе невозможна: изолированная и, как следствие, нестабильная Франция всегда являлась бы очагом пропаганды, катализатором революционных потрясений в Европе. В результате в течение сентября – октября 1830 г. король Луи-Филипп и режим Июльской монархии были признаны всеми монархами Европы, за исключением короля Португалии Мигела I и герцога Моденского, категорически отказавшегося признавать власть, рожденную революцией. Союзники, на которых надеялся император, Австрия и Пруссия, также не поддерживали его. 18 сентября Николай признал Луи-Филиппа королем.

Как видим, Николай I, этот «рыцарь самодержавия», верный своим идеалам, оказался политиком весьма рациональным. Конечно, бывал он порой и эмоциональным, и весьма вспыльчивым. Во многом именно этими качествами и объясняется его первоначальная реакция. Кроме того, оценивая эмоциональные заявления Николая, не так просто сказать, чего в них было больше – искренности или игры. В то же время представления о «масках», которые Николай I якобы то надевал, то снимал, разыгрывая свой «сценарий власти», верны только отчасти.

Уже в сентябре 1830 г. ограничительные меры в отношении французов были смягчены: французы, проживавшие на территории России, Польши или Финляндии, а также торговцы, занимавшиеся экономической деятельностью на территории Российской империи, получили разрешение вернуться³.

Между тем, несмотря на признание режима, натянутость в отношениях Луи-Филиппа с европейскими монархами была преодолена

---

¹ Там же. № 12. С. 836–837.

² Там же. С. 837.

³ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 39. Л. 140–140 об.

далеко не сразу. Признавая короля Луи-Филиппа, император в письмах к нему называл Июльскую революцию «событием весьма плачевным», «несчастьем для Франции и для всей Европы», поставившим короля перед «жестоким выбором». Он подчеркивал, что возвращение Франции в «европейский концерт» было возможно только при условии соблюдения ею Венских соглашений и достижения внутриполитической стабильности в самой стране.

Весьма точно отношение Николая к Июльской революции сформулировал Франсуа Гизо: «...Июльская революция весьма задела его монархическую гордость; вызвала беспокойство относительно будущего и нарушила его покой. Она спровоцировала у него приступ страстной ненависти, но не рискнул об этом заявить во всеуслышание, не выступил в качестве противника ненавистного ему события. Дабы удовлетворить свою страсть, не компрометируя при этом своей политики, он намеренно отделил короля Луи-Филиппа от Франции. Благожелательный по отношению к французской нации, как до, так и после 1830 года, и враждебный по отношению к ее новому королю»¹.

Поведение Николая I Гизо называл «малодостойным такого могущественного государя и удивительно непоследовательным для деспота, поскольку в традициях абсолютной власти соединять монарха с народом, рассматривать суверена как представителя народа, в некотором роде как воплощение воли миллионов людей, живущих по его законам»². Гизо считал «ребячеством» непризнание Луи-Филиппа равноправным монархом и в то же время признание революции, возведшей его на трон³.

После Июльской революции Николай взял в привычку говорить с французскими послами о двусторонних отношениях, не упоминая имени короля. В январе 1833 г. глава правительства герцог де Л.-В. Брой, назначая маршала Николя Мэзона послом в Санкт-Петербург, предписал ему не соглашаться с таким поведением⁴.

Николай I так никогда и не назвал Луи-Филиппа «братом», как это было принято между монархами. Между тем французский король проявлял особую заинтересованность в установлении доброжелательных отношений с Россией и непосредственно с императором Николаем. Потребовалось восемнадцать лет, чтобы император сменил гнев на милость, потребовалась очередная революция, чтобы он

---

¹ Guizot F. Mémoires... Т. 4. Р. 25.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

исполнился готовности скакать верхом во Францию (по крайней мере декларативно) и защищать интересы теперь уже повергнутого «не брата» Луи-Филиппа.

Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе

В условиях непростых отношений между странами, а также по причине географической отдаленности важная роль в международных делах принадлежала дипломатам: от того, как они будут себя вести, как будут реагировать на текущие события, зависело весьма многое. В случае с Поццо ди Борго, послом России во Франции в 1814–1834 гг., даже очень многое. Именно граф Шарль-Андре, или, на русский манер, Карл Осипович Поццо ди Борго, испытал на себе весь жар июльских дней 1830 г. Корсиканец, друг юности Наполеона Бонапарта, тогда еще Наполеоне Буонапарте, а впоследствии его кровный враг, он занимал этот пост с 1814 г., как только во Франции была реставрирована монархия Бурбонов. Убежденный сторонник франко-русского союза, он в первые годы Реставрации немало содействовал гармоничному развитию отношений между двумя странами. Во многом благодаря Поццо ди Борго после Июльской революции были сохранены отношения между нашими двумя странами.

В России имя Поццо ди Борго стало нарицательным. Князь П.А. Вяземский, собираясь в Париж в 1838 г., сообщал о таком курьезе: «Нужно ли мне представиться к Поццо-ди-Боргу, – спрашивал в Берлине какой-то Огарев. – Да он в Париже, отвечают ему. – Нет, я говорю о здешнем Поцце-ди-Борге – дело в том, что он полагал, что все наши послы и посланники именуются Поццо-ди-Борго»¹.

Документы, связанные с дипломатической деятельностью Поццо ди Борго, весьма разнообразны. Часть его дипломатической переписки опубликована². Неопубликованные документы хранятся прежде всего в Архиве внешней политики Российской империи. Это донесе-

---

¹ Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839. С. 120.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия I. Том VIII. Май 1814 – ноябрь 1815. М., 1972; Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия II. Том VIII (XVI). Октябрь 1828 – июль 1829. М., 1994; Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Том XVII. Август 1830 – январь 1832 г. М., 2005.

ния Поццо ди Борго из Парижа¹. Часть неопубликованных документов находится в отделе рукописей Российской публичной библиотеки. Особый интерес представляет Записка Поццо об устройстве Польши, составленная для императора Александра в 1814 г.² Из опубликованных документов стоит отметить «Собственноручную записку Поццо ди Борго о нем самом»; наблюдения о Поццо министра народного просвещения Российской империи графа С.С. Уварова, начинавшего свою карьеру в качестве дипломата и знавшего Поццо³. Что касается источников, опубликованных во Франции, то несомненный интерес представляет дипломатическая переписка Поццо ди Борго с графом Нессельроде за 1814–1818 гг.⁴

Что касается историографии, то рост интереса к деятельности Поццо ди Борго наблюдался в конце XIX в. как во Франции, так и в России. Во многом это было связано с русско-французским сближением и русско-французским союзом. Во Франции в 1890 г. появилась классическая работа А. Маджиоло⁵. В России были опубликованы статьи Л.З. Слонимского и С.М. Соловьева⁶. Очередная волна интереса к Поццо ди Борго случилась в 1968 г., когда отмечался 200-летний юбилей со дня рождения Наполеона. В это время появилось несколько двойных портретов (например, книга канадского ученого МакЭрлана⁷).

Сейчас наблюдается новый всплеск интереса к проблемам дипломатической истории рубежа XVIII–XIX вв. Важным событием стал выход в свет работы известного французского историка и писателя Мишеля Верже-Франчески⁸. Характерно, что это уже не двойной

---

¹ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 39; Ф. 133. Оп. 469. Д. 299; Ф. 187. Посольство в Париже; Ф. 133. Оп. 469. Д. 197; Ф. 133. Оп. 469. Д. 198.

² Поццо ди Борго об устройстве Королевства Польского, записка на имя Александра I. 1814 г. // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 542. Ед. хр. 699. Оленины.

³ Собственноручная записка Поццо ди Борго о нем самом // Русское историческое общество. 1868. Т. 2; *Уваров С.* Штейн и Поццо ди Борго. Дерпт, 1847.

⁴ *Correspondence diplomatique du comte Pozzo di Borgo ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la Restauration des Bourbons jusqu' au congrès d'Aix-la Chapelle. 1814–1818.* Т. 1–2. P., 1897.

⁵ *Maggiolo A.* Corse, France et Russie. Pozzo di Borgo. 1764–1842. P., 1890.

⁶ *Слонимский Л.З.* Франко-русская политика в начале столетия // Вестник Европы. 1891. № 2; *Соловьев С.М.* Поццо ди Борго и Франция. Начало второй четверти XIX-го века // Вестник Европы. 1879. № 3.

⁷ *Mc Erlean J.* Napoléon et Pozzo di Borgo. 1764–1821. P., 1968. 2^{em} ed. P., 2007.

⁸ *Vergé-Franceschi M.* Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon. P., 2016.

портрет, а портрет Поццо ди Борго, выписанный с большой тщательностью, полная биография дипломата с обширными цитатами из документов. Хотя в названии работы присутствует имя Наполеона, это скорее маркетинговый ход: читателя привлекает упоминание об императоре.

В современной России имя Поццо ди Борго известно разве что узкому кругу специалистов. Книг о нем нет. В 2013 г. на русский язык была переведена работа бельгийского историка Ивона Туссэна «Поццо ди Борго: другой корсиканец», написанная в форме псевдомемуаров Поццо ди Борго. Опять-таки его имя фигурирует в связи с именем Наполеона, о чем говорит подзаголовок книги: «Человек, который ненавидел Наполеона».

На мой взгляд, имя Поццо ди Борго забыто незаслуженно: он очень много сделал и для России, и для Европы, и для русско-французских отношений. И уже не так важно, двигала ли им «корсиканская ненависть», как говорил князь Талейран. Его действия и идеи, даже если их движущей силой была ненависть к Наполеону, были не разрушительны, а созидательны.

В большинстве работ деятельность Поццо ди Борго оценивается в контексте противостояния с Наполеоном и ограничивается периодом окончания Наполеоновских войн. Однако его дипломатическая служба в последующие годы была, может быть, менее авантюрной и романтической, но не менее плодотворной и конструктивной. Поццо ди Борго стоял у истоков новой системы международных отношений. Венская система и «европейский концерт» в том виде, в котором они сформировались в 1814–1815 гг., в определенной степени являются заслугой графа Поццо ди Борго.

* * *

Шарль-Андре родился 8 марта 1764 г. на Корсике в деревне Алата, недалеко от Аяччо. Он происходил из знатного аристократического рода, одного из древнейших на острове, принимал самое непосредственное участие в борьбе своей родины за независимость, был ближайшим помощником Паскаля Паоли¹, и именно на почве борьбы за независимость семьи Поццо ди Борго и Буонапарте разошлись. После того как по Компьенскому договору 1768 г. Корсика перешла к Франции и здесь появился 30-тысячный французский гарнизон, Шарль Буонапарте, отец будущего императора, стал убежденным сторонником французов и другом губернатора Марбефа, семья же

---

¹ О П. Паоли см.: *Vergé-Franceschi M. Paoli: Un Corse des Lumières*. P., 2005.

Поццо ди Борго заняла более осторожную позицию по отношению к французским властям; ее доходы позволяли ей быть более независимой. Революция окончательно развела бывших друзей: Поццо ди Борго опасался ее крайностей и занял умеренную и осторожную позицию, симпатизируя конституционным роялистам; своим политическим учителем и другом он считал графа Мирабо; Буонапарте открыто примкнули к якобинцам и стали выступать против Поццо ди Борго и Паоли, обвиняя их в неприязни к республике. Отправленные из Парижа на Корсику комиссары Конвента, пытавшиеся сместить Паоли и Поццо, встретили мощный отпор. Когда же республиканский клуб Тулона обвинил Паоли в предательстве и вызвал его с Поццо ди Борго на судебное заседание, стало ясно, что дорога к примирению закрыта. Паоли обратился за поддержкой к старинному общественному собранию острова – консульте, где председательствовал Поццо ди Борго. Две семьи – Буонапарте из Аяччо и Арена из Изола Росса – были объявлены изменниками. Паоли даже назначил цену за головы мужчин из рода Буонапарте. Началась охота, политическая борьба окрасилась цветом вендетты. Мать Наполеона бежала из города с детьми и нашла приют у горных пастухов. Сам он был арестован людьми Поццо ди Борго, едва не погиб, но сумел бежать.

Самому Поццо ди Борго также не долго было суждено оставаться на родине. Спасаясь от французского возмездия, корсиканские вожди поспешили передать свое маленькое государство под протекторат Великобритании. Как отмечала мадам А. де Буань, хозяйка влиятельного парижского салона, обосновывая такой поворот в действиях Шарля-Андре, «в это время речь шла не об английской или французской партии в сердце Поццо, но только о том, чтобы не служить Бонапарту. На смену близкой юношеской связи пришла основанная на амбициях ненависть. Они думали тогда только о том, чтобы господствовать на острове, и они открыли для себя, что могут добиться успеха, только победив один другого»¹.

Однако надежда на могущество Англии оказалась иллюзорной. Спустя три года небольшая экспедиция французского генерала Джентили за несколько дней захватила остров. Поццо ди Борго был прямо назван французскими властями в числе лиц, на которых не должна распространяться амнистия; вместе с вице-королем Корсики Ж. Эллиотом он был вынужден бежать в Англию. В июле 1797 г. ему была пожалована ежегодная пенсия от английского правительства в размере 400 ливров.

---

¹ *Boigne A. Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1–2. P., 2006. T. 1. P. 191.*

Для Поццо ди Борго началась жизнь политического изгнанника и вольного дипломата; он стал одним из представителей «бродячей дипломатии» антинаполеоновских коалиций, считая своим долгом служить делу восстановления во Франции династии Бурбонов.

Еще в годы революции проявились способности Поццо к дипломатии; этому способствовали его уравновешенность, аналитический склад ума, уверенность в суждениях; в Законодательном собрании он был членом дипломатического комитета. Обаятельный, красивый и изящный молодой человек, блистающий остроумием и одновременно сохраняющий «аристократическую отстраненность», быстро стал заметной фигурой в высшем европейском обществе. Он был аристократом в душе, салонным политиком по призванию, остроумным и разговорчивым в обществе; его тянуло в сферу придворного блеска и влияния, хотя его материальные средства не всегда соответствовали его утонченным вкусам.

Мадам де Буань, познакомившаяся с Поццо ди Борго в Вене, так отзывалась о Шарле-Андре: «...всегда возвышенный, интересный, забавный, красноречивый. Его язык, немного странный и наполненный образами, был очень живописным и неожиданным и живо поражал воображение; его иностранный акцент даже способствовал оригинальности формы его речей»¹. В аналогичной манере описывал Поццо ди Борго его современник, министр народного просвещения граф С.С. Уваров, начинавший карьеру в качестве дипломата: «Обращение его было просто и непринужденно, скорее английское, нежели французское или итальянское; в беседе он употреблял мало телодвижений и говорил с большой кротостью. Поздно выучившись французскому языку, он обратил его, несмотря на то, в свой природный, писал на нем и владел им с редкой ловкостью»².

В Вене Поццо ди Борго заметил граф А. Разумовский, посол России в Австрии, предложивший ему поступить на службу России. Тот, потрясенный убийством императора Павла I, поначалу сомневался в правильности такого выбора. Разумовский сумел его убедить и отправил рекомендацию главе внешнеполитического ведомства князю Адаму Чарторыйскому. Шарль-Андре в записке Чарторыйскому так обосновывал свой выбор в пользу службы Российской империи: «Из всех правительств, из всех государств, которым я желал посвятить себя, я предпочел бы Россию, по уважению огромного масштаба, которым измеряются заслуги в столь обширной империи, и еще более вследствие тех поощрений, которых по справедливости

---

¹ Ibid. P. 192.

² Уваров С. Штейн и Поццо ди Борго. С. 8.

можно ожидать от добродетелей и высоких качеств Его Величества Императора, ныне царствующего...»¹ Таким образом, Поццо ди Борго поступил на службу к императору российскому, чтобы бороться против Наполеона, ставшего в 1804 г. императором.

Поначалу Шарль-Андре, ставший на русский лад Карлом Осиповичем, совсем не знал русского языка, но не считал это серьезным препятствием. В записке графу Разумовскому он писал: «Русского языка я вовсе не знаю, но так как труд мой тогда только может быть полезен, когда он будет приложен к общим делам, то мне кажется, что это препятствие нельзя считать неодолимым»².

В январе 1805 г. Поццо ди Борго официально приступил к своим новым обязанностям, продолжая, однако, получать английскую пенсию. В течение нескольких месяцев его новый статус держался в тайне. На русской службе он выполнил ряд дипломатических функций, совершая поездки в Австрию и Италию, в октябре 1805 г. был назначен государственным советником; в 1807 г. представлял Россию на переговорах с Турцией; в 1813 г. был направлен в Северную армию и состоял при наследном шведском принце Бернадотте, участвовал в Лейпцигской битве. Как раз после этого события между наследным принцем и российским дипломатом произошел разговор о наилучшем кандидате на французский престол, на который Бернадотт имел претензии. Он убеждал Поццо ди Борго, что трон должен принадлежать самому достойному, на что тот ответил, что тогда королем должен быть именно он, Поццо ди Борго: «Без сомнения, я считаю себя самым достойным, – заявил он. – И каким образом Вы мне докажете обратное? Убив меня? Тогда на моем месте окажутся другие... Самый достойный на троне, для спокойствия в мире, это тот, у кого больше всего прав»³. Успешное выполнение миссии принесло Карлу Осиповичу 3 сентября 1813 г. чин генерал-майора.

Следующий этап его стремительной карьеры – Шатильонский конгресс, проходивший с 5 февраля по 19 марта 1814 г., на котором державы-союзницы пытались в последний раз заключить мир с Наполеоном I. Представляя на заседаниях союзников интересы России, Поццо ди Борго в то же время отстаивал и интересы Франции; он был убежден, что для стабильности Европы нужна сильная Франция. Уже на конгрессе дипломат позволил себе известную самостоятельность, и, несмотря на колебания Александра I, решительно выступил за реставрацию Бурбонов. Однако его мнение

---

¹ Собственноручная записка Поццо ди Борго о нем самом. С. 162.

² Там же. С. 163.

³ *Boigne A. Op. cit.* Т. 1. Р. 502–503.

тогда не было поддержано: Наполеон был еще слишком силен, чтобы окончательно закрыть все пути для примирения с ним.

После конгресса Поццо ди Борго от имени всех союзных держав был послан в Англию к Людовику XVIII с предложением короны. Когда новые успехи коалиции привели короля в Париж, вместе с ним прибыл и его «советник-надзиратель», облеченный полномочиями генерального комиссара при французском правительстве. 2 апреля 1814 г. он был пожалован в генерал-адъютанты и аккредитован при французском дворе в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра Александра I. Мадам де Буань приводит на страницах своих воспоминаний следующий забавный эпизод, произошедший в ее парижском салоне в эти дни: двери ее столовой распахнулись, и на пороге появился человек в форме русского генерала, который начал вальсировать вокруг стола, напевая: «О, мои друзья, мои дорогие друзья». «Нашей первой мыслью было, – вспоминала Буань, – что это был сумасшедший, но потом мой брат воскликнул: “Это же Поццо!” Это был действительно он. Но сообщение было таким сложным при императорском режиме, что, несмотря на близость, существовавшую между нами, мы даже не знали, что он был на русской службе. Он сопровождал нас в Оперу, и с этого времени не проходило и дня, чтобы он ко мне не заходил»¹.

Воззвание к парижанам, обнародованное от имени союзников после занятия Парижа, было составлено Поццо ди Борго; император Александр I лишь внес в него поправки. Вместе с царем и Нессельроде они обсуждали с Талейраном условия мира с Францией.

Внешне его положение было блестящим: наполеоновская империя пала, ее создатель отправлен в ссылку. Сам Талейран ходатайствовал за «истинного француза, хотя и уроженца Корсики»; ему был даже предложен пост министра внутренних дел. Но к удивлению многих Поццо ди Борго при первой же возможности покидает Францию и присоединяется к Александру I, участвовавшему в работе Венского конгресса. Причина была очевидна: осторожный и проныцательный корсиканец слишком хорошо знал своего врага и не верил в скорую политическую смерть Наполеона. Проявив похвальное рвение, Поццо ди Борго тем не менее успел за время короткого пребывания в Вене изрядно испортить свои отношения с Александром, резко протестуя против «излишнего либерализма» царя, портя ему настроение постоянными напоминаниями о Наполеоне и требованиями «убрать деспота на достаточное расстояние» от Европы. Кроме того, он оспаривал проект Александра I относительно военно-поли-

---

¹ Ibid. P. 332.

тической организации Царства Польского, выступив против предоставления Польше широкой автономии. Россия, по его мнению, должна была проводить в Польше жесткую централизованную политику, а вовсе не предоставлять ей самоуправление: «Россия по отношению к Польше всегда вела себя как сильная и победоносная держава, действующая в стране, где сильной власти нет»¹. Тогда даже говорили о неминуемой отставке советника, выражавшего свои взгляды с непривычной при дворе свободой².

Ход событий подтвердил самые худшие опасения государей – Наполеон оказался на свободе. Препроводив Людовика XVIII в безопасный Гент, Поццо ди Борго добился полномочий представителя русского императора при англо-прусском экспедиционном корпусе и отправился к месту, где решалась судьба его противника и всей Европы. Он участвовал в битве при Ватерлоо, за отличие в которой был удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса. Через несколько дней, несмотря на легкое ранение, он устремился в Париж, чтобы ускорить вторую Реставрацию.

Утвердившись в 1815 г. во главе российского посольства в Париже, Поццо ди Борго оказался в уникальном положении: наряду с выполнением своих формальных обязанностей, он остался личным посредником между Людовиком XVIII и Александром I, не без основания претендуя на роль главного представителя союзной коалиции во Франции и, наконец, будучи «почти подданным» французского короля, нередко вмешивался в вопросы внутреннего управления.

Этому важному положению во французском обществе никак не соответствовали бытовые условия, в которых жил российский посол в первое время. Он писал 8 (20) сентября 1815 г. министру иностранных дел К.В. Нессельроде: «Предназначенное для меня помещение не просто неудобно; оно до такой степени неподходяще, что даже внешний вид его совсем не соответствует названию представительства. Послы России в Париже получали жалование в 30 тыс. дукатов, мне же положили 5 тыс., причем разместили в особняке, расходы на освещение и отопление которого поглощают треть этой суммы». Поццо подчеркивал, что заботится не о себе лично, а о престиже страны, интересы которой он представлял. «Если бы я не был убежден, что такое убогое существование вредит большому делу и что по-

---

¹ Поццо ди Борго об устройстве Королевства Польского, записка на имя Александра I. Л. 6 об. Подробнее см.: *Таньшина Н.П.* Польский вопрос по запискам императора Николая I и графа Ш.-А. Поццо ди Борго // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 15–26.

² *Слонимский Л.З.* Указ. соч. С. 819.

добного рода исключения унижают человека, в отношении которого они делаются, я бы не обращал на это ни малейшего внимания, но именно с такой точки зрения, то есть с точки зрения интересов службы государя, я хочу, чтобы это дело рассмотрели...», – писал он¹.

Его собственное материальное положение с установлением власти Бурбонов значительно улучшилось. Людовик XVIII вернул ему собственность, конфискованную на Корсике, а также щедро отблагодарил за службу. Со временем Поццо ди Борго начал приумножать свое состояние, скупая земли².

Основные усилия российского дипломата были направлены на достижение русско-французского сближения, в котором он усматривал залог укрепления позиций Франции, восстановления ее влияния в Европе. Кроме того, русско-французский союз, по мнению Поццо ди Борго, мог стать мощным противовесом политике Великобритании и Австрийской империи. Русско-французскому сближению, по мнению дипломата, должен был содействовать брак между герцогом Беррийским, сыном графа д' Артуа, и сестрой императора Александра Анной Павловной. Однако, несмотря на все его усилия, этот брак так и не был заключен. Еще одно разочарование Поццо ди Борго испытал, узнав об англо-франко-австрийском секретном договоре от 3 января 1815 г. антирусской направленности. Эта двойная неудача была тем более чувствительна, что в обоих случаях Поццо выказывал излишнюю доверчивость. Его чрезмерный оптимизм по отношению к Бурбонам даже в Санкт-Петербурге вызвал упреки в пристрастии. Горячо протестуя против них, Поццо ди Борго писал: «В пятьдесят лет меня могут сделать несчастным, но никто не имеет права унижать меня»³.

В конце 1815 г. под прямым давлением императора Александра I король передал пост главы правительства и министра иностранных дел герцогу Ришельё, более десяти лет находившемуся на русской службе в должности губернатора Одессы. Руководствуясь здравым смыслом, Ришельё не разделял крайностей ультрароялизма и ратовал за умеренный курс. В лице Поццо ди Борго он нашел деятельного помощника. Посланник полагал, что Россию могла заинтересовать лишь сильная Франция. 7(19) мая 1818 г. он писал графу И. Каподистрия, в 1816–1822 гг. занимавшему пост министра ино-

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия I. Том VIII. Май 1814 – ноябрь 1815. М., 1972. С. 500.

² *McErlean J.* Op. cit. P., 2007. P. 311.

³ *Слонимский Л.З.* Указ. соч. С. 828.

странных дел: «Говорят, что Франция предоставляет меньше гарантий спокойствия, чем другие нации. Я это допускаю, но я полагаю, что это является мотивом, чтобы присоединить ее к мудрым и стабильным нациям, чтобы подать ей пример, и чтобы укрепить позиции короля, которого мы хотим видеть на ее троне...»¹ Правда, по его мнению, этого сложно было достичь при короле Людовике XVIII, в отношении которого он не питал иллюзий: «Если подумать, что мог бы сделать великий монарх на месте того, кого мы сейчас имеем, то нельзя не сожалеть о таком фениксе»².

Было бы совершенно неверно представлять российского посланника в качестве последовательного либерала. Именно практицизм, возведенный в принцип, заставлял Поццо ди Борго неизменно отстаивать «систему умеренности», отвергая крайности любого рода.

Это время было пиком дипломатической карьеры Поццо ди Борго. Один из чиновников в разговоре с Ш.-М. Талейраном заметил: «Разве нами все еще управляет корсиканец?»³ Сам Поццо ди Борго сообщал в одном из писем: «Если машина идет не особенно хорошо, то я должен сказать, что она совсем не шла бы без меня»⁴. 5 марта 1817 г. он получил чин генерал-лейтенанта, а в 1818 г. был пожалован в графы и пэры Франции.

После ухода с территории Франции войск антинаполеоновской коалиции в 1818 г. и присоединения Франции к союзу четырех великих держав Людовик XVIII начал откровенно ориентироваться на политический курс Англии, а с воцарением в 1824 г. Карла X перспектива желанного для Поццо ди Борго русско-французского союза становилась все более туманной.

Свой пост в Париже Поццо ди Борго сохранил и после смерти императора Александра I. 22 августа 1826 г., в день коронации Николая I он «за отличные и ревностные труды» был возведен в графское достоинство, а 21 апреля 1829 г. произведен в генералы от инфантерии.

Наблюдая за развитием событий во Франции изнутри, Поццо ди Борго без всякого оптимизма оценивал внутривнутриполитическую ситуацию в этой стране. Он писал Нессельроде 21 апреля (3 мая) 1829 г.: «Здесь что ни год, то новые министры, и постоянно все начинается сначала. Я ожидаю следующего правительства с интересом, и я бы

---

¹ Correspondence diplomatique du comte Pozzo di Borgo ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode... Т. 2. Р. 502.

² Цит. по: *Куриев М.М., Пономарев М.В.* Век Наполеона: люди и судьбы. М., 1997. С. 86–87.

³ *McErlean J.* Op. cit. Р. 312.

⁴ *Слонимский Л.З.* Указ. соч. С. 832–833.

сказал, с любопытством, если бы положение не было столь серьезным»¹.

Июльская революция 1830 г. не стала неожиданностью для главы российского посольства. Причины революции он усматривал прежде всего в фатальных ошибках короля и неумелых действиях правительства. Он писал 27 июля (8 августа) 1830 г. князю Х.А. Ливену, заменявшему тогда вице-канцлера К.В. Нессельроде, что «причины этого важного события кроются главным образом в слепом упрямстве короля», в его незнании современной Франции и в проведении политики, «противоречащей идеям, нравам и интересам почти всех его граждан»². Аналогичное мнение Поццо ди Борго излагал в письме к К.В. Нессельроде от 13 (25) августа 1830 г.: «Карл X с помощью иезуитов в монашеской рясе и светском обличи, а также своего рокового человека – князя Полиньяка оправдал все мои предчувствия относительно своего скорого краха, и, к сожалению, даже с лихвой. Вы любезно писали мне из Варшавы, что я слишком мрачно смотрю на дела Франции; события же со всей очевидностью доказали, что я был недостаточно пессимистичен»³.

Как уже отмечалось в первой главе, несмотря на миролюбивые заявления французского правительства, Июльская революция, падение династии Бурбонов и восшествие на французский трон Луи-Филиппа Орлеанского вызвали серьезную озабоченность у императора Николая I. Не имея ничего против короля французов лично, он был глубоко возмущен обстоятельствами его прихода к власти.

Российским дипломатам был направлен циркуляр, в котором сообщалось, что они должны «оставаться в роли простых наблюдателей и избегать публичных высказываний относительно изменений, произошедших во Франции»⁴. Несмотря на разрешение Поццо остаться в Париже, его положение было весьма деликатным; он сам для себя еще не решил, стоит ли ему здесь находиться. Он писал Нессельроде 13 (25) августа: «Нужно иметь железные нервы, чтобы не прийти в расстройство от столь великих потрясений; Вы, конечно, представляете себе, насколько это должно было затронуть меня лич-

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия II. Том VIII (XVI). Октябрь 1828 – июль 1829. М., 1994. С. 183.

² Цит. по: *Maggiolo A.* Op. cit. P. 323–324.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Том XVII. Август 1830 г. – январь 1832 г. М., 2005. С. 62.

⁴ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 39. Л. 141.

но во многих отношениях; тем не менее я стараюсь соответствовать обстоятельствам и приносить еще какую-нибудь пользу»¹.

В отличие от императора Николая I, Поццо ди Борго с самого начала занял весьма умеренную позицию по отношению к Франции. Негативно оценивая события революции 1830 г. во Франции, дипломат считал целесообразным действовать, исходя из принципа «меньшего зла», признав новый политический режим и новую династию как меру, необходимую для общеевропейской стабильности. Девизом всей политики российского дипломата можно считать его слова из письма к К.В. Нессельроде от 8 (20) сентября 1830 г.: «С тех пор, как произошло непоправимое свержение Бурбонов, я стремился избежать установления во Франции республики».

Одной из наиболее острых проблем в отношениях между Россией и Францией в 1830–1840 гг. стал польский вопрос, чрезвычайно важный как для России, так и для Франции, испытывавшей давние симпатии к полякам. С решением польского вопроса было тесно связано внутривнутриполитическое развитие Франции в начале 1830-х гг. Как писал Поццо ди Борго, «новости из Польши занимают всех. Успех императорской армии, как и сопротивление, которое она встречает, в значительной степени влияют на поведение партий во Франции»².

С начала сентября 1831 г. событиям в Польше были посвящены первые полосы французских газет³. Когда 16 сентября парижские газеты сообщили о штурме Варшавы русскими войсками и о поражении поляков, в Париже в течение нескольких дней происходили антирусские народные манифестации, для умирения которых потребовалось вмешательство войск. Невероятный взрыв антирусских настроений, театральные постановки антирусского содержания – все это стало настоящей трагедией для Поццо ди Борго: буквально на глазах рушились его надежды на русско-французское сближение, над которым он работал в течение полутора десятков лет. По словам дипломата, «со времен свержения легитимного правительства (имеется в виду правительство Карла X. – *Н. Т.*) никогда еще беспорядки не были столь серьезными». Известие о взятии Варшавы оказало на

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Том XVII. С. 42, 62.

² АВПРИ. Ф. 133. Д. 197. Л. 339 об. Донесение Поццо ди Борго от 12 (24).02.1831.

³ О Польском вопросе во внешней политике России см.: Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2016.

французское общество, – писал Поццо ди Борго, – «огромный, неисчислимый [...] для врагов России и социального порядка» эффект¹.

Под окнами отеля, в котором располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша! Мстят!»; камнями были разбиты окна посольства. Люди из окружения Поццо ди Борго советовали ему покинуть Париж, но он решил остаться, тем самым сохранив дипломатические отношения между Францией и Россией.

Однако отныне при малейшей возможности Поццо ди Борго стремился покинуть страну, которую совсем недавно называл своей второй родиной. Он с горечью отмечал: «Франция сегодня уже не та, что в 1815 г., когда она была благодарна Александру I, сохранившему ей территорию, сильные позиции и национальную честь»². В конце мая 1832 г. он отправился в путешествие в Санкт-Петербург, а оттуда – в Берлин, Вену и Мюнхен, вернувшись в Париж только в октябре; часто он надолго уезжал в Лондон.

Крушение политических надежд Поццо ди Борго усугублялось его личным пессимизмом; он ощущал себя старым, уставшим от жизни человеком. Еще в 1829 г. он отмечал в личном письме Нессельроде: «...я приближаюсь к концу своего пути, где всех нас встречает не надежда, а смерть. Как бы то ни было, весь остаток моей жизни и моих сил принадлежат императору, а прошлое – залог будущего»³.

Портрет Луи-Филиппа работы Поццо ди Борго

Талантливые современники Луи-Филиппа, такие как В. Гюго, Ф.-Р. де Шатобриан, оставили блестящие зарисовки личности этого монарха. При всем противоречивом отношении к сложной и неоднозначной персоне короля, они подчеркивали главное: Луи-Филипп – именно тот монарх, который мог управлять Францией в тех непростых условиях.

Не менее яркие наблюдения о короле оставил и Поццо ди Борго. Его мнение особенно интересно тем, что он не идеализировал ни персону самого короля, ни возглавляемый им режим. Кроме того, его оценка личности Луи-Филиппа – это, конечно, взгляд изнутри, по-

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 199. Л. 382–383. Донесение Поццо ди Борго от 9 (21).09. 1831.

² Там же. Д. 211. Л. 202. Донесение Поццо ди Борго от 8 (20).02.1832.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия II. Том VIII (XVI). С. 183.

сколько граф практически всю свою карьеру пробыв во Франции и эта среда была для него родной. В то же время он – прежде всего дипломат, представляющий и отстаивающий интересы другого государства, и должен дать объективный анализ происходящего во Франции. Еще одним важным обстоятельством является независимость взглядов гордого корсиканца от настроений императора: как правило, дипломаты Николая, памятуя о его резком нраве, зачастую стремились доложить то, что государь желал услышать. В отличие от них Поццо ди Борго, находясь на государственной службе, умел совмещать независимость суждений с выполнением официальных функций. Не стремившийся в Россию, не жаждавший там богатства, славы, доходных чинов и поместий (этим-то он и раздражал самодержца, упрекавшего посла, что тот хорошо знал Францию, но совсем не знал Россию, в которой не бывал, а русского языка так и не выучил). Поццо ди Борго трезво оценивал события, происходившие во Франции, и личность самого короля Луи-Филиппа. В условиях натянутых отношений между Россией и Францией после Июльской революции это было очень важно.

С королем у Поццо ди Борго сложились весьма доверительные отношения, тем более что Луи-Филипп общению со своими министрами предпочитал беседы с членами дипломатического корпуса. Таким образом, российский посол имел прекрасную возможность узнать французского короля и изложить свое суждение о его личности в донесениях вице-канцлеру. Какой же портрет короля Луи-Филиппа живописал российский дипломат?

Притчей во языцех стала «буржуазность» Луи-Филиппа, о которой писали все его современники. Главное, чем он напоминал буржуа, была его страсть к деньгам. Поццо ди Борго критически относился к торгашескому духу, захлестнувшему Францию, и политике короля, оказывавшему этому всяческое содействие. Он писал Нессельроде: «Дух банка и коммерции, тщеславие парижской и провинциальной буржуазии – все это благодаря королю, который очень подходит буржуа. Желая им угодить, он ведет себя с ними фамильярно и простецки, он им расточает щедрые знаки внимания, он им повинует, он передает им в руки бразды правления страной»¹. В то же время, как справедливо отмечал дипломат, такая политика приносила свои дивиденды в виде лояльности со стороны населения, прежде всего торгово-промышленных и финансовых кругов, поддерживавших политику короля: «Собственник и распорядитель более чем миллиардного состояния, которое он без труда увеличивает, он в

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 419 об.

курсе всех дел, и это обеспечивает ему преданность и усердие со стороны служащих, а также гарантирует послушность тех, кто жаждет получить какое-нибудь место. Его привычки, манеры, даже его чувства облегчают ему общение с народными массами, а его неоспоримая сноровка является в глазах простых людей одним из его главных достоинств»¹.

Аристократу Поццо ди Борго заигрывания короля с «народом», даже с его очень состоятельными представителями, были явно не по душе. В то же время, по мнению посла, именно такой манеры поведения и должен был придерживаться Луи-Филипп, чтобы удержаться на троне и завоевать популярность в стране. Он писал вице-канцлеру: «Враги короля упрекают его за допущенные им ошибки и присущие ему слабости. И то, и другое справедливо, однако в том состоянии инертности и морального кризиса, в котором оказалась Франция, последствия этого не являются такими уж вредными, какими они были бы в обществе менее деморализованном, чем это. Даже может быть, если бы король имел больше положительных качеств, он меньше бы соответствовал тем людям и массам, которые его материально поддерживают на троне. Больше возвышенности души, тонкости чувств, негодования против оскорбления, искренности, одним словом, рыцарства, все это сделало бы его чуждым и несовместимым с нравами старых генералов, закаленных и разоренных Наполеоном, газетчиков, биржевиков, банкиров и амбициозных игроков, с нравами этих буржуазных нотаблей и лавочников, которые ведут себя в Тюильри как у себя дома, ничуть не смущаясь присутствия истинных аристократов, обладающих чувством превосходства и надменности»². В этом весьма кратком пассаже российскому дипломату удалось дать необычайно точное и полное описание социальной базы режима Луи-Филиппа.

Характеризуя «буржуазность» короля, Поццо ди Борго подметил еще одну характерную черту. Российский посол писал не просто о «буржуа», а о так называемых «нотаблях», или, как он их именовал, «буржуазных нотаблях». Действительно, король Луи-Филипп опирался не на буржуазию как таковую и не на весь «средний класс», как утверждали либералы-орлеанисты, а на нотаблей – «влиятельных людей», представителей финансовой, деловой и просвещенной элиты французского общества. Именно этот социальный слой являлся опорой режима Луи-Филиппа; именно нотабли управляли Францией в эти годы. Посол писал: «В ответ на политику короля новоявленные

---

¹ Там же. Д. 145. Л. 326 об.

² Там же. Л. 175 об. – 176 об.

нотабли снабжают его всеми средствами, которые он требует, дабы гарантировать его власть и их верховенство»¹. Орлеанизм, то есть французский умеренный либерализм времен Июльской монархии, – это правительство элит; но это уже не аристократия родов, а аристократия нотаблей. Ее составляли старинные и богатые фамилии крупных торговцев, либеральная аристократия (как, например, герцог Л.-В. де Брой, не любивший Поццо ди Борго за его независимый нрав и «доктринерство»), юристы (Л. Моле), дворянство Империи (Н. Сульт, Жерар, Мортье), профессура Университета (Ф. Гизо, В. Кузен, Ф. де Вильмен). Как видим, проницательный дипломат сумел весьма тонко подметить эту важную особенность социальной базы Июльской монархии; современными отечественными и зарубежными исследователями Июльская монархия трактуется именно как «правление нотаблей».

Луи-Филипп очень хотел, чтобы его приняли, несмотря на революционное происхождение его власти, в королевские фамилии Европы. Традиционным средством достижения этой цели являлись династические браки. Таким образом, Луи-Филипп, как заботливый отец, мог устроить будущее своих многочисленных детей, а заодно стать полноправным членом европейской семьи монархов.

Любовь Луи-Филиппа к своей семье была общеизвестна, однако в глазах современников это являлось скорее недостатком, нежели достоинством. Поццо ди Борго так отзывался об этой стороне Луи-Филиппа: «Есть еще одна цель, которой король французов следует с неослабевающим желанием и упорством и которая составляет существенную часть его политики, – это обустройство своих семейных дел. Убежденный, что ему сложно, если не невозможно, соединиться родственными узами с дворами Севера², он стремится обеспечить своим детям короны и троны Юга...»³

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 419 об.

² Так в XIX веке именовали российский, австрийский и прусский дворы.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 426. В результате этих династических браков старший сын короля, наследник престола герцог Орлеанский женился на Елене Мекленбург-Шверинской; Мария Луиза вышла замуж за короля Бельгии Леопольда I; Мария – за герцога Вюртембергского; герцог Немурский женился на Виктории Саксен-Кобургской; принцесса Клементина вышла замуж за Августа Саксен-Кобургского и стала матерью царя Болгарии Фердинанда I; принц Жуанвильский был женат на Франческе, принцессе Бразильской, дочери императора Педру II; герцог Омальский женился на Марии Каролине Бурбон-Сицилийской; супругой герцога де Монпансье стала Луиза Фернанда Испанская, сестра королевы Изабеллы II.

Однако для того чтобы эти брачные союзы состоялись, с самого начала правления Луи-Филиппу нужно было убедить европейских монархов, что Франция не вынашивает экспансионистских планов и собирается действовать на внешнеполитической арене строго в рамках Венской системы, стремясь стать полноправной участницей «европейского концерта». Такой умеренный и осторожный подход весьма импонировал Поццо ди Борго. Характеризуя внешнеполитическую линию Луи-Филиппа, он подчеркивал миролюбивые намерения короля и его стремление достичь европейской стабильности: «Он убежден, – писал он, – что война вызовет во внутреннем устройстве Франции такие изменения, что будет невозможно не опасаться самых опасных и самых фатальных последствий»¹. По словам российского дипломата, «король не хочет войны по единственной причине: он опасается, что она приведет к его собственному свержению»². «Луи-Филипп осознает свое положение; он понимает, что для того чтобы сохранить занимаемое им место, нужно исключить любые опасные и серьезные испытания; именно по этой причине он противится войне и всему, что может сделать ее неизбежной», – сообщал граф³.

Можно сказать, что Поццо ди Борго в некоторой степени оправдывал курс французского правительства на усиление вооруженных сил, воспринимая военные приготовления как меру оборонительного характера. Он отмечал: «Армия ни в коей мере не нацелена на наступательные действия... Даже войска, сосредоточенные на границе с Пиренеями⁴, не собираются воевать. Следовательно, Франция не даст поводов для беспокойства; она не хочет потрясать спокойствие других держав; единственным оружием Франции является ее моральное влияние, а также пыл ее публицистов и пропагандистов»⁵.

Однако именно деятельность «пропагандистов» очень беспокоила Поццо ди Борго. Несмотря на то что в области внутривнутриполитических преобразований Луи-Филипп решительно занял очень умеренную линию, представленную на политическом небосклоне группой Сопротивления, сторонники более активного реформирования общества, группировавшиеся под знаменами группы Движения, особенно в первые годы Июльской монархии, имели весьма прочные по-

---

¹ Там же. Д. 197. Л. 77.

² Там же. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 100. Л. 14 об.

³ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 177.

⁴ В Испании с 1833 г., после смерти короля Фердинанда II, шли «карлистские войны» между доном Карлосом и регентшей Марией-Кристиной.

⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 178 об. – 179.

зиции. По словам российского дипломата, король и его министры, прекрасно осознавая опасность призывов к войне и в целом революционной пропаганды, не могли активно им противодействовать, ибо эта «пропагандистская война», полагал посол, заложена в самих «основах Июльской революции и пагубных доктринах, которые она освящала»¹. Как видим, Поццо ди Борго справедливо отмечал влияние на политику Луи-Филиппа такого фактора, как общественное мнение, которое король должен был учитывать, по крайней мере в первые годы своего правления. Посол докладывал Нессельроде: «Король очень хорошо понимает опасность революционной пропаганды, особенно с тех пор, как ею занялась республиканская партия. Тем не менее он не рискнет ее отрицать и не будет бороться с ней во всеуслышание, дабы не оказаться в прямой оппозиции духу Июльских дней и настроениям некоторых из своих министров...»²

Действительно, широкие круги французского общества были настроены в пользу масштабных внешнеполитических акций, призванных восстановить былое влияние и престиж Франции в Европе; французы жили в плену «наполеоновской легенды», активно поддерживавшейся самим правительством Луи-Филиппа, и результаты этого несоответствия национальных чаяний и компромиссного политического курса правящих кругов в полной мере проявились в 1848 г.

Пока же, в начале 1830-х гг., Поццо ди Борго упрекал короля в заигрывании с оппозицией, в политической неадекватности по отношению к своим оппонентам. Показателен разговор, состоявшийся между королем и послом в первый день 1834 г., когда в самый канун праздника в проправительственной газете «*Journal des Débats*» была опубликована статья, направленная против русской политики на Востоке. Луи-Филипп, желая сгладить негативное впечатление от этой публикации, произнес буквально следующее: «Те, кто возглавляют газету, являются людьми богатыми, независимыми от меня и моего правительства. Хотя обычно они нас поддерживают, зачастую мы выступаем объектом критики...»³ Любопытный момент: то, что так неприятно поразило Поццо ди Борго и с его точки зрения свидетельствовало о слабости короля, мы бы могли воспринять как настоящее торжество принципа свободы прессы (хотя в 1835 г. во Франции были приняты законы, ограничивающие деятельность печатных органов).

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 178 об. – 179.

² Там же. Л. 327.

³ Там же. Д. 144. Л. 11 об.

По мнению посла, одна из ошибок Луи-Филиппа, стремившегося сохранить власть, заключалась в том, что он не прилагал серьезных усилий для укрепления своих позиций: «...король желает мира и, однако, не сопротивляется мерам, которые могут привести к войне... Слабость короля и состав его правительства не представляют никаких гарантий против событий, которые могут подвергнуть Европу опасности и поставить ее под ружье»¹.

Не только парламентская и внепарламентская оппозиция доставляла хлопоты Луи-Филиппу; часто он не мог найти общего языка с членами правительства, регулярно сетуя графу на «амбиции и интриги его собственных министров»². Поццо ди Борго писал Нессельроде об одной из своих встреч с королем, состоявшейся в Зале Совета в Тюильри: «Рассказывая мне о сложностях, которые зачастую ему доставляют министры, он мне сказал: “Вы не представляете, как часто я вижу за этим столом главу оппозиции!”»³

Конечно, в этих словах короля присутствовала доля лукавства. Луи-Филипп был королем в высшей степени умным, активным, но властным и мелочным; он хотел решать все дела сам. «Система короля по отношению к своему Совету может заключаться в следующем изречении: “разделять, чтобы властвовать”»⁴, – так характеризовал политическую концепцию Луи-Филиппа Поццо ди Борго. В донесении Нессельроде от 8 (20) июня 1834 г. он писал: «Луи-Филипп, опираясь на новую Францию, Францию доктринерскую, промышленную и буржуазную, придерживаясь либеральных принципов правления, введенных в практику людьми гнусными и раболепными, обладает почти безграничной властью в стране»⁵.

Король, по словам Поццо ди Борго, был «единственным государственным деятелем, существующим во Франции»⁶. В то же время посол отмечал, что «воля короля доминирует», когда речь идет прежде всего о внешнеполитических вопросах. Когда же обсуждаются вопросы внутренней политики, «из-за слабости или, скорее, из-за недостатка знаний и основательности в суждениях, он не рискует проти-

---

¹ Там же. Д. 197. Л. 283 об., 284 об.

² Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 65.

³ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 177.

⁴ Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 13.

⁵ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 425–425 об.

⁶ Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 11–11 об. Исключение Поццо ди Борго делает только в отношении «хитрого лиса» Ш.-М. Талейрана, который в это время занимал пост посла Франции в Великобритании.

виться своим министрам или брать инициативу на себя, даже по самым важным вопросам...»¹

В целом, называя Июльскую монархию «аномалией», правлением короля, стоящего «во главе республиканских учреждений», Поццо ди Борго сомневался в возможности формирования стабильной политической системы во Франции. «Надаться, что Франция в ее нынешнем положении сможет на равных договариваться с иностранными державами, внушая им уверенность, что ее мирное развитие не будет нарушено какими-либо непредвиденными событиями, – это значит обманывать себя. Луи-Филипп лично очень слаб, чтобы можно было на него рассчитывать, а происхождение его власти не может способствовать созданию стабильного и прочного правительства», – писал он в 1832 г.² Эти же сомнения посол выражал спустя два года, накануне своего отъезда в Великобританию: «...природа демократических учреждений, которые царствуют в этой стране, живость и не дисциплинированность умов, свобода и дозволенность обо всем говорить и обо всем писать, – все это мешает родиться духу понастоящему монархическому...»³

Еще в середине 1830-х гг. Поццо ди Борго верно отметил главную ошибку, допущенную Луи-Филиппом, которая в результате стоила ему короны. Он писал: «Нельзя не признать за Луи-Филиппом личной смелости и физической храбрости, но ему не хватает храбрости гражданской. Следствием этого является то, что он больше способен сопротивляться, нежели созидать»⁴. Да, Луи-Филипп добился определенной политической стабильности режима, но эта стабильность стала восприниматься французами как стагнация, что привело к росту общественного недовольства в стране.

В конце декабря 1834 г. вице-канцлер Нессельроде сообщил Поццо ди Борго о его переводе в Лондон; 5 января 1835 г. он официально был назначен послом Российской империи в Великобритании.

В Лондоне деятельность энергичного дипломата приобрела весьма оригинальный характер. Уверенный в своей правоте, Поццо ди Борго прилагал все усилия к тому, чтобы показать «истинную физиономию» Сент-Джеймского кабинета, откровенно провоцируя охлаждение русско-английских отношений. В донесениях посла лидеры партии вигов представляли людьми ограниченными и низменными: лорд Рассел «маленьким, холодным и злопамятным», лорд

---

¹ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 11–11 об.

² Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 198. Л. 21 об. –22.

³ Там же. Д. 145. Л. 326.

⁴ Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 11–11 об.

Мельбурн «никогда не стесняющимся поступать дурно», лорд Пальмерстон «отщепенцем, соединяющим злой нрав и много злой воли»¹.

Однако главное обвинение заключалось в ином. Поццо ди Борго считал, что Англия, ввергая себя в анархию конституционного правления, в союзе с Францией нарушит баланс сил в Европе. Он настойчиво требовал отказаться от прежних иллюзий в отношении этих стран, призывая по возможности укреплять тройственный союз с Австрией и Пруссией. Однако это противоречило линии российского правительства, не заинтересованного в осложнении отношений с Великобританией, особенно в условиях обострявшегося Восточного вопроса².

Такая позиция стала концом дипломатической карьеры Поццо ди Борго. Его личные письма этого периода полны горечи и бесконечной усталости. Об этом он часто писал Нессельроде и Валентине Поццо ди Борго, жене своего племянника Шарля, которая стала настоящей отдушиной в жизни стареющего дипломата. Еще во время своего продолжительного путешествия по Европе он отовсюду привозил ей дорогие подарки: самые красивые меха из Петербурга, изысканные украшения из Вены, ткани из Германии; в перерывах между дипломатическими конференциями посещал магазины в поисках самых изящных украшений.

Все больше он тосковал по Парижу, городу, который напоминал об ушедших днях молодости и славы. Если в начале 1830-х гг. Поццо ди Борго стремился уехать из Парижа в Лондон, то теперь часто уезжал в столицу Франции. Он всегда боялся умереть в Англии, в «этой печальной стране»³. Даже окружающие замечали, что в Париже ему было гораздо уютнее, там он себя даже физически лучше себя чувствовал. Княгиня Ливен, проживавшая с 1835 г. в Париже и хорошо знавшая дипломата, писала 12 августа 1837 г. Ф. Гизо: «Поццо собирается сегодня вечером к леди Гренвил (супруге посла Великобритании во Франции. — *Н. Т.*). Он только что приехал... У него юный и веселый вид. В Лондоне он совсем другой. Там у него дурное настроение, и такой же плохой настрой распространяется и на него»⁴.

---

¹ Куриев М.М., Пономарев М.В. Указ. соч. С. 90.

² Там же. С. 90–91.

³ *Ordioni P. Pozzo di Borgo, diplomat Pozzo di Borgo de l' Europe française.* P., 1935. P. 262.

⁴ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Préface de J. Schlumberger.* T. 1–3. P., 1963–1964. T. 1. P. 77.

Когда 28 декабря 1839 г. высочайшим рескриптом Поццо ди Борго был уволен с государственной службы, он не вернулся на родной остров и не отправился в Россию. Те немногие годы, которые ему еще отвела судьба, он провел в Париже, в превосходном особняке на улице л'Юниверсите, который он приобрел, еще будучи в Лондоне.

После 1796 г. он никогда не бывал на своей родной Корсике, однако сохранил там определенное влияние благодаря своему племяннику Феликсу и никогда не отказывал в помощи своим соотечественникам-корсиканцам, обращавшимся к нему с различными просьбами. Он тратил свои собственные средства на общественные нужды Корсики; на его деньги была восстановлена деревенская церковь, строились дороги¹.

Старый и больной, с помутившимся рассудком, Поццо ди Борго умер 15 февраля 1842 г. Как отмечала герцогиня Доротея де Дино, «для него самого, как и для его близких, было лучше, что эта растительная жизнь закончилась». Он оставил 400 тысяч франков ренты, половина которой, вместе с парижским особняком и виллой в Сен-Клу, отошла его племяннику Шарлю; остальные деньги достались корсиканским родственникам². Похоронили его в Париже на кладбище Пер-Лашез.

* * *

Почти год пост посла России во Франции оставался вакантным. В конце 1835 г. на эту должность был назначен генерал от кавалерии, генерал-адъютант граф Петр Петрович фон дер Пален (1777–1864), второй сын петербургского губернатора Петра Палена, участник всех основных военных кампаний с 1796 по 1831 г. Ему было велено вручить верительные грамоты не королю Луи-Филиппу, а премьер-министру, поскольку в них отсутствовало традиционное обращение «Государь, брат мой». Проспер де Барант, получивший назначение на посольский пост в Санкт-Петербург, также был встречен в российской столице весьма прохладно.

Петр Петрович, оправдывая ожидания императора, полагавшего, что посол будет послушным инструментом его политики, не стал сближаться с парижским светом и двором. Как заметил П.П. Черкасов, «...выбор Палена в качестве посла при дворе Луи Филиппа был совершенно осознанным. Русский самодержец явно желал показать

---

¹ *McErlan J.* Op. cit. P. 311.

² *Dino D.* *Cronique de 1831 à 1862.* Т. 1–4. Р., 2005. Т. 3. Р. 166.

“королю-гражданину”, что не намерен излишне деликатничать с “фальшивой” Июльской монархией»¹.

Несмотря на то что в окружении короля Луи-Филиппа с опаской отреагировали на назначение Палена послом в Париж, бесхитростный Пален, по словам П.П. Черкасова, «оказался на редкость надежным партнером, державшим данное слово, ненавидевшим недомолвки и тем более интриги. Всякое случалось в русско-французских отношениях за те пять с половиной лет, что граф Пален пробыл послом России в Париже, но никогда МИД Франции не имел повода быть недовольным им лично»².

Однако наши соотечественники, оказывавшиеся в Париже, были о графе Палене несколько иного мнения и жаловались на отсутствие поддержки со стороны посла³. В этом отношении весьма показательным наблюдением А.Н. Карамзина, который писал родным 10 (22) февраля 1837 г., что в светское общество сложно попасть русским, а Пален не оказывает своим соотечественникам никакой поддержки и протекции⁴.

Кроме того, как отмечал секретарь австрийского посольства в Париже граф Рудольф Аппоньи, царь выделял русским дипломатам весьма скромные суммы. Поэтому в октябре 1838 г. граф Пален оказался в деликатном положении: несмотря на двухмесячные поиски, он так и не смог найти себе достаточно просторное жилье за 1,5 млн франков. Поэтому он решил нанять для посольской канцелярии маленький особняк в Париже, а для себя снять на лето поместье Тюильри в Отее, в котором прежде проводило лето семейство Аппоньи⁵. В 1839 г. российское посольство переместилось на Вандомскую площадь. По причине экономии в русском посольстве очень редко устраивали большие приемы.

В конце 1841 г. в отношениях между Францией и Россией возник дипломатический инцидент, вследствие которого интересы двух стран представляли поверенные в делах⁶. Российские интересы

---

¹ Черкасов П.П. Я.Н. Толстой во Франции: период эмиграции (1826–1836) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 7. М., 2006. С. 192.

² Там же.

³ Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004. С. 180.

⁴ Там же.

⁵ Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или как возник «весь Париж». М., 1998. С. 146.

⁶ Об этом см. в следующей главе. Граф Пален в 1845 г. был назначен генерал-инспектором всей кавалерии, а в 1853 г. – председателем Комитета о раненых. На этом посту он оставался до своей смерти в 1864 г.

вплоть до 1848 г. представлял поверенный в делах Николай Дмитриевич Киселев (1802–1869). Николай получил домашнее воспитание у французского гувернера. Его старший брат Павел заботился о его образовании и одно время думал поместить его в лицей Ришельё; однако затем Николай поступил в Дерптский университет, где его товарищем был поэт Языков, познакомивший его с Пушкиным. Киселев знал П.А. Вяземского, А.С. Грибоедова, А. Мицкевича.

Блестящие служебные успехи старшего брата облегчили Николаю Дмитриевичу карьеру. В январе 1824 г. он поступил на службу в министерство иностранных дел, через два года был отправлен в Персию с князем Меншиковым. В 1829 г. Киселев был назначен секретарем при посольстве в Париже, где состоял до 1837 г., после чего стал советником посольства в Лондоне, где исполнял должность поверенного в делах в Великобритании.

В 1840 г. он был вновь переведен в Париж и в следующем году получил чин действительного статского советника. После отъезда посла Палена в отпуск Николай Дмитриевич представлял интересы России в качестве временного поверенного, а затем, вплоть до 1851 г., поверенного в делах во Франции. В 1855–1864 гг. он был послом в Риме и Флоренции, с 1864 г. – послом в Италии. В 1868 г. стал действительным тайным советником.

Император Николай и барон Поль де Бургоэн

Посольство Франции в Петербурге располагалось на набережной Невы, во дворце Волконского, напротив Петропавловской крепости. Сейчас на этом месте находится особняк, построенный по проекту А.И. Резанова в 1867–1872 гг. для президента Академии художеств – великого князя Владимира Александровича, сына императора Александра II. С 1920 г. в здании размещается Дом ученых имени М. Горького Российской академии наук. До строительства дворца участок земли под ним принадлежал сначала И.А. Мусину-Пушкину, потом здесь был построен особняк Д.П. Волконского, а в начале XIX в. сюда переехало французское посольство. Резиденция была подарена посольству императором Александром I в 1808 г. для скрепления Тильзитского мира и свидетельствовала о важности французского представительства¹.

---

¹ Гончарова Т.Н. Посольство Франции в Санкт-Петербурге (1814–1848 гг.). Представители конституционной монархии в самодержавной

В мае 1830 г. герцог К.Л. де Мортемар, с 1828 г. возглавлявший посольство Франции в России, отправился в Париж, оставив вместо себя поверенного в делах барона Поля Бургоэна. Накануне и в ходе июльских событий именно Бургоэн оказался при императоре. Дипломат входил в ближний круг Николая, обсуждавшего с ним ситуацию во Франции и возможные сценарии развития ситуации. Если из Франции воинственный пыл государя пытался умерить Поццо ди Борго, то в Санкт-Петербурге для этого многое сделал именно Бургоэн.

Еще в 1827 г. Бургоэн стал первым секретарем посольства, в феврале следующего года он был назначен на пост поверенного в делах, сменив в этой должности Ла Ферроне. В этом же году в императорской свите дипломат совершил поездку по югу России. После смерти императора Николая Бургоэн опубликовал воспоминания, на основании которых написан этот раздел.

Как писал Бургоэн, император Николай убедительно рекомендовал герцогу Мортемару перед его отъездом в Париж передать королю Карлу X совет придерживаться умеренного курса и сохранять верность конституции¹.

Накануне Июльской революции императорский двор находился в Гатчине, где император был на маневрах. В разговоре с Бургоэном Николай так характеризовал ситуацию во Франции: «Так я могу утвердительно уверить вас... что дела находятся в самом опасном положении... Я в отчаянии. Вы знаете, как я интересуюсь судьбою Франции, как люблю короля Карла X; но думаю, что он в эту минуту идет навстречу своей гибели. Одним словом, посол мой пишет, что так называемый государственный переворот уже решен». Когда Бургоэн выразил надежду, что, быть может, французы еще остановятся, Николай ответил: «Нет, нет! Не надейтесь; они невольно увлекутся...»² По словам дипломата, император «действительно, любил Францию, как верную свою союзницу, и чувствовал, что она вступила на опасный путь»³. В разговоре с Бургоэном, состоявшемся вечером 27 июля, Николай сказал ему: «Вы знаете, что я – искренний друг вашей Франции»⁴.

России // Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика (Серия «Санкт-Петербург и мир»). СПб., 2010. С. 69.

¹ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 220.

² Там же. С. 232.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 233.

Поскольку на доставку почтовых сообщений между Парижем и Петербургом уходило в то время 10–11 дней, официальные известия о революции Николай получил только через десять дней после ее свершения от барона Мальтица, поверенного в делах России в Пруссии. Николай находился в своем любимом Аничковом дворце, куда и пригласил для разговора Бургоэна, обратившись к нему с такими словами: «Ну что? Не все ли мы предвидели? Теперь все осуществилось... С Парижем прерваны все сообщения: это значит, что инсurreкция торжествует. Какое ужасное несчастье!»¹

Бургоэн, как официальное лицо, не мог делать прогнозов, не имея распоряжений из Парижа: «Увы, государь, очень трудно предугадать. Париж взбунтовался – вот все, что мы теперь знаем. Подобные бунты похожи на воспаление в мозгу: никто не знает, чем болезнь кончится»².

Николай, по словам Бургоэна, «хотя и очень слабо, но... еще надеялся на торжество или, по крайней мере, на продолжительное сопротивление королевской партии...» «Будем надеяться, сказал мне в заключение император, – что, по крайней мере, монархический элемент будет спасен»³. Что касается кандидатуры герцога Орлеанского на французский престол, то, по словам дипломата, перечисляя возможных претендентов, «между прочим произнес он и имя орлеанского дома, но столь же мало остановился на нем, как и на других гипотезах. Он прежде всего ставил на герцога Ангулемского, потом герцога Бордоского; но все эти предположения, все вопросы о лицах обсуждаемы были как бы мимоходом...»⁴

Именно Бургоэну, по его собственным словам, удалось «остановить необдуманную вспышку первого движения»⁵, когда Николай был готов организовать вооруженную интервенцию во Францию. В своих воспоминаниях Бургоэн передает разговор с военным министром графом А.И. Чернышевым, явившимся к нему с такими словами: «Его непоколебимые правила не позволяют ему признавать совершившихся фактов. Следственно, решено, что вам пришлют паспорта, потому что всякое сношение с Францией будет прервано»⁶. Бургоэн ответил: «Если дипломатические отношения будут прерва-

---

¹ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 235.

² Там же.

³ Там же. С. 236.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Там же // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 826.

ны, я узнаю об этом от министра иностранных дел». Он тотчас же отправился к князю Х.А. Ливену, замещавшему К.В. Нессельроде, находившегося на водах в Карлсбаде, но при первом же известии о революции поспешившего вернуться¹. Христофор Андреевич встретил Бургоэна весьма благосклонно; дипломат передал ему разговор с Чернышевым, на что Ливен ответил: «Вы совершенно правы... ничто еще не заставляет думать, чтобы император решился на этот разрыв. Вы, конечно, знаете, с какой точки зрения он смотрит на парижские происшествия; что же касается до решения его, оно еще неизвестно, и когда пройдет первая минута, то мы еще надеемся успокоить его»². Бургоэн сообщил Ливену также о том, что будто бы несколько французских судов не впустили в гавань Кронштадта. «Я формально протестую против этого недопущения», – заявил он. В этом, по словам Бургоэна, заключался «важный факт, могущий возбудить воинственный жар французской военной партии, которая теперь очень сильная в Париже». Ливен, стремясь успокоить поверенного в делах, ответил: «Мера эта была принята в первую минуту, но надеюсь, тотчас же будет отменена. Я с моей стороны не одобрил ее, но вы знаете, у нас есть очень деятельная и нетерпеливая партия войны»³.

Бургоэн попросил у Ливена о личной аудиенции у государя; князь немедленно отправил курьера на Елагин остров, и вечером, в 11 часов, Николай принял Бургоэна, начав разговор мрачным голосом: «Ну что, имеете ли вы какие-нибудь известия от вашего правительства и от господина наместника королевства, потому что вы знаете уже, конечно, что я не признаю никакого другого порядка вещей, кроме законной власти короля»⁴. Когда Бургоэн ответил, что этот вопрос «уже безвозвратно решен Францией» и она будет «защищать всеми силами» новый режим, император встал, начал ходить по комнате и заявил: «Никогда, никогда я не признаю нынешнего порядка вещей во Франции», на что Бургоэн резонно ответил: «Государь, в наше время нельзя произносить слова “никогда”...». Однако Николай повторил: «Никогда! Никогда я не откажусь от своих принципов, потому что с честью торговаться нельзя»⁵.

Бургоэн изложил Николаю свое видение развития ситуации: «Положим, я буду приглашен оставить Санкт-Петербург. Уезжая, я отправлю вперед курьера с донесением о моей высылке и о недопу-

---

¹ Там же.

² Там же. С. 827.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 828–829.

⁵ Там же.

щении нашего флага в ваши гавани. Неужели вы думаете, что после этого известия Франция останется спокойной? Конечно, в тот же самый день и ваш посланник будет выслан...» При этом Бургоэн весьма высоко отзывался о деятельности российского посла Поццо ди Борго: «Как по своим личным качествам, так и по могуществу государя, которого он имеет честь представлять, он составляет там средоточие всего дипломатического корпуса. Все европейские сотоварищи его съезжаются к нему на совет...»¹

Кроме того, Бургоэн подчеркнул, что Франция готова защищать свои интересы: «Ваша прежняя коалиция не испугает нас, и мы стараемся предупредить ее. У нас меньше будет материальных сил, но мы имеем на своей стороне нравственную, разрушительную силу, и мы должны будем броситься в Европу прежде, нежели она успеет приготовиться»².

Государь ответил на это: «Я еще не знаю, на что решусь... но нельзя же нам и одобрить все то, что у вас сделалось»³. Когда Бургоэн заявил, не думает ли император, что после слов графа Чернышева он должен был уехать, Николай Павлович ответил: «Я должен посоветоваться с союзниками... Граф Орлов объявит это в Вене, а вчера я уже написал к принцу Оранскому. Мы вам не объявим войны, но и не признаем нового порядка вещей у вас до тех пор, покуда не произойдет между нами общего согласия»⁴. При этом Николай добавил, что он никогда не переставал интересоваться судьбами Франции: «Англия, завидуя новому вашему завоеванию в Алжирии, воспользуется вашим затруднительным положением и захочет оспорить у вас это прекрасное приобретение. Австрия боится только за Италию. Ваша Июльская революция, может быть, усиливает эту боязнь, но вообще все, что с вами случится неприятного, вовсе не печалит ее. Мы же, напротив того, радуемся, когда Франция преуспевает в силе и благоденствии»⁵. Закончил свою речь Николай такими словами: «Мне нет никакой вражды против Франции: это знает Бог; но я ненавижу принципы, которые вводят вас в заблуждение. Вы говорите мне о нападении с моей стороны; но ведь оно может произойти и с вашей»⁶.

---

¹ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 830.

² Там же. С. 831.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 831–832.

⁵ Там же. С. 833.

⁶ Там же.

Бургоэн заверил императора: «Этого не будет, если только с нами будут обращаться, как мы имеем право ожидать этого, по национальной нашей независимости и достоинству»¹. Как полагал Бургоэн, ему удалось несколько успокоить Николая: «Император внимательно и спокойно слушал меня. Он уже успокоился...»² Тем временем французские корабли были допущены в бухту Кронштадта.

Итак, Николай Павлович в итоге признал режим Луи-Филиппа. Из разговоров с Бургоэном видно, насколько тяжело далось ему это решение и как предан он был своим принципам. В то же время Николай всегда повторял, что к Франции и ее народу он относится с искренней симпатией.

* * *

Для Луи-Филиппа нормализация отношений с Россией была очень важна. В Пале-Руаяле возлагали большие надежды на герцога Мортемара, полагая, что он сможет примирить императора Николая I с Июльской монархией. 9 января 1831 г. Луи-Филипп направил Николаю письмо об аккредитации герцога Мортемара в качестве чрезвычайного представителя Франции в России. В послании отмечалось, что король счел необходимым немедленно отправить чрезвычайного посла к российскому двору, дабы поддержать и укрепить дружеские отношения, необходимые для интересов двух стран³. В конце января 1831 г. Мортемар прибыл в Петербург.

Несмотря на начавшееся восстание в Польше и на французские заявления в Палате депутатов в пользу поляков, официальные отношения между Россией и Францией внешне не изменились. Как вспоминал Бургоэн, император с удовольствием воспринял известие о возвращении герцога Мортемара и принял его с прежней благосклонностью⁴.

Однако в действительности положение Мортемара серьезно изменилось. Военные парады, на которых посол и император гарцевали верхом на лошадях, вероятно, позволили герцогу обрести прежнюю фамильярность в отношениях с Николаем, но не привели к былой доверительности. К Франции, прежде бывшей для императора самой дружественной державой, он испытывал недоверие и даже вражду. Восстание в Польше только укрепило эти чувства. Более того, аргу-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 299. 1831 г. Аккредитация герцога Мортемара в качестве чрезвычайного представителя Франции в России. Л. 3.

⁴ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 842.

менты посла в пользу необходимости скорейшего урегулирования польского вопроса при посредничестве европейских стран вызвали лишь гнев императора. Одним из постоянных аргументов Николая было то, что король Луи-Филипп увлекается демократическими идеями, которые непременно приведут Францию к новым революциям и к европейской войне¹.

25 января 1831 г. польский сейм объявил о низложении Николая I². Это еще больше осложнило положение французского посольства. Кроме того, в Петербурге то и дело вспыхивали холерные бунты, а несколько смертей от холеры, имевших место в здании посольства, грозили послу народной расправой: в бешенстве народ вымещал гнев на докторам и иностранцам, которых принимал за отравителей³.

Мортемар счел необходимым, чтобы Бургоэн отправился в Париж, куда тот прибыл в начале июня 1831 г.⁴ Однако король посоветовал дипломату как можно скорее вернуться в Россию, поскольку Мортемар снова получил отпуск⁵. Второе посольство Мортемара продлилось всего восемь месяцев, до августа 1831 г.⁶ Главным представителем Франции стал барон Бургоэн, руководивший посольством до середины апреля 1832 г.

Взятие Варшавы Николай I воспринял как избавление от страшной напасти. 6 октября он пригласил весь дипломатический корпус на торжественный молебен, организованный на Марсовом поле. Бургоэн не мог присутствовать на этом мероприятии, столь болезненном для французского честолюбия, записав уже после молебна: «Кажется, император явился на Марсово поле, не будучи подготовлен к моему отсутствию. В тот же день я узнал, что он был сильно тронут... Надеюсь, что он был убежден в моей невозможности действовать иначе»⁷.

---

¹ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 843.

² Подробно о действиях России в Польше см.: *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017. С. 147–215.

³ *Гончарова Т.Н.* Посольство Франции в Санкт-Петербурге (1814–1848 гг.). С. 76–77.

⁴ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 843.

⁵ Там же. С. 850.

⁶ *Гончарова Т.Н.* Посольство Франции в Санкт-Петербурге (1814–1848 гг.). С. 76–77.

⁷ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 858.

Однако после этих событий Бургоэн пробыл в Петербурге всего несколько месяцев. Утверждали, что ему пришлось покинуть Россию именно из-за разногласий по польскому вопросу.

* * *

После отъезда Бургоэна послом Франции в России в 1832 г. стал маршал Адольф-Эдуард-Казимир-Жозеф Мортье, герцог Тревизский. Сын состоятельного торговца полотном, он завоевал славу и титул на полях сражений. Для Мортье посольский пост был лишь эпизодом в карьере, которая по его возвращении в Париж продолжилась в министерском кресле. Его миссия совпала со сложным периодом, когда император был крайне раздражен оккупацией Анконы французскими войсками (на территории итальянских государств). На протяжении семи месяцев в разговорах с Мортье император тщательно избегал затрагивать какие-либо политические вопросы.

Как мы знаем, Николай никогда не именовал Луи-Филиппа «государь, брат мой», что король воспринимал крайне болезненно. Такое случилось и в бытность послом Мортье. В связи с его назначением на посольский пост и прибытием в Петербург произошел обмен письмами между императором Николаем и королем Луи-Филиппом. Граф Медем, поверенный в делах России во Франции в отсутствие графа Поццо ди Борго, нанес визит министру иностранных дел Себастьяни, чтобы вручить письмо императора. Себастьяни посоветовал ему попросить аудиенции у короля, чтобы лично вручить письмо. «Я, безусловно, весьма польщен вашим советом, господин граф, – ответил Медем, – но, к сожалению, подобное действие не входит в компетенцию поверенного в делах»¹.

По словам графа Рудольфа Аппоньи, описавшего этот диалог в своем дневнике (запись от 22 июля 1832 г.), после этих слов Медем передал письмо императора генералу Себастьяни. Тот, не читая текст, бросил взгляд на подпись императора и, увидев, что общепринятая формула обращения между монархами, «любезный брат», отсутствует, обратился к графу Медему с самыми живыми упреками, спрашивая у него, почему император отказывается оказать эту честь королю французов. Медем ответил, что он не имел на этот счет инструкций от своего двора и не был уполномочен вступать в дискуссию по вопросу словообращения, но обещал написать об этом графу Нессельроде и отправить письмо с первым курьером².

---

¹ *Apponyi R.* Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P., 2008. P. 300.

² *Ibidem.*

Медем сделал запрос в Петербург. В ответе, с которым Медем должен был ознакомить министра иностранных дел Франции, сообщалось, что российский представитель поступил очень правильно, не вступая в дискуссию по вопросу этикета, что, впрочем, император находил бесполезным, поскольку король французов не был ему «дорогим», и, следовательно, он не имел к нему братских чувств; поэтому, делая вывод в письме, не надо просить больше того, что дают. С этого времени, по словам Аппоньи, Луи-Филипп еще больше сетовал на российский двор, а графу Медему приходилось лишь выслушивать жалобы¹.

Следующим за Мортье на пост посла Франции в России был назначен другой маршал – Николя-Жозеф Мэзон. Сын крестьянина, он был обязан славой и графским титулом службе в пехоте. Дивизионный генерал времен Империи, он продолжил военную карьеру при Реставрации. От короля Карла X он получил маршальский жезл за победоносную экспедицию в Морею против Ибрагим-паши в 1828 г. Бурбонам Мэзон был обязан также титулом маркиза и достоинством пэра Франции. Несмотря на это он принял Июльскую революцию, две недели возглавлял министерство иностранных дел, после чего был отправлен послом в Вену. В первые дни января 1833 г. стало известно о его назначении в Петербург. Посол, однако, не торопился с прибытием в Россию, проведя целый год в Берлине. Вероятно, причиной длительного отсутствия дипломата были не столько проблемы со здоровьем, как значилось в официальных документах, сколько Восточный кризис 1833 г., усиливший напряженность в двусторонних отношениях. Протест главы кабинета герцога Л.-В. де Броя против Ункяр-Искелессийского договора о русско-турецком оборонительном союзе был составлен в резких тонах. Поэтому вполне понятно, что в Париже предпочли подождать, прежде чем направлять посла в Петербург, где он рисковал встретить холодный прием со стороны императора и двора.

Мэзон полагал, что можно попытаться изменить отношение Николая к Франции, опираясь на поддержку Великобритании. Несмотря на то что он не достиг серьезных успехов, внешнее доброжелательство со стороны императора было очевидно. Мэзон являлся живым напоминанием об идиллическом периоде франко-российских отношений накануне Июльской революции. Император Николай даже превозмог брезгливость и в общении с дипломатом не обходился больше молчанием имя Луи-Филиппа, отдавая должное его миролю-

---

¹ *Apponyi R.* Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P. 301.

бию и мудрости. Ностальгия по прежним временам дружбы, борьба короля Луи-Филиппа против пропаганды революционных идей, порицание интриг легитимистов и взаимное желание сближения – таковы были темы бесед посла Мэзона с императором.

В мае 1835 г. Мэзон покинул Петербург, чтобы занять пост военного министра Франции. Задержки императорского кабинета с назначением посла в Париж на место переведенного в Лондон Поццо ди Борго вызывали подозрения, что император Николай I сохранял свое нерасположение к Июльской монархии¹. Преемником двух маршалов на посту главы посольства стал гражданский дипломат барон Проспер де Барант.

Проспер де Барант и дипломатический инцидент 1841 г.

Назначению Амабля Гийома Проспера Брюжьера барона де Баранта послом Франции в России в сентябре 1835 г. предшествовали долгие раздумья французских властей о целесообразности такой меры. По традиции, начиная с эпохи Наполеона, Францию в Петербурге представляли военные. Российский император и его двор, а соответственно, и дипломаты, жили в ритме парадов и маневров. Поэтому ежедневное присутствие на них было наилучшим способом установить доверительные отношения с государем. Но охлаждение в двусторонних отношениях, вызванное Июльской революцией, изменило ситуацию. Мортье и Мэзон считали порой бесполезным и даже неуместным свое присутствие на военных смотрах, ведь общение на парадах предполагало известную раскованность в отношениях с генералами и сановниками, в то время как следовало сохранять дистанцию. Аргументация в пользу гражданского лица прозвучала убедительно, а отсутствие военного звания позволяло Баранту отклонять приглашения на летние маневры в Красном Селе, хотя избегать их вообще ему не удавалось².

* * *

Барон де Барант, выходец из старинной аристократической семьи, прославленный литератор и историк, администратор наполеоновской эпохи, политик, известный своими умеренно-либеральными

---

¹ Гончарова Т.Н. Посольство Франции в Санкт-Петербурге (1814–1848 гг.). С. 78.

² Там же. С. 79.

взглядами, человек сугубо штатский – таким был новый посол Луи-Филиппа при императоре Николае¹.

В свое время академик Е.В. Тарле подметил, что со времен Июльской монархии и вплоть до революции 1848 г. французские послы чувствовали себя в Петербурге «как во враждебном стане». Русский двор и аристократия во главе с салоном супруги вице-канцлера графини М.Д. Нессельроде, сообразовываясь с политикой государства, относились к французскому посольству с «ледяной вежливостью»². Сама Мария Дмитриевна отзывалась о бароне Баранте весьма лестно. Она писала сыну Дмитрию из Бадена 25 сентября 1835 г.: «Посол, которого назначила Франция, г-н де Барант, хороший писатель; помимо его работ, о нем говорят как о человеке очень умном и очень деловом...»³

О пребывании в России барона де Баранта мы можем судить по сведениям, отраженным им в двух совершенно разного рода источниках. Первый – это дипломатическая переписка Баранта, представленная на страницах восьмитомных воспоминаний барона, опубликованных его внуком в конце XIX в.⁴ Второй – это изданные в 1875 г. зятем Баранта бароном де Нерво путевые наблюдения посла под названием «Заметки о России»⁵.

Дипломатическая переписка барона де Баранта до сих пор остается весьма любопытным документом, но малоизученным. В одном из писем своему давнему другу министру иностранных дел герцогу В. де Брою Барант так характеризовал ее: «Моя корреспонденция – это разговор, а не череда документов»⁶.

В то же время от посла требовалась предельная осторожность в оценках и суждениях, поскольку его переписка систематически подвергалась перлюстрации, и император Николай даже сам читал пись-

---

¹ Последняя биографическая работа о П. де Баранте см.: Denis A. Amable-Guillaume-Prosper Bruguere, baron de Barante (1782–1866), homme politique, diplomate et historien. P., 2000.

² Тарле Е.В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг. // Тарле Е.В. Сочинения в 12-ти т. Т. 4. С. 571.

³ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Т. 1–10. Т. 7. P., 1908. P. 264.

⁴ Barante P., de. Souvenirs du Baron de Barante. 1782–1866. Т. 1–8. P., 1890–1901.

⁵ Idem. Notes sur la Russie. 1835–1840. P., 1875.

⁶ Idem. Souvenirs... Т. 5. P., 1895. P. 264.

ма Баранта жене. Так, ревнивые упреки г-жи де Барант мужу вызвали веселое замечание царя: «Забавно!»¹

В центре дипломатической корреспонденции барона де Баранта – исключительно вопросы, связанные с дипломатией и внешнеполитическими событиями. В его донесениях мы не встретим описания России как таковой, быта, нравов русского народа; нет и рассказов о встречах с представителями российской интеллектуальной элиты, хотя светские связи посла были разносторонними и оживленными. Он поддерживал отношения с разными кругами столичного общества – от императорской семьи и двора до представителей дипломатического корпуса и литераторов; его супруга устраивала приемы. С А.И. Тургеневым, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским Барант общался так же часто, как с министрами и послами. Более того, именно представители российской интеллектуальной элиты составляли излюбленный круг общения французского посла, находившего петербургское светское общество скучным и унылым. 14 ноября 1837 г. американский посланник Дж. Даллас записал в своем дневнике: «Французский посол, Барант, был у нас с длительным визитом... Его беседа, всегда занимательная, этим утром была особенно приятна. Сравнивая Англию, Францию, Америку и эту страну, он очень выразительно говорил о том, что общество в России апатичное, унылое, безразличное или бесстрастное. В Париже у людей нет времени говорить о погоде или о болезнях. Здесь время тяжело давит на здоровье и настроение всех, кроме местных жителей, а они еще более тягостны, чем само время»². Можно согласиться с мнением исследователя творчества А.С. Пушкина В.М. Фридкина, что, вероятно, Барант, писатель, историк и дипломат, предпочитал не смешивать эти три рода своих занятий³.

Посол был хорошо знаком и неоднократно беседовал с Пушкиным, однако упоминает его в донесениях всего лишь один раз, уже после гибели поэта в связи с распоряжением императора выслать Дантеса во Францию⁴. В нескольких строках, посвященных

---

¹ Гершштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 34–35.

² Цит. по: Гласе А. Лермонтовский Петербург в депешах вюртембергского посланника: (По материалам Штуттгартского архива) // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 304.

³ Фридкин В.М. Пропавший дневник Пушкина. Рассказы о поисках в зарубежных архивах. Изд. 2-е, доп. М., 1991. С. 75.

⁴ Об интеллектуальных контактах Баранта и А.С. Пушкина см.: Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. С. 441–460.

этому событию, дипломат не выражает своего отношения к произошедшей трагедии, а лишь сочувствует убийце Пушкина, который, по его словам, как «разбойник», на открытых санях, был выдворен из страны, без всякого уведомления о том членов его семьи¹.

Однако, судя по отзывам современников, Барант очень высоко ценил талант Пушкина и оплакивал потерю, которую понесла Россия. Он присутствовал при выносе тела покойного поэта и отпевании в церкви. В.А. Жуковский в письме к С.Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. заметил: «Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем». Об искренней скорби Баранта упоминал и А.И. Тургенев: посол «французский с растроганным выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о П. жалели, сказал: Барант и Геррера sont les seuls Russes dans tout cela!» (единственные русские во всем этом деле)². В.А. Мильчина приводит следующие показательные слова из письма П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу: «Чем поддержал Барант свое неотъемлемое и незаимствованное достоинство во время пребывания его в Петербурге? Ничем, за исключением живого участия, которое он оказал в горе нашем о Пушкине». По ее мнению, в последние месяцы жизни Пушкина Барант входил в число его «близких и высокоценимых собеседников-европейцев»³.

Литературоведам хорошо известна легенда, связанная с именами Пушкина и Баранта. Со времен выставки «Пушкин и его эпоха», состоявшейся в Париже в 1937 г. в фойе зала «Плейель» и приуроченной к столетней годовщине со дня гибели поэта считалось, что дуэльные пистолеты, выстрелом одного из которых был смертельно ранен Александр Сергеевич, принадлежали именно Баранту и что его младший сын барон Эрнест де Барант⁴, проживавший в доме отца и слу-

---

¹ *Barante P. de. Souvenirs...* Т. 5. Р. 558–559.

² *Фукельмон Д. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург.* М., 2009. С. 720.

³ *Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы.* С. 460.

⁴ Эрнест де Барант (1818–1859), учился в Боннском университете, получил там диплом доктора и был зачислен в штат Министерства иностранных дел Франции. В 1838 г. был выписан в Петербург отцом, который стал его готовить к дипломатической карьере. В 1840 г. после дуэли с Лермонтовым он был вынужден покинуть Петербург. Несколько месяцев провел в Париже, надеясь, что его вновь прикомандируют к французскому посольству в России. Однако эта надежда оказалась тщетной, и весной 1841 г. он получил на-

живший во французском посольстве, одолжил эту пару пистолетов своему другу – виконту д'Аршиаку, секунданту Дантеса. Впрочем, петербургский исследователь Виктор Файбисович опроверг эту версию, выяснив, что пистолеты Баранта были изготовлены дрезденским оружейником Карлом Ульбрихом около 1840 г., т. е. спустя три года после гибели поэта¹.

Ни разу не упоминает Барант имени другого великого поэта, Михаила Лермонтова, который через вюртембергского посланника князя Генриха Гогенлоэ был хорошо известен в дипломатических кругах, где его появление выходило за рамки обычного светского знакомства. Автор стихотворения «Смерть поэта» в первую очередь привлек внимание тех дипломатов, которые были знакомы с Пушкиным и находились в Петербурге в трагические дни. Барант, писатель и историк, хорошо знакомый с Пушкиным, принадлежал к числу самых просвещенных, интересовавшихся его творчеством. В январе 1840 г. Лермонтов как известный русский поэт был приглашен на новогодний бал во французское посольство².

Тем не менее в данном случае причины молчания Баранта вполне объяснимы: его сын Эрнест, которого Лермонтов вслед за В. Белинским именовал «салонным Хлестаковым» и ставил на одну доску с Жоржем Дантесом³, 18 февраля 1840 г. дрался с поэтом на дуэли⁴.

значение ко двору Фридриха-Августа II Саксонского. Подробно об этом см.: *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч. С. 23–34.

¹ См.: *Файбисович В.* Пистолеты из Амбуаза. Конец одной легенды // Нева. 2009. № 6. С. 209.

² Перед этим приглашением через А.И. Тургенева Барант справлялся, действительно ли Лермонтов в своем стихотворении «Смерть поэта» поносит не только Дантеса – убийцу А.С. Пушкина, а всю французскую нацию. Удостоверившись, что это не так, посол пригласил Лермонтова на прием. См.: *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч. С. 19.

³ «Je deteste ces chercheurs d'aventures (Я ненавижу этих искателей приключений), – говорил он. – Эти Дантесы и де Баранты – заносчивые сукины дети». Цит. по: *Файбисович В.* Указ. соч. С. 205.

⁴ Суть конфликта заключалась в следующем. Было известно, что Э. де Барант пытался ухаживать за красивой молодой вдовой княгиней Щербатовой (урожденной Шперич), которая была якобы равнодушна к Лермонтову. Из-за этого Барант явно искал с поэтом ссоры. Впоследствии утверждалось, что он был обижен на Лермонтова за отношение к французам, поскольку поэт не скрывал своего мнения, что именно француз Дантес был виновен в смерти Пушкина. Но формально, по воспоминаниям современников, между Барантом и Лермонтовым ссора произошла по поводу одного четверости-

Лермонтоведы неоднократно указывали на то, что дуэль Лермонтова с Барантом была спровоцирована. Подобная провокация могла иметь двойную цель. Прежде всего, дуэль являлась крупнейшей неприятностью для французского посла и могла повлечь за собой его удаление из Петербурга в условиях обострившегося Восточного вопроса и затянувшегося отъезда в Париж посла России во Франции графа П.П. Палена (он оставался в России на протяжении трех месяцев и только в марте 1840 г. отправился во Францию). Кроме того, дуэль также давала повод удалить Лермонтова из столицы¹.

Действительно, 13 апреля 1840 г. было принято решение о переводе Лермонтова в армейский полк с лишением гвардейского звания. По указанию Николая I поэт был выслан из Петербурга в Тенгинский пехотный полк, расквартированный на Кавказе и участвовавший в войне против горцев.

Несомненно, эта дуэль, а также намерение Баранта и его супруги добиться высылки поэта нанесли ощутимый урон репутации французского посла². Оказалось, нашлись люди, которые были возмущены поведением Барантов и встали на защиту Лермонтова; «...среди всех, с кем мы встречаемся, воцарилось равнодушие и забвение после строгого и справедливого осуждения и забвения г. Лермонтова», – писал посол секретарю посольства барону д'Андре 23 мая (4 июня) 1840 г. Не желая ссориться с русским обществом, Барант склонялся к тому, чтобы принять участие в хлопотах о прощении Лермонтова, но шеф жандармов А.Х. Бенкендорф всячески удерживал его от этого шага, продолжая чернить поэта³.

шья, написанного поэтом в начале 1837 г. См.: *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч. С. 20.

¹ См.: *Глассе А.* Указ. соч. С. 309.

² Г-жа де Барант писала мужу: «Очень важно, чтобы ты узнал, не будет ли затруднений из-за г. Лермонтова... Поговори с г. Бенкендорфом, можешь ли ты быть уверенным, что он выедет с Кавказа только во внутреннюю Россию, не заезжая в Петербург... Было бы превосходно, если бы он был в гарнизоне внутри России, где бы он не подвергался никакой опасности». Как негодующе отмечала известная исследовательница творчества М.Ю. Лермонтова Э. Гернштейн, «историк, писатель, дипломат – Барант (и его супруга) считает лучшей участью для поэта пребывание в провинциальной казарме николаевской армии! И все это для того, чтобы обеспечить карьеру своему легкомысленному сыну!» См.: *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч. С. 33. Однако действия Баранта и Бенкендорфа на этот раз успеха не имели, и в начале февраля поэт приехал в Петербург в отпуск.

³ Там же. С. 32.

В августе 1841 г. барон де Барант и его жена получили отпуск. На прощальном ужине Николай I и Александра Федоровна тепло попрощались с супругами, выразив желание как можно скорее вновь их увидеть в Петербурге¹.

21 августа на борту французского фрегата «Данаэ» («Даная»), доставившего в Кронштадт поверенного в делах Франции в России Огюста Казимира Перье², посол отбыл из России. Прибытие французского судна в Кронштадт было необычным явлением: последний раз французский корабль появлялся в водах Балтики семнадцать лет назад. Это был фрегат, отправленный за французским дипломатом графом П.-Л. Ла Ферроне. По словам Баранта, прибытие судна вызвало большой интерес в Петербурге. На его борт поднялись морской министр А.С. Меншиков, адъютанты императора Николая, князь Долгорукий и некоторые другие придворные, а также второй сын государя, великий князь Константин. Сам государь, однако, уклонился от этого визита. Барант, не желая усматривать в отказе политический подтекст, сообщал в Париж, что это было связано исключительно с тем фактом, что год назад Николай не поднялся на борт английского фрегата, прибывшего за лордом Кланрикардом, и теперь стремился «сохранить полное равновесие»³.

Барон рассчитывал вновь оказаться в Петербурге к весне будущего года, однако вернуться в Россию ему было не суждено. В самом конце 1841 г. в двусторонних отношениях произошел дипломатический инцидент: посол России во Франции граф П.П. Пален в отсутствие старейшины дипломатического корпуса австрийского посла графа Антона Аппоньи уклонился от возложенной на него обязанности поздравить короля Луи-Филиппа с Новым годом. С Паленом, как это водится, приключилась обычная «дипломатическая болезнь». Поверенный в делах Франции в России Казимир Перье получил распоряжение не являться к высочайшему двору 18 декабря 1841 г. в день тезоименитства государя императора⁴.

С тех пор послы так и не вернулись к исполнению своих функций, хотя официально отозваны не были. Интересы двух стран отныне представляли поверенные в делах⁵.

---

¹ *Barante P. de. Souvenirs...* Т. 6. Р. 627.

² Перье на месяц уезжал во Францию на собственную свадьбу.

³ *Barante P. de. Souvenirs...* Т. 6. Р. 627.

⁴ *Guizot F. Mémoires...* Т. 4. Р. 337.

⁵ Подробнее об этом см: *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 216–218.

После отъезда Баранта интересы Франции в России представлял поверенный в делах Казимир Перье. Император проявлял свое расположение к нему, но заявлял, что граф Пален вернется в Париж только после того, как Барант возвратится в Петербург. «Я не сделаю первого шага», – таковы были слова Николая¹. После отъезда Казимира Перье (по причине болезни его жены) интересы Франции в Петербурге представлял второй секретарь посольства барон д'Андре. Ему было предписано придерживаться той же линии поведения, что и его предшественнику: занимать выжидательную позицию до тех пор, пока русское общество не изменит своего отношения к представителям французского дипкорпуса². Однако ситуация не изменилась и при следующих представителях Франции, Альфонсе де Райневале и Анри Мерсье.

Официально в отставку Барант был отправлен только после Февральской революции, 7 марта 1848 г., министром иностранных дел Альфонсом Ламартином.

Русофобия как элемент политики

К незнакомому, «Другому» – будь то на уровне межличностном или же государственном – люди испытывают двоякие эмоции: страх и интерес. Что касается французов, их представления о России всегда отличались двойственностью и разноречивостью. Как правило, в оценке нашей страны не было «золотой середины»: нас либо любили, либо ненавидели, либо восхваляли и связывали с Россией надежды на будущее европейской цивилизации, либо воспринимали как варварское деспотичное государство, что было гораздо чаще.

Ксенофобия в целом и русофобия в частности имеют давние исторические корни, уходящие в события Ливонской войны, а если еще глубже – в раскол христианской церкви. Начиная со второй трети XIX в. антирусские настроения зачастую доминировали не только во Франции, но и везде в Европе. Активная и успешная внешняя политика Российской империи, значительное влияние России в Европе вызывали опасения относительно нарушения европейского статус-кво, хотя Николай I стремился именно к сохранению порядка вещей, зафиксированного Венским конгрессом. Если в начале XIX столетия русофобские настроения сдерживались перед лицом общего врага, Наполеона I, то спустя пятнадцать лет именно в России начали усма-

---

¹ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*. Т. 3. Р. 34.

² *Guizot F. Mémoires...* Т. 4. Р. 502.

тривать нового агрессора, стремящегося подмять под себя не только Запад, но и Восток.

С подачи одного из популярных телевизионных ведущих считается, что термин «русофобия» впервые был употреблен Ф.И. Тютчевым в письме дочери в 1867 г.¹ Причем Тютчев говорил о «русофобии некоторых русских людей». На самом деле этот термин упоминается гораздо раньше, например, у князя П.А. Вяземского в тексте, относящемся к 1844 г., о котором речь пойдет далее². Тогда же это слово употребляет и министр иностранных дел граф К.В. Несельроде³.

Во Франции мощный всплеск русофобских настроений пришелся на завершающий этап наполеоновских войн. Именно тогда в душах французов поселился страх перед русскими – «новыми варварами», жаждавшими окончательно разорить Францию. Как отмечает современная французская исследовательница М.-П. Рэй, «...достаточно было произнести слово “казак”, означающее высшую степень варварства, чтобы вызвать ужас среди населения, в большой степени затронутого наполеоновской пропагандой»⁴. Однако после вступления русских войск в Париж весной 1814 г. настроения парижан изменились: император Александр I потребовал от своих офицеров и солдат безупречного поведения, предусмотрев суровые наказания для нарушителей, вплоть до смертной казни. В результате казаки, расположившиеся лагерем прямо под открытым небом на Елисейских полях, стали объектом всеобщего любопытства, особенно среди женщин и детей. Виктор Гюго, которому в ту пору было двенадцать лет, спустя многие годы писал, что «страшилища казаки оказались кроткими как агнцы»⁵.

Прошло пятнадцать лет, и эти страхи, казалось бы, забытые, вновь вернулись. Связано это было с реакцией императора Николая I на Июльскую революцию 1830 г.

Опасения французов сохранялись даже спустя год после признания Николаем режима Июльской монархии. В частности, их озвучил тогдашний глава правительства Казимир Перье, политик весьма

---

¹ Об этом же пишет в своей книге Ги Меттан. См.: *Меттан Г.* Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016. С. 51.

² *Vyazemsky P.A.* Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844 // *Cadot M.* Op. cit. P. 267.

³ *Nesselrode Ch., de.* Lettres et papier. P., 1908. Т. 7. P. 296.

⁴ *Рэй М.-П.* Александр I. С. 300.

⁵ Там же. С. 301.

умеренный, в разговоре с бароном Бургоэном, вернувшимся из Петербурга в июне 1831 г. Бургоэн, в августе 1830 г. склонявший Николая к осторожной политике в отношении Франции, заверил главу кабинета: «Не придумаю слов, чтобы выразить вам, в какую степень негодования это известие (об Июльской революции. – *Н. Т.*) привело его (императора Николая. – *Н. Т.*); но в то же самое время, повторяю, он никогда серьезно не думал нападать на нас. Он с первой минуты понял, что это будет опасная война». В ответ на слова Перье о том, что Николай I отправил генерал-фельдмаршала И.И. Дибича в Берлин, а генерал-адъютанта А.Ф. Орлова – в Вену, Бургоэн ответил: «Очень может быть. Но с тех пор многое переменялось»¹.

Между тем французы полагали, что дело было отнюдь не в прагматизме Николая, а в Польском восстании, на целый год поглотившем все силы и внимание российского самодержца. Французы так и говорили, что Польша спасла Францию от русской интервенции.

Июльская революция стала катализатором революционного движения в Европе, в том числе и Польского восстания, чего так опасался император Николай. Вице-канцлер граф К.В. Нессельроде в разговоре с Бургоэном даже упрекал французов в подстрекательстве поляков, что вызвало возмущение французского дипломата, заявившего: «Я отвергаю самым формальным образом всякий упрек в непосредственном подстрекании»². Парижские газеты, стремясь подлить масла в огонь, публиковали статьи, где утверждалось, что Николай якобы напрямую обвинял французов в разжигании Польского восстания. Как написал Бургоэн в своих воспоминаниях, корреспондент одной французской газеты вложил в уста государя такие слова: «Воротитесь к вашим якобинцам; это они зачинщики новой революции». Между тем, отмечал Бургоэн, эта фраза была полностью выдуманной, а Николай сказал лишь следующее: «Вот печальные известия! Но таково влияние дурных примеров»³.

Несмотря на негодование Бургоэна, обвинения Николая и Нессельроде не были безосновательными. Хоть правительство Луи-Филиппа официально заняло позицию невмешательства в польские дела, без французской помощи (конечно, неофициальной) поляки не остались. Связи между польскими патриотами и французскими левыми либералами были налажены еще до восстания. Генерал

---

¹ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 847.

² Там же. С. 839.

³ Там же.

Ж.-М. Лафайет создал «Общество друзей поляков», деятельность которого направлялась им же возглавляемым «Центральным комитетом в поддержку поляков». Параллельно с этой организацией было создано «Общество цивилизации», преследовавшее те же цели¹. Как отмечал посол России во Франции граф Ш.-А. Поццо ди Борго, генерал Лафайет пытался раздобыть деньги для восставших поляков как посредством организованной «Центральным комитетом» подписки и проведения различных лотерей, так и непосредственно через министра иностранных дел О.-Ф. Себастьяни, однако последнее не увенчалось успехом². Кроме того, во Франции было создано «Общество католического агентства», а также около ста комитетов в поддержку поляков в департаментах. «Центральный комитет» оказал полякам непосредственную помощь в подготовке и проведении восстания. Еще до его начала в Варшаву были отправлены военные специалисты; с началом эпидемии холеры туда послали 40 медиков³. В донесении российского посла в Вене Д.П. Татищева отмечалось, что «литература революционного содержания доставлялась из Парижа в Варшаву и Краков дилижансами»⁴.

Действия России по подавлению Польского восстания вызвали резкую критику среди европейской общественности. В Париже и Лондоне осуждение со стороны интеллектуалов вылилось в волну настоящей ненависти ко всему русскому. Французские газеты яростно обрушились на Россию с оскорблениями. В парламенте лидеры «партии Движения» требовали интервенции французской армии, дабы устранить последствия постыдного раздела Польши⁵. Несколько раз толпа угрожала разбить стекла в здании российского посольства.

---

¹ Уже после начала восстания комитет Лафайета планировал отправить оружие полякам через прибалтийские земли. При содействии Общества цивилизации было собрано по подписке до 400 000 франков, однако деньги поступали медленно, а подготовленное оружие осталось на хранении в Бельгии. Остальные деньги поступили уже после подавления восстания. См.: *Ратч В.Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 г. Вильна, 1866. С. 10.

² По словам Себастьяни, Лафайет сначала просил 5 млн франков, потом 3 млн, 1 млн и наконец 500 тыс., в которых ему было отказано. См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 197. Л. 419–419 об. Донесение Поццо ди Борго от 19.02 (3.03). 1831.

³ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 211. Л. 48. Отчет о действиях Центрального комитета и использовании средств.

⁴ Там же. Ф. 182. Оп. 783. Д. 11. Л. 1. Донесение Д.П. Татищева от 21.12. 1831 (2.01).1832.

⁵ См., например: *Le Moniteur universel*. 1831. 20, 21 septembre.

Французский консул в Ницце Барон Маскле писал 3 февраля 1831 г.: «Говорят, что все русские должны будут покинуть Францию, где парижане, охваченные энтузиазмом, вызванным варшавским восстанием, охотно распевают “Варшавянку” Делавиня...»¹

Кузен посла Австрийской империи в Париже граф Р. Аппоньи записал в своем дневнике 19 сентября: «Никогда я еще не видел Париж в подобном возбуждении. Умы были разделены между желанием сохранить порядок и стремлением оказать помощь полякам, поскольку еще верили, что король может найти выход из положения»².

Манифестации в поддержку поляков продолжались в Париже и в последующие месяцы. В декабре состоялась массовая демонстрация в честь французского генерала Дж. Раморино, который в ноябре 1830 г. был в Варшаве и принимал участие в восстании, командуя 20-тысячным корпусом.

После подавления восстания Франция, наряду с Великобританией, стала одним из центров польской эмиграции. К концу 1831 г. в Париже находилось 80 поляков, бывших депутатов, сенаторов, журналистов. На 1 января 1832 г. во Франции насчитывалось уже 2828 польских эмигрантов³. Именно тысячи эмигрировавших в Европу участников Польского восстания сыграли значительную роль в создании образа России как варварского, деспотичного государства, непосредственно угрожающего свободе европейцев⁴. Консервативная политика Николая дисгармонизировала с доминировавшим в Европе курсом на либерализацию. Россия с ее приверженностью традиционным ценностям олицетворяла для европейцев старый порядок. Русофобские публикации, к которым были причастны поляки, появлялись во Франции на протяжении 1830-х – 1840-х гг. В отчете III отделения за 1845 г. сообщалось: «...распространению клевет и лжей на Россию способствуют польские выходцы; они участвуют и в составлении французских пасквилей: это обнаруживается, между прочим, из того, что в статьях и книжках с клеветами на Россию все иноязычные собственные имена искажены и только польские имена написаны правильно...»⁵

---

¹ Мазон А. Князь Элим // Литературное наследство. 1937. Т. 31/32. С. 478–479.

² *Apponyi R.* Les Français envient notre bonheur... Р. 247.

³ Ратч В.Ф. Указ. соч. С. 14–15.

⁴ О польской эмиграции см.: *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60 годов XIX века. М.; СПб., 2017.

⁵ Россия под надзором... С. 364.

В парижском Отеле Ламбер князь Адам Чарторийский, когда-то один из «молодых друзей» императора Александра I и российский министр иностранных дел, в апреле 1832 г. создал «Литературное общество», постоянный очаг распространения неприязни к России. Это был один из тех центров польской эмиграции, которые, как отмечалось в отчете III отделения, «возжигают искры восстания в Галиции и княжестве Познанском, покушаются умножить в Царстве Польском и Западных губерниях идеи о новом мятеже и склонить в свою пользу умы значительнейших помещиков того края»¹.

В это же самое время польский поэт Адам Мицкевич создал свой образ «Руси-тройки», подхваченный Александром Герценом и бытующий в литературе по сей день: «Кибитка несется. Жандарм кулаком/Дубасит возницу. Возница кнутом/Стегает наотмашь солдат, свирепая./Беги, или кони собьют ротоzeя...»

В 1835 г. польский вопрос вновь стал одним из обсуждаемых в Европе и спровоцировал новый всплеск русофобии. На сей раз это было связано с выступлением императора Николая I в Варшаве. Восстание в Польше стало для императора наглядным примером того, к чему приводят парламент и конституционная монархия. В завещании сыну Александру, написанном в 1835 г., император прямо указывал: «Не давай никогда воли полякам; упрочь начатое и старайся довершить трудное дело обрусевания сего края, отнюдь не ослабевая в принятых мерах»².

Выступая 5 октября 1835 г. в Лазенковском дворце перед депутацией польских горожан, Николай заявил: «Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной, национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою ее снова». Император добавил: «Мне тяжело говорить это вам, очень тяжело Государю обращаться так со своими подданными, но я говорю это вам для вашей собственной пользы. От вас, господа, зависеть будет заслужить забвение происшедшего. Достигнуть этого вы можете лишь своим поведением и своею преданностью моему правительству»³.

---

¹ Там же. С. 348.

² Император Николай Первый. С. 214.

³ Там же. С. 215. Свою позицию по польскому вопросу Николай I отразил в записке, написанной им еще до подавления восстания. См.: Собственноручная записка Николая о Польше // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 53. Корф М.А., 1831–1874.

Эта речь была воспринята на Западе крайне негативно. В отчете III отделения за 1835 г. сообщалось: «Нисколько не удивительно, что речь сия ни англичанам, ни французам не понравилась. Исказивши ее и дав ей превратный смысл, они наполнили журналы своими порицаниями, даже грубыми ругательствами. Одна из сих статей, быв по Высочайшему убеждению перепечатана в нашей официальной газете, чрезвычайно всех изумила... И из-за этой речи, в которой является лишь твердое намерение Государя сохранить должный порядок в подвластном ему государстве и в то же время желание сделать подданных своих счастливыми, английские и французские журналы вывели какую-то ужасную драму нынешнего времени, со всеми принадлежащими к ней ужасами: варварства, жестокости, тиранства и разрушения»¹. Как отмечалось в Отчете, в общественном мнении России даже бытовало мнение, что «таковое действие не может оставаться без отмщения и что последствием сего будет война с Францией»².

До войны, как известно, не дошло, но отношения между Россией и Францией в эти годы были весьма напряженными. Барон Ф.И. Бруннов, ставший в 1839 г. послом России в Великобритании, так излагал наследнику престола цесаревичу Александру современные отношения между Россией и Францией: «Сношения наши с Тюильрийским двором... ныне как бы не существуют. Государь не доверяет прочности существующего во Франции порядка вещей...»³

Несмотря на стремление короля Луи-Филиппа нормализовать отношения с Россией, дабы обеспечить Франции полноправное место в «европейском концерте» государств, французы к нашей стране относились настороженно по причинам не только идеологического, но и внешнеполитического свойства. Как только Россия усиливала свои позиции, сразу же актуализировалась тема реальной или мнимой «русской угрозы». Причем русофобская волна не шла сверху, не была инспирирована властью в лице короля или министров, хотя такие настроения были распространены среди значительной части французских политиков. Русофобия стала модным явлением. Играя на антирусских настроениях, можно было заработать политические очки, сделать имя, завоевать популярность и голоса избирателей, а также преуспеть финансово. Эта деталь была верно подмечена в отчете III отделения. В документе сообщалось, что часть антирусских

---

¹ Россия под надзором... С. 129–131.

² Там же. С. 130.

³ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 478.

нападок во Франции публиковались по причине личной выгоды: «Примером последнему может служить профессор славянской литературы в Парижском коллегииуме Киприан Роберт, который, вопреки прежним своим мнениям о России, ныне обнаруживает к нам самую непримиримую ненависть. Причина этой перемены заключается в том, что журналисты провозгласили его приверженцем России, а потому и лекции его оставались без слушателей; избрав же направление, согласное с духом времени, он снова привлек к себе слушателей»¹.

1 января 1834 г., когда члены дипломатического корпуса поздравляли короля с Новым годом, между Луи-Филиппом и послом Поццо ди Борго состоялся разговор на отнюдь не праздничную тему: в самый канун Нового года в проправительственной газете «*Journal des Débats*» была опубликована статья, направленная против русской политики на Востоке. Луи-Филипп, желая сгладить негативное впечатление от этой публикации, сказал российскому дипломату: «Те, кто возглавляют газету, являются людьми богатыми, независимыми от меня и моего правительства. Хотя обычно они нас поддерживают, зачастую они нас критикуют...»²

Распространяемые прессой антирусские настроения становились предметом широкой гласности и постепенно укоренялись в массовом сознании. Тем более что о стране, далекой и неизвестной, было легче всего сообщать всяческие нелепицы и формировать в нужном направлении общественное мнение. Россияне, посещавшие Париж, обращали на это внимание. В частности, журналист и писатель В.М. Строев, оказавшийся в Париже в 1838–1839 гг., отмечал, что газетные утки – «статьи чисто выдуманные, для возбуждения ужаса на бирже или в гостиных»³, про Россию и русских «выдумывать легче всего, ибо нас в Париже совсем не знают... Тут обширное поле французскому воображению: оно создает какое-то небывалое царство под именем России и печатает об нем глупейшие басни»⁴. Историк М.П. Погодин, тогда же оказавшийся во Франции, по дороге из Марселя в Париж разговорился в дилижансе с двумя попутчицами-старушками, проявившими абсолютную невежественность в отношении России и задававшими «смешные» вопросы о том, «...есть ли у нас постели, раздеваемся ли мы, ложась спать...

---

¹ Россия под надзором... С. 380.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 11 об.

³ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 90.

⁴ Там же. С. 91.

О холоде нашем и говорить нечего»¹. Причем Россию плохо знали не только обыватели, но и зачастую интеллектуально искушенные люди. Так, знаменитый писатель Александр Дюма-отец во время разговора с актерской четой Каратыгиных, навестивших его в Париже в 1845 г., назвал Бородинскую битву Полтавской².

В целом, если судить по отзывам наших соотечественников, русофобские настроения были весьма распространены во французском обществе. Так, Погодин сообщал, что воздержится от визита к Адольфу Тьеру: «Тьер не расположен, говорят, к России: не пойду к нему»³. Из журналистов, благожелательно настроенных к России и даже выступавших за союз с ней в противовес усилению влияния Великобритании, Строев называл лишь редактора республиканской «National» Арманна Карреля, погибшего на дуэли от руки Эмиля Жирардена (тогда журналистскую среду Франции охватила настоящая дуэльная лихорадка)⁴.

Русофобские настроения актуализировались во Франции и в связи с обострением Восточного вопроса. В 1833 г. антирусскую волну спровоцировало подписание между Россией и Османской империей Ункяр-Искелесийского договора, значительно усилившего позиции России на Черном море и в зоне Проливов. Если летом 1830 г. французы опасались нашествия русских «варваров» на Европу, то теперь они боялись экспансии России на Восток. Король Луи-Филипп в разговоре с Поццо ди Борго выразил надежду, что пребывание русских войск на Босфоре носит временный характер и что Россия не вынашивает захватнических планов, а ее действия продиктованы лишь стремлением сохранить статус-кво в Османской империи⁵.

Характерная деталь: как только появлялась «русская угроза», противоречия между Францией и Великобританией, весьма острые, сразу отступали на второй план. 27 августа 1833 г. послы Франции и Великобритании в Константинополе заявили Блистательной Порте, что их правительства считают Ункяр-Искелесийский договор недействительным и оставляют за собой свободу и независимость дей-

---

¹ Погодин М.П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 1–2. С. 206.

² Дурьлин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство, 1937. Т. 31/32. С. 518.

³ Там же. Ч. 3–4. С. 24.

⁴ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 83.

⁵ Луи-Филипп отметил: «Император сделает то же, что я совершил в Бельгии; он отзовет свою эскадру, как только безопасность султана будет обеспечена». См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 161. Л. 191 об. –192.

ствий¹. Кроме того, английский и французский флоты демонстративно заняли позиции у берегов Османской империи, что вызвало серьезную озабоченность российского правительства². В то же время французское правительство не собиралось вступать в войну с Россией, осознавая непрочность порядка вещей в самой Франции. Исходя из этих соображений, правительство Николя Сульта ответило отказом на предложение английского кабинета усилить англо-французские военно-морские силы в Дарданеллах для нанесения удара по русскому флоту. Напротив, значительная часть французской эскадры была отведена к Тулону (часть английского флота была отведена на Мальту)³.

Если до реальной войны дело, к счастью, не дошло, то информационная война была в разгаре; в отчете III отделения ее называли «журнальной войной»⁴.

Несмотря на то что мнения частных лиц казались императору Николаю не заслуживающими особого внимания⁵, для борьбы с русофобскими настроениями на Западе Россия принимала ответные меры, стремясь воздействовать через специально создаваемые для этой цели газеты. В отчете III отделения за 1833 г. отмечалось: «Предпринятая в 1833 году мера опровергать посредством иностранных газет клеветы, возводимые некоторыми из них против нашего правительства, в короткое время уже принесла значительную пользу... особенно заслуживает нашей благодарности издатель “Франкфуртской газеты” г. Дюран⁶, который с особенным искус-

---

¹ В ноте сообщалось: «Если условия этого соглашения повлекут вооруженное вмешательство России во внутренние дела Турции, то европейские кабинеты оставят за собой право действовать в подобном случае любым способом, так, если бы договора не существовало». Цит. по: *Георгиев В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 – начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 65.

² Поццо ди Борго в разговоре с королем Луи-Филиппом, в частности, отметил, что принятые французским и английским правительствами меры «не соответствуют состоянию вещей» и являются «предлогом для наблюдения за воображаемым движением России». АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 116. Л. 5 об. Донесение Поццо ди Борго от 2(14).01.1834.

³ Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 116. Л. 6.

⁴ Россия под надзором... С. 365.

⁵ Еще в 1835 г. он наставлял наследника Александра: «Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но *бойся своей совести*». Император Николай Перв. С. 214.

⁶ Шарль Дюран (?–1848), главный редактор и издатель французской газеты «*Journal de Francort*» (1833–1839). По ходатайству заграничного агента III отделения барона Швейцера получал от русского правительства (с 1833 г.)

ством пользуется получаемыми от нас сведениями и с похвальной смелостью употребляет их в своей газете на поражение клеветы»¹. Спустя несколько лет Дюран перестал быть «агентом влияния»: он основал в Париже в 1839 г. журнал «Капитолий», в котором, «лаская и либералов, и наполеонистов, надеялся соединением этих партий и силою красноречия своего уничтожить замыслы демократов, стремящихся к возобновлению республики, и приуготовить переворот в пользу Людовика Бонапарте, а вместе с сим утвердить прочный союз между Франциею и Россиею». В результате, как отмечалось в Отчете, «со времени основания им журнала “Капитолий” всякое с нашей стороны общение с ним прекращено»².

Помимо журналистов, финансируемых русским правительством, а также секретных агентов задачи борьбы с русофобскими настроениями и формирования правильного имиджа России возлагались на людей, вполне официально выполнявших свои обязанности. Одним из них был князь Элим Петрович Мещерский (1808–1844), единственный сын Петра Сергеевича Мещерского и Екатерины Ивановны Чернышевой, первый «интеллектуальный атташе», как его назвал французский исследователь Андре Мазон³.

Молодой, обаятельный, высокий стройный блондин, он стал настоящей парижской легендой еще при жизни (умер от водянки в 1844 г.). Князь был наглядным опровержением русофобских опасений. Однако даже к таким утонченным и европеизированным аристократам французы относились настороженно, все равно воспринимая их как «чужих». Очень точно эти опасения выразил влиятельный французский политик герцог де Брой, набросав портрет русских

по 1200 рублей в год, «чтобы он продолжал издание в монархическом духе и помещал в оном статьи, благоприятные для России. Вскоре назначенные суммы были удвоены и ему передавались многие статьи для напечатания во Франкфуртской газете, но статьи эти облекались в такую форму, которая скрывала наши прямые отношения». Цит. по: Россия под надзором. С. 110. О Ш. Дюране см. также: *Мильтина В.А.* Шарль Дюран: французский журналист в немецком городе на службе у России // *Мильтина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. С. 182–218.

¹ Россия под надзором... С. 100–101.

² Там же. С. 233–234.

³ *Мазон А.* Князь Элим. С. 377. Князь, получивший превосходное образование, в 15 лет определенный в коллегию иностранных дел, был последовательно причислен к миссиям в Дрездене (1828–1830), Турине (1831–1833) и, наконец, посольству в Париже (1833–1840). Одновременно он состоял парижским корреспондентом российского министерства народного просвещения (с 1833 по 1836).

аристократов в Париже: одетые с иголочки, знающие наизусть последний модный роман и рассуждающие о современной политике, как француз из предместья Сен-Жермен. С таким русским, по словам де Броя, невольно пускаешься в беседу, как с соотечественником. «И вдруг какой-нибудь жест, какая-нибудь интонация голоса дают вам почувствовать, что вы находитесь лицом к лицу с самым ожесточенным врагом вашей родины»¹. Как видим, французы, сами испытывая русофобские настроения, у русских усматривали франкофобские.

Желая просветить и изумить французов, князь Элим, параллельно с формированием нужного имиджа России во французской прессе, печатанием опровержений русофобских статей, продвигал свою концепцию «святой Руси» и созданный им образ родины – иконы, «христианской пирамиды», возвышающейся среди мировых чудес². Однако французское общественное мнение воспринимало такие идеи князя настороженно, впрочем, как и его непосредственное начальство: министру С.С. Уварову, да и Поццо ди Борго, Мещерский представлялся склонным к фантазерству поэтом и идеологом³. Николаю I нужен был человек, более чуткий к действительности, нежели к теориям. Замену князю нашли в лице Я.Н. Толстого, агента III отделения Императорской канцелярии⁴. В его обязанности входил негласный надзор за русскими политическими эмигрантами. Как и князь Мещерский, он регулярно просматривал парижскую прессу и, обнаружив в ней статьи антироссийского содержания, сочинял их опровержения. Печатал их он в тех парижских газетах, которым русское правительство выплачивало денежную «дотацию», а для пушей убедительности подписывал статьи французскими фамилиями.

В отчете III отделения за 1840 г. отмечалось: «Продолжающееся в Европе, особенно во Франции, стремление к изменению существующего порядка вещей, колеблющийся дух Польши и губерний, от нее возвращенных, налагали на высшую полицию и в 1840 году первый долг наблюдать за движением умов в Европе, предупреждать вредное влияние этого движения на наше Отечество и уничтожать все, что могло клониться к нарушению спокойствия в оном»⁵.

---

¹ Там же. С. 478.

² Там же. С. 444.

³ Там же. С. 450.

⁴ О Я.Н. Толстом см.: *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.

⁵ Россия под надзором... С. 225.

Контролировать ситуацию было очень важно: к концу 1830-х гг. антирусские настроения вновь активизировались на фоне обострения Восточного вопроса. К концу 1839 г. конфликт между турецким султаном Махмудом II и пашой Египта Мухаммедом-Али вступил в острую фазу и привел к дестабилизации ситуации в Европе. Вследствие во многом авантюрной политики главы французского правительства А. Тьера, стремившегося к урегулированию конфликта между Османской империей и Египтом исключительно при посредничестве Франции (с целью укрепить позиции Франции в Египте, а заодно и в Сирии), страна оказалась в международной изоляции: 15 июля 1840 г. в Лондоне была заключена конвенция по делам Востока без участия Франции.

И вот тут-то Францию накрыла очередная волна русофобии. Дело в том, что император Николай I пошел на существенные уступки лондонскому кабинету с целью заключить коллективное соглашение по делам Востока (срок действия Ункяр-Искелессийского договора истекал в 1841 г., и император понимал, что его вряд ли можно будет продлить), а заодно изолировать и проучить Францию. Во Франции все это прекрасно понимали. Граф Нессельроде писал во всеподданнейшем отчете за 1840 г.: «Франция не скрывает от себя, что мы явились основной причиной ее политической изоляции в Европе. Она в полной мере оценила наши усилия, чтобы склонить Австрию и Пруссию на нашу сторону...»¹

Что касается самой Франции, нельзя утверждать однозначно, что среди политиков и в общественном мнении царили исключительно антирусские настроения. В парламенте и прессе постоянно шли споры о том, кем являлась для Франции Россия – союзницей и примером для подражания, за что выступали легитимисты², или противником и образцом ненавистной деспотии, в чем были уверены республиканцы, называвшие царствование Николая правлением, «достойным самых варварских времен»³.

Сам Николай воспринимался на Западе не только как новый Атилла. После визита в Россию в 1836 г. Ораса Верне вполне мог сформироваться и образ мецената, покровителя художников.

Более того, если одни спекулировали на русофобии, то другие пытались извлечь дивиденды из создания позитивного образа России и ее государя. Речь идет об упомянутом выше журналисте

---

¹ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 9. Л. 223–223 об.

² О позиции легитимистов см.: *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. С. 344–389.

³ *La Réforme*. 1845. 24 novembre.

Ш. Дюране, решившем воспользоваться успехом Верне для сохранения своих пошатнувшихся позиций. Ему удалось убедить писателя Александра Дюма-отца «повергнуть к стопам» императора его новую книгу – драму «Алхимик». Честолюбивый Дюма ухватился за эту идею, написав императору в высшей степени хвалебное письмо. Николай изображался покровителем высокого идеалистического искусства в грубый «материалистический век», выставлялся «блистательным монархом-просветителем». Приобрести эти титулы взамен растражированных прозваний «угнетатель Польши» и «ober-полицейстер Европы» было бы серьезным достижением литературной дипломатии¹. Свое послание к царю Дюма подкрепил письмом к С.С. Уварову. Министр сразу оценил, какой эффект могло бы произвести на европейского читателя письмо Дюма к Николаю, опубликованное как посвящение к его драме, а Дюран намекал, что писателя, как и художника, надо бы наградить орденом Станислава второй степени, чтобы еще больше досадить полякам. Однако государь решил иначе. На докладе Уварова он написал карандашом: «Довольно будет перстня с вензелем». Орден ставил награжденного в определенные официальные отношения с данным государством, а перстень, хотя и с вензелем, являлся всего лишь частным выражением признательности².

Почему так случилось? Уваров оказался недостаточно осведомлен о театральных вкусах Николая: государь любил мелодрамы, но отечественного производства – Н.В. Кукольника, Н.А. Полевого, П.Г. Ободовского, где весь сюжет был основан на догматах официальной идеологии.

В результате Дюма обиделся и посвятил «Алхимика» не Николаю, как того ожидал Уваров, а своей возлюбленной, актрисе Иде Феррье, исполнявшей в драме главную роль³. Более того, спустя короткое время в журнале «*Revue de Paris*» в фельетонах появился новый роман писателя «Записки учителя фехтования, или восемнадцать месяцев в С.-Петербурге», немало досадивший Николаю Павловичу⁴.

Этот роман о декабристах⁵ снискал большой успех у европейских читателей, что стало для императора неприятным сюрпризом: у ши-

---

¹ *Дурылин С.* Александр Дюма-отец и Россия. С. 504.

² Там же. С. 508.

³ Там же. С. 511.

⁴ Там же. С. 512.

⁵ История декабриста Ивана Александровича Анненкова и его жены Прасковьи Егоровны Анненковой, урожденной Полины Гельб.

рокой аудитории книга вызывала сочувствие к людям, имена которых были ему ненавистны¹.

Дюма ничем не задел в романе лично Николая I, наоборот, своим собственным портретом император мог быть доволен – в отличие от главы, посвященной императору Павлу I. В России тема гибели Павла была табуированной вплоть до 1905 г.: император официально считался умершим от «апоплексического удара». Дюма же показывал Александра лжецом и соучастником заговора².

На удар из Парижа ответили контрударом из Петербурга: книга Дюма была запрещена в России как в фельетонах, так и в отдельном издании. Только в 1925 г. она вышла на русском языке³. А сам писатель смог приехать в Россию только в 1858 г., после смерти Николая I.

Несмотря на то что укрепление позиций России на Востоке и в Европе очень беспокоило французское правительство, среди политиков не было единства взглядов относительно взаимоотношений с Россией: если одни считали Россию главным противником Франции на Востоке, то другие настаивали на необходимости сближения с ней в целях противодействия ближневосточной политике Великобритании. Так, пэр Франции граф Ш.-Ф. Монталамбер именно в укреплении позиций России в Европе и на Востоке усматривал главную опасность для Франции. Выступая в верхней палате 17 ноября 1840 г., то есть в самый разгар Восточного кризиса, он заявлял: «Главная опасность заключается в установлении преобладающего влияния России в Европе... Я не понимаю, какая фатальная иллюзия заставляет нас видеть опасность там, где ее еще нет, и не видеть ее там, где она уже реально существует». По словам Монталамбера, Россия уже опутала Европу со всех сторон; единственная преграда, сдерживающая ее проникновение в Европу – это Константинополь. «Возблагодарим Бога, – заявил он, что мы можем поворачивать этот ключ, поскольку, когда Россия им завладеет, она выйдет на просторы Балтики, и тогда будет ущемлена не только свобода мореплавания в Средиземноморье, но и другие свободы»⁴.

Откровенно русофобскую позицию занял лидер династической левой Одилон Барро; в его выступлениях можно обнаружить весь набор русофобских штампов. Выступая в Палате депутатов 3 июля 1839 г., он подчеркнул недопустимость усиления позиций России на Востоке, отметив, что внутренний конфликт между султаном и па-

---

¹ Дурьин С. Александр Дюма-отец и Россия. С. 513.

² Там же. С. 515–516.

³ Там же. С. 517.

⁴ Le Moniteur universel. 1840. 18 novemvre. P. 2262.

шой вышел за национальные рамки именно по причине вмешательства России во внутренние дела Османской империи: «Почему мы так тревожимся из-за конфликта между Турцией и Египтом? Единственно потому, что обострение этого конфликта ведет к интервенции российской армии. Представьте, что эта интервенция невозможна: тогда в этом деле останется только домашняя распря между могущественным вассалом и его сюзереном, распря, которая может прекратиться сама». По мнению О. Барро, Восточный кризис означал не конфликт между западной и восточной цивилизацией, но конфликт «между цивилизацией западной и цивилизацией русской. Именно для того, чтобы последняя не поглотила первую, мы должны любой ценой не допустить поглощения Россией Османской империи и оккупации ею Константинополя»¹. Для противодействия этому, по мнению Барро, существовало только одно средство: согласованные действия Франции и Великобритании, способные противостоять русской опасности². К тому же, по словам политика, именно Франция как страна, имеющая не столько политические, сколько моральные интересы на Востоке, должна была стать инициатором подобного европейского союза, который он именовал «оборонительным альянсом против нового вторжения варваров». Следствием такой политики, по мнению О. Барро, стало бы изменение положения Франции в Европе, когда она, а не Россия, стала бы выполнять функции «державы-хранительницы европейского порядка», которые Россия, по его словам, «узурпировала» в 1815 г. При этом Барро подчеркнул, что Франция, в отличие от России, не превратится в «жандарма Европы», а будет содействовать развитию «свободы и истинной европейской цивилизации»³.

В годы обострения Восточного вопроса во Франции публиковалось много книг и брошюр антирусского содержания. В одной из таких брошюр, опубликованной еще в 1836 г. под названием «Последние интриги России в Молдавии и Валахии», отмечалось: «Постыдные трактаты 1815 г., союз всех деспотов Европы... коррупция, раболепие государственных деятелей, – все это в течение пятнадцати лет снабжает Россию, эту эксцентричную державу-завоевательницу, возможностями и средствами для расширения своей империи и увеличения своих сил»⁴.

---

¹ *Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. T. 1–4. P., 1875–1876. T. 1. P. 344–345.*

² *Le Moniteur universel. 1840. 29 novemvre. P. 2337.*

³ *Barrot O. Op. cit. T. 1. P. 344–345.*

⁴ *АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 169. Л. 327. Dernières intrigues de la Russie en Valachie et Moldavie. P., 1836. P. 5.*

По соображениям идеологического характера против сближения с Россией выступала республиканская оппозиция. Газета «La Réforme» писала: «В отношениях между северным двором и родиной революции интересы промышленности, торговли и геополитики отходят на второй план, поскольку существует вечная ненависть двух принципов, великий долг мщения, который их разделяет»¹.

Однако были во Франции в эти годы и сторонники сближения с Россией, полагавшие, что именно в союзе с нашей страной Франция сможет противодействовать усилению позиций Великобритании на Востоке. В частности, министр иностранных дел Турции Мустафа-Решид в одном из своих донесений из Парижа в 1839 г. подчеркивал, что во Франции есть сторонники России, утверждающие, что укрепление позиций России в Османской империи противоречит лишь интересам Великобритании, а не Франции, и что в случае союза с Россией Франция сможет расширить свои границы на Рейне и территории на границе с Бельгией².

18 ноября 1840 г. пэр Франции Буасси д'Англа, выступая в Палате пэров, заявил, что Россия, понимая, что единолично урегулировать Восточный вопрос ей не позволят другие европейские державы, должна была заручиться союзниками. Единственным союзником России, по его мнению, могла быть не Великобритания, а именно Франция: «Франция является единственной из всех великих европейских держав, к которой Россия может обратить свои взоры». Такой союз, по мнению политика, мог быть «взаимно полезным и искренним». Правда, он не объяснил, на основе каких общих принципов и интересов могло произойти такое сближение, но показал его возможные положительные перспективы. Во многом эти идеи напоминали план, предложенный в годы Реставрации князем Ж. Полиньяком. Предоставив России свободу действий в Османской империи, Франция, по мнению Буасси д'Англа, могла рассчитывать на благоприятную позицию России в вопросе о пересмотре Венских трактатов и даже возможного обретения Францией левого берега Рейна и в целом расширения ее границ³.

Эта же мысль была развита одним из лидеров левой оппозиции Франсуа Могеном. Выступая в палате депутатов 3 декабря 1840 г., он отметил, что интерес Франции на Востоке полностью сосредоточен

---

¹ La Réforme. 1846. 8 décembre.

² Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980. С. 88.

³ Le Moniteur universel. 1840. 19 novembre. P. 2272.

на Александрии, а Константинополь важен для нее с точки зрения европейского равновесия. Исходя из этой оценки интересов Франции, Моген подверг критике политику кабинетов Н. Сульта (министерство 12 мая 1839 г.) и А. Тьера (министерство 1 марта 1840 г.), которые, по его мнению, придавали первостепенную важность именно задаче не допустить установления исключительного влияния России в Константинополе, а Александрию и Египет рассматривали как второстепенные вопросы. По мнению Могена, заключение Конвенции 15 июля 1840 г. явилось естественной реакцией России на антирусские действия или, по крайней мере, заявления, Франции. Исходя из этого, Моген сделал вывод, противоречивший основной идее французской дипломатии, а именно недопущения исключительного влияния России в Константинополе: «Если Константинополь будет у России, она станет морской державой и нашим союзником. В Средиземноморье, как и в Океании, будет три морские державы». Как видим, Моген полагал, что укрепление позиций России в Константинополе было бы только на руку Франции в качестве противовеса морскому могуществу Великобритании. «Повредит ли нам третья держава в Океании? Напротив, это позволит нам сохранить европейское равновесие. Третья держава в Средиземноморье создаст баланс сил, и необходимо, чтобы эта держава стала нашей союзницей», — подчеркнул он¹. В России обратили внимание на это выступление. В отчете III отделения отмечалось: «В прошедшем году Моген доказывал в одной речи, что Франция должна воевать не против Европы, а против Англии, представляя возможность союза с Россией. Эта речь весьма одобрена была французскою публикою, сильно восстановленную против Англии Июльским трактатом (Конвенцией 15 июля 1840 г. — *Н. Т.*)». Кроме того, в документе сообщалось, что успехи англо-австрийских войск в Сирии «...увеличили ненависть французов к Англии, и с того времени во всех партиях заметно сильное влечение к России». Отмечалось, что даже Жак Лаффит, политик леволиберальных взглядов, «...утверждал, что, если бы он был главою правительства, то кроме чести Франции он всем бы пожертвовал, дабы заключить союз с Россией». Одним словом, делался оптимистичный вывод в отчете, «...унизительное положение, в которое поставлен был французский кабинет Июльским трактатом и которое французы приписывают англичанам, наконец, неприязненное расположение Германии, где обнаруживается сильнейшее противодействие гибельному потоку пропаганды, все

---

¹ Ibid. 1840. 3 décembre. P. 2371.

это повлекло раздраженные умы во Франции желать союза с Россией...»¹

Конечно, российские чиновники, стремясь успокоить государя, порой выдавали желаемое за действительное. В то же время у российской разведки были основания надеяться на благоприятные перемены в состоянии общественного мнения: Тьер, настаивавший на политике реваншизма, был отправлен Луи-Филиппом в отставку. 29 октября 1840 г. король сформировал кабинет во главе с маршалом Н. Сультом, в котором реальным лидером был министр иностранных дел Франсуа Гизо. Формирование министерства нашло благоприятный отклик в Санкт-Петербурге, поскольку в Тьере видели главного противника Лондонской конвенции и наиболее опасного врага европейского мира. В Петербурге надеялись, что правительство Сульта-Гизо более взвешенно подойдет к решению Восточной проблемы. Именно благодаря продуманной внешнеполитической линии Гизо Франции удалось выйти из международной изоляции: 13 июля 1841 г. была заключена Вторая лондонская конвенция по делам Востока, и Франция вернулась в «европейский концерт».

Однако и после урегулирования Восточного кризиса отношения между Россией и Францией не улучшились. Более того, как уже отмечалось, в результате дипломатического инцидента 1841 г. послы П. де Барант и П.П. Пален покинули соответственно Петербург и Париж, и интересы двух стран представляли поверенные в делах. Внешне они были вполне нейтральными. В нравственно-политическом отчете III отделения за 1843 г. отмечалось: «В течение минувшего года парижская журналистика, к немалому удивлению, в сравнении с предшествующими годами, хранила глубокое молчание о России, обезоруженная презрением, которым мы отвечали на ее нападения. Но, с другой стороны, это молчание приписывают тому, что все внимание Франции обращено было на укрепления Парижа, на войну в Алжире, на Маркизские острова, на Испанию, Ирландию и на предметы личных совещаний королевы Виктории с Людовиком-Филиппом»².

Это было затишье перед бурей. В том же самом году увидела свет книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»...

---

¹ Россия под надзором... С. 249–251.

² Там же. С. 311.

Маркиз де Кюстин и «журнальные войны» между Россией и Францией

О книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» написано множество работ. Наверное, она является самой известной и самой скандальной книгой о России. По ней судили и судят о России по сию пору, из нее выдергивают цитаты как в пользу России, так и против нее. Не останавливаясь на содержании этой хорошо известной работы, тем более что подробнейшие комментарии к ней уже сделаны В.А. Мильчиной и А.Л. Осповатом, обратимся к информационной полемике, спровоцированной Кюстином.

Кюстин, отец и дед которого были гильотинированы в эпоху террора, прибыл в Россию с искренним намерением найти здесь веские аргументы для борьбы с либерально-конституционными веяниями Июльской монархии. Поездка в Россию явилась для маркиза своего рода экспериментом: он хотел понять, способна ли абсолютная монархия оправдать надежды, которые на нее возлагали французские легитимисты.

Однако, когда французский аристократ объездил Россию, побывал при дворе и в обществе, исколесил почтовые тракты от Петербурга до Москвы, Ярославля и Нижнего, увидел Шлиссельбург, познакомился с фельдъегерями, ямщиками, крепостной деревней, российскими канцеляриями, арестантами, губернаторами, судьями и полицией, он не только отказался от своего первоначального замысла, но и написал обширный четырехтомный памфлет, в котором впечатления его от путешествия были облечены в форму сатирической публицистики¹. Кюстин вернулся из России противником абсолютной монархии и сторонником представительного правления как меньшего из зол². Он писал: «Уезжая из Парижа, я полагал, что лишь тесный союз Франции и России способен внести мир в европейские дела; но, увидев вблизи русский народ и узнав истинный дух его правительства, я почувствовал, что этот народ отделен от прочего цивилизованного мира мощным политическим интересом, опирающимся на религиозный фанатизм; и мне думается, что Франция должна ис-

---

¹ Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. 1937. Т. 31/32. С. 156.

² Литература о книге А. де Кюстина обширна, см., например: Мильчина В. Несколько слов о маркизе Кюстине, его книге и первых русских читателях // Мильчина В., Осповат А. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008.

кать себе поддержку в мире тех наций, которые согласны с нею в своих нуждах»¹.

Можно ли считать выводы, сделанные Кюстином, не говорившим по-русски, пробывшим в России только два месяца, посетившим лишь четыре города, объективными и обоснованными? Составил ли он адекватное представление о стране, ее народе и политических нравах? Как подчеркивал П.П. Черкасов, маркиз «...и не ставил перед собой столь широких задач. Ни народ, ни русская культура его не интересовали. Зато государственная система и политические нравы, утвердившиеся в Российской империи, вызывали нескрываемый интерес у путешествующего литератора, равно как и живые символы этой системы – придворные, министры и чиновники»².

Кюстин, вернувшись во Францию, не спешил опубликовать свою работу. Да и публикация книги была нелегкой задачей. Его «Испания во время правления Фердинанда VII» вышла в свет только в 1838 г., тогда как Кюстин посетил Испанию в 1831 г., а король Фердинанд VII умер в 1833 г.

Анонсированная в «Библиографии Франции» 13 мая 1843 г., «Россия в 1839 году» поступила в продажу в магазине П.Ф. Амио по цене 30 франков за 4 тома. Цена, на первый взгляд, довольно высокая, была приемлемой для того времени. Издание быстро разошлось, и в ноябре вышло второе издание – за 14 франков, тиражом в 3 тыс. экземпляров. И снова успех! Этот успех заставил журналистов обратить внимание на книгу в последние месяцы 1843 и в первые месяцы 1844 г. От одного издания к другому Кюстин вносил в текст какие-то фрагменты или дополнения. М. Кадо полагал, что можно говорить о возможном влиянии Мицкевича, который как раз в это время читал курс лекций в Коллеж де Франс³.

В 1846 г. вышли еще два издания. Третье, вышедшее 14 февраля 1846 г., было не особенно замечено, поскольку Франция была занята событиями, связанными с оккупацией Кракова австрийскими войсками, что, по мнению французов, противоречило договорам 1815 г. Пятое издание (июль 1854 г.), напротив, было очень заметно: оно вышло в годы Крымской войны, и война придавала пророческий смысл работе Кюстина, а сам он вносил свой вклад в антирусскую кампанию, сопровождавшую первое военное предприятие Наполеона III. Получается, что французы аплодировали авторитарному режиму Второй империи, отказывая ему в праве на существование в России.

---

¹ Кюстин А., де. Россия в 1839 году. Т. 1–2. М., 1996. Т. 2. С. 346.

² Черкасов П.П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 76.

³ Cadot M. Op. cit. P. 225.

Книга Кюстина имела большой резонанс. В каждой стране она находила почитателей и противников. Первых было гораздо больше, особенно в Германии. Во Франции же, по словам исследователя М. Кадо, напротив, политическая метаморфоза, превратившая убежденного легитимиста в сторонника конституционного режима, была слишком внезапной, чтобы не вызвать подозрения. Публика не была готова принимать всерьез – как политического наблюдателя – аристократа, до этого известного как романиста, драматурга и автора скорее живописных, нежели глубоких рассказов о путешествиях. Не слишком высокая личная репутация Кюстина, а также его богатство являлись причинами, настраивавшими против него литературный мир. Это не означало, что его книгу не читали: но читали во многом вопреки, а не благодаря появлявшимся критическим статьям¹.

Публикация этой работы привела к очередному мощному витку информационной войны между Россией и Францией. У Кюстина не только во Франции, но и в других странах, появилась целая плеяда последователей-подражателей. Более того, как справедливо отмечал М. Кадо, после А. Кюстина никто не мог писать о России так, как писали до публикации этой книги².

В России книга была немедленно запрещена, благодаря чему стала одной из самых читаемых в свете в сезон 1843–1844 гг. На книгу был наложен «обет молчания», только Алексей Степанович Хомяков публично протестовал против книги. Вот как описывал реакцию при российском дворе поверенный в делах Франции в России барон д'Андре, сообщавший Франсуа Гизо 30 июня 1843 г. из Петербурга: «Двор рассеян; дипломатический корпус плохо информирован. Две темы в эти дни были самыми обсуждаемыми: первая, это успехи армии герцога Омальского, он был замечателен; вторая – книга Кюстина о России. Эта работа весьма занимает публику. Книга очень разгневала двор. Император всю неделю говорит только о ней. Главы из нее он читал вечерами в семье, выбирая преимущественно те места, где говорилось о нем лично. Сначала он хотел позволить свободно циркулировать этой книге... Но ему посоветовали обратное. И цензура наложила запрет на все экземпляры, поступившие в магазины, однако изъяли не все книги. В результате ее читали с большим любопытством и соглашались, что она содержала много правдивых и тонких наблюдений. И, однако, досадно, что эти истины были сказаны в тот момент и человеком, которому был оказан такой прием им-

---

¹ Ibid. P. 242–243.

² Ibid. P. 540.

ператором. В будущем будут более осмотрительными к путешественникам, заподозренным в стремлении писать»¹.

Доротей Дино, многолетняя спутница жизни князя Ш.-М. Талейрана, записала в своем дневнике из Берлина 16 июня: «Я видела вечером мадам Шрептович, урожденную Нессельроде, приехавшую из Петербурга и направлявшуюся в Неаполь, куда ее муж был назначен поверенным в делах. Она говорит, что Кюстина читают с гневом в Санкт-Петербурге, и гнев – это еще мягко сказано, поскольку книга вызывает у русских страстную ненависть. Они считают эту работу лживой. Император ее читает внимательно, говорит о ней с презрением и возмущается до глубины души...»²

Многие русские, и среди них представители высшего света, признавали, что книга содержала «много правды», но осуждали неделикатную, несвоевременную и оскорбительную публикацию. Георгий Канкрин, министр финансов при Николае I, умерший в 1845 г., писал 5 июня 1843 г.: «Я никогда еще не видел подобного нагромождения ложных сведений, подобной мешанины правды, полуправды и лжи... Часто бывает, что путешественники сравнивают ошибки у других с состоянием своей страны, и это простительно; но трудно понять, откуда у маркиза такая дикая ненависть к России... Но, по правде говоря, кто бы читал, кто бы издавал книгу о России, если бы в ней хотели сказать правду? Конечно, есть много правдивого в этой работе, но эта правда настолько сильно смешана с ложью, даже с абсурдом, что не имеет никакой ценности, а в философии автора не остается здравого смысла»³.

Ф.И. Тютчев, не только блестящий поэт, но и опытный дипломат, предлагал защищать русские интересы пером просвещенных европейских публицистов⁴. Однако эти проекты не были реализованы, поскольку возобладала точка зрения императора и графа Нессельроде: взирать на все публикации о России с равнодушием, полагаться в основном на собственные силы и перья и, более того, стараться избегать прямой полемики⁵.

Тем не менее российское правительство было обеспокоено поисками достойного ответа на нашумевшую книгу-памфлет. В нрав-

---

¹ *Cadot M.* Op. cit. P. 229.

² *Dino D.* *Cronique de 1831 à 1862.* Т. 1–4. Р., 1909–1910. Т. 3. Р. 288–289.

³ *Cadot M.* Op. cit. P. 230.

⁴ См. *Основат А.Л.* Тютчев и заграничная служба III Отделения // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1994. С. 124–133.

⁵ *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. С. 259.

ственно-политическом отчете III отделения за 1843 г. отмечалось: «...два опровержения на сочинение Кюстина уже вышли в свет¹, одно еще выйдет. Но самым беспристрастным изобличителем наглой клеветы Кюстина будет его соотечественник Оже (Auger), природный француз, который с 1814 до 1817 г. находился на русской службе. Движимый благодарностью к гостеприимной России, он печатает свое путешествие и в нем на каждом шагу опровергает Кюстина»².

Ипполит Оже был автором многих романов и драм о России. В 1814 г. в Париже его заметил капитан Измайловского полка Корсаков, который, подобно большинству молодых русских офицеров, ощущал себя в столице Франции не завоевателем, а путешественником. Оже принял предложение вступить юнкером в Измайловский полк. Прибыв в Петербург, он познакомился с Филиппом Филипповичем Вигелем, в будущем автором знаменитых «Записок». Зимой 1814–1815 гг. Оже провел в веселье, играя комедии у родственников Вигеля, Тухачевских, приобщаясь к русской литературе через Д.Н. Блудова, будущего министра Николая. Его друзьями в полку были Павел Демидов и Николай Строганов; он дружил с Михаилом Сергеевичем Луниным. В сентябре 1816 г. он покидает Россию и возвращается во Францию, где занимается переводами, однако денег не хватало, и в итоге Оже, как и многие другие, обращает свой взор на Россию³.

Все связи с русскими к 1840-м годам Оже растерял. Через Свечину он получил аудиенцию у Баранта, однако встреча оказалась не очень теплой. Барант спросил его: «Что вы собираетесь делать в России? На французов там сейчас косо смотрят... Русские сегодня совсем не те, что были прежде». Оже требовалось минимум 4000 франков, чтобы совершить путешествие и жить в России в течение нескольких месяцев. И тогда, как бог из машины, летом 1843 г. появился старый друг Вигель, ставший надворным советником и бывший в фаворе. Он сообщил Оже, что Кюстин «сильно навредил его соотечественникам». Вигель предложил Н.И. Гречу, находившемуся тогда в Париже, опровергнуть «Россию в 1839 году» пером Оже. Греч направил Оже к Я.Н. Толстому и написал Дубельту, правой руке

---

¹ Имеются в виду брошюра «Реплика о сочинении маркиза де Кюстина “Россия в 1839 году”» К. Лабенского, поляка на русской дипломатической службе, выпущенная (анонимно) в Париже в сентябре 1843 г., и статья французского журналиста Ж. Шод-Эгу в журнале «Revue de Paris» в декабре того же года. См.: Россия под надзором... С. 340.

² Россия под надзором... С. 311.

³ Cado M. Op. cit. P. 120–122.

Бенкендорфа, что нашел человека, который напишет опровержение работы Кюстина. Греч планировал совместно с Оже написать повесть «Путешествие в Россию» («Voyage en Russie»), в котором высмеивался бы маркиз де Кюстин. Предполагалось поставить пьесу на сцене парижского театра De la Porte St. Martin. Греч просил денег на постановку у III отделения; Николай I распорядился удовлетворить просьбу литераторов¹.

1 января 1844 г. Оже отправился в путь, сначала до бельгийской границы, потом по железной дороге в Берлин, и прибыл в Петербург с авансом в 1000 франков от Греча. Он был принят Алексеем Николаевичем, сыном Греча. Бенкендорф, в отличие от Дубельта, обошелся с ним вежливо. (Дубельт же в присутствии Оже сказал своему подчиненному: «Греч отправил к нам этого господина, присутствие которого явно неуместно»².) Оже снова сблизился с семьей Блудовых, был представлен Вигелем приехавшему из Парижа князю Вяземскому, который встретил его весьма любезно; князю Одоевскому. Однако Блудов и Уваров отсоветовали Оже написать опровержение книги Кюстина³, и все отношения Оже с Третьим отделением были внезапно прерваны⁴. Оже в своих мемуарах, опубликованных спустя десять лет после его смерти в 1891–1892 гг., утверждал, что работал над опровержением книги Кюстина, но сжег рукопись по приказанию Бенкендорфа⁵. В России Оже оставался до весны 1846 г., а в 1856–1859 гг. еще раз побывал в нашей стране⁶.

«Наш ответ Кюстину» вполне мог бы выйти из-под пера величайшего романиста – Оноре де Бальзака, решившего в самый разгар полемики отправиться в Петербург к своей возлюбленной Эвелине Ганской. Этой поездкой решили воспользоваться российские дипломаты, прежде всего поверенный в делах России во Франции Н.Д. Киселев. В зашифрованной депеше Нессельроде от 24(12) июля 1843 г. сообщалось: «...идя навстречу денежным потребностям г. де Бальзака, можно было бы использовать перо этого автора, который сохраняет еще некоторую популярность здесь, как вообще в Европе, чтобы написать опровержение враждебной нам и клеветнической книги г. де Кюстина»⁷.

---

¹ Россия под надзором... С. 340.

² *Cado M.* Op. cit. P. 122.

³ Ibidem.

⁴ Россия под надзором... С. 340.

⁵ См.: *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. С. 259.

⁶ *Cado M.* Op. cit. P. 120.

⁷ *Гроссман Л.* Бальзак в России. С. 155.

Российские дипломаты рассуждали весьма здраво и правильно понимали ход мыслей Бальзака, всегда мечтавшего о большой государственной деятельности, желавшего утвердиться в Петербурге и достичь там того, что ему не удавалось в Париже Луи-Филиппа: стать влиятельным политическим деятелем. Одновременно он стремился разделить с Ганскими и Мнишками обладание целыми уездами Киевщины, Подолии и Волыни¹.

Однако ставка на Россию оказалась одной из последних иллюзий Бальзака: он явился в Россию не вовремя, а именно сразу после выхода в свет книги Кюстина. Придворные круги Петербурга, обжегшись на приеме Кюстина, официально игнорировали Бальзака². Он был на сильнейшем подозрении у петербургских властей и как бы отвечал перед ними за Кюстина. После пережитого полуофициального «бойкота» в петербургском свете Бальзак заметно охладел к Николаю, хотя до этого преклонялся перед ним, говоря, что личность императора «успокаивала его тревоги за будущность Европы»³.

Его записки о путешествии в Россию содержат не слишком радостные впечатления, облеченные, впрочем, в юмористическую форму: «Немало глупцов утверждало, что его величество император все-российский возымел мысль опровергнуть книгу г. Кюстина каким-либо французским пером и предложил мне за это достаточное количество крестьян во время моего пребывания в Петербурге. Заявляю поэтому, что мне действительно пришлось видеть императора Николая на расстоянии пяти метров (когда писатель присутствовал на военном параде в Красном Селе – единственная любезность, оказанная Бальзаку правительством. – *Н. Т.*), что меня он никогда не видел, а стало быть, и не говорил со мной...» Именно тогда Бальзак назвал Николая «калифом в мундире» и писал, что «падишах Стамбула в сравнении с русским царем – простой супрефект»⁴.

А между тем Бальзак действительно намеревался выступить с опровержением Кюстина. В своем неоконченном «Письме о Киеве» он обстоятельно высказывался «насчет книг, опубликованных до сих пор о России». «Если изъять из этой книги все мысли князя Козловского, чье имя можно назвать, ибо он умер, если обойти две или три романтические версии, сообщенных для нее самим императором, в ней останутся только эпиграммы о неизбежных явлениях, порожденных климатом, ряд совершенно ошибочных мнений о по-

---

¹ Там же. С. 149.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 202.

⁴ Там же.

литике, описание русского великолепия и ряд общих мест в чрезвычайно нарядном облачении. Г-жа де Сталь в некоторых страницах своего “Десятилетия в изгнании” лучше описала Россию, нежели это сделал г. де Кюстин»¹.

Итак, бальзаковский анти-Кюстин не состоялся. Внешняя политика была прерогативой императора. Одно дело – намерения и идеи дипломатов, другое – позиция государя. А государь был против Бальзака.

В антикюстиновской пропаганде были задействованы выдающиеся умы – тот же Ф.И. Тютчев и П.А. Вяземский. Работа князя Вяземского «Еще несколько слов о работе г-на Кюстина “Россия в 1839 году” по поводу статьи в “le Journal des Débats” от 4 января 1844 г.», возможно, является самой сильной в длинном списке опровержений². Как писал Петр Андреевич, в своих выводах Кюстин не идет дальше трактирщика из Любека, утверждавшего, что Россия плохая страна. «Это суждение, с религиозным рвением принятое Кюстином, приходит из кухни трактирщика в работу путешественника [...] Я всегда думал, что трактирщики Любека, этого торгового города, столько выигрывали от потоков путешественников между их городом и Санкт-Петербургом, что они должны были воспринимать Россию как землю обетованную. Я ошибался... Обладая в высшей степени чувством великодушия и бескорыстия, пораженный, к тому же, *Русофобией*, этот достойный человек скорее согласится увидеть свой хозяйский стол пустым, а комнаты – безлюдными, лишь бы не поощрять несчастных путешественников посещать эту гибельную страну»³.

Петр Андреевич тонко подметил основные причины успеха книги Кюстина. Во-первых, она состояла из набора устоявшихся штампов и стереотипов, воссоздавая широко распространенный на Западе образ России. То есть французы видели в России то, что хотели увидеть, как это было, например, во время Отечественной войны 1812 г., когда обработанные пропагандой офицеры видели под Смоленском белых медведей, о чем писали в своих мемуарах. Поэтому книга

---

¹ Цит. по: Гроссман Л. Бальзак в России. С. 205.

² Французский текст статьи Вяземского содержится в книге М. Кадо «Россия в интеллектуальной жизни Франции. 1839–1856» и цитируется мною по этому изданию. Первый перевод на русский язык был сделан Г.А. Невелевым: Невелев Г.А. А. де Кюстин и П.А. Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 66–93.

³ Vyazemsky P.A. Op. cit. P. 267.

Кюстина применяется на Западе и к России сталинской, и к России брежневской, и к России современной. Во-вторых, что не менее важно, книга провоцировала скандал, и уже одно это предрекало ей успех. Как писал Вяземский, «если людям нравятся сказки, то еще больше им нравится шумиха и скандал. Это прекрасная пища для бездельников, людей простодушных и доверчивых. Стоит ли удивляться тому, что эта работа, написанная, очевидно, исключительно с целью угодить современным политическим настроениям, имела резонанс?»¹

Что же нового узнал Кюстин? – задается вопросом Вяземский. Узнал он ровным счетом три вещи: что Россия управляется абсолютным монархом; что в России есть крепостное право; и что в России есть царедворцы. Для того чтобы узнать эти прописные истины, отмечает Вяземский, Кюстину вовсе не нужно было отправляться в такое далекое путешествие. По словам Петра Андреевича, Кюстин мог вернуться домой, едва ступив на русскую землю: свои выводы он уже сделал, и заключаются они в одной фразе: «Можно сказать, что все русские, от мала до велика, пьяны от рабства»².

Однако Вяземский отказался от публикации своей работы. Главный аргумент: французы все равно ему не поверят. Он писал, что французы верят только собственной прессе и «разделяют веру своего прихода и убеждения своей газеты». Вяземский приводит такой пример. Во время эпидемии холеры он с семьей и гувернером-французом, воспитателем его сына, жил в деревне. Все они живо интересовались новостями, а ипохондрик-француз волновался больше всех. Наконец в сводках сообщили новость, что болезнь отступила. Семейство Вяземского облегченно вздохнуло, в отличие от француза: оказалось, из «*Journal des Débats*» он узнал, что от холеры каждый день умирали сотни людей. Напрасно Вяземский пытался его успокоить, объясняя, что эта информация устарела минимум на полтора месяца. Несчастный француз только и твердил, что французские газеты говорят правду, а официальным докладам из Москвы верить нельзя³.

Некоторые французы тоже возражали против отождествления русских с «казаками» и «варварами», например, легитимист граф Поль де Жюльвекур. Он бывал в России, причем приезжал не за несколькими быстрыми репортажами, как другие путешественники. Более того, уехав из Франции с ее «незаконнорожденной» монар-

---

¹ Ibid. P. 265–266.

² Ibid. P. 274.

³ Ibid. P. 277.

хией, он хотел дышать воздухом, более подходящим для его убеждений, и желал остаться в России надолго. Здесь он женился на Лидии Николаевне Кожиной, побочной дочери Николая Сергеевича Всеволожского¹, которой приписывали «серьезное образование и знания, редкие у женщин».

В 1834 г. вместе с Жюлем Сен-Феликсом² Жюльвекур опубликовал книгу «Вокруг света» (*Autour du monde*), посвященную России. Он был поражен Петербургом, его гранитными набережными, памятниками; повсюду он видел руку Петра Великого. Русский абсолютизм его, как и многих других французов, отнюдь не возмущал. Он не испытывал никакой антипатии к Николаю I и даже пытался реабилитировать его в глазах французов. Все в Петербурге его восхищало: император, свет, особенно дамы. Он даже полагал, что элегантностью манер и возвышенностью ума они превосходили европейских женщин.

В 1837 г. появилась вторая книга Жюльвекура – «Балалайка, русские народные песни и поэзия, переведенные в стихах и прозе»³. Это изложение его мыслей и впечатлений от литературной России. Значительную часть книги составляют переводы, сделанные в том числе Пушкиным, Венедиктовым, Баратынским. В предисловии автор подробно излагает свои взгляды, утверждая, что вплоть до настоящего времени Россия в целом была французам не известна: жители старой Европы, сидя за одним европейским столом с Россией, отворачивались от нее как от соседа-варвара⁴. Как справедливо отмечал французский исследователь Шарль Корбе, это общая черта всех французских работ: все авторы пишут так, будто бы до них никто Россию не изучал.

По Жюльвекуру, это не Россия является варварской, напротив, современная Европа погрязла в революциях и возвращается к варварству. Россия же является оплотом порядка против «революционной пропаганды». Сегодня, как пишет Жюльвекур, европейцы запрашивают «паспорта в Петербург и Москву. Рим и его бывшее величие их больше не интересует. Будущее находится на берегах Невы»⁵.

---

¹ Н.С. Всеволожский (1772–1857), российский государственный и военный деятель, историк, топограф.

² Сен-Феликс Жюль (Феликс д'Аморе), французский поэт и писатель (1806–1874), автор множества романов и исторических очерков.

³ *Joulevécourt P. de. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. P., 1837.*

⁴ Ibid. P. VI.

⁵ Ibid. P. VII.

Россия, следовательно, идет не в хвосте, а в авангарде цивилизованных наций. В плане просвещения и цивилизации она ничем не уступает Европе, разве что, возрастом: Россия, по словам Жюльвекура, страна молодая, но в этом заключается ее достоинство: «она полна сил и надежд, ею движет любовь, в том числе к семье и отечеству, тогда как страны старушки-Европы, с их иссохшей душой, руководствуются только эгоизмом и чувством наживы»¹.

Это открытие до Жюльвекура сделали еще эмигранты в годы Революции конца XVIII в., радушно принятые императрицей Екатериной. Правда, они не настолько прониклись духом русской цивилизации, чтобы восхищаться ею. Жюльвекур же попытался Россию понять. Причем он подчеркивал, что Россию нельзя изучать на расстоянии и судить о ней по европейским стандартам, поскольку «если ее голова находится в Европе, ее физиономия – в Азии, то ее душа – у Бога»².

Изучение русского общества открыло ему, как он решил, земной рай, где все организовано во благо людей: «Мы думали увидеть здесь варварское, тираничное правительство, без законов, без институций, без юстиции, и вот, при более близком знакомстве с Россией наша происходящая от невежества ненависть сменяется истинным восхищением. При этом режиме, называемом деспотическим, преобладает чувство патернализма. Этот патернализм распространяется на все общество, от императора до последнего из его подданных...»³

Власть императора, который в Европе, по словам Жюльвекура, воспринимается не иначе как «северный султан, своей железной рукой давящий на каждого из своих подданных», вовсе не является деспотичной. Он отмечает патерналистский характер власти в России: «Государь окружен народом, который любит и обожает его, как родного отца. Издаваемые им ордонансы зачастую менее произвольные, чем ордонансы наших гражданских королей, издаваемые при участии представительных палат»⁴.

Соответственно, система крепостного права в России, по Жюльвекуру, также является формой патернализма, а вовсе не эксплуатации: «... эти так называемые рабы, живя под патронажем своих хозяев, в гораздо меньшей степени рабы, нежели мы, живущие под защитой конституции и не имеющие свободы»⁵.

---

¹ Ibid. P. VIII.

² Ibid. P. XI–XII.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. IX.

⁵ Ibidem.

Как писал князь А.В. Мещерский, «граф Жюльвекур, сделавшись русофилом, был один из числа первых и редких в то время французов, искренне возмущенных несправедливыми толками, распространенными на Западе о России и о русских вообще. Он первый задался целью исправить эту несправедливость, восстановить истину доступными для него средствами, изменить общественное мнение во Франции в пользу России и способствовать сближению этих народов»¹.

Однако были ли у Жюльвекура серьезные возможности проникнуть в душу незнакомого русского? Объяснить, что в России понимается под культурой? Насколько эта культура противоположна культуре Запада, и сможет ли Запад понять ее? По мнению М. Кадо, возможностей у него для этого было мало. Жюльвекур, вероятно, намеревался посвятить свою жизнь изучению России и опубликовать когда-нибудь серьезную работу на эту тему, однако у него не хватило времени исполнить задуманное: в конце 1840-х гг. он умер от аневризмы². Что касается «Балалайки», то, по словам князя Мещерского, книга не имела большого успеха во французском обществе³.

Популярность могли иметь работы, написанные в духе книги маркиза де Кюстина, поэтому многие французы стремились повторить его успех. Например, в отчете III отделения отмечалось, что успех книги Кюстина «породил зависть в многих спекуляторах, и некто Витт объявил в журналах о намерении своем издать книгу под заглавием: *Cinq annes de résidence en Russie depuis 1828 à 1843*⁴. *Le Journal des Débats*, извещая об этой книге, присовокупил, что в ней будут описаны вопиющие несправедливости, будто бы происходящие в России. Сочинитель должен быть какой-либо спекулятор, бывший в России и обманувшийся в своих надеждах»⁵. В этом же году вышла работа Фурье «Россия, Германия и Франция, или разоблачение русской политики», – сообщалось в документе⁶. В России полагали, что эта брошюра была составлена поляком, графом Яблоновским. В этом же году во Франции вышла книга «Тайны России» («*Les Mystères de Russie*»), которую, как сообщалось в до-

---

¹ Мещерский А.В. Из моей старины // Николай I. Портрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 233–234.

² Corbet Ch. Op. cit. P. 192.

³ Мещерский А.В. Указ. соч. С. 234.

⁴ Пять лет пребывания в России. 1828–1843.

⁵ Россия под надзором. С. 347.

⁶ Fournier. Russie, Allemagne et France, ou révélations sur la politique de la Russie. P., 1844.

кументе, следовало бы назвать «Клеветы на Россию» («Les calomnies sur la Russie»)¹. Впрочем, отмечалось в Отчете, «все выходки писателей 1844 года столько незначительны по достоинству сочинений, что не обратили на себя внимание даже недоброжелателей России»².

Рост антироссийских публикаций был спровоцирован не только работой Кюстина, но и внешнеполитическими событиями. В июне 1844 г. Николай I под именем графа Орлова совершил поездку в Великобританию. Во Франции этот визит вызвал серьезное беспокойство: французы опасались англо-русского сближения и возможного заключения двустороннего соглашения по делам Востока. Эти опасения подогревались осложнением франко-английских отношений по причине военных действий Франции на территории Марокко, что очень беспокоило Великобританию, а также вследствие политики Франции в Океании, спровоцировавшей англо-французский конфликт (т. н. «дело Притчарда»). Непосредственно после визита Николая в Лондон во Франции вышло порядка десяти анонимных работ антирусской направленности. Об этом, в частности, сообщалось в книге французского адвоката Шарля Дюзэ, опубликованной в том же 1844 г., в которой автор представил критический анализ упомянутой выше работы «Тайны о России» и книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Сам Дюзэ вовсе не страдал русофобией, наоборот, весьма позитивно оценивал императора Николая как политического деятеля и убеждал читателей, что визит Николая в Лондон вовсе не означал заключения союза антифранцузской направленности (хотя 1841–1846-е годы, когда во главе внешнеполитического ведомства Великобритании находился Дж.Г. Абердин, в историографии рассматриваются как период англо-русского сближения). Автор делал следующий вывод о российском императоре: «Его намерения необъятны, а манера исполнения – проста; ни один государь не обладает в большей степени, нежели он, искусством с легкостью выполнять самые сложные дела и проворно выходить из затруднений... Он умеет наказывать, но еще больше он умеет прощать»³.

Не отставали в антироссийской риторике и наши соотечественники, чем-то обиженные властью. В 1845–1847 гг. вышли книги публициста-эмигранта Ивана Гавриловича Головина «Россия во время

---

¹ Клевета на Россию.

² Россия под надзором... С. 347.

³ *Duez Ch. Critique des Mystères de la Russie et de l'ouvrage de M. de Custines: La Russie en 1839, suivie de l'extrait du voyage de l'Empereur. P., 1844. P. 118.*

правления Николая I»¹ и «Русские типы и характеры»². По словам М. Кадо, если Н.И. Тургенев до самой своей смерти вел достойное существование, ограничиваясь нападками на императора, то Головин играл на бирже, посещал Жокей-клуб и лореток, в целом, скомпрометировал свое положение фанфаронадами, только выдававшими его страх быть подвергнутым экстрадиции³.

27 августа 1845 г. «le Journal des Débats» анонсировал его работу «Россия при Николае I», которая вскоре появилась в переводах на немецкий, английский и шведский языки. В целом ряде изданий: «la Revue Indépendante», «le Journal du Commerce», с запозданием – в «le Journal des Débats» появились рецензии. Издание «Corsaire-Satan» от 15 февраля 1846 г. на своих страницах привел содержание разговора, состоявшегося за столом между двумя русскими, не знакомыми друг с другом: «Читали ли вы “Россию при Николае I”? – Мне хотелось бы о ней поговорить. – Как вы находите эту работу? – Она отвратительна. Я в ней обнаружил много вещей, интересующих лишь автора, много заимствований из русских кодексов и ничего нового...». Собеседник стал защищать книгу. В конце разговора один из русских говорит: «Меня зовут Курьеров. – А меня, сударь, меня зовут Головин»⁴. Русские, проживавшие в Париже, не одобрили эту книгу и не поддержали автора. Александр Иванович Тургенев, брат Николая, писал князю Вяземскому 7 октября 1845 г.: «Книгу Головина, которую называют в Париже “La botte de chiffonnier” (кузов тряпкособиравателя), просмотрел: жаль и автора, и Россию!»⁵.

Какова была реакция Петербурга? М.Д. Нессельроде, супруга вице-канцлера, писала сыну Дмитрию из Санкт-Петербурга 11(23) июня 1845 г. о впечатлении, произведенном книгой на императора: «Новая книга Головина его очень взбудоражила. Головин имел дерзость отправить ее императору через полицию. Государю он кажется еще хуже, чем Кюстин...»⁶

---

¹ La Russie sous Nicolas I.

² Types et caractères Russe. И.Г. Головин образование получил в Дерптском и Берлинском университетах, служил в Министерстве иностранных дел. Уехал за границу и в 1845 г. перешел в английское подданство. Книга «La Russie sous Nicolas I» надолго лишила его возможности вернуться на родину. После смерти Николая I был прощен императором Александром II и возвратился в Россию. См.: Россия под надзором... С. 377.

³ Cadot M. Op. cit. P. 28.

⁴ Ibid. P. 29.

⁵ Остафьевский архив князей Вяземских. С. 325.

⁶ Ibid. P. 30.

В целом, по крайней мере, как сообщалось в отчете III отделения, книга не представляла серьезной опасности для России. В документе отмечалось, что «книга написана столь дурно и так мало обнаруживает таланта, что ее почти никто не читает, и ни один журнал не похвалил»¹.

Другая книга Головина «Русские типы и характеры», в отчете III отделения за 1847 г. характеризовалась также критически: «Эта книга есть сбор грубых вымыслов с намеками на известных лиц, доказывающий только дурные качества самого сочинителя; он не пощадил ничего самого священного в России и излил на все оскорбительные ругательства»². Характерно, что А.И. Герцен не вполне одобрял позицию Головина; по мнению Герцена, тот много говорил о том, что надо уничтожить в России, а не о том, что надо сохранить, и для того, чтобы понять русский народ, надо читать не Головина, а Николая Ивановича Тургенева.

Н.И. Тургенев (1789–1871) был участником ранних декабристских обществ, членом «Союза благоденствия», в 1824 г. уехавший за границу и заочно осужденный и приговоренный к каторжным работам навечно. В 1847 г. в Париже вышел в свет его трехтомник «Россия и русские» («La Russie et les Russes»)³. Работа была издана одновременно в Париже, Брюсселе и Гааге на французском языке, вскоре в Берлине на немецком⁴, а первый полный перевод на русском языке появился только в 2001 г. Реакция III отделения на эту книгу была в целом спокойной. В отчете сообщалось, что это сочинение «...принято было некоторыми журналистами с одобрением, но, не заключая в себе ничего любопытного для иностранцев, не имело большого успеха». В отчете делался вывод, что Тургенев «представляет Россию в таком виде, в каком она была лет за 20 перед сим, и ему, по-видимому, неизвестно о гигантских успехах, сделанных нашим Отечеством с того времени...»⁵

Каков же итог этой журнальной войны между Россией и Францией? Ни одно из опровержений книги Кюстина не имело настоящего успеха: публика ими не интересовалась и продолжала читать «Россию в 1839 году». Успех книги объясняется и тем, что она

---

¹ Россия под надзором... С. 364.

² Там же. С. 395.

³ В 1857 г. Тургенев возвратился в Россию и был восстановлен в правах. Автор многих работ экономического характера.

⁴ *Житомирская С.* Голос с того света // Тургенев Н. Россия и русские. Пер. с фр. и статья *С.В. Житомирской*. М., 2001. С. 624.

⁵ Россия под надзором... С. 395.

появилась в нужное время, а именно на фоне обострения франко-русских отношений в период Восточного кризиса, когда тема «русской угрозы» была весьма актуальна. Русофобия тогда, действительно, была модным явлением, что также объясняет популярность книги Кюстина.

Если во Франции читающая публика судила о России по книгам, то каковы были впечатления о России французов, которые, как и Кюстин, побывали в нашей стране? Чего было больше: восторгов или разочарований? Если для французских политиков антирусская риторика была одним из приемов политической борьбы, то были ли подвержены русофобским настроениям французы, оказавшиеся в нашей стране? Об этом речь пойдет в следующей главе.

Глава 3

ОБРАЗЫ РОССИИ И ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ: ДИПЛОМАТЫ, ХУДОЖНИКИ, УЧЕНЫЕ

Французские путешественники в России и о России

В 1830–1840-е гг. французов в России было немного. Дабы не допустить проникновения в страну пагубных революционных идей, власти приняли драконовские меры по ограничению притока французских преподавателей и сокращению доступа в образовательные публичные учреждения иностранцам, полную лояльность которых нельзя было гарантировать. Между 1 июля 1846 г. и 31 декабря 1847 г. паспорта в Россию получили 215 человек, из которых 21 – специалисты (медики, химики, инженеры, дантисты, оптики, профессора, агрономы и два студента)¹. В целом наблюдалось явное сокращение числа французов в Петербурге между 1818 г. (примерно 4000) и 1848 г. (2760 человек), тогда как население Петербурга за это время почти удвоилось². На всю Россию численность французов увеличилась за это время с 8 тыс. до 10 тыс. человек³.

Несмотря на то что политические отношения между Россией и Францией и после признания режима Июльской монархии оставались весьма холодными и напряженными, сотрудничество между нашими странами продолжалось. Французы были всегда востребованы в России, в том числе и за пределами столиц, а франкофония русских облегчала взаимные связи, ведь никакого лингвистического барьера не существовало. Французский язык был не просто «иностранным языком», но языком, на котором русские дворяне разговаривали, писали и думали. Для этого было необходимо не только глубокое изучение языка, но и «вживание» в национальную атмосферу другой

---

¹ Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. С. 12–13.

² О влиянии Франции и французской культуры на жизнь Санкт-Петербурга см.: *Жерихина Е.И.* Французский мир Санкт-Петербурга. СПб., 2015.

³ Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. С. 13.

страны. Как справедливо отмечала петербургская исследовательница Е.И. Жерихина, «пока в XVIII в. в России не было своей культуры и литературы, несколько поколений русских дворян были воспитаны на французском языке и культуре... Это породило поразительный исторический феномен, поскольку французский язык стал основным в сфере светского общения в культурной среде русского дворянства»¹.

Франкофония играла важную роль в музыке и музыкальной критике, в журналистике и прессе². Некоторые из приехавших ученых постепенно отходили от своих занятий и занимались бизнесом. Например, Эжен Ралле, профессор французского языка в Москве, в 1846 г. основал здесь парфюмерную фабрику, просуществовавшую до конца века. Даже во время Крымской войны французов не особенно беспокоили в России, если они не участвовали в политике. Очень востребованы были технические специалисты, много сделавшие для России: Шато установил телеграфные линии, барон Ётелу изобрел новый тип винтовки, за что получил орден Св. Владимира³.

Важным каналом связей между русским и французским обществом была французская пресса. Французские журналы, например, «la Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров»), составляли серьезную конкуренцию русской прессе. Журналы открывали русским французскую литературу – Бальзака, Жорж Санд, А. Мюссе, А. Ламартина, В. Гюго⁴.

Большинство французов, осевших в российской столице, были людьми самыми обычными. Они приезжали в Россию в поисках лучшей доли в качестве лакеев, горничных, гувернанток⁵, мелких ремесленников. По переписи населения на 1869 г., в Петербурге проживали всего 2200 французских подданных. Гораздо больше было урожденных французов, принявших российскую присягу, пользовавшихся русским языком как родным и числившихся на государственной службе. Но они считались «русскими» и число их установить невозможно⁶.

Как мы уже знаем, в первые дни после революции въезд французов на территорию России, Польши и Финляндии был воспрещен. Вскоре эти меры были отменены, однако теперь приезжающие в

---

¹ Жерихина Е.И. Указ. соч. С. 16.

² Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. С. 9.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ О французских гувернерах в России см.: Французский ежегодник 2011. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011.

⁶ Жерихина Е.И. Указ. соч. С. 573.

Россию находились под строгим надзором¹. Несмотря на это, в нашей стране побывало немало французских путешественников, которые оставили свои наблюдения и путевые заметки. За успехом, славой и деньгами отправлялись в Россию многие писатели, художники, музыканты. О путешествии А. де Кюстина и его книге о России хорошо известно. О визитах в нашу страну других французов массовый читатель знает гораздо меньше. Расскажем о некоторых из них.

В 1842 г. Россию посетил известный переводчик и путешественник Ксавье Мармье (1809–1892). Он являлся сотрудником журнала «*Revue des Deux Mondes*», занимал кафедру профессора зарубежной литературы в Ренне и Реймсе. 3 июня 1842 г. на небольшом судне Мармье отплыл из Хельсинки в Выборг, откуда отправился в Петербург, где пробыл с 9 по 23 июня. Он был принят в литературных салонах, имея рекомендательные письма от своего друга А.И. Тургенева. С.С. Уваров, министр просвещения, предложил ему даже остаться в столице. С большим интересом Мармье осматривал достопримечательности, а также все, что ему показывали: начиная от скелета мамонта и заканчивая кофейником Наполеона. У князя В.Ф. Одоевского он встретился с Н.В. Гоголем; писатель напомнил ему одну из описанных им «мертвых душ».

С 25 июня по 20 июля Мармье находился в Москве. Там он встретил А.И. Тургенева; познакомился с Герценом, славянофилами, в том числе с поэтом Хомяковым, историком и литератором С.П. Шевыревым. Потом направился в Петербург, написал там поэму «В России», затем уехал через Ковно в Варшаву, а оттуда – через Германию в Париж. Он писал своему коллеге, известному журналисту Франсуа Бюлозу из Лейпцига: «В России и Польше меня встретили с большой теплотой. В Петербурге меня оберегали, а министр просвещения сделал мне прекрасные подарки. Но все эти замечательные сувениры не мешают мне свободно говорить [о России]...» Его «Письма о России: Финляндия и Польша» публиковались сначала в «*Revue des Deux Mondes*» (в номерах за 1 декабря 1842 г., 1 января, 15 января и 1 апреля 1843 г.), а в 1843 г. они появились в виде книги в двух томах². В 1844 г. работа была опубликована на немецком языке, в 1851 г. вышло еще одно издание в Париже.

Князь П.А. Вяземский, видевший Мармье в Санкт-Петербурге, спрашивал у А.И. Тургенева в письме от 25 декабря 1842 г.: «Читали ли в “*Revue des Deux Mondes*” статью Marmier о России, изрезанную

---

¹ См. о надзоре за иностранцами в России: Мильчина В.А. «Французы полезные и вредные»... С. 11–57.

² Marmier X. Lettres sur la Russie: la Finlande et la Pologne. Т. 1–2. Р., 1843.

цензую? Довольно мелко и бледно. Видно, что ему хотелось не раздражить ни нас, ни парижский журнализм, а это лучший способ не угодить ни той, ни другой стороне»¹. А.И. Тургенев ответил князю из Москвы 30 декабря (11 января): «Взгляд довольно верный на высшее общество ваше и на другие элементы. Писано без желчи, но и дельно»². В то же время, полагал историк М. Кадо, до публикации в 1843 г. книги Астольфа де Кюстина работа Мармье была лучшим из травелогов, которые французский читатель мог прочесть о России³.

Побывал в России и виконт В. д'Арленкур, написавший о путешествии два тома, озаглавленные «Паломник-Полярная звезда». Его поездка длилась менее трех месяцев. Он уехал из Парижа спустя некоторое время после катастрофы на железной дороге Париж-Версаль (8 мая 1842), нанес визит поверенному в делах Голландии в России приемному отцу Дантеса барону Геккерну, проехал через Гамбург, а затем в Травемунде сел на корабль «Николай I». На борту он познакомился с графом Александром Григорьевичем Кушелевым-Безбородко, директором департамента Государственного казначейства, в распоряжении которого были три меблированные каюты и гостиная на 16 персон. Благодаря ему д'Арленкур избежал проволочек на российской таможне.

Француз остался доволен пребыванием в российской столице. В Исаакиевском соборе он увидел «полумрачную, полулучезарную мечту, реализованную в мраморе и золоте». В сопровождении князя Г.П. Волконского виконт побывал в Зимнем дворце, который не произвел на него большого впечатления. Почему-то он вспомнил о событиях 14 декабря 1825 г. и женах, последовавших за своими мужьями в Сибирь. Упомянул он и о своем приглашении к графине Нессельроде, салон которой был полон генералов, послов и министров; об ужине на Островах у министра Уварова. В Петергофе граф И.И. Воронцов-Дашков представил Арленкура императору Николаю, который обратился к нему якобы с такими словами: «Вы прибыли в Россию, это честь для нас, и я вам за это благодарен»⁴. 27 июля французский гость покинул Петербург в сопровождении музыканта и мецената князя Николая Борисовича Голицына и через

---

¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. IV. С. 196.

² Там же. С. 197.

³ *Cadot M.* Op. cit. P. 105.

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. С. 228. Как писал Вяземский, «лжет, вероятно, на государя», который, якобы, сказал ему эти слова.

Новгород и Тверь прибыл в Москву. Он посетил Троице-Сергиеву лавру, многочисленные дворцы в окрестностях древней столицы¹. После короткого путешествия в Нижний Новгород Арленкур вернулся в Петербург, 2 сентября из Кронштадта отправился в Ревель, а оттуда – в Швецию. 19 марта 1843 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Вчера получил я от Толстого книгу d'Arlinecoud о России. Пустоцветно и пустословно, по крайней мере, по первому беглому взгляду, но, кажется, все мадригально...»²

Свои наблюдения о России оставил и Генрих Мериме, дальний родственник Проспера Мериме. Будучи в Италии, он познакомился Н.А. Мельгуновым³, С.А. Соболевским⁴, выучил несколько русских слов; в 1839–1840 гг. впервые оказался в России, посетив лишь Петербург и Москву. Его письма о России появились в 1844 г. сначала в прессе, потом в виде небольшой книги в 1847 г., озаглавленной «Год в России. Письма Сен-Марк Жирардену». Правда, по словам М. Кадо, эта книга не была особенно замечена ни в России, ни во Франции⁵.

Приезжал в Россию и Луи Виардо, супруг знаменитой певицы Полины Виардо. В 1823 г., находясь на военной службе, он побывал в Испании и с этого момента превратился в страстного путешественника. В 1836 г. появился его перевод на французский язык «Дон Кихота». Он стал директором Итальянского театра и вскоре пригласил в труппу 17-летнюю Полину Гарсиа, на которой в 1840 г. женился и оставил Итальянский театр, сопровождая жену в европейских турне, продолжавшихся более 20 лет.

В Россию чета Виардо прибыла осенью 1843 г. Полина пела в Большом театре Петербурга 22 октября (3 ноября) и имела огромный успех. Луи Виардо зимой 1843–1844 гг. также не терял времени даром: он много охотился, переводил (не зная русского языка) повести Гоголя, в том числе «Тараса Бульбу». В столь трудном деле ему помогал молодой и энергичный поклонник его жены Иван Сергеевич Тургенев. После обучения в Берлине Тургенев вернулся в Петербург, был прикреплен к министерству внутренних дел, работал под началом знаменитого фольклориста Владимира Даля. 1 (13) ноября

---

¹ *Cado M.* Op. cit. P. 105.

² Остафьевский архив князей Вяземских. С. 228.

³ Мельгунов Николай Александрович (1804–1867), писатель, публицист, переводчик, музыкальный критик.

⁴ Соболевский Сергей Александрович (1803–1870), библиофил и библиограф, автор эпиграмм и шуточных стихотворений

⁵ *Cadot M.* Op. cit. P. 107.

1843 г. он познакомился с Полиной Виардо¹. В компании Тургенева муж певицы охотился в окрестностях Петербурга. Охотничьи рассказы Виардо на протяжении 1844 г. публиковались в журнале «Иллюстрация» («Illustration»), а потом вышли отдельной книгой, объединившей воспоминания автора об охоте в Испании, Англии, Венгрии и России². В его восприятии России чувствуется влияние Кюстина, чья работа уже была опубликована. Виардо замечает красоту крестьян, он очарован лесами и заснеженными равнинами. По его мнению, в Россию надо ехать именно зимой. «Что делать зимой в Испании или Италии? Страдать от холода, поскольку здесь ничего не подготовлено, чтобы от него защититься. С другой стороны, что делать летом в России?»³. Если общим местом рассуждений иностранцев были представления о русском холоде, то Виардо, напротив, пишет о том, что жилища русских весьма приспособлены для жизни зимой. «Дома в Санкт-Петербурге зимой всегда теплые, температура в них постоянная⁴. В Петербурге его поразил домик Петра I, «в котором тот жил, когда в 1703 г. начал строить город. Он даже ниже простой крестьянской избы. Какая дистанция между этим домиком и Зимним дворцом!»⁵, – восклицает Виардо. Именно он предложил Тургеневу перевести на французский его «Охотничьи рассказы», столь полюбившиеся французам.

Побывал в России еще один интеллектуал, журналист и литератор Шарль де Сен-Жюльен (1802–1869)⁶. В 1828 г. он был представлен Альфонсу Ламартину, которому понравились его поэтические эссе. В 1831 г. Сен-Жюльен был приглашен на должность старшего лектора французского языка и истории французской литературы на филологический факультет Петербургского университета, издавал в Петербурге газету «Le Furet». В 1834 г. Сен-Жюльен опубликовал «Краткий курс французской литературы», прочитанный им в 1833–1834 гг. Он познакомил Россию с Виктором Гюго, несмотря на негативное отношение к писателю со стороны императора Николая. В 1836 г. Сен-Жюльен был назначен библиотекарем в Румянцевский

---

¹ Cadot M. Op. cit. P. 106.

² В 1845 г. вышло две брошюры Виардо: *Viardot L. Quelques chasses en Russie*. P., 1845; *Viardot L. Encore des chasses en Russie*. P., 1845.

³ *Viardot L. Souvenirs de chasse*. Septieme ed. P., 1859. P. 105–106.

⁴ Ibid. P. 107.

⁵ Ibid. P. 110.

⁶ См. о нем: *Сперанская Н.М.* Шарль де Сен-Жюльен – французский журналист в России // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века.

музей. В 1840 г. он опубликовал «Книгу для чтения по французскому языку» и анонимно – «Путеводитель по Санкт-Петербургу». Именно этот путеводитель изучал Бальзак перед поездкой в Россию. Осенью 1846 г. Сен-Жюльен вышел в отставку и тогда же стал членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук с чином «придворного советника». Он писал сценарии или адаптировал сценарии других авторов для французской труппы Михайловского театра. Летом 1847 г. он вернулся во Францию, а уже 1 октября «Revue des Deux Mondes» опубликовал первое из его больших исследований о русской литературе под заголовком «Пушкин и литературное движение России за последние сорок лет». В России работа была воспринята критически.

Мы не знаем почему, но весной 1851 г. Сен-Жюльен вернулся в Россию. Он совершил долгое путешествие через Москву, Нижний Новгород, Казань, потом по Волге добрался до Астрахани; оттуда направился на Кавказ, в курортные города Пятигорск, Кисловодск и оказался в Тифлисе. Обратный путь проделал через Тамань, Керчь, Крым, Херсонес, Одессу, украинские степи и Киев. В 1853 г. Сен-Жюльен опубликовал о своем путешествии весьма увлекательную книгу под названием «Живописное путешествие по России»¹.

Как полагал М. Кадо, Сен-Жюльен вернулся в Россию искать успеха, который не мог обрести во Франции, и этим объясняет его доброжелательность к России. В написанном в Петербурге и датированном маем 1853 г. предисловии к своей книге Сен-Жюльен объясняет ее замысел и пишет, что у него уже давно возникла идея написать книгу о России, поскольку ее политическое влияние в Европе заметно возросло. Однако, по словам автора, за исключением небольшого количества работ, публиковавшихся в «Revue des Deux Mondes» и некоторых других изданиях, из печати выходили только книги, полные заблуждений относительно России, или памфлеты. Россия, по его мнению, остается для Европы terra incognita, отдаленная от нее расстоянием, незнанием языка и нехваткой серьезного изучения на месте. По его мнению, «путешествие по России будет плодотворным только после долгого погружения в ее историю, язык, обычаи»².

---

¹ *Saint-Julien Ch., de. Voyage pittoresque en Russie.* P., 1853. В следующем году эта работа была опубликована в книге вместе с работой М. Бурдьё «Путешествие по Сибири». См: *Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M.R. Bourdier.* P., 1854. Цитаты далее приводятся по этой работе.

² *Saint-Julien Ch., de. Voyage pittoresque en Russie...* P. 4–5.

Сен-Жюльен говорит об огромном прогрессе, достигнутом Россией, о том, что наша страна вовсе не чужда европейской цивилизации. Причем, по его словам, ощутимые изменения затронули все слои общества. Если в его прежний визит, замечает он, одна русская барышня на вопрос о том, какие из французских новинок она читала, простодушно ответила: «Мольера», то спустя десять лет дамы в салонах мелкопоместного дворянства были неплохо осведомлены о современной французской литературе. И сами салоны изменились: если прежде они поражали француза просто обилием угощения и напитков, то теперь приемы стали более изысканными¹. И при этих изменениях, по мнению Сен-Жюльена, русские смогли сохранить свою национальную идентичность, самобытность, не подверженную никаким пертурбациям. Он пишет, что славянский характер остался тем же, и «старый боярин, старая Русь навсегда в нем остались»². Более того, вместе с развитием в России принципов европейской цивилизации национальный дух, по его выражению, «повсюду пустил еще более мощные корни»³. Сущность же русского национального характера Сен-Жюльен выразил предельно лаконично, и заключается она в одном слове «авось» («avos» в написании автора): «Никакие бедствия не смогут покорить Россию. Avos спасет от всего; это непереводаемое слово означает одновременно веру в Бога, надежду на судьбу, подчинение силе вещей»⁴. Единственное, чего не хватает русским, по мнению Сен-Жюльена, это дара предвидения.

Сен-Жюльен особо оговаривал, что его книга далека от политики и не отражает какую-либо политическую доктрину, как и не формирует точного мнения о России, это просто живописное путешествие по России, рассказ о «ее обществе, нравах, истории, народе, литературе»⁵. Однако уйти от политики ему не удалось, политическая позиция автора заметна уже с первых страниц книги. Прежде всего, это проявляется в отношении к абсолютной власти, которую он считает «прогрессивной и правильной». По его словам, «идеи разумных реформ и полезных улучшений занимают лучшие умы, включая императора»⁶. Император Николай, которого Сен-Жюльен именует «достойным последователем» Петра Великого, «не имеет време-

---

¹ *Saint-Julien Ch., de. Voyage pittoresque en Russie...* P. 221–223.

² *Ibid.* P. 5.

³ *Ibid.* P. 15.

⁴ *Ibid.* P. 5.

⁵ *Ibid.* P. 16–17.

⁶ *Ibid.* P. 15.

ни быть царем-бездельником»¹. При этом, подчеркивал автор, Николай наследовал только положительные качества Петра I: «Он имеет силу воли, твердость принципов, моральную мощь своего предка, но у него нет жестокости его характера. Его боятся и любят (добавим в скобках, идеальное сочетание по Макиавелли. – Н. Т.), особенно народ, который очень редко ошибается в своих чувствах по отношению к тому, кто им управляет»². Кроме того, Сен-Жюльен был убежден, что абсолютная власть в России направлена только во благо подданных; «она становится немошной, если захочет сделать зло»³. Это связано, по мнению путешественника, с тем, что в России, как и в Европе, существует общественное мнение: «Злоупотребления властью возможны только во времена варварства или революционной диктатуры. Иван IV больше невозможен в наши дни в России, как невозможен Людовик IX во Франции»⁴. Как видим, Сен-Жюльен был весьма далек от того, чтобы соединять образ власти в России с «черным мифом» об Иване Грозном. Абсолютная власть, по его словам, персонифицирует «в своем отеческом действии все живые силы страны». Отсюда «национальность абсолютной власти, то есть ее ответственность национальным интересам»⁵.

Однако книга Сен-Жюльена не стала бестселлером: она появилась в очень неподходящий момент, накануне Крымской войны, когда публике было не до травелогов, особенно если в них Россия описывалась в позитивном ключе, а противник априори не может быть привлекательным.

В Россию дважды приезжала принцесса Матильда Бонапарт⁶ вместе с супругом Анатолем Демидовым. Ее воспоминания, в которых она описывает и свои путешествия в Россию, публиковались в журнале «Revue des Deux Mondes» в 1927 и 1928 г. под названием «Воспоминания о годах изгнания»⁷.

Для начала познакомимся с этой необычной супружеской парой. Анатолий Николаевич Демидов был наследником знаменитых

---

¹ Ibid. P. 15–16.

² Ibid. P. 16.

³ Ibid. P. 15.

⁴ Ibid. P. 16.

⁵ Ibid. P. 14.

⁶ Матильда Бонапарт – французская принцесса, хозяйка знаменитого салона времен Второй империи и Третьей республики. Дочь брата Наполеона I Жерома и его второй жены Екатерины Вюртембергской. – *Примеч. ред.*

⁷ *Mathilde, princesse, Souvenirs des années d'exil // Revue des Deux Mondes. 1927. 15 déc. 1928. 1, 15 janvier.*

тульских оружейников. Его отец, Николай Никитич (1773–1828), женатый на Елизавете Александровне Строгановой, жил на два города: Париж и Флоренцию. Старший из сыновей, Павел Николаевич (1798–1840), служил в Измайловском полку, потом сделал карьеру дипломата. Анатолий – второй сын Николая, родился в Москве 24 марта 1812 г., воспитывался во Франции янсенистом аббатом Братом. Некоторое время служил в качестве атташе в русском посольстве – сначала в Париже, потом в Риме и Вене, жил то в России, то в Италии (во Флоренции). 1 ноября 1840 г. во Флоренции он женился на принцессе Матильде, дочери Жерома Бонапарта, брата Наполеона. По случаю свадьбы великий герцог Тосканский Леопольд II пожаловал Демидову титул князя Сан-Донато (по названию резиденции отца Анатолия)¹. Спустя некоторое время из-за конфликта, произошедшего между Демидовым и И.А. Потемкиным, российским посланником при дворах Рима и Тосканы, Анатолий получил приказ незамедлительно вернуться в Россию².

Для Матильды это стало полной неожиданностью: она мечтала о путешествии в Рим и Париж, а не в холодную заснеженную Россию. В январе 1841 г. семья покинула Флоренцию и после неимоверно сложной для изнеженной Матильды дороги 2 (14) марта прибыла в Петербург и обосновалась в особняке Демидова на Невском проспекте. Если Анатолий был мрачнее тучи, ожидая встречи с государем, то Матильда, соскучившаяся по комфортной жизни, наконец-то вздохнула с облегчением. Более того, она приехала, можно сказать, в гости к родственникам: ее мать, Екатерина Вюртембергская, была кузиной Николая I, а о великой княгине Елене, дочери Павла Вюртембергского и супруге брата Николая, великого князя Михаила Павловича, она сохранила прекрасные воспоминания с тех пор, когда та в 1828 г. посетила Флоренцию³.

Граф А.Г. Строганов, кузен Демидова, объяснил ему ситуацию: если Анатолий останется в тени жены, все пройдет гладко. Великая княгиня Елена Павловна взяла Матильду под свою протекцию и заявила, что берет на себя заботу представить ее ко двору. Император Николай произвел на Матильду столь же сильное впечатление, как и на всех, кто к нему приближался: «Внешне он являл собой тип абсо-

---

¹ *Mathilde, princesse*. Op. cit. // Revue des Deux Mondes. 1928. 1 janvier. P. 102.

² Ibid. P. 104.

³ *Mathilde, princesse*. Op. cit. // Revue des Deux Mondes. 1927. 15 décembre. P. 737.

лютного монарха, которому все должны повиноваться»¹. Николай был очарован принцессой. Когда Матильда во время приема сделала глубокий реверанс, государь поднял ее со словами: «Я имею право вас целовать на правах кузена» и дважды поцеловал в щеки и плечо. Потом, целуя руку, позвал цесаревича Александра: «Поцелуйте руку своей кузине». На прощание Николай сказал принцессе: «Надеюсь, мы будем часто видеться»². Поскольку Матильда царю понравилась, ее пребывание в Петербурге было превосходным. Однако Демидова раздражало, что он был вынужден ограничиваться ролью мужа своей жены, да еще с учетом того, что Николай запретил ему покидать Россию. Матильда же была прекрасно принята в высшем петербургском обществе. Император пригласил ее присутствовать на бракосочетании своего сына Александра с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской, состоявшемся в Москве 16 (28) апреля 1841 г. Дорога из Петербурга в Москву показалась Матильде мрачной, она с ужасом описывала жилища крестьян: «норы, вырытые в земле, покрытые опавшими листьями и навозом», где люди и животные жили вместе, являясь добычей паразитов. Зрелище этой нищеты обострило ее ностальгию по Парижу: отныне единственной целью Матильды было добиться у императора разрешения вернуться во Францию вместе с мужем³.

Она видела, как на Красной площади толпа народа встречала Николая криками «Ура!»: «Тысячи людей осадили его коня, пытались его коснуться, и когда им это удавалось, они крестились». Матильда была поражена подобным восхищением «без всякого намека на пошлость и подбострастие». Николай, по ее словам, принимал эти «безумные проявления [любви] со слезами на глазах, проникнутый не надменностью, но признательностью»⁴.

Как писал М. Кадо, принцесса Матильда разрешила одну из важнейших проблем, волновавших западных наблюдателей: они полагали, что русские поклоняются своим государям исключительно из чувства вечного страха. Матильда же говорит не о страхе, а о привязанности народа к монарху и восхищении им (об этом, как мы помним, писал и Сен-Жюльен)⁵. По мнению исследователя, лестные слова Матильды в адрес императора – это не что иное, как благодар-

---

¹ *Mathilde, princesse*. Op. cit. // *Revue des Deux Mondes*. 1928. 15 janvier. P. 369.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 378.

⁴ *Ibid.* P. 379.

⁵ *Cadot M.* Op. cit. P. 145.

ность за любезный прием, оказанный ей Николаем¹. На мой взгляд, Матильда в своем восхищении императором была искренней.

Матильда была удовлетворена приемом, оказанном ей при русском дворе, но Николай сожалел, что Демидов возвращается в Париж: «Если я ему позволю уехать, Бог знает, каких он еще глупостей натворит!»². Матильда должна была пообещать, что берет мужа под свою ответственность. От Николая она даже получила разрешение нанести визит Луи-Филиппу в знак благодарности за восстановление ее в гражданских правах³. После прощального ужина, устроенного императорской семьей в Павловске, супруги покинули Россию и 17 августа прибыли в Париж.

В России Матильда окажется следующим летом: Анатолий по настоянию императора был должен вернуться на родину после парижского «отпуска». В России супруги провели целый год. Во дворце на Английской набережной устраивались ослепительные приемы, на которых часто бывал Николай I. П.А. Вяземский писал А.И. Тургеневу 25 декабря 1842 г.: «Здесь только и толков, что о бале Анатоля Демидова, на коем были: государь, великие князья и великая княгиня с дочерьми»⁴. О втором визите в Россию воспоминаний Матильда не оставила...

В 1847 г. в Россию за признанием публики отправился композитор Гектор Берлиоз, хотя сама идея поездки возникла у него гораздо раньше. 16 марта и 6 апреля 1845 г. он исполнил «Жизнь за царя» Михаила Глинки. Берлиоз был не только композитором, но и активным музыкальным критиком. Он посвятил статью Глинке, опубликованную в «*Le Journal des Débats*» 16 апреля 1845 г. С русским композитором Берлиоз познакомился еще 1831 г., когда был учеником Римской школы, возглавляемой Орасом Верне. Летом 1845 г. в Бонне Берлиоз аккомпанировал на праздниках, организованных Ф. Листом в честь Бетховена. Там он встретил Н.И. Греча. Из письма Берлиоза Листу от 17 мая 1845 г., мы узнаем, что он «изыскивал средства отправиться ближайшей зимой в Россию»⁵. В Парижской консерватории, где Берлиоз служил заместителем библиотекаря, композитор получил полугодовой отпуск для посещения Австрии и России. После Вены, где его ждал оглушительный успех,

---

¹ *Cadot M.* Op. cit. P. 145.

² *Mathilde, princesse.* Op. cit. // *Revue des Deux Mondes.* 1928. 15 janvier. P. 382.

³ *Ibidem.*

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. С. 196.

⁵ *Cadot M.* Op. cit. P. 117.

он направился в Прагу и Будапешт, однако в Россию не поехал, вернувшись в мае 1846 г. во Францию, где представил публике ораторию «Осуждение Фауста» в зале, на три четверти пустом. Вероятно, именно эта неудача заставила его искать успеха в России.

Через Тауроген, совершив, по его словам, четырехдневное путешествие в «герметично закрытой металлической коробке», Берлиоз воскресным вечером 28 февраля 1847 г. прибыл в Петербург, где его встретил граф Михаил Юрьевич Виельгорский. Поэт и музыкант, он ввел Берлиоза в петербургское общество и представил ко двору¹. Виельгорский познакомил Берлиоза с Алексеем Федоровичем Львовым², возглавлявшим с 1837 г. Придворную певческую капеллу. С помощью Львова французский композитор набрал оркестр, в основном из немцев. Императрица и цесаревич пришли поздравить Берлиоза после его первого концерта, пресса захлебывалась от восторгов, однако Николай отнесся к нему весьма равнодушно. За первый концерт Берлиозу заплатили 12 тыс. франков. В Москве состоялся только один концерт; музыканты подобрались не слишком хорошие, хотя публика встречала тепло. Берлиоз надеялся заработать за концерт 15 тыс. франков, однако получил только 8 тыс. Вернувшись в Петербург, он дал драматическую симфонию «Ромео и Джульетта» в Большом театре с помощью А.М. Геденова, директора императорских театров, но успех был не столь оглушительным, как рассчитывал композитор. 12 мая состоялся последний концерт. Публика, поначалу весьма восторженная, быстро пресытилась Берлиозом: через три месяца ему больше не на что было надеяться в России. 1 июня он направился в Берлин через Тильзит. В России композитор побывал еще раз, зимой 1867–1868 гг., по просьбе своей почитательницы великой княгини Елены³.

Бывали в России и технические специалисты. В 1838 г. для геологических исследований южных земель – Кавказа и степей Каспийского моря – в Россию отправилась супружеская чета Ксавье и Адель Оммер де Гелль. За открытие в 1839 г. железного рудника на берегу Днепра император Николай I наградил Ксавье орденом Св. Владимира. В 1841 г. семья путешествовала по Молдавии и югу России. В 1848 г. Ксавье Оммер де Гелль умер от дизентерии в Персии, а Адель в 1860 г. еще раз побывала в России. Супруги оста-

---

¹ Ibid. P. 118.

² Львов А.Ф. (1798–1870), скрипач-виртуоз, композитор, дирижер, музыкальный критик и общественный деятель. В 1837–1861 гг. руководил Придворной певческой капеллой.

³ Cadot M. Op. cit. P. 119.

вили ряд работ о путешествиях по Кавказу, степям Каспийского моря, Крыму и югу России¹.

Как полагал М. Кадо, супругам в России явно не понравилось. У меня же по прочтении работ Адель Оммер де Гелль сложилось иное мнение. Сам факт того, что по следам путешествия по России и Молдавии Адель выпустила поэтический сборник, показателен. А после прочтения ее поэмы о Крыме создается впечатление, что она в него совершенно влюбилась. Адель живописует природные красоты Крыма, лазурное море и мягкий климат; восторженно описывает Ай-Петри, Ялту, Бахчисарай; рассказывает таинственные легенды об истории Крымского ханства. Она пишет о том, что невозможно не испытывать удовольствия от посещения Крыма и чувства сожаления от расставания с ним², и что «Бог создал эту землю для тех, кто хочет жить в мире и любви»³.

Аналогичное впечатление создается по прочтении работы Адель Омер де Гелль «Путешествие по степям Каспийского моря и южной России», опубликованной в 1860 г. Свою книгу она предваряет статьей, написанной известным литератором Сен-Марк Жирарденом и публиковавшейся в «Le Journal des Débats» 5 декабря 1845 г. и 6 января 1846 г. Статья, имеющая явно критический характер, посвящена работе ее мужа «Степи Каспийского моря, Кавказа, Крыма и южной России», вышедшей в 1843–1845 гг. Сен-Марк Жирарден называет работу Ксавье де Гелля самой «забавной и поучительной из всех книг, которые можно прочесть о России», и упрекает супругов-путешественников, что, не посетив ни Петербурга, ни Москвы и видя только южные русские земли, берега Каспийского и Черного морей, они судят о России в целом, принципах ее управления, составе населения, нравах, обычаях, «то есть обо всем, что якобы лучше понимаешь вдали от двора и административного центра»⁴. Адель не спорит с известным литератором; она просто делится своими впечатлениями о путешествии по югу России, теперь уже в прозе, но ее отношение к

---

¹ *Hommaire de Helle X. Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale.* Т. 1–3. P., 1843–1845; *Hommaire de Helle A. Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell. Orient, Russie et Moldavie.* P., 1846; *Hommaire de Helle A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale.* P., 1860; *Hommaire de Helle A. Équipée dans les steppes de Russie 1840–1844.* P., 1868 (переизд. в 1993 г.).

² *Hommaire de Helle A. Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell.* P. 157.

³ *Ibid.* P. 156.

⁴ *Hommaire de Helle A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale.* P. II.

нашей стране остается прежним: Россия ей нравится. Адель – настоящая путешественница; а путешествие по степям Каспийского моря для нее – настоящая авантюра. Утонченная парижанка, она не боится трудностей, более того, она в восторге, что окажется в столь отдаленных местах, где будет вести кочевую жизнь, полную приключений, ночевать не в уютной комнате гостиницы, а под навесом в пустыне¹. Нельзя сказать, что восторженная путешественница видит российскую действительность исключительно в радужных тонах. Адель говорит и о «деспотизме» власти (которая, по ее же словам, оказывается не такой уж деспотичной²), и воспроизводит стереотипы о «потемкинских деревнях»³, но в целом увиденную ею Россию описывает, на мой взгляд, с симпатией.

Южный берег Крыма поразил ее как своими природными, так и рукотворными красотами. История российского Крыма насчитывала к тому моменту еще относительно немного времени, но за очень короткий по историческим меркам период полуостров в результате правления российских властей претерпел большие позитивные изменения, особенно при генерал-губернаторе Новороссийского края графе (с 1845 г. князе) Михаиле Семеновиче Воронцове. За двадцать один год его руководства, с 1823 по 1844 г., был создан тот Крым, который мы знаем и поныне, с его знаменитыми Воронцовским дворцом и парком, дворцом в Массандре, виноградниками и винным заводом Магарач, а также дорогой, соединившей населенные пункты Крымского побережья⁴. Правда, дворец Воронцова в Алушке, тогда еще строившийся, Адель не понравился. Она именует его «почти царской резиденцией», но полагает, что «в наши дни такое жилище – это настоящий анахронизм». Огромные башни и стены дворца она называет «пародией на прошлое»: «Что они видели? Свидетелями каких битв, каких историй любви и ненависти они являлись?» Резиденцией Воронцова, по словам Адель, можно любоваться, но она не затрагивает душу⁵. В целом же деятельность графа Воронцова она

---

¹ Ibid. P. 2–3.

² Например, дипломат Виктор Балабин, с которым нам еще предстоит познакомиться, поражался, как трепетно французы относились к сохранению того, что называется «культурно-историческим наследием», а Адель не понимала, почему русские не только не сохраняли, но разрушали исторические памятники, а «деспотичная» власть никак не могла этому воспрепятствовать. Ibid. P. 6.

³ Ibid. P. 6–8.

⁴ Об интеграции Крыма в состав Российской империи см.: Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.

⁵ *Hommage de Helle A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale*. P. 370–371.

оценивала очень высоко, отмечая, что именно он создал привлекательный образ Крыма, и туда потянулись и аристократы, начинавшие воспринимать полуостров как модный курорт, и предприимчивые люди, желавшие преуспеть там экономически, в том числе иностранцы. Однако большинство из них, по ее словам, разорылись¹.

С именем Адель Оммер де Гелль связана еще одна история, почти детективная. В 1933 г. в Москве был опубликован «перевод» сборника из 140 писем, якобы принадлежавших Адель Оммер де Гелль². На самом деле, как установили советские исследователи, эти письма являются литературной мистификацией, принадлежащей перу сына П.А. Вяземского Павла Петровича Вяземского, известного историка литературы и археографа³. В записках, наряду с описанием впечатлений от путешествий по Кавказу и Крыму, упоминалось имя М.Ю. Лермонтова, что и придавало им характер скандальной сенсационности.

Конечно, бывали среди французских путешественников и такие, которые, как маркиз де Кюстин, возвращались из России разочарованными. Как отмечал М. Кадо, если убежденные легитимисты, обращавшие внимание исключительно на аристократию, восхищались политической эффективностью режима, то для либералов система, при которой слепой культ государя занимал центральное место политической жизни, была неприемлема⁴. Критические работы появляются уже накануне и в ходе Крымской войны. Тем же путешественникам, которые бывали в нашей стране в 1830–1840-е гг., Россия, как правило, нравилась. Для них Россия была неизвестной и только открываемой ими страной, одновременно дикой и гостеприимной. Русского языка они чаще всего не знали; оставались в России на протяжении нескольких недель или месяцев; видели лишь два-три русских города; общались в основном с аристократией. Были и французы, отправившиеся в Россию за успехом, который они не могли обрести на родине. Антиниколаевская либеральная и католическая пропаганда, несмотря на ее настойчивый характер, не повлияла на впечатления французских путешественников о России. Даже крепостное право не воспринималось ими как варварский институт.

---

¹ Ibid. P. 372–373.

² Оммер де Гелль А. Письма и записки (вступ. статья М.М. Чистяковой). М.; Л., 1933. Еще в 1887 г. в «Русском архиве» было опубликовано четверхотомное издание писем Оммер де Гелль.

³ Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гелль / Вступ. статья, подготовка текста и коммент. А.С. Немзера. М., 1990.

⁴ Cadot M. Op. cit. P. 539.

Напротив, жизнь русской аристократии в обществе, экономически основанном на крепостничестве, в глазах французов обладала определенным шармом и напоминала образ жизни плантаторов на Юге США.

Не соглашусь с мнением Кадо, что наиболее критические свидетельства о России принадлежат путешественникам, находившимся в нашей стране продолжительное время¹. К числу «хулителей» России он относит и барона Проспера де Баранта. Посмотрим, так ли недоброжелателен был господин посол?

«Заметки о России» Проспера де Баранта

Знакомство барона де Баранта с Россией не ограничивалось столичным обществом, придворным окружением и дипломатическими кругами. В январе 1838 г. он получил отпуск и несколько месяцев провел во Франции. В условиях набиравшего обороты Восточного кризиса и активизации политики Великобритании в Османской империи посол решил вернуться в Россию морским путем, через Константинополь и Одессу, куда он прибыл 16 августа. Отсюда началось его путешествие по России. После двухнедельного пребывания в Одессе барон морем отбыл в Ялту, посетил Севастополь, Симферополь и Перекоп, откуда через Харьков, Курск, Орел и Тулу направился в Москву, регулярно фиксируя свои наблюдения. Эти путевые записи, а также наблюдения Баранта о русском народе, его менталитете, обычаях и нравах были опубликованы после его смерти под названием «Заметки о России»².

Эта работа, в отличие от нашумевшей книги о России А. де Кюстина, практически неизвестна. Россия, какой ее увидел французский посол, весьма отличается от России маркиза де Кюстина. Как отмечала В.А. Мильчина, для Кюстина, который вообще не общался в России ни с кем из русских, кроме горстки придворных, беседы с бароном по некоторым вопросам были едва ли не единственным источником информации³. Если в сознании Кюстина придворное окружение, с которым он столкнулся в Петербурге, отождествлялось с

---

¹ Ibidem.

² *Barante P., de. Notes sur la Russie. P., 1875.* Подробный отчет о своем путешествии по России Барант также изложил главе правительства графу Луи де Моле в письме от 19 октября 1838 г. См.: *Barante P. de. Souvenirs...* Т. 6. P. 122–141.

³ *Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы.* С. 444.

понятием «народ», и по этой части общества он судил о подлинной России и ее людях, то Барант попытался узнать Россию изнутри. Он видел ее разную: парадно-помпезную, торжественную и будничную; он видел роскошные дворцы, купеческие дома и убогие хибары; петербургских франтов и «мужиков».

«Заметки о России» – это прежде всего наблюдения, впечатления о стране и ее обитателях, путевые записи, сделанные без какой-либо системы, строгой хронологической последовательности и четкой структуры. Барант сообщает в первую очередь о том, что его интересовало как администратора, управленца с многолетним стажем и либерального политика. Он много пишет о российском крестьянстве и крепостном праве, о законодательстве и праве собственности в России, о религии и церковных учреждениях, о системе образования, состоянии банковской сферы и финансов, о купечестве и торговле. Это рассказ о повседневной жизни русского народа, его низших и средних слоев; мы не найдем здесь описания столичного блеска, позолоты, придворного общества и петербургских франтов; здесь нет политики как таковой – ни общегосударственного, ни местного масштаба. Автор тонко чувствует душу русского народа, его колорит, очевидна симпатия барона де Баранта к России, равно как тревога за ее судьбу.

Повествование о России барона де Баранта логично начать с характеристики представлений французского интеллектуала и дипломата о русском народе как таковом. На основе своих собственных наблюдений, подтвержденных суждениями его соотечественников, проживавших в России, Барант пришел к выводу, что русский человек по своему менталитету и складу характера весьма отличается от западного человека, особенно от воспитанного в протестантской вере с ее «этикой достижения».

Эти свойства национального характера сочетаются с «мягкостью и безропотностью» русских, что, по словам посла, «весьма удобно правительству и имущим классам»¹. Барант писал в «Заметках»: «Терпеливая покорность и смиренная преданность крестьян императору или помещику – тема, о которой русские даже в частных беседах распространяются в тоне выспреннем и сентиментальном, восхищенном и умиленном»².

Барант подмечает еще одну особенность национального характера: русский человек энергично берется за любое дело, однако очень

---

¹ Barante P., *de. Notes sur la Russie*. P. 56.

² Цит. по: Мильчина В.А., *Основат А.Л.* Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 год». СПб., 2008. С. 919.

быстро этот запал исчезает, и дело не доводится до конца. В качестве примера дипломат приводит случай, рассказанный ему его соотечественником, генералом Потье, проживавшим в России с 1810 г., об одном русском рабочем, которому поручили новое для него дело: «Он быстро прогрессировал и быстро всему научился; однако потом это чувство любопытства и новизны прошло, рабочий впал в полное безразличие, совершенно не заботился о своей работе и занимался только тем, что создавал видимость деятельности, опасаясь наказаний, упреков или снижения оплаты; часто бывает, что лучше использовать ученика, чем опытного рабочего»¹.

В качестве другого примера Барант приводит эпизод, связанный с пожаром в Зимнем дворце вечером 17 (29) декабря 1837 г., принесшим огромные разрушения. Император желал, чтобы дворец, от которого уцелели лишь стены и своды первого этажа, был восстановлен как можно быстрее; для достижения этой цели на строительстве в неимоверно тяжелых условиях трудилось ежедневно по 8–10 тыс. работников. Посол так писал об этой спешке: «В России любят, чтобы все делалось быстро; когда в деле возникает какая-то заминка, русские теряют к нему всякий интерес. Император в этом отношении, как и во многих других, очень похож на свой народ». Государь навещал строительство каждый день, считая его «главным делом своей жизни и своим первым долгом»².

Барант называет и такую особенность русского национального характера, как восприимчивость низших слоев к разного рода слухам. На страницах «Заметок» он рассказывает о том, что несколько лет назад в Воронежской губернии прошел слух, будто бы за Уралом всем крестьянам, пожелавшим там обосноваться, дают землю в количестве пяти десятин. Доведенные до отчаяния голодной жизнью, более 20 тыс. крестьян, по словам Баранта, с семьями, детьми, погрузив на телеги свой жалкий скарб, отправились в путь. «Если русский крестьянин во что-то страстно поверил, его невозможно переубедить; ему свойственно упорное недоверие ко всякому, кто пытается оказать на него давление. Это было жалкое зрелище; многие крестьяне умерли от голода и лишений, прежде чем их заставили вернуться»³.

Итак, монарх, пусть абсолютный, но вынужденный считаться с общественным мнением и ответственный за судьбу отечества; общественное мнение, пусть без «трибуны и газет», но начинающее заявлять о себе; массы трудового населения, еще далекие от обществен-

---

¹ *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 56.

² *Ibid.* P. 304–306.

³ *Ibid.* P. 60.

ной жизни, но в будущем способные оказывать влияние на принимаемые в стране политические решения – такой Баранту, либеральному политику, стороннику режима представительного правления, видится Россия. Именно в умеренных реформах, в диалоге между государством и формирующимся гражданским обществом, по его убеждению, заключались залог стабильности и спокойствия государства и гарантии от революционных потрясений, свидетелем которых он был у себя на родине и опасность которых он видел в России вследствие затягивания с решением крестьянского вопроса и сохранения крепостного права. В то же время либерал Барант, убежденный противник неограниченной власти, сам факт существования абсолютной власти признавал совершенно необходимым для России. Характерно, что это убеждение было свойственно едва ли не всем послам Франции в России в рассматриваемое время.

Положению крестьянства, крепостничеству посвящены многие страницы «Заметок» Баранта. Во Франции с давних пор существовала устойчивая неприязнь к сохранявшимся в России до середины XIX в. проявлениям «азиатского деспотизма». Как справедливо отмечает П.П. Черкасов, крепостная зависимость десятков миллионов крестьян, по мнению французов, являлась «одним из наиболее очевидных свидетельств “патриархального варварства русских”». По словам историка, «это была одна из причин, по которой многие во Франции не склонны были считать Россию полноценным европейским государством»¹.

Начинает Барант с идиллического повествования о крепостных шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, с которым он был хорошо знаком и который рассказывал послу, будто его крестьяне, ощущая себя «счастливыми и довольными», сами предложили увеличить оброк, лишь бы он отказался от намерения их продавать². Подобные суждения Барант слышал и от графа Орлова: «Нередко бывает, что крестьяне, когда они довольны своими господами, приходят им на помощь и оплачивают полностью или частично их долги, чтобы они только не продавали свои земли и чтобы крестьяне не перешли к другому хозяину». Граф Орлов рассказывал послу, будто его дядя Григорий Орлов слыл таким добрым помещиком, что, когда он покупал очередные земли с крестьянами, те сами предлагали оплатить часть суммы³. Аналогичные суждения Барант слышал и от своего со-

---

¹ Черкасов П.П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга. (1856–1863) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М., 2008. С. 168.

² Barante P., *de*. Notes sur la Russie. P. 34, 36.

³ Ibid. P. 74–75.

отечественника генерала К.И. Потье¹. Характерно, что о России Барант предпочитает узнавать не от русских, а именно от французского генерала, от которого, по его словам, он получил самую полезную и полную информацию о русском народе. Так вот, генерал Потье, прочно обосновавшийся в России, ставший здесь крупным земельным собственником благодаря удачной женитьбе, рассказывал Баранту, что крепостные крестьяне в России «...не только не жалуются на свою судьбу, но считают себя не только совершенно счастливыми, но абсолютно свободными». «Взгляните, – говорил Потье Баранту, – есть ли в Европе муниципалитеты, имеющие такие обширные свободы, как русские крестьяне? Они выбирают своих магистратов, сами распределяют налоги, которые следует платить собственнику и общине, по своему усмотрению поставляют рекрутов. Часто они не имеют другого управляющего, кроме как выборного магистрата, или “голову”»². Действительно, положение государственных крестьян в России было лучше, нежели положение крестьян владельческих: у них были введены зачатки самоуправления: «сельские общества» и волости имели свои сходы, избирали «голов», «старшин» и особых судей; их обеспечивали зерном в неурожайные годы, давали податные льготы, малоземельных наделяли землей.

Несмотря на подобные заверения, Барант сомневался в реальности социального мира между крепостными и помещиками. Он пишет в своих «Заметках», что вследствие крестьянских волнений и участвовавших случаев расправ крестьян над помещиками некоторые из последних «...не рискуют жить на своих землях и никогда там не бывают»³. По мнению В.А. Мильчиной, «Барант был одним из редких собеседников А.С. Пушкина, склонных внимательно прислушиваться к его рассуждениям об угрозе, которую таит в себе крестьянский бунт»⁴. Тем более что в бытность Баранта в России крестьянские восстания вспыхивали постоянно. На страницах своих «Заметок» посол описывает крестьянский бунт в Симбирске и отмечает: «Каждый год в разных частях империи происходят подобные вспышки, однако их – более или менее быстро, но всегда с легкостью – подавляют». Правда, продолжает дипломат, «ни правительство, ни помещики об этом ничего не говорят, по крайней мере ино-

---

¹ Потье Карл Иванович (1786–1855), российский инженер французского происхождения, генерал-лейтенант, педагог.

² *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 57–58.

³ *Ibid.* P. 299.

⁴ В.А. Мильчина. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. С. 444.

странцам. Благодаря расстояниям и редкому населению эти восстания всегда носят локальный и изолированный характер»¹.

Кроме того, социальная гармония между крепостными и помещиками, по словам Баранта, вряд ли была возможна по причине отсутствия у крестьян и в целом у низших сословий гражданских прав. Он писал: «Куда может пойти свободный крестьянин?.. Допустим, что у него есть деньги, но закон не позволяет ему приобрести землю, поскольку он не дворянин. Может быть, он найдет себе применение в другой сфере? Но там есть свои работники, и в его услугах никто не нуждается. Он оказывается привязан к земле и становится неотделим от нее»².

Именно в отсутствии соответствующей законодательной базы Барант усматривает одно из главных препятствий для развития в России среднего класса. Он отмечает, что богатые крестьяне, покупающие у помещика на год паспорт и занимающиеся в городе торговой-предпринимательской деятельностью, «владеют домами, шахтами, магазинами, но всегда от имени своего хозяина, поскольку они не могут быть собственниками». Более того, считал дипломат, эти крестьяне зачастую предпочитают оставаться под патронажем своего господина, не выкупая свободу: «Они полагают, что, став свободными, они не будут иметь никаких гарантий перед полицией, администрацией и судами. В России очень неразвито правосудие. Всякое предприятие, всякое незначительное дело там решается либо по протекции, либо за деньги, поэтому свобода для разбогатевшего крепостного будет скорее вредна, чем выгодна»³. Что касается коррупции, то Барант специально останавливается на теме взяточничества чиновников. Взятки в России, по его мнению, – это явление до такой степени привычное, что, когда судьям увеличили жалованье, они ровно во столько же раз увеличили размер взяток⁴. «Впрочем, – продолжает посол, – цена выкупа определяется хозяином, и обыкновенно чем богаче крестьянин, тем большую сумму выкупа с него требуют». В качестве примера Барант приводит историю крепостного графа Шереметева, богатого столичного торговца, который, узнав, что барин проиграл крупную сумму денег, тут же предложил ему сто тысяч рублей в счет уплаты долга, а также как плату за свободу. Только благодаря этому обстоятельству крестьянин получил вольную; в другом случае граф бы ему отказал или же заставил платить гораздо

---

¹ Barante P., *de*. Notes sur la Russie. P. 311.

² Ibid. P. 263–264.

³ Ibid. P. 45.

⁴ Ibid. P. 137.

больше. «Однако, – удивляется Барант, – граф Шереметев является самым богатым землевладельцем во всей империи и известен своим мягким отношением к крестьянам»¹.

В России Баранта пытались убедить в том, что совершенно неправильно оценивать крепостное право в России с точки зрения западноевропейских традиций и ценностей и что в России отношения между крестьянами и помещиками носят патерналистский характер. Он и сам отмечал, что эти отношения не имеют ничего общего с жестокостью польских панов или немецких помещиков; в России нет, по словам Баранта, ни «иерархии вассалитета, ни междоусобных войн между феодалами», а «традиционная национальная мягкость сделала положение крепостных более сносным»². По его мнению, «в России либо в силу привычки и обычая, либо из-за чувства самосохранения существует своего рода бережное отношение к низшим классам. Крепостными не владеют с заносчивостью средневекового сеньора или колониста с Антильских островов. Здесь очень хорошо понимают, что крепостного права не должно быть и что когда-нибудь в будущем его не будет»³. Это состояние общественного мнения, по словам Баранта, «...существенным образом сказывается на отношении господ к крепостным и в целом высших классов к низшим...»⁴

В то же время Барант предостерегал, что нерешенность крестьянского вопроса может привести Россию к серьезным потрясениям, хотя и отмечал усилия Николая по решению крестьянского вопроса. В письме министру иностранных дел графу Л. де Моле от 12 декабря 1837 г. он сообщал, что государь желает приготовить отмену крепостного права, «великий переход». Спустя некоторое время он вновь писал Моле: «Император очень надеется, что в его царствование во владениях, принадлежащих государству, можно будет установить режим, который сделает крепостного крестьянина арендатором определенной части земли, платящим арендную плату». За казной, по мнению Баранта, должны были последовать помещики: это последнее обстоятельство «всякий предвидит»⁵. Казимир Перье, завывавший делами посольства с 21 августа 1841 г. по 14 августа 1842 г.

---

¹ Ibid. P. 45–46.

² Ibid. P. 312.

³ Ibid. P. 48–49.

⁴ Ibid. P. 49.

⁵ Цит. по: *Тарле Е.В.* Император Николай I и крестьянский вопрос... С. 573. О том, что Барант в своих официальных донесениях в Париж неоднократно сообщал о настроениях Николая I в пользу освобождения крестьян см. также: *Черкасов П.П.* Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга. С. 168–170.

после отъезда Баранта из России, также отмечал, что Барант еще в 1840 г. рассказал ему, будто император готовит «проект освобождения крестьян», не объясняя конкретно, о чем именно шла речь¹.

Какой можно сделать вывод относительно позиции Баранта по крестьянскому вопросу? Как либерал и сторонник умеренного и осторожного реформирования общества он полагал, что эмансипация крестьян должна быть тщательно продуманным и подготовленным шагом, и к ней «нужно приступить с крайней осторожностью»². «Разум и справедливость не могут требовать проведения внезапной реформы, которая явится настоящим бедствием...», – предостерегал дипломат³. Он беспокоился по поводу слишком радикального и нетерпеливого умонастроения, подозреваемого им в императоре Николае относительно намерения ликвидировать крепостничество. Впрочем, посол не был склонен излишне драматизировать ситуацию и считал, что, «...судя по внешней стороне жизни и словам большинства здравомыслящих людей, опасность не является неизбежной»⁴.

Наряду с крестьянским вопросом Барант весьма интересовался положением российского купечества и предпринимателей, «среднего класса». Это и понятно: французские либералы-орлеанисты, пришедшие к власти в результате Июльской революции, именно в среднем классе усматривали залог процветания и стабильности общества и гарантию от дальнейших революционных потрясений, а установление режима Июльской монархии означало для них его окончательную победу во Франции. Барант сожалеет, что этот наиболее активный и энергичный слой населения не имеет в России тех же преимуществ и социальных прав, что дворянство: «Проблема, которую император пытается разрешить, заключается в том, что он хочет, чтобы в России развивалась торговля и промышленность, рос государственный бюджет, чтобы Россия выглядела равной Европе, но, в то же время, чтобы русское купечество оставалось покорным и смиренным»⁵.

На страницах своих «Заметок» Барант описывает эпизод о встрече императора с московским купечеством. Обычно предельно доброжелательный и любезный, говоривший с отеческими нотками в голосе, на этот раз государь изменил своей манере общения, выразив недовольство поведением московских торговцев, которые забыли

---

¹ См.: *Тарле Е.В.* Император Николай I и крестьянский вопрос... С. 573.

² Там же. С. 572.

³ *Barante P., de.* Notes sur la Russie. P. 41, 48–49.

⁴ Ibid. P. 47–48.

⁵ Ibid. P. 447.

старые русские нравы и традиции, обретя вкус к роскоши и непомерным расходам, что явилось причиной ряда громких банкротств в Москве. Император упрекал купцов: «Вы остригли свои бороды, вы живете на французский манер, ваши жены читают “Le Journal des Modes”, вы прогуливаетесь в прекрасных колясках, вы ходите в театры, вы пьете шампанское. Если бы вы были такими, как ваши отцы, экономными, скромными и степенными, то никаких банкротств не было бы»¹.

Во время путешествия по югу России Баранту не раз доводилось располагаться на ночлег в домах местных чиновников или богатых купцов. Проезжая Харьков, он остановился в одном купеческом доме, поразившим его своей роскошью и стилем². Посол был поражен контрастом между обликом хозяина, его образом жизни и убранством дома. И это, по словам дипломата, было типичным явлением. Он писал: «Жизнь, которую ведут русские купцы с их простыми нравами, с их приниженным положением в обществе плохо согласуется с роскошью, с которой они обставляют свое жилище. Бросается в глаза контраст между золоченой лепниной, шелковыми драпировками, резной мебелью и обликом хозяина дома с его длинным рединготом, волосами, остриженными в кружок и бородой. Обычно ни он, ни его семья не живут в этих роскошных апартаментах. Они занимают комнаты, более удобные для них. Только в исключительных случаях, в день свадьбы или по большим праздникам, они показывают свои прекрасные залы».

Будущее, однако, по мнению Баранта, было за новым поколением предпринимателей: «Я думаю, что уже ближайшие потомки этих мужественных торговцев не будут отличаться такой же скромностью. Родители уже заботятся об образовании детей, обучают их иностранным языкам, приучают носить фрак и брить бороду. Они начинают задумываться о европейских путешествиях. Они читают книги и газеты. Юная дочь нашего хозяина говорила по-французски так же, как мы. Ее очень элегантный кабинет украшали рисунки. Она играла на пианино; ее манеры были просты и изящны. Казалось, она обучалась в парижском пансионе»³.

---

¹ Ibid. P. 452–453.

² Отметим, что Баранта, как почти всех французов, поражало в России отсутствие кроватей: «В русских домах, даже самых красивых и богатых, кровать – большая редкость. Предмет этот не принадлежит к числу исконных принадлежностей славянского быта. В России люди спят, закутавшись в верхнее платье, на кожаных диванах». Цит. по: *Мильчина В.А., Осоват А.Л.* Указ. соч. С. 887.

³ *Barante P., de.* Notes sur la Russie. P. 258–260.

Главный тормоз, мешавший эффективному развитию в России торгово-предпринимательского класса, Барант усматривал в отсутствии соответствующей законодательной базы, нерешенности вопроса, связанного с земельной собственностью и правом ее приобретения лицами недворянского происхождения. Он писал: «Если бы не существовало запрета для лиц недворянского звания и иностранцев владеть землями (с крестьянами), население, культура, промышленность, цивилизация, развивались бы более энергично и равномерно на просторах империи. Торговцы бы обогащались, капиталисты бы с усердием создавали прибыльные сельскохозяйственные предприятия. Вместо этого они могут приобретать только лес, который им продают по весьма низкой цене дворяне, когда больше нечего рубить и надо ждать долгие годы, пока он снова вырастет»¹.

Инертность властей в этом деле, по словам посла, объяснялась тем, что купечество воспринималось как сословие «слишком аморальное», чтобы предоставлять ему более обширные права. И это при том, что торговцы беспрекословно жертвовали огромные средства на благотворительность. Барон приводит свой разговор с министром внутренних дел Строгановым, который поведал ему, что знает не одну сотню купцов в Петербурге, которые «по его первому слову, без всякого промедления и, не требуя никаких объяснений, готовы предоставить по 2 тыс. рублей под одну лишь гарантию, что деньги пойдут на благое дело». Правда, министр сожалел, что купцы отдают эти суммы «не раздумывая, с религиозной покорностью, но без всякого энтузиазма»².

К какому же заключению относительно развития средних слоев в России приходит барон де Барант? Он полагал, что средний класс в России находится только в стадии формирования. Несмотря на «...быстрый рост потребления и производства, прогресс торговли и промышленности, в России еще не создан торговый класс, и еще нет ощутимых перемен в структуре общества»³. Кроме того, по мнению Баранта, в России еще нет потомственного среднего класса: большинство состояний, созданных торговцами, вышедшими из крепостных, существуют только в одном поколении. Их дети, по его словам, «не получают никакого образования. Они остаются людьми грубыми и неотесанными. Не пройдя испытания бедностью и не обладая коммерческой жилкой, позволившей разбогатеть их отцам, они очень быстро проматывают полученное ими наследство, участвуя в сомни-

---

¹ *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 62.

² *Ibid.* P. 451, 455.

³ *Ibid.* P. 47.

тельных сделках или проводя жизнь в низменных и глупых наслаждениях»¹.

Барант с сожалением констатирует: «Поведение правительства по отношению к средним классам никак нельзя назвать предусмотрительным. Их богатства возрастают, развивается их торговля; им не чужды чтение и образование; их дети перенимают европейские нравы и манеру одеваться; скоро они отправятся путешествовать в Европу. И в это же самое время не делается ничего, чтобы улучшить их социальное положение, сократить дистанцию, отделяющую их от высших классов»².

Рассуждая о характере русского народа, Барант отмечал, что более спокойным, смиренным и подчиненным его делало свойственное русским почтительное отношение к религии и церковному культу. «Трудно себе вообразить народ, более усердный и точно исполняющий религиозные обряды, чем русские, – писал он. – Никогда человек из народа не пройдет мимо церкви, не поклонившись и не перекрестившись... В углу каждой комнаты, начиная от дворца императора и заканчивая самой бедной избой, есть икона». В то же время, по меткому замечанию посла, «строгое следование религиозным канонам вовсе не препятствует ни пьянству, ни нарушению порядка, ни обману, ни воровству». Он описывает случай, когда два простолюдина зимой ограбили и убили путешественника, а после укрылись в соседнем лесу в шалаше из веток. Спустя несколько дней их обнаружили сидящими перед паштетом из гусяной печени и умирающими от голода; они не осмелились даже прикоснуться к лакомству, поскольку дело происходило во время поста³.

Барант критически оценивал положение священников в России: «Невозможно не удивляться, видя, что у народа, набожного до суеверности, священники не имеют ни малейшего авторитета, не пользуются ни малейшим уважением, не привлекают, так сказать, ни малейшего внимания со стороны общества. Выходцы по большей части из низших сословий, необразованные, женатые и обреченные сражаться со всевозможными обыденными нуждами, священники отправляют религиозные церемонии, но не оказывают никакого влияния на народ [...] В настоящее время русская религия есть религия деревенская, и ничего более»⁴.

---

¹ Ibid. P. 46. Хотя до этого мы видели, что Барант писал о дочери купца, получившей прекрасное образование.

² Ibid. P. 314.

³ Ibid. P. 63–64, 71.

⁴ Цит. по: Мильчина В.А., Основат А.Л. Указ. соч. С. 878.

Еще одна сфера, которой живо интересовался Барант как ученый, член французской Академии, – это система образования в России, на всех уровнях, от начального до университетского. По его собственным словам, именно по этому вопросу он собрал наиболее подробную информацию, посещая учебные заведения и общаясь со знающими людьми. Посла поразило прежде всего то, что «общественное просвещение, как и почти все в России, является совершенно новым явлением», в то время как для Запада, «стран латинских или германских, страсть к обучению возникла параллельно с развитием цивилизации», а «общественное просвещение всегда являлось не даром властей или плодом их стараний, а естественным результатом развития общества, который власть была обязана принять и регулировать». Почему же Россия пошла по иному пути? – задается вопросом посол. Истоки этого явления он усматривает в выборе Россией восточного, византийского варианта христианства, а не западного, римско-католического: «Христианская религия, пришедшая в Россию из Византии, имеет нечто от статичного характера восточных религий, она не содержит в себе идею прогресса». Поэтому, полагает посол, ни «римское право, ни законодательство империй Востока не применялись в России. Здесь никогда не существовало юридических корпораций, корпуса магистратуры, исключая Новгород и Псков. Ни один город, ни одна территория никогда не имели политических прав. Ассамблеи, законодательный корпус, прямое влияние общества на свою администрацию – ничего этого Россия не знала. То, что в Европе называют свободными, или либеральными профессиями, в России никогда не существовало. Русские не участвовали в этой непрерывной традиции римской цивилизации. Никакой Карл Великий в их стародавние времена не принес на смену варварству наследие Рима и античной Греции»¹.

Правда, замечает Барант, у России был свой Карл Великий – Петр I, который, исходя из практических потребностей, создал, с одной стороны, образовательные учреждения, готовящие преподавателей, с другой – школы для подготовки узкопрофильных специалистов. На этом, по мнению Баранта, покоилась и современная система образования в России, и именно в этом он усматривал ее главный недостаток. «Классические дисциплины, эта универсальная основа знаний и культуры всех тех, кто не зарабатывает на жизнь физическим трудом, этот базис и отправная точка всех специальных наук, совершенно не развиваются в России»², – писал он. Между тем импе-

---

¹ Barante P., *de*. Notes sur la Russie. P. 78.

² Ibid. P. 79–80.

ратор был сторонником именно такого подхода к проблеме народного просвещения. «Надо, – как-то заявил Николай I послу, – каждого обучать тому, что он должен уметь делать в соответствии с местом, уготованным ему Богом»¹. Все это весьма печалило Баранта: «Там, где нет общественного просвещения, там нет общественности, там нет власти общественного мнения..., заинтересованного в развитии наук и литературы, там совершенно отсутствует универсальная интеллектуальная атмосфера, столь необходимая кабинетному ученому, эрудиту, погруженному в свои книги. Ничто не встречается в России так редко, как люди, совершенствующие свой разум учебой и размышлениями, движимые стремлением к саморазвитию и научным интересом... Большинство стремится изучить свое ремесло и ничего более»², – отмечал посол.

По мнению Баранта, российская система образования носила закрытый характер и была оторвана от европейских достижений, что он считал большой ошибкой. Он писал: «Из года в год пытаются придать образованию как можно более русский характер, тем самым рискуя... превратить его в сугубо специальное и практическое, оторванное от научного прогресса Европы. Это изъясн русской цивилизации, она может остановиться»³. Крайне низким Барант считал уровень обучения в гимназиях, которые он приравнивал к французским коллегам. Как рассказывал послу преподаватель французского языка одной петербургской гимназии, знания гимназистов были сопоставимы со знаниями ученика шестого класса парижского коллежа⁴.

Особенно поражала французского дипломата строгая дисциплина и, по существу, военные порядки, царившие в российских образовательных учреждениях. Барант писал: «Самая главная черта русских учебных заведений – это их совершенно военный характер, это дисциплина и контроль над каждым шагом ученика, это подчинение строгому распорядку в течение всего дня, это абсолютная тишина, это безукоризненность и пунктуальность поведения». «Ученики, изучающие французский или немецкий язык, были похожи на военных: хором и громким голосом они отвечали на заданный им вопрос»⁵. Барант подчеркивал: «...всякое образовательное учрежде-

---

¹ Ibid. P. 80.

² Ibid. P. 81–82.

³ Ibid. P. 88.

⁴ Ibid. P. 93.

⁵ Ibid. P. 82–83.

ние в России не может не иметь военного характера, поскольку для императора Николая это является истинной религией»¹.

Большое впечатление произвело на посла посещение московского Кадетского училища. «Образование кадетов, в глазах императора – это одна из самых важных забот его правительства. Он стремится увеличить число таких школ»². Именно в этих школах, отмечает Барант, должны – по мнению Николая – воспитываться «русские подданные такими, какими их видит император»³. «Несчастные ребяташки четырех-пяти лет блюдут военную дисциплину так четко и неукоснительно, как если бы им завтра предстояло вступить в полк. [...] В обучении царит полное единообразие, отчего все ученики всегда остаются равны и не ведают, что такое та иерархия талантов, способностей к более быстрому или более медленному развитию, усердия или лени, которая у нас помогает отделить – быть может, даже чересчур резко, – одного ученика от другого»⁴.

Кроме того, Баранта поразила «невообразимая чистота» учебных заведений, «вощенный и сверкающий паркет», чего он не припоминал на своей родине⁵. Это, по словам посла, объясняется тем, что русский народ является «самым нечистоплотным и неаккуратным», и поэтому привычку к порядку и чистоте русским надо прививать с детства. «Малейшее послабление тут же превратит эту чистоту в отвратительную грязь», – писал он⁶. При этом Барант утверждал, что ученики отнюдь не выглядели несчастными, а их покорность он не объяснял исключительно страхом наказания.

Большое внимание посол уделил развитию начального образования в России. Несмотря на то что, на его взгляд, «правительство не особенно занималось распространением начального образования среди народа», довольно большое число представителей низших слоев общества в Петербурге и Москве были грамотными. «Я то и дело видел кучеров фиакров или мужиков в лохмотьях, держащих в руках книгу. Однажды одна моя знакомая дама, прогуливаясь, повстречала внимательно читающего молодого человека; час спустя она возвращалась тем же маршрутом, и увидела, что он по-прежнему погружен в чтение».

---

¹ Barante P., de. Notes sur la Russie. P. 86.

² Ibid. P. 90.

³ Ibid. P. 91.

⁴ Цит. по: Мильчина В.А., Основам А.Л. Указ. соч. С. 915.

⁵ Barante P., de. Notes sur la Russie. P. 88, 83–84.

⁶ Ibid. P. 84.

В целом развитие книгоиздательского дела в России Барант считал очень хорошим симптомом. Он отмечал, что если тридцать лет назад в Москве и Петербурге были один-два книжных магазина, то «сегодня это стало большим бизнесом».

Резюмируя свои впечатления о состоянии народного просвещения в России, Барант писал: «...мне кажется, что, с одной стороны, правительство прилагает усилия, работает над тем, чтобы развивать просвещение так, как оно это понимает. В то же время в обществе существует свое собственное движение, независимая потребность совершенствовать свой разум и обретать знания. Это явление совсем новое и находящееся в стадии становления»¹. Оценивая деятельность Министерства народного просвещения во главе с графом С.С. Уваровым, в своем кругу Барант остроумно выразился следующим образом: «...de loin c'est quelque chose, de près – ce n'est rien»².

Итак, какой же итог можно подвести размышлениям французского дипломата о современном состоянии России и перспективах ее развития? По его глубокому убеждению, российское общество в массе своей стремилось к прогрессу, развитию, совершенствованию, однако эти импульсы пресекаются властями на корню. Барант, либерал, сторонник эволюционного пути развития, осторожного и поступательного реформирования общества, прекрасно понимал, что отказ от этой политики чреват революционными потрясениями и связанными с ними экстремизмом и насилием. Ему уже довелось пережить две революции у себя на родине, и он видел симптомы этой грозной болезни в России, усматривая в качестве единственного средства лечения проведение тщательно подготовленных и умеренных реформ, отвечающих потребностям модернизирующегося российского общества. В то же время французский дипломат предостерегал от поспешности в деле реформирования и полагал, что спонтанные и непродуманные действия могут быть столь же опасны, как и отказ от политики реформирования.

Признавая, что император Николай I понимал необходимость решения крестьянского вопроса и предпринимал определенные шаги в этом направлении, в то же время Барант считал, что царю были чужды всякие либеральные и прогрессивные идеи, интенсивно развивавшиеся в Европе и вызывавшие у самодержца лишь антипатию. Посол с сожалением констатировал: «Теперь правительство видит свою

---

¹ Ibid. P. 97–98.

² «Издавека это нечто, вблизи – ничто». См.: Россия под надзором... С. 211.

цель в том, чтобы остановить общество в его нынешнем состоянии. Долгое время император и правительство шли впереди народа, теперь они хотят его остановить»¹. Впрочем, Барант был настроен весьма оптимистично и не усматривал непосредственной опасности для государя и российского государства в целом.

Пытаясь понять сложившуюся в России ситуацию, Барант задается следующим вопросом: «...чувствуют ли себя несчастными и угнетенными крепостные крестьяне и низшие слои общества? Пропитаны ли они духом недовольства и безмолвной ненависти?.. Есть ли в их сердцах тайные мысли, сокрытый дух бунта и мести?» Ответ для него не очевиден. По словам дипломата, некоторые в России уже были «объяты страхом жакерии» и полагали, что это «...единственная революция, которая может угрожать России». Однако добавляет он, «если послушать то, что говорит большинство разумных людей, опасность не является неизбежной»².

«Заметки о России» барона Проспера де Баранта можно воспринимать как пример популярной сегодня «ментальной карты», или «воображаемой географии». Как справедливо отмечает В.А. Мильчина, «...всякое изображение путешественником чужой страны есть не что иное, как конструкция, плод тенденциозной концептуализации, зависящей от множества факторов: личных убеждений пишущего, идеологической моды, исторической ситуации, степени изученности данной страны»³. Все это необходимо учитывать, анализируя наблюдения французского дипломата.

Россия, воссозданная на страницах «Заметок» барона де Баранта, порой неказистая, с покорным народом, его рабской психологией и непонятной религиозностью, когда, по меткому замечанию посла, «строгое следование религиозным канонам вовсе не препятствовало ни пьянству, ни нарушению порядка, ни обману, ни воровству». Но главное, что можно вынести из «Заметок» Баранта, – это глубокая убежденность их автора в общности путей развития европейской цивилизации и России, которую он, в отличие от многих его современников-соотечественников, отнюдь не считал варварской и деспотичной. Не склонный идеализировать российскую действительность, он демонстрирует симпатию и сочувствие к нашей стране, веру в ее большой потенциал, в мощь русского духа и русского народа. А то, что М. Кадо охарактеризовал работу Баранта как враждебную

---

¹ Мильчина В.А., *Основат А.Л.* Указ. соч. С. 936.

² Barante P., *de. Notes sur la Russie.* P. 47–48.

³ Сталь Ж., *де Десять лет в изгнании / Пер. с фр., ст., коммент. В.А. Мильчиной.* М., 2003. С. 22.

России, (характерно, что французские исследователи, изучавшие «Заметки» Баранта, и в частности, весьма объективный историк Ш. Корбе, не зараженный антирусскими настроениями, также считали работу Баранта враждебной России) говорит лишь о том, что у книги столько интерпретаций, сколько у нее читателей. Каждый видит то, что хочет увидеть, а цитат для создания крайне одиозного образа России можно надергать и у доброжелательного барона де Баранта.

На мой взгляд, работа Баранта в значительной степени разрушала сформировавшиеся во Франции и в целом на Западе стереотипные представления о России. Но во многом именно по этой причине она и была забыта.

«Крым вдруг вошел в моду»: Крым в путевых заметках барона де Баранта

«Крым вдруг вошел в моду» – эти слова были произнесены вовсе не в наши дни, а в первой половине XIX в. нашим добрым знакомым бароном де Барантом.

Мы уже знаем, что в Крыму посол оказался, возвращаясь в Россию из отпуска. В период углубления Восточного кризиса он хотел своими глазами увидеть, что происходит в Крыму, а главное, в Севастополе, который и был основной целью его визита¹.

Итак, Крым глазами французского дипломата, каков он? Крым Баранта поразил. Сначала своей природой, которая напомнила ему Генуэзскую Ривьеру, а поселения в районе Ялты вызвали воспоминания о сельских домах в окрестностях Женева и Лозанны. Баранту очень понравился мягкий климат, похожий на климат Лангедока, позволявший выращивать в естественных условиях многие средиземноморские культуры. Он не заметил в Крыму апельсиновых деревьев и алоэ, но видел растущие там инжир, оливки, гранаты, землянику, мастиковое дерево, зизифус². Все это напомнило Баранту его «милую Францию», и он нашел, что Крым, удаленный от центральной России, а, следовательно, от жесткого контроля столичных властей, имеет все шансы стать наиболее европеизированной частью Российской империи³.

---

¹ *Barante P., de. Souvenirs...* Т. 6. P. 132.

² *Idem. Notes sur la Russie.* P. 208.

³ *Ibid.* P. 207.

Баранта поразило, что столь заметные результаты в Крыму были достигнуты за столь короткий срок. Еще тридцать лет назад, пишет дипломат, этот «замечательный край» населяли татары, совсем не занимавшиеся его развитием. Они не возделывали почву, не строили дороги, имели скудные урожаи яблок и груш, выращивали табак, кое-где сеяли пшеницу, но все это исключительно для своего потребления. Татары, по словам Баранта, вообще не отличались трудолюбием, довольствовались малым и зарабатывать деньги своим трудом могли только под угрозой голодной смерти¹. Можно сказать, что Барант в этом отношении воспроизводит европейские стереотипы о татарской лени, не учитывая, что исламской культуре свойственно особое отношение к предпринимательству, отличное от трудовой этики протестантизма². Как справедливо подметил крымский исследователь Н.И. Храпунов, «леность» была маркером «нецивилизованных» народов, поэтому европейские и российские интеллектуалы приписывали ее жителям разных краев – от Малороссии до Египта³. При этом с российскими властями у татар, по наблюдениям дипломата, сложились весьма добрососедские отношения. Власти уважали традиции, обычаи и религию татар, не делали ничего, чтобы их «шокировало и скандализировало»⁴, а татары, со своей стороны, не имели никаких политических претензий и жили спокойно и счастливо⁵.

Как и А. Оммер де Гелль, Барант был убежден, что главная заслуга в превращении Крыма в цветущий сад принадлежала генерал-губернатору графу Воронцову; именно он, по мнению посла, ввел моду на Крым. «Знатные вельможи из Петербурга и Москвы захотели иметь дома в этом красивом краю, жить в этом мягком климате; иметь те продукты, которые до сего получали из Италии или Прованса. С этого момента побережье перешло из состояния дикости в состояние цветущего сада»⁶.

Успехи Воронцова, по мнению Баранта, во многом были связаны с тем, что он являлся человеком западного склада ума. Михаил Семенович родился в семье дипломата, образование получил в

---

¹ *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 206.

² *Гибадуллин М.З., Аюпов А.А., Нуриева А.Р., Шагимарданов А.Р.* Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. Казань, 2016. С. 38–38.

³ *Храпунов Н.И.* «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. С. 337–338.

⁴ *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 220.

⁵ *Ibid.* P. 218.

⁶ *Ibid.* P. 203.

Англии, там усвоил западные манеры и, видимо, английскую практическую хватку, а заодно и «свободу духа, мало знакомую в России», при этом преданно служа императору. Будучи очень богатым человеком – по словам Баранта, у него было более миллиона рублей ренты, – и не испытывая привязанности к столице, все свои огромные доходы он вкладывал в развитие Новороссийского края. Как писал французский дипломат, в том случае, когда государственных денег не хватало, он покрывал общественные расходы из своих личных средств¹.

Граф Воронцов, подчеркивал Барант, был умелым администратором и крепким хозяйственником, который своей кипучей энергией превращал пустующие земли в цветущие сады и виноградники, строил дворцы и дороги: «Граф Воронцов, подающий пример другим, имеет собственность в различных частях побережья. В Алушке он строит замечательный замок. В Массандре у него виноградники и питомники... Вдоль побережья проложена дорога. Он хочет привезти сюда сорта винограда из всех стран мира». Несмотря на то что Воронцов пригласил в Крым виноградарей из Бургундии и Медока, относительно винодельческих проектов графа Барант был настроен весьма скептически, полагая, что высокого качества вин, несмотря на все старания, в Крыму получить не удастся, да и стоять они будут гораздо дороже импортных. Он писал, что начинания Воронцова в Массандре – «все это роскошь и скорее фантазия богатых людей, нежели полезное предприятие»². Посол полагал, что Воронцову надо было бы обратить внимание не на производство вин экстра-класса, а сосредоточиться на массовом производстве недорогого вина, которое находило бы широкий сбыт и тем самым стало кумулятивным механизмом роста экономики. Но Барант тут же оговаривался: такого массового потребителя в Крыму еще не было, и в этом он видел главную проблему для развития всей Новороссийской губернии. Он справедливо отмечал, что Крым пока еще был всего лишь «новой фантазией», забавой для части аристократов, а благосостояние края могло быть связано только с развитием массового производства и массовой колонизацией. Барант подчеркивал, что сам граф Воронцов это прекрасно осознает, и приводил в пример его эксперимент в Магараче, когда земля сдавалась в аренду небольшими участками. Арендаторы земли становились ее полноправными собственниками только после того, как сажали на своих землях определенное количество предписанных сортов винограда.

---

¹ *Barante P., de. Souvenirs...* Т. 6. Р. 124.

² *Idem. Notes sur la Russie.* Р. 131, 201–202.

Как администратора Баранта особенно интересовали финансовая и хозяйственная составляющие деятельности графа Воронцова. Так, он отмечал, что возведение дворца в Алушке, который, на взгляд дипломата, представлял собой настоящий феодальный замок, а не загородный дом, уже стоило Воронцову многие миллионы. При строительстве дворца использовался в основном труд оброчных крестьян из Владимирской и Московской губерний. Но Воронцов, по словам Баранта, выправил крестьянам паспорта, за которые они должны были уплатить по 30 руб., имели возможность зарабатывать по 800 руб., работая каменщиками и плотниками. В таком подходе к труду Барант усматривал «дух истинного либерализма»¹.

Если император Александр I, по словам Баранта, был очарован красотой этих мест, особенно Ореандой (как и сам посол), то Николай I не испытывал восторга по отношению к Крыму. Когда в 1837 г. императорская семья посетила Крым, ни Ореанда, ни в целом побережье его не очаровало, а императорское нерасположение к Крыму стало темой нескольких весьма любопытных разговоров между государем и послом².

Конечно, Николая Крым весьма интересовал, по крайней мере в одном очень важном аспекте – военном. Именно поэтому Севастополь стал главной целью путешествия французского дипломата. Там для проживания ему выделили «павильон», который занимал император Николай во время своего визита в Севастополь. Этот павильон построили на месте «барака», где ранее останавливалась императрица Екатерина II. Севастополь, отмечает Барант, «это мощный морской порт, имеющий большое значение на Черном море, возрастающее день ото дня»³.

Если же рассматривать Севастополь не как военно-морской порт, а как гражданский город, то он, по словам Баранта, просто «ничто». Помимо моряков, солдат, служащих и рабочих, население города насчитывало, по его данным, 6000 жителей⁴. «Ничто еще не привлекает людей в этот военный лагерь [...] Еще не предвидится то время, когда Севастополь станет чем-то иным, нежели военным портом», – писал он⁵.

Французский дипломат имел возможность детально ознакомиться с устройством севастопольского порта. Рейд, который, по его сло-

---

¹ *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 192.

² *Ibid.* P. 195.

³ *Idem. Souvenirs...* Т. 6. P. 132.

⁴ *Idem. Notes sur la Russie.* P. 241.

⁵ *Idem. Souvenirs...* Т. 6. P. 136.

вам, мог вместить все флоты Европы, прикрывался двумя батареями смежных казематов на двести человек каждый. Император, по замечанию Баранта, в юности изучавший искусство фортификаций, очень любил именно систему батарей-казематов. «Казематы широкие и проветриваемые, они должны быть весьма здоровым местом обитания для войск; третья батарея той же мощности расположена на входе в военный порт. Этот порт очень удобен. Глубина везде достаточна для прохода больших кораблей...»¹

Строительные работы велись под руководством английских инженеров. По словам Баранта, в морском деле русские следовали английскому опыту. Долгое время на русской службе находилось много английских моряков, однако в настоящее время, отмечает дипломат, «во флоте, как и в армии, национальное мнение и, следовательно, мнение императора настроено против допуска иностранцев»².

Кто строил севастопольский порт? Как писал Барант, в России нет свободных рабочих. Каждый человек, не являющийся ни дворянином, ни торговцем, ни солдатом, ни служащим, является чьею-либо собственностью. В городах активно применяется труд отходников, но, когда речь идет об осуществлении больших работ, рук не хватает. В таких случаях предприниматели покупают у собственников земель в наиболее населенных провинциях патент на вербовку рабочих в их владениях. Так было при восстановлении Зимнего дворца, сгоревшего от пожара и восстановленного за пятнадцать месяцев. Такие рабочие и составили примерно десять тысяч строителей порта в Севастополе.

Помимо этой категории рабочих в Севастополе, по словам Баранта, использовались солдаты двух дивизий 5-го армейского корпуса – примерно 25 тыс. пехотинцев. Это позволяло задействовать примерно 7 тыс. рабочих ежедневно в погожие месяцы. Поскольку гидравлические работы очень тяжелы и вредны для здоровья, в том числе, из-за эпидемий, в Севастополе применялся труд 2 тыс. каторжан. Еще 1 тыс. составляли вольнонаемные рабочие, каменщики и плотники³. В общей сложности это дало 20 тыс. человек, ежедневно занятых на строительных работах.

Для Баранта эти люди являлись не просто строителями, а солдатами и моряками, которых при необходимости можно быстро посадить на корабли и доставить к Константинополю. «В течение трех дней Россия сможет перебросить туда армейский корпус; ее флот на

---

¹ *Idem*. Notes sur la Russie. P. 223.

² *Ibid*. P. 234.

³ *Ibid*. P. 236–237.

Черном море не имеет другого предназначения»¹. Именно в этом Барант усматривал пресловутую «русскую угрозу», хотя вовсе не был русофобом.

Вообще в Крыму Баранту все понравилось: «Нам ничего не нужно было просить, настолько велико было желание нам услужить»². В распоряжении дипломата были самые лучшие дома: в Мисхоре, например, он жил в загородном доме генерала-лейтенанта Льва Александровича Нарышкина, племянника Марии Антоновны Нарышкиной, фаворитки императора Александра I, проживавшей в Ялте. Множество слуг, замечательный повар, лошади, кареты, всегда готовый помочь исправник – все это было любезно предоставлено послу.

Успев за несколько лет изучить русский характер, Барант понимал, что в России многое зависит от человеческого фактора, и опасался, что ситуация в Крыму может измениться, если сменится власть: а уже давно циркулировали слухи, будто Воронцов собирался оставить свой пост, хотя, как мы теперь знаем, он пробыл губернатором до 1844 г. Барант писал: «...если другой губернатор наследует графу Воронцову, Крым может быть забыт: если, напротив, эта “новая фантазия” еще продлится какое-то время, развитие продолжится; мелкие собственники потянутся сюда вслед за крупными; сюда приедут иностранцы. Появятся небольшие городки, а вместе с ними и ресурсы...»³ Если же мода на Крым пройдет, если сюда не будут приезжать в поисках мягкого климата и более независимой жизни богатые аристократы, готовые вкладывать деньги в регион, благие начинания, по мнению дипломата, зачахнут через несколько лет. Не имея ничего против татарского населения, но не считая его склонным к активной трудовой деятельности, Барант полагал, что в таком случае татары и «дикая природа вновь станут хозяевами побережья...»⁴

Орас Верне: художник и дипломат?

Итак, в 1830–1840-е гг. отношения между Россией и Францией были весьма прохладными, если не сказать напряженными. Луи-Филипп, однако, был заинтересован в их нормализации. Тем более, ему было хорошо известно, что Николай I, при всем своем негативном отношении к «фальшивой» Июльской монархии, к самой

---

¹ *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 238.

² *Ibid.* P. 186–187.

³ *Ibid.* P. 207.

⁴ *Ibid.* P. 206.

Франции, ее истории и культуре относился с большим уважением. В царствование Николая Павловича в России трудилось немало французских художников, для которых Санкт-Петербург и Москва, неоспоримо, были частью Европы, где они хотели закрепить свои успехи, достигнутые на Западе.

В России дважды, в 1836 и 1842–1843 гг. бывал известный французский художник-баталист Орас Верне (1789–1863). Имя художественной династии Верне было давно известно в России. Дед художника пейзажист Жозеф Верне (1714–1789) был одним из любимых живописцев русской аристократии, а его работы коллекционировали императрица Екатерина II, императоры Павел I и Александр I¹.

В 1835 г. Верне вернулся во Францию из Рима, где возглавлял Французскую академию живописи. Вернулся, чтобы писать батальные картины для Галереи Славы Версальского музея, детища Луи-Филиппа². В Салоне 1836 г. он выставил четыре свои картины, для которых уже было предусмотрено место в Галерее Славы. Казалось, перед художником открывались блестящие перспективы: он мог стать главным баталистом короля, особенно в условиях набиравшего обороты культа Наполеона. И вдруг неожиданно художник уезжает в Россию³, разойдясь во взглядах с королем Луи-Филиппом: Верне не согласился с трактовкой королем сюжета картины «Осада Валансьенна»⁴.

В то же время приезд Верне в Россию не был спонтанным. Вероятно, через Проспера де Баранта, с которым он был знаком со времен своего пребывания в Риме (Барант занимал тогда посольский пост в Турине), Верне был осведомлен, что его кисть может пригодиться Николаю I. Тем более что государь уже давно выражал желание видеть Верне в Петербурге. Незадолго до отъезда художника в

---

¹ *Nicoud G.* Horas Vernet, un modern Rubens français en Russie? // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. С. 144–145.

² Луи-Филипп задумал превратить Версаль в национальный музей Франции и создать там Галерею Славы. Торжественное открытие Версаля состоялось 10 июня 1837 г. и было приурочено к свадьбе наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского.

³ О пребывании О. Верне в России см.: *Трескин Н.Н.* Французский художник Орас Верне в гостях у русского императора. СПб., 1896; *Врангель Н.Н.* Иностранцы в России // Старые годы. 1911. Июль–сентябрь.

⁴ Отказался изобразить Людовика XIV во главе штурмовой колонны как искажение исторической правды, поскольку король не принимал участия в осаде. Когда один из придворных заметил: «Король Вам за это платит, делайте то, что хочет король», Верне ответил: «Мне не платят за ложь». См.: *Dayot A.* Les Vernet. Joseph, Carle, Horace. P., 1898. P. 140.

Россию о его планах писал министру двора князю П.М. Волконскому уже знакомый нам Анатолий Демидов. В письме от 16 (28) мая 1836 г., сообщая о принятом Верне решении, он отмечал: «Его Величество Император уже давно говорил маршалу Мэзону и г-ну де Баранту о своем желании видеть Ораса Верне в России. После предложений, сделанных ему г-ном Ладурне¹, он вступил с ним в переписку. Убедившись, что его приезд будет приятен Императору, он решился поехать в Петербург...»²

Французский биограф художника А. Дайо подметил любопытную деталь: коренной парижанин, родившийся в апартаментах деда-художника в Лувре, Верне видел на картинах либо российские степи и заснеженные равнины, либо бескрайние африканские пустыни: «Его привлекали контрасты. В его сердце властвовали Африка и Россия...»³

В Петербурге Верне ожидал блистательный прием, что чрезвычайно поразило Баранта, доносившего в Париж 1 августа 1836 г.: «...Небывало радушный прием, оказанный г-ну Орасу Верне, его почти интимные отношения с императорской семьей, невозможные в любой другой стране, даже здесь вызывают удивление...»⁴ Сам Верне отрицал политическую подоплеку своего путешествия. Французский исследователь Поль Лакруа в работе о Николае I приводил слова художника: «Я уехал только для того, чтобы показать всем, что, будучи первым живописцем короля, я не умею и не хочу лгать»⁵.

Причем это была действительно принципиальная позиция художника. Верне проявил независимость и в отношениях со своим новым щедрым покровителем, когда государь, уже во время второго визита Верне в Россию, предложил ему написать картину на сюжет взятия Варшавы. А мы знаем, какой интерес и симпатию французы испытывали к полякам и сколько проблем поляки доставляли Николаю. Верне ответил так: «Почему бы и нет, ваше Величество, – разве я не батальный художник? К тому же мне приходилось изображать мучеников, а совсем недавно и страдания самого Христа среди его палачей»⁶.

---

¹ Ладурне – ученик Ораса Верне, с 1829 г. проживал в Петербурге, был придворным художником Николая I. Умер в Петербурге в 1856 г.

² *Дурылин С.* Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937. С. 503.

³ *Dayot A.* Op. cit. P. 141.

⁴ *Barante P., de.* Souvenirs... Т. 5. P., 1895. P. 449.

⁵ Цит. по: *Васильев Д.* Орас Верне, живописец трех императоров // *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842–1843. М., 2008. С. 94.

⁶ Цит. по: Там же. С. 94.

Речь шла о взятии варшавского предместья Воли во время подавления восстания в 1831 г. Штурм продолжался два дня и стоил русским 539 офицеров и 10 тыс. солдат, выбывших из строя. Поляки потеряли убитыми и ранеными до 7800 человек, 3 тыс. были взяты в плен¹. Возвратившись в Париж, Верне исполнил заказ, и когда картина прибыла в Петербург, она была доставлена в Зимний дворец, где император долго рассматривал ее, а затем приказал отправить в Царское Село. Ораса Верне он удостоил личным письмом: «...вы остаетесь на стороне побежденных. В сей великолепной композиции русские показаны победителями, но главная и прекрасная роль отдала полякам, они изображены героями и мучениками. Однако я не в обиде и надеюсь в скором времени снова видеть вас в России, где вы всегда будете первым моим живописцем»².

Император и петербургская знать завалили художника заказами. От Николая он получил заказ на картину «Наполеон принимает парад гвардии в Тюильри». При этом государь сказал ему: «Эта картина останется в моем кабинете. Я хочу всегда иметь перед глазами императорскую гвардию, потому что она могла нас разбить»³.

Верне сопровождал Николая во время его поездки в Москву, но пробыл там всего несколько дней, вынужденный в конце лета вернуться на родину, где умирал его отец. Однако уже в ноябре 1836 г. он получил письмо от одного из своих петербургских знакомых: «Возвращайтесь! Отовсюду я слышу только один вопрос: "Вернется ли Верне?"»⁴. Но поездку в Россию пришлось отложить: в следующем году Верне устремился в Северную Африку, где французские войска взяли Константиноу, континентальную столицу Алжира. Луи-Филипп поручил Верне к 1 января 1842 г. написать несколько эпизодов из истории взятия Константины для Версальского музея⁵. Едва закончив работы, 1 июня 1842 г. Верне сел на корабль в Гавре и через десять дней прибыл в Петербург⁶. Так начался его второй визит в Россию⁷.

---

¹ Подробнее о штурме Воли см.: *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 2. С. 207–210.

² *Васильев Д.* Указ. соч. С. 95.

³ *Dayot A.* Op. cit. P. 140–141.

⁴ *Durande A.* Joseph, Charle et Orace Vernet. Correspondance et biographies. P., 1864. P. 160.

⁵ *Ibid.* P. 156.

⁶ *Ibid.* P. 160–161.

⁷ Помимо Верне, в мае 1841 г. в Россию совершил путешествие известный художник-маринист своего времени Теодор Гуден (Guden), который был хорошо принят в нашей стране.

Однако едва прибыв в Петербург, Верне был вынужден покинуть Россию: 13 июля 1842 г., в тот самый день, когда художник присутствовал на императорском празднике в Петергофе, в Париже произошла трагедия: погиб старший сын короля, наследник престола герцог Фердинанд-Филипп Орлеанский. Верне решил незамедлительно ехать во Францию. В своих записках художник рассказывает о вечере, проведенном им в императорском дворце накануне своего отъезда: «Император, пройдя ко мне через толпу, взял меня за руку, отвел к окну и сказал: “Вашего несчастного короля снова постиг удар, еще более ужасный, чем те, что выпадали на его долю. Смерть герцога Орлеанского – это огромная потеря не только для его отца и для Франции, но и для всех нас...” Потом государь добавил: “Если вы увидите короля, заверьте его в том, что я полностью разделяю его несчастье; скажите ему... о моем уважении к его великим добродетелям и твердости его характера”»¹.

Встреча художника с королем состоялась 9 августа 1842 г. Именно тогда, по словам Верне, Луи-Филипп решил поручить ему неофициальную дипломатическую миссию при императоре Николае I. Вероятно, Луи-Филиппу для того, чтобы найти подход к Николаю I, нужен был «посол» несколько иного рода, нежели кадровый дипломат. Таким человеком вполне мог стать художник. Тем более что в истории уже был замечательный пример: в годы Тридцатилетней войны Питер Пауль Рубенс прославился не только как гениальный живописец, но и как непревзойденный дипломат, выполнявший важные миссии.

Выбор кандидатуры прославленного художника-баталиста, убежденного наполеониста, достигшего на тот момент степени командора Ордена Почетного легиона², был вполне удачным. Луи-Филипп прекрасно знал о трепетном отношении Николая ко всему, связанному с военной славой, и о его уважении к имени императора Наполеона I.

Об этой беседе известно из записи самого живописца, сделанной им в тот же день. После того, как Верне передал Луи-Филиппу слова императора, король пустился в дипломатические рассуждения относительно роли, которую предстояло сыграть живописцу в настоящих обстоятельствах. Однако Верне, вероятно, не готовый к та-

---

¹ *Durande A. Op. cit. P. 178–179.*

² 7 декабря 1814 г. Верне стал кавалером Ордена Почетного легиона, 11 января 1815 – офицером Ордена Почетного легиона; 8 марта 1842 – командором Ордена Почетного легиона, 7 декабря 1886 г. – был награжден Крестом высшего офицера Ордена Почетного легиона.

кому повороту событий, ответил, что хотел бы лишь передать императору ответ короля на слова соболезнования. Король, пишет Верне, согласился с его позицией, но добавил: «Передайте императору, что превратности моей жизни, и как обычного человека, и как монарха, приучили меня быть выше неприязни к тем, кто заблуждается относительно моих намерений. Если его представления обо мне изменятся, скажите ему, что я готов ответить ему взаимностью... Пусть он соизволит написать мне... и я отвечу»¹. Более того, Луи-Филипп, по словам Верне, был готов даже лично встретиться с императором ради нормализации двусторонних отношений. Король сказал художнику: «Если он предпочитает переговоры, скажите, что я готов прибыть, куда ему угодно, и сделать все, что может сблизить наши народы, союз между которыми неизбежен, и, если бы такой союз уже существовал, это значительно облегчило бы политику и предотвратило бы прискорбные последствия взаимного непонимания. Император причинил мне много зла, а мой несчастный сын умер с убеждением, что его презирают. Нужны доказательства противного...»²

Итак, Орасу Верне предназначалась роль неофициального посланника при особе российского государя в условиях, когда интересы двух стран представляли поверенные в делах. Вскоре после встречи с королем он покинул Париж и уже 20 августа находился в Копенгагене на пути в российскую столицу, куда прибыл, вероятно, в начале сентября.

О пребывании художника в Петербурге нам известно из его писем супруге Луизе. Впервые письма Ораса Верне были опубликованы в 1856 г., очевидно, на волне интереса к России, связанного с Крымской войной. 8 апреля газета «La Presse» предложила своим читателям «Путешествие Ораса Верне в Россию (1842 и 1843)»³ – рассказ о путешествии по мотивам переписки художника с семьей, опубликованный в виде фельетона; это обеспечило успех этому изданию, основанному Эмилем Жирарденом. Свет увидели лишь немногие письма, да и то с большими сокращениями. Спустя десять лет письма Верне были опубликованы в книге А. Дюранда «Жозеф, Карл и Орас Верне. Переписка и биографии». В 2008 г. в России вышел перевод этих писем, выполненный Д. Васильевым и дополненный вступительной статьей и комментариями.

---

¹ *Durande A.* Op. cit. P. 180–181.

² *Ibid.* P. 181.

³ *Nicoud G.* Op. cit. C. 141.

Содержание корреспонденции свидетельствует об особой миссии художника. Это не интимная семейная переписка, а настоящая хроника событий, глубокий и внимательный анализ различных аспектов жизни не только петербургского, но и в целом российского общества, адресованная, вероятно, не только и не столько жене, сколько Луи-Филиппу или по крайней мере его ближайшему окружению. А с учетом того, что в России переписка подвергалась перлюстрации и Верне прекрасно знал об этом, вероятно, еще одним адресатом этих писем являлся сам Николай I: таким образом Верне мог донести до государя позицию французского правительства.

К моменту прибытия художника в российскую столицу поверенный в делах Франции в России Казимир Перье только что отбыл из Петербурга, что, правда, не особенно расстроило Верне: с посольством отношения у него не заладились, как и в целом с французами, проживавшими в Петербурге. Он писал супруге Луизе 10 июля 1842 г.: «Я ничуть не огорчен отъездом нашего представителя; мое положение будет менее затруднительным... иное (лучшее. – *Н. Т.*) отношение ко мне, чем к нему, часто ставило меня в неловкое положение»¹.

Верне сразу был принят императором, о чем поспешил сообщить жене: «Я видел императора, принявшего меня с той же сердечностью. Разговор был короткий. Он спросил меня о королевской фамилии. Интерес к ней у него не охладился, однако я не считал уместным тут же, при князе Волконском, пуститься в подробные объяснения, решив отложить разговор на ближайшее время. К сожалению, такая благоприятная возможность мне может и не представиться. Что тогда делать?»²

Верне была оказана огромная честь: ему было предложено сопровождать императора в путешествии по России с его ближайшим окружением – графом Орловым и начальником почт генерал-адъютантом Адлербергом. Это также свидетельствует об особом отношении Николая к художнику. Накануне поездки тот писал жене: «Предстоящее путешествие весьма для меня интересно. Шесть недель я буду неотступно, буквально каждую минуту, при Великом Человеке, и, конечно, не обойдется без частых и продолжительных разговоров о взаимном сближении, которого мы все желаем. Я в это верю, потому что общественное мнение к этому вполне готово и каждый желает видеть Францию, сблизившуюся с Россией. Надо только убедить императора в том, что его дальнейшее сопротивление будет

---

¹ *Durande A.* Op. cit. P. 176.

² *Ibid.* P. 182.

воспринято всем светом как упрямство. Слова короля, которые я остерегусь передавать сразу, вселяют в меня надежду на успех»¹.

Однако со временем оптимизма у Верне поубавилось. Посетив французское посольство, он там стал свидетелем антирусских настроений, сообщая жене 29 октября: «Вчера обедал в посольстве в весьма узком кругу; там радуются статьям против России в *Journal des Débats*...»² Император также не проявлял намерений к сближению: «...Судя по тому, что здесь делается согласно высшей воле, наш добрый король *пошутил* со мной, поручив передать (императору. – Н. Т.) прекрасные слова»³. Более того, 17 ноября он писал: «Здесь говорят только и говорят, что об отъездах во Францию»⁴, имея в виду сложности в двусторонних отношениях. Кстати, французов в это время в Петербурге и в целом в стране было немного, их количество заметно сократилось после Июльской революции.

Однако сам Верне уезжать не собирался; более того, зиму он решил провести в Петербурге. Как отмечает отечественный исследователь Д. Васильев, такой весьма смелый поступок француза можно объяснить только личной просьбой короля быть его негласным представителем при Николае, независимым от французского посольства⁵. Верне писал: «Иногда мне хочется взять ноги в руки, ведь в конце концов то, чем я здесь занимаюсь, можно делать и в Париже; но оставить так внезапно императора, который так добр ко мне, было бы почти неблагодарностью»⁶. Возможно, так оно и было, но щедрость Николая I и придворного окружения, вероятность получения новых заказов также могли быть весомой причиной остаться в Петербурге. Из прелестей русской зимы Верне понравились только сани, а в целом отношение было таковым: «Черт бы побрал этот Север и этих мужиков!.. У меня только одно желание – вернуться домой»⁷.

Однако зима прошла, световой день увеличился, и художник мог подолгу работать, хотя с наступлением белых ночей уже не мог спать. Однако дипломатический климат так и не изменился. Более того, сообщая новости о французском посольстве в Петербурге, Верне отмечал, что французские дипломаты отнюдь не стремились к улучше-

---

¹ Ibid. P. 184–185.

² Ibid. P. 203.

³ Ibidem. Вероятно, Верне имел в виду, что Луи-Филипп плохо представлял себе негативный настрой императора Николая и его неготовность идти на сближение с Францией.

⁴ Ibid. P. 212.

⁵ Васильев Д. Указ. соч. С. 105.

⁶ Durande A. Op. cit. P. 215.

⁷ Ibid. P. 216.

нию отношений с петербургским обществом и формированию более привлекательного имиджа посольства. В частности, сообщая 3 мая 1843 г. о праздновании Дня короля (в годы Июльской монархии это был официальный праздник во Франции), он писал: «Все ограничилось короткой мессой, отслуженной четырьмя доминиканцами. Никого не было, кроме нескольких французов. Воистину стыдно быть так представленным в такой стране, как Россия. Моя национальная гордость уязвлена»¹.

Щедро одаренный Николаем Верне уезжал из России с облегчением. Последнее его письмо помечено 23-м июня. По-видимому, в течение месяца после этого художник покинул Петербург. С Николаем он встретится еще раз в Лондоне, в 1844 г., во время негласного визита государя к королеве Виктории. И еще однажды Верне окажется в России. В возрасте 63-х лет он отправится на Крымскую войну, чтобы присутствовать при осаде Севастополя.

Верне-художник оставил Николаю I целую галерею картин, воплощавших апофеоз царской России. Можно сказать, что за время пребывания в России он создал настоящий «двойной портрет» императора Николая и его окружения. Первый – это портрет живописный; второй – это политический образ Николая I, его семьи, а также в целом России, запечатленный в письмах художника². Выполнил ли свою неофициальную миссию Верне-дипломат? Вероятно, нет, ведь даже поговорить с императором «о деле» художнику так и не удалось. Кроме того, на Николая I трудно было оказывать влияние, все решения он всегда принимал единолично. Другое дело, что с середины 1840-х гг. прежняя нетерпимость к «фальшивой» Июльской монархии и Луи-Филиппу лично у Николая Павловича в определенной мере ослабла.

Образ власти императора Николая: Кюстин, Барант, Верне

И путешественника Астольфа де Кюстина, и дипломата Проспера де Баранта, и художника Ораса Верне привлекала личность императора Николая. Это были люди разных политических убеждений; разного рода занятий, по-разному воспринимавшие российскую действительность. Но образ власти Николая I и образ самого государя у всех троих вырисовывается довольно схожий. И в целом весьма привлекательный, даже у маркиза Кюстина.

---

¹ *Durande A.* Op. cit. P. 216.

² Об этом речь пойдет в следующем разделе.

Все они были лично знакомы с Николаем Павловичем: Кюстину государь благоприютствовал, именно он порекомендовал маркизу посетить Ярославль, Нижний Новгород и Москву, подчеркивая, что Петербург – это не Россия. Художнику Орасу Верне, как мы видели, оказали исключительная честь: ему было предложено сопровождать императора в путешествии по России, а Проспер де Барант часто встречался с государем по долгу дипломатической службы. Все трое прекрасно понимали, что все нити власти в России сходились в руках Николая, персонифицировавшего самодержавие как таковое.

Барон де Барант, едва оказавшись в России, очень быстро уловил эту особенность российской политики. Характеризуя личность генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и отдавая должное его заслугам, он подчеркивал: «Это, без сомнения, достойный генерал, но ему, как и всякому другому в России, не дозволено быть политическим деятелем. Его поведение и даже его мысль – это пассивное повиновение; ему незачем давать совет своему суверену, если он не совпадает с его настроениями и наклонностями»¹.

Причем, как писал Орас Верне, «все, что делается без участия общественного мнения, а лишь по воле одного человека, прекрасно организовано. Армия, школы, больницы приведены в образцовый порядок, и в них даже видна некоторая роскошь»². Хотя, по его же словам, такой порядок наблюдается далеко не везде. В другом письме он отмечает, что, если «во Франции все зависит от совокупности желаний всех, то здесь все направлено на исполнение воли одного человека, и невозможно, чтобы было как-то иначе, ведь Россия – это, так сказать, постепенно рассеивающийся хаос»³.

Кюстин, будучи представлен императору наряду с другими лицами, также заметил: «Все чувствовали, что императору довольно одного слова, одного взгляда, чтобы составить определенное мнение о каждом из гостей, а мнение императора – это мнение всех его подданных»⁴.

Николай, по мнению Кюстина, был не просто абсолютным монархом, он был квинтэссенцией всего происходящего в России: «Эта непрерывная царственность, которой все непрерывно поклоняются, была бы настоящей комедией, когда бы от этого всечасного представления не зависело существование шестидесяти миллионов человек, живущих потому только, что данный человек, на которого вы гляди-

---

¹ *Barante P., de. Souvenirs...* Т. 5. Р. 251.

² *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 27–28.

³ Там же. С. 22.

⁴ *Кюстин А., де.* Россия в 1839 году. Т. 1. С. 163.

те и который держится как император, позволяет им дышать и диктует, как должны они воспользоваться его дозволением; это не что иное, как божественное право в применении к механизму общественной жизни...»¹

Все три француза подчеркивали предельную вежливость и любезность государя в общении. Верне откровенно восхищался Николаем Павловичем, именуя его «Великим Человеком». Он писал жене: «Сам император, как всегда, являет собой образец совершенной красоты. Что я сделал для него? Пока еще совсем ничего, а он тем не менее обходится со мной так, словно сам обязан мне, да еще и почитает меня равным среди всех окружающих его персон!.. я испытываю к нему чувство почтительного восхищения»².

Маркиз де Кюстин, создавший крайне неприглядный образ России, лично к государю испытывал неизменное уважение и даже сочувствие: «Как бы там ни было, удивительная судьба российского императора внушает мне живой интерес и вызывает сочувствие: как не посочувствовать этому прославленному изгою»³. Причем этот «сочувственный интерес» к Николаю он подчеркивал с завидной регулярностью на страницах своей книги: «Я не могу не питать сочувственного интереса к человеку, которого страшится весь мир и который по этой причине заслуживает еще большего сострадания»⁴.

Все трое прекрасно понимали, что императора Николая на Западе плохо знали, в основном – на уровне слухов и домыслов. Верне писал: «Еще раз повторяю свое давнее убеждение: Европа глубоко заблуждается относительно характера его Величества»⁵. Он хотел составить свое впечатление о России, правилах, порядках, принципах управления, и донести эту информацию до своих соотечественников: «Как я уже писал, мне довелось увидеть здесь удивительные вещи, о которых во Франции не имеют ни малейшего представления»⁶.

Кюстин в своей книге приводит очень точное наблюдение императрицы Александры Федоровны, заметившей в разговоре с ним: «Если мы вам понравимся, вы скажете об этом, но напрасно: вам не поверят; нас знают очень мало и не хотят узнать лучше»⁷. Это весьма характерная деталь: она объясняет, почему из книги Кюстина, в ко-

---

¹ Кюстин А., *де*. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 219.

² Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 21.

³ Кюстин А., *де*. Указ. соч. С. 161.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 21.

⁶ Там же. С. 27–28.

⁷ Кюстин А., *де*. Указ. соч. С. 163.

торой было сказано много хорошего о России, надергали цитат, составив своеобразный дайджест, или пасквиль о России, растиражировав негативные стереотипы.

Характеризуя личные качества Николая, французы, как, впрочем, и соотечественники императора, подмечали такое свойство его характера, как жестокость. Верне писал: «Я отдаю ему справедливость – это человек необыкновенный, но все-таки еще далекий от совершенства. Он обладает всем, чтобы завоевать сердца людей независимых; но, когда у него есть хоть наималейшая власть, жестокость его такова, какой я не встречал ни у одного человека». Правда, отмечал Верне, «для поддержания всеобщего повиновения он и не может вести себя иначе». Художник связывал это с особенностями русского характера: «Русские во всех слоях общества настолько склонны к беспечности, что их можно сдерживать только страхом. Если русский не дрожит от страха – это самый никчемный человек в свете»¹.

Совсем иначе страх, присущий русским, трактовал Кюстин: «Страх в России замещает, то есть парализует, мысль; из власти одного этого чувства может родиться лишь видимость цивилизации; да простят меня близорукие законодатели, но страх никогда не станет душой правильно устроенного общества, это не порядок, это завеса, прикрывающая хаос, и ничего больше нет; там, где нет свободы, нет ни души, ни истины»².

Жестокость Николая подмечал и Барант, в целом оценивая образ правления позитивно. Он писал министру иностранных дел Луи Моле 22 декабря 1838 г.: «Его повеления могут быть суровыми, его воля – абсолютной и слишком быстрой, но у него больше, чем у всех окружающих, стремления к порядку, желания справедливости, любви к стране. Эти чувства бывают у него иногда дурно направлены, в его действиях нет иногда зрелого размышления, и это придает часто его правлению тираничный вид... Но, взятое в целом, его управление внутренними делами продолжает увеличивать силу и процветание империи и благосостояние его подданных»³.

Современники Николая, в том числе и французы, зачастую считали его актером, скрывающим свои истинные чувства и всегда играющим роль. Именно это утверждал маркиз де Кюстин, может быть, повторяя уже существующие стереотипы. Он писал: «У него есть несколько масок, но нет лица. Вы ищете человека – и находите только

---

¹ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 32.

² Кюстин А., де. Указ. соч. С. 221.

³ Тарле Е.В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг. С. 572.

Императора»¹. «Видно, что император ни на мгновение не может забыть, кто он и какое внимание привлекает; он постоянно позирует и, следственно, никогда не бывает естественен, даже когда высказывается со всей откровенностью...»².

И при этом Николай, как полагал Кюстин, был удивительным прагматиком! Маркиз писал: «...его ум самый практический и ясный, какой только бывает на свете. Не думаю, чтобы сыскался сегодня второй государь, который бы так ненавидел ложь и так редко лгал, как этот император»³. Надо сказать, что Кюстин проявил редкую наблюдательность: современные исследователи считают Николая I политиком рационального типа. Россия часто воспринималась европейцами как восточное государство, более того, как восточная деспотия. Более того, Кюстин полагал, что такой власти, какой располагал Николай, нет и у восточных правителей: «Сегодня нет на земле другого человека, наделенного подобной властью и пользующегося ею, — нет ни в Турции, ни даже в Китае»⁴.

Восточным государством считал Россию и Орас Верне, отмечавший: «В сущности, разница между Россией и правлением Мехмет-Али не столь уж велика». Правда, это сходство он усматривал прежде всего не в деспотичности режимов, а в общих проблемах: «Здесь, как и в Египте, внутри всего нарыв, который неизбежно прорвется»⁵.

Барант был более сдержан. Он не считал Россию варварским, деспотичным государством, более того, подчеркивал общность путей развития России и Европы. В то же время он хорошо понимал, что Россия имеет собственную специфику и ее нельзя подгонять под западные шаблоны и стереотипы. Об этом он писал графу де Моле 22 февраля 1838 г.: «Система управления и законы, действующие в [Российской империи], не могут сравниться с законами европейских государств. Их нужно рассматривать только применительно к русскому народу и к территории, на которой они действуют. Все и всегда там было отлично от того, что существует на Западе, и мы рискуем ничего не понять, если будем судить о русских по нашим меркам и представлениям»⁶.

---

¹ Кюстин А., *де*. Указ. соч. С. 160.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 228.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 12.

⁶ Цит. по: Черкасов П.П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга. С. 168.

Характеризуя состояние российской политической системы, Барант подчеркивал, что в России Николая I абсолютная власть не имеет своим началом «персональные фантазии» суверена: «Очевидно, между государем и подданными существует негласный договор, основанный на убеждении, что власть должна служить общественному благу, действовать в соответствии с разумом и справедливостью». Россия, по словам дипломата, не являлась больше олицетворением «восточного деспотизма и варварства», «империей, подчиненной капризам своего господина». Она прошла путь от «...абсолютной монархии, опирающейся на волю и страсти суверена», до монархии внешне также абсолютной, но «...ощущающей свой долг по отношению к стране и использующей свою власть во имя общественного блага»¹.

Более того, Барант, убежденный противник неограниченной власти, сам факт существования абсолютной монархии признавал совершенно необходимым для России. Характерно, что это убеждение было свойственно едва ли не всем послам Франции в рассматриваемое время.

Россия в годы правления Николая I встала на путь активного формирования общества. Это видели и французы, однако оценивали по-разному: если Барант и Верне позитивно воспринимали изменения, то Кюстин оценивал их настороженно. Барант, вовсе не идеализируя Россию и понимая, что ей далеко до «цивилизованной» Европы, видел главное: Россия встала на путь модернизации и медленно, но неуклонно движется в том же направлении, что и Европа. Он проводил водораздел между временем правления Павла I и его сына: «Между Россией 1801 года и Россией 1837 года, между эпохой безумств Павла и царствованием императора Николая существуют важные различия, хотя форма правления и общественные классы внешне остались теми же»². Эти различия, по его убеждению, заключались в растущей силе общественного мнения, разбуженного знакомством с Европой в ходе Наполеоновских войн и «грозы двенадцатого года». Несмотря на то что русская нация не имела правовых институтов для отстаивания своих интересов, власть все же была вынуждена считаться с общественным мнением. Россия Николая I отнюдь не представлялась французскому дипломату полицейским государством, в котором господствуют раболепие и обскурантизм, мысль притупляется, а свободное слово подавляется.

---

¹ Barante P., *de*. Notes sur la Russie. P. 104–105.

² Цит. по: Черкасов П.П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга. С. 168.

Не только власть изменила свое отношение к народу; изменились, по мнению Баранта, и сами люди. Он подчеркивал, что, несмотря на то, что «...классы, составляющие нацию, остались в прежнем состоянии, без расширения их прав, без видимого изменения их положения, они уже далеко не те, какими были тридцать лет назад»¹.

Позитивные перемены в жизни России признавал и Верне: «...у меня нет никакого сомнения в том, что создаваемые правительством учреждения, несмотря ни на что, способствуют прогрессу»². Он, правда, подмечал военизированный характер преобразований: «Здесь свобода вводится через армию. Каждый солдат становится свободным человеком, а его дети получают образование и достигают унтер-офицерских чинов...»³ И, что особенно важно, Верне полагал, что преобразования – это те же «потемкинские деревни». Посетив «заведения для ремесленников, лесников и т. п.», он пришел к выводу: «...и здесь одна пустая видимость: огромные здания, множество начальства, палочная дисциплина. Результаты на первый взгляд недурны, но, по сути дела, ничего для людей, и все заранее съедается коронными привилегиями»⁴.

Маркиз де Кюстин также видел серьезные изменения, происходившие в России, но последствия оных воспринимал как весьма опасные для Запада и самой России. Он находил тревожным активное заимствование Россией как западных, так и восточных традиций: «Вообразите себе сноровку наших испытанных веками правительств, поставленную на службу еще молодому, хищному обществу; западные правила управления со всем их современным опытом, оказывающие помощь восточному деспотизму; европейскую дисциплину, поддерживающую азиатскую тиранию; внешнюю цивилизованность, направленную на то, чтобы скрыть варварство и тем продлить его, вместо того чтобы искоренить; узаконенную грубость и жестокость; тактику европейских армий, служащую к укреплению политики восточного двора; представьте себе полудикий народ, который построили в полки, не дав ни образования, ни воспитания, и вы поймете, какое моральное и общественное состояние русского народа»⁵. Кстати, эти опасения выражал и Верне: «Этой громадной армии когда-нибудь понадобятся враги, и чем больше за-

---

¹ Barante P., *de*. Notes sur la Russie. P. 108.

² Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 22.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Кюстин А., *де*. Указ. соч. С. 219.

воеваний она сделает, тем больший страх будет вызывать Россия у других стран¹.

По-разному французы воспринимали и степень развития в России того, что на Западе уже называлось институтами гражданского общества. Верне поражало отсутствие в России социальной мобильности. Каждый должен занимать свое место и не метить ни в генералы, ни в министры: «Солдатские дети никогда не поднимутся выше унтер-офицеров... Здесь трудятся, не заботясь об урожае. Прививают апельсины к елям и надеются на хорошие плоды»².

Барант же называл одним из важнейших свойств русского национального характера «апатию и отсутствие духа состязательности», подходя к анализу социальных отношений в России с позиции протестантской этики: «Русский человек не понимает, что ценой собственных усилий он может изменить свое положение в обществе»³.

И уж совсем средневековую картину взаимоотношений подданных с властью представил Кюстин. По его мнению, русским свойственно обожествление власти, ее восприятие как сакральной: «Русские почитают верховную власть как религию, авторитет которой не зависит от личных достоинств того или иного священника...»⁴. Соответственно все, происходящее от власти, священо, а ее авторитет – непререкаем; отсюда и рабская психология русского народа, и отношение власти к подданным как к рабам. Кюстин описывал праздник в Петергофе, когда дважды в год император распахивал двери своего дворца для «привилегированных крестьян и избранных горожан». При этом, по словам маркиза, Николай делал это с исключительной целью: не для того, чтобы продемонстрировать пахарю или торговцу, что они такие же, как он, но для того, чтобы дать понять вельможе: «Ты такой же раб, как они; а я, ваш бог, равно недосягаем для вас всех»⁵. То есть, по мнению Кюстина, со времен Ивана Грозного, для которого все его холопы были равны в своем бесправии, в России мало что изменилось.

Верне также поражало терпение русских. Как-то он присутствовал на больших маневрах: «...невозможно представить страдания не-

---

¹ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 12.

² Там же. С. 33.

³ Barante P., de. Notes sur la Russie. P. 98–99. В то же время посол полагал, что в этом отношении «...уже произошли большие изменения, и что в более или менее обозримом будущем прогресс будет еще более очевидным». Ibid. P. 99.

⁴ Кюстин А., де. Указ. соч. С. 160.

⁵ Там же. С. 217–218.

счастливых солдат. На другой день лес был буквально устлан этими бедолагами, валявшимися прямо в грязи, без сил хотя бы пошевелить рукой или ногой. Даже офицеры, почти все пораженные дизентерией, являли собой удручающе безропотное повиновение. Ни единой жалобы!»¹

Если относительно степени развития институтов гражданского общества мнения французов расходились, то все они не принимали политику ограничения контактов с Западом, проводимую Николаем. И сдержанный Барант, и более эмоциональный Кюстин были в этом отношении единодушны. Барант писал: «Он уже преуспел в том, чтобы изолировать высшие классы не от нравов, не от моды, не от роскоши... Парижа и Лондона, но от обмена идеями и мнениями... Всякое подражание за границе вместо того, чтобы быть разумно ограничено, запрещается при одном лишь намеке на сходство. Чиновники, политические деятели, важные персоны, отличающиеся интеллектом и способностями, абсолютно не знакомы с тем, что происходит в Европе»².

По мнению же Кюстина, Николая и в целом русских преследовал призрак «злосчастного мнения Европы». Из-за этого, по словам маркиза, «...цивилизация сводится для них к какому-то более или менее ловко исполненному фокусу...»³. Кюстин также отмечал такое свойство русской власти и в целом русского характера, как подозрительность ко всему иностранному, подверженность ксенофобским настроениям: «Здесь правительство с его византийским духом, да и вся Россия всегда воспринимали дипломатический корпус и западных людей вообще как недоброжелательных и ревнивых шпионов. Между русскими и китайцами есть то сходство, что и те и другие вечно полагают, будто чужестранцы им завидуют; они судят о нас по себе»⁴. Отметим, что и западное общество было заражено русофобскими настроениями, поэтому эти опасения были взаимными.

Еще одна важнейшая проблема, на которую не могли не обратить внимания французы, – это крепостное право. Барант и Кюстин очень серьезно относились к проблеме крепостничества. В нерешенности крестьянского вопроса и крепостном праве Барант усматривал важные опасности для стабильности российского государства. Он отмечал, что император Николай I понимал необходимость решения крестьянского вопроса и делал определенные шаги в этом направлении.

---

¹ *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 12.

² *Barante P., de.* Notes sur la Russie. P. 314–315.

³ *Кюстин А., де.* Указ. соч. С. 220.

⁴ Там же. С. 221.

В то же время Барант предостерегал, что нерешенность крестьянского вопроса может привести Россию, правда, в «весьма отдаленном» будущем, к серьезным потрясениям: «Чем больше я об этом размышляю, тем больше мне кажется, что русское правительство, которое, нельзя сказать, что не предпринимает никаких мер для предотвращения восстаний, своими ошибочными действиями только готовит почву для будущих потрясений»¹.

Усилия императора по решению крестьянского вопроса были подмечены и Орасом Верне, писавшим на родину: «Убежден, что император ни к чему так не стремится, как к освобождению крепостных, но при столь развращенных нравах это невозможно... Для русских, от князя до мужика, совершенное счастье заключено в легкомыслии и безделье...»² Из опыта своей страны Верне знал, к чему может привести нерешенность насущных социальных проблем: «Как я уже говорил, в этой стране зреет нарыв, который, несомненно, прорвется, и все, у кого нет бороды, будут изничтожены»³. Художник делает страшный вывод: «Лишь революция способна изменить установившийся здесь порядок вещей, но никто не знает, что будет тогда с сей огромной страной при столь разных языках, религиях и климатах»⁴.

Итак, какие же выводы делали французы, на чьи мнения мы ссылались, относительно российской политической системы и перспектив развития России? Мнение Кюстина очень пессимистично: «Россия – это безжизненное тело, колосс, который существует за счет головы, но все члены которого изнемогают, равно лишенные силы!..»⁵ Однако к русскому народу Кюстин относился с состраданием, а вовсе не с презрением: «Тяжелое чувство, владеющее мною с тех пор, как я живу среди русских, усиливается и оттого, что во всем мне открывается истинное достоинство этого угнетенного народа. Когда я думаю о том, что мог бы он совершить, будь он свободен, и когда вижу, что совершает он ныне, я весь киплю от гнева»⁶.

Щедро одаренный императором, Орас Верне покидал Россию все же с облегчением, воспроизводя в своих мыслях укоренившиеся клише: «О! Как жаль, что я не медведь! Эти существа знают свою страну и как в ней приспособиться: спят по полгода и сосут лапу, а живут

---

¹ *Barante P., de. Notes sur la Russie.* P. 312.

² *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 50–51.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ *Кюстин А., де.* Указ. соч. С. 221.

⁶ Там же. С. 232.

только в остальные шесть месяцев. Но мы-то люди, и что нам здесь делать?»¹ И далее совсем уже безнадежно: «Нет, нет и тысячу раз нет – никакой цивилизации никогда не будет в этом гнусном месте. Самое большее, она может некоторое время прикидываться, будто существует здесь»².

Барон де Барант был, на первый взгляд, более оптимистичным: «...значительная часть нации... еще такая униженная и смиренная, заметно выросла в плане укрепления своего материального положения, приобщения к просвещению, осознанию своего достоинства. Она заслуживает лучшей доли и стремится к ней». Однако со временем оптимизма все меньше: «...в это самое время правительство и часть высших слоев общества все больше и больше стремятся сохранить дистанцию и различия между собой и остальной страной. Они отказывают нации в правах, ставших справедливыми и законными. С помощью репрессивных мер они хотят сохранить тот порядок вещей, время которого уже прошло. Тем самым они готовят почву для революций. И чем больше эти революции будут сопряжены с изменениями не только власти, но и общества, тем более ужасными они будут»³.

Жозеф-Поль Гемар и несостоявшаяся русско-французская арктическая экспедиция

Несмотря на сложные отношения между двумя нашими странами, научные связи между российской и французской Академиями наук развивались: происходил обмен изданиями, организовывались совместные исследования, однако преобладающей формой контактов было совместное научное творчество. В XIX в. во французскую Академию наук было избрано 22 русских ученых, в том числе М.В. Остроградский, П.Л. Чебышев, Н.Н. Зинин, А.О. Ковалевский, К.М. Бэр, Д.И. Менделеев и др.⁴ Немало французских ученых являлись членами российской Академии наук, среди них – французский хирург, естествоиспытатель, ихтиолог, зоолог Жозеф-Поль Гемар, с которым нам и предстоит сейчас познакомиться.

---

¹ Верне А. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. С. 71.

² Там же. С. 71–72.

³ Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 315.

⁴ Хартанович М.Ф. Французские ученые на службе в России и в Императорской Академии наук в первой половине XIX в. // Санкт-Петербург – Франция. СПб., 2010. С. 151–152.

Французы в годы Июльской монархии приступили к активной колониальной политике и освоению новых земель. Но если о главном колониальном предприятии Франции – завоевании Алжира, широко известно и много написано, то о французских северных экспедициях у нас в стране известно не так много. Между тем с именем Ж.-П. Гемара связан целый ряд научных экспедиций в Исландию и Гренландию. Под его руководством в конце 1830-х гг. планировалась совместная франко-русская экспедиция на Шпицберген. Эта экспедиция была очень нужна как России, так и Франции. Россия в эти годы активно исследовала северные территории, в частности, в 1837 г. Академией наук была организована научная экспедиция в Лапландию и на Новую Землю под руководством К.М. Бэра. Причем, как отмечалось в представлении вице-президента Академии наук министру народного просвещения С.С. Уварову, для России это было делом чести: «Но как уже с давнего времени животные Гренландии очень хорошо исследованы и после путешествий, предпринятых англичанами на глубоком Севере, стали известными также растения и животные Шпицбергена и Северных берегов Америки, то это служит для нас как бы укором, что подобные сведения прекращаются там, где только глубокий Север достигает Русского берега. Предприимчивый дух российского народа открыл Новую землю раньше, нежели все прочие северные страны, за изъятием разве Гренландии. И так мы отстали только в одном ученом исследовании. Долг Академии озаботиться подобными розысканиями»¹.

Экспедиции в Исландию, Гренландию и к Шпицбергену, совершенные французами в 1835–1840 гг., являются примером активного международного сотрудничества, продолжавшегося несмотря на противоречия между странами. Французские экспедиции показательны еще и тем, что в них отчетливо проявилась особенность французского национального характера. Если англичане – прагматики, и их мысль, как и экспедиции, в том числе арктические, практически направлены: имеют четкую цель, в тот момент – найти Северный проход, то для французов, сынов Декарта, знание важно само по себе. Экспедиции в Исландию, Гренландию и на Шпицберген отправлялись именно с такой, познавательной, исследовательской целью.

Итак, сначала познакомимся с Гемаром и его экспедициями к северным морям в 1835–1840 гг., а потом обратимся к проекту российско-французской экспедиции. Жозеф-Поль Гемар родился в департаменте Вар в 1796 г. (или 1793 г.), то есть в эпоху Революции. Его отец был убит во время роялистского мятежа в 1799 г., и воспитани-

---

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 493. Л. 2 об. – 3.

ем мальчика занималась мать, а потом тетка. Жозеф-Поль учился в Медицинской морской школе Тулона, по окончании которой стал помощником хирурга в Морском министерстве. Он успел принять участие в последних военных кампаниях Наполеона, служа на корабле «L'Impérial» («Империял») в 1812–1814 гг., а в 1815 г. – на «Le Néréide» («Нереида»). В сентябре 1816 г. Гемар стал хирургом 3-го класса.

В 1817–1820 гг. Гемар в качестве хирурга вместе с исследователем Жаном-Рене-Констаном Куа совершил кругосветное путешествие на кораблях «L'Uranie» («Урания») и «Physicienne» («Физик»), а с 1826 по 1829 г. – второе кругосветное путешествие под командованием Жюля Себастьяна Дюмон-Дюрвиля на судне «L'Astrolabe» («Астролябия») в качестве судового медика и натуралиста. Во время этого путешествия он жил шесть дней среди туземцев, разыскивая следы кораблекрушения Лаперуза. В ноябре 1828 г. Гемар заболел и был высажен на о-ве Бурбон. В апреле 1829 г. он возвратился во Францию¹, служил в Средиземноморье, а в мае 1831 г., когда в Европе началась эпидемия холеры, от Медицинской Академии Гемар был направлен в Польшу, Пруссию, Австрию и Россию для изучения этой болезни и борьбы против распространения эпидемии в Западной Европе. Однако заболел сам и через Эстонию вернулся во Францию². Борьба с холерой – это тоже пример международного сотрудничества, когда император Николай I, скрепя сердце, пошел на привлечение европейских специалистов.

Еще в 1829 г. Гемар был назначен президентом Научной комиссии по изучению Исландии и Гренландии. Он провел целый ряд научных экспедиций (1835, 1836, 1838, 1839, 1840) в Северной Атлантике на борту корабля «La Recherche» («Исследование»), возглавляемом лейтенантом Треуаром.

Об этих экспедициях Гемар написал книги: «Путешествие в Исландию и Гренландию в 1835 и 1836 г. на корвете “Исследование” под командованием г-на Треуара» и «Путешествие в Скандинавию, Лапландию и на Шпицберген в 1838, 1839, 1840 г., на корвете “Исследование” под командованием г-на Фабра».

---

¹ Об этих путешествиях см.: *Gaimard J.P., Dumont d'Urville. Voyage de la corvette l'Astrolabe, exécuté par Ordre du Roi, pendant les années 1826–1827–1828–1829, sous le commandement de M.-J. Dumont d'Urville, capitaine de Vaisseau, Tastu. P., 1830–1834.*

² Об этом Гемар написал работы: *Gaimard J.P., Gérardin A. Du Choléra morbus en Russie, en Prusse et en Autriche, pendant les années 1831 et 1832. P., 1832.*

Книга о путешествиях 1835–1836 гг. была опубликована в Париже в семи томах в 1838–1852 гг. Работа о путешествиях 1838–1840 гг. появилась в 1852 г. Эти книги ценны не только содержащимся в них фактическим материалом, но и тем, что они демонстрируют, как тщательно с научной точки зрения экспедиции готовились, какие предварительные работы были проведены, сколько научной информации было изучено.

На титульном листе книги о путешествиях 1835–1836 гг. имеется надпись: «Публикуется по приказу короля». Король Франции Луи-Филипп проявил большой интерес к готовящейся экспедиции. Король пригласил Гемара на личную встречу, желая побеседовать с ним, дать ему дополнительные инструкции, обратить внимание ученого на наиболее важные моменты. Как пишет Гемар, Луи-Филипп наделил его полномочиями самостоятельно принимать решения, которые он сочтет наиболее верными. После этого король собственноручно начертил на карте путь, которым он сам следовал в эти края в 1795 г., будучи в эмиграции и ведя жизнь изгнанника¹.

Изначально целью экспедиции считался поиск следов пропавшей в 1833 г. у побережья Гренландии экспедиции Жюля де Блоссевиля. Блоссевиль направлялся к восточному побережью Гренландии для проведения научных исследований, как вдруг от него прекратили поступать сведения. В 1834 г. из Дюнкерка в Исландию было снаряжено судно на поиски Блоссевиля, однако после трудной навигации экспедиция вернулась без всяких результатов. В следующем году морской министр Дюперре снарядил в эти края новую экспедицию на корвете «La Recherche». Помимо поиска пропавшей экспедиции, перед командой были поставлены научные цели: в Исландию направились два натуралиста, Поль Гемар и Эжен Робер. Гемар, помимо своей функции первого хирурга экспедиции, должен был проводить на острове зоологические, медицинские и статистические исследования. Робер должен был заниматься геологией, минералогией и ботаникой². С мая по сентябрь 1835 г. «La Recherche» курсировал между Исландией и мысом Фарвель. Гемар и Робер высадились в Исландии 1 июля 1835 г. и оставались там до 19 августа. Они исследовали весь остров, посетили Рейкьявик, который тогда был небольшой рыбацкой деревушкой, фьорды, изучили вулканические породы внутри острова. Они вззошли на гору Снайфедльсйёкюдль, потом исследова-

---

¹ *Gaimard J.P. Voyage en Islande et au Groënland exécuté pendant les années 1835 et 1836 sur la corvette La Recherche, commandée par M. Tréhouart, dans le but de découvrir les traces de La Lilloise. T. 1–7. P., 1838–1852. T. 2. P. IV.*

² *Ibid. P. I–II.*

ли гейзеры и вернулись в Рейкьявик. О пропавшей экспедиции ничего не узнали, однако привезли большую коллекцию экспонатов, главным образом вулканические породы, собранные натуралистами.

Впечатленный научными результатами, полученными в столь короткие сроки, адмирал Дюперре решил послать в следующем году в те же места новую экспедицию, одновременно научную, литературную и фольклорную. Теперь Гемар был ее научным руководителем.

В мае 1836 г. Гемар вновь взомел на «*La Recherche*», направляясь на этот раз в Гренландию. Научный коллектив был расширен. Помимо Гемара и Робера в экспедиции принимали участие Виктор Лоттен, участвовавший в экспедициях Дюперре и Дюмона Дюрвиля; художник Огюст Майер, метеоролог Рауль Англе, зоолог Луи Бевале, Ксавье Мармье, изучавший исландские языки и литературу.

С июня по сентябрь 1836 г. ученые исследовали Исландию, в то время как «*La Recherche*» продолжил путь к Гренландии. Тогда было совершено первое успешное восхождение на гору Гекла, открыто большинство других вулканов острова. Исследователи достигли северных и восточных берегов Гренландии и дошли до Вопнафьордюра, места, откуда в свое время Блоссевиль отправил последние сообщения. Изучали образ жизни эскимосов, проводили гидрографические работы, чтобы облегчить навигацию в полярных морях, анализировали процесс формирования льда. Следов корабля Блоссевиля обнаружить не удалось: эскимосы знали о пропавшей экспедиции еще меньше, чем жители Исландии, однако в научном и литературном отношении результаты оказались впечатляющими. В Морском министерстве было принято решение опубликовать все материалы, собранные в ходе двух экспедиций¹.

В 1838, 1839 и 1840 г. была проведена еще одна серия экспедиций на Шпицберген, в Лапландию и Фарерские острова. Эти экспедиции были тщательно подготовлены в научном плане: Гемар обратился к своим коллегам во все ведущие научные центры и Академии с просьбой дать советы и рекомендации. Он адресовал письмо барону Берзелиусу, иностранному члену Института Франции, проживавшему в Стокгольме, с подробнейшим изложением целей, маршрута, планов экспедиции. Предполагалось провести исследования самого широкого характера: по ботанике, географии, медицине, по изучению влияния холода на жизнедеятельность животных, на мускульную силу, на температуру человека и животных, на химические и физические

---

¹ *Gaimard J.P. Voyage en Islande et au Groënland exécuté pendant les années 1835 et 1836 sur la corvette La Recherche, commandée par M. Tréhouart, dans le but de découvrir les traces de La Lilloise. T. 2. P. IV.*

ские свойства крови, на электрическое состояние атмосферы, на состояние ветра, количество снега и дождя, на появление и движение льдов, на замерзание моря; состояния морской воды на разных глубинах, естественной истории этих мест и т. д.¹ Кроме того, в Стокгольм Гемар отправил инструкции, полученные от Института Франции, различных министерств, Королевской медицинской академии и других организаций, чтобы совместными усилиями выработать оптимальную программу научных исследований.

Копию письма послали также ученым в Берлин, в том числе А. фон Гумбольдту, в Лондон, в Ливерпуль, в Глазго, в Копенгаген, в Петербург, Вену, Брюссель. Если ученые хотели сделать какие-то предложения, они могли до 1 мая 1838 г. написать Гемару в Париж, а после этой даты – в Стокгольм, Шарлю де Морнею, полномочному министру Франции при короле Швеции и Норвегии².

Количество ответных писем и рекомендаций, полученных из разных учреждений, было поистине огромным. Почти весь первый том книги Гемара, порядка 550 страниц, занимают различные инструкции: от Медицинской академии на 53 страницах, включая сведения по рациону питания моряков, дисциплине. Общество естественной истории Франции, секции зоологии, ботаники, геологии Академии наук представили свои рекомендации. Писали не только специалисты по естественным наукам, писали и гуманитарии, например, известный французский политик и философ, профессор Сорбонны Пьер Руайе-Коллар представил свои рекомендации по изучению политической истории, нравов жителей Севера. Откликнулись известные ученые-гуманитарии Виктор Кузен, Франсуа-Огюст Минье, Жан-Жак Шампольон. Свои вопросы прислала и Академия моральных и политических наук.

Ответы ученых коллег разместили среди рукописей королевской библиотеки. Эти детальныe инструкции, полученные от ведущих ученых того времени, значительно облегчили работу экспедиции.

Как и в ходе прежних экспедиций, на Шпицбергене обширная научная программа была фокусирована на изучении естественной истории, геологии, медицины, метеорологии, физики, астрономии, языков и литературы. Результаты экспедиции были опубликованы в 1852 г.³

---

¹ Ibid. T. 1. P. X–XI.

² Ibid. P. XII.

³ *Gaimard J.P. Voyage en Scandinavie, en Laponie, au Spitzberg et aux Feroë pendant les années 1838, 1839 et 1840, sur la corvette La Recherche, commandée par M. Fabvre. P., 1852.*

В России были хорошо осведомлены об экспедициях Гемара, и уже в 1837 г. российская Академия наук начала планировать совместную научную экспедицию на Шпицберген. 20 декабря 1839 г. Гемар был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. В свою очередь, в декабре 1840 г. французский ученый пригласил своих русских коллег присоединиться к его исследованиям северных территорий.

Международная экспедиция в Русскую Лапландию с целью проведения физических, географических, ботанических и зоологических наблюдений была запланирована на 1841 г. Кроме Франции и России, в ней должны были участвовать ученые из Великобритании, Германии, Норвегии, Швеции и Дании. Академия наук откликнулась на это предложение. В состав исследовательского отряда были командированы И.А. Зиновьев, Н.И. Железнов и К.Ф. Кесслер (профессор Киевского университета). Академия наук предложила следующую систему оплаты труда: для того, чтобы российские ученые не зависели от французского правительства, Академия наук предполагала выплачивать им жалованье из средств экономической суммы на тех же условиях, что и датское, норвежское и шведское правительства. Также были разработаны инструкции и подготовлены сопроводительные бумаги. Однако в силу ряда организационных причин эта экспедиция не состоялась¹. На мой взгляд, весьма вероятно, что свою роль сыграли и политические причины. Ведь на 1840–1841 гг. пришлось обострение Восточного кризиса, серьезно осложнившего российско-французские отношения. В 1841 г. российский посол во Франции граф П.П. Пален и французский посол в России барон П. де Барант вернулись на родину, а интересы двух стран отныне представляли поверенные в делах. Может быть, этот фактор оказался решающим, и в данном случае политика возобладала.

Что касается Гемара, то в экспедициях он больше не участвовал. Ученый сосредоточился на публикации книг о своих путешествиях. После Февральской революции 1848 г. и крушения режима Июльской монархии он оставил активную службу. Умер Гемар в Париже 10 декабря 1858 г. и был похоронен с государственными почестями на кладбище Пер-Лашез.

---

¹ *Феклова Т.Ю.* Экспедиции Академии наук в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. С. 145–146.

Саркофаг для Наполеона из Карелии¹

Наполеон Бонапарт, потерпевший в 1812 г. роковое поражение в России, и после смерти оказался неразлучен с необъятными заснеженными просторами. История его перезахоронения в Париже самым непосредственным образом связана с французской экспедицией на север России.

15 декабря 1840 г. в Париже произошло эпохальное событие, названное Виктором Гюго «монументальной галиматей»: торжественное перезахоронение праха Наполеона I. После долгих переговоров с британским правительством сын царствующего короля Луи-Филиппа герцог Жуанвильский на корабле «La Belle Poule» («Красивая курочка») доставил останки императора с острова Святой Елены².

Гроб Бонапарта был установлен в часовне св. Иеронима Собора Инвалидов. Однако сооружение надгробия растянулось на долгие двадцать лет. Дело в том, что архитектор саркофага Луи Висконти (1791–1853) предложил выполнить его из красного античного порфира, который прежде покрывал останки римских императоров и считался царским камнем.

Но где найти порфир? Тщетно искали в Греции, на Корсике, во Франции. Только к 1846 г. выяснилось, что порфир имеется в Российской империи. Из Санкт-Петербурга в Париж неким «инженером» были отправлены образцы, обрадовавшие специалистов³.

Как раз в это время известный французский путешественник Луи-Антуан Леузон Ле Дюк (1815–1889) собирался в экспедицию, планируя посетить Швецию, Финляндию, Данию и Россию. Молодой человек уже побывал в Петербурге с сентября 1840 по сентябрь 1842 г., успел послужить гувернером в доме сына первооткрывателя «Слова о полку Игореве» графа Владимира Мусина-Пушкина, собирал данные о литературе Северной Европы, в частности, об эпосе «Калевала», и, не зная русского языка, успел отметитья весьма вольным французским переводом лермонтовского «Героя нашего времени». Министерство внутренних дел Франции решило

---

¹ Впервые статья была опубликована в соавторстве с Ю.А. Борисёнком: *Таньшина Н., Борисёнок Ю.* Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. С. 105–109.

² См. об этом: *Таньшина Н.П.* «Наполеоновская легенда» во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 26–44.

³ *Туре Ж., Булах А.Г.* Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 26.

воспользоваться случаем и поручить уроженцу Дижона операцию по эксплуатации и транспортировке порфира, снабдив его приличной суммой денег.

Об этой экспедиции, продолжавшейся три года, мы знаем из собственного сочинения путешественника «Воспоминания и впечатления от путешествия в страны Северной Европы: Швецию, Финляндию, Данию и Россию»¹. Глава из этой книги, посвященная путешествию за порфиром в Россию, в 1873 г. была опубликована в виде небольшой брошюры: «Саркофаг Наполеона в Доме Инвалидов»². У нас же эта история остается малоизвестной.

В конце августа 1846 г. посланец французского Министерства внутренних дел оказался в российской столице. Из питерских достопримечательностей его внимание привлекли Александрийская колонна и строившийся Исаакиевский собор, творения его соотечественника Огюста Монферрана. Гостю была важна техническая сторона: Александрийская колонна возведена из финского гранита, при строительстве Исаакия использовали гранит, мрамор и порфир³. В Петергофе Леузон Ле Дюк побывал в мастерских по огранке и шлифовке камня, а в Кронштадте изучал возможности транспортировки глыб.

Порфир сначала решили искать на острове Гогланд, расположенном в 180 км к западу от Петербурга, между Эстонией и Финляндией, и ставшего российским после 1721 г. Леузон Ле Дюк уже побывал там во время своего прошлого путешествия, заброшенный туда бурей.

Однако до острова еще нужно было добраться. Средства передвижения постоянно ломались: сначала карета, из-за чего пришлось пересесть в почтовую повозку; а через несколько верст – в еще более примитивную колымагу. Наконец промокший и продрогший до костей, путешественник прибыл в Выборг. Сопровождавший его итальянец, инженер Жанфранко Бугатти, давно обосновавшийся в России, и еще один помощник, смеясь над изнеженным французом, подбадривали его криками: «Да здравствует Наполеон!»⁴

Порфира на острове оказалось в избытке; местные жители делали из него фундамент для своих хижин; однако камня нужного цвета и однородности здесь найти не удалось.

---

¹ *Léouzon Le Duc L. Souvenirs et impressions de voyage dans les pays du Nord de l'Europe, Suède, Finlande, Danemark, Russie. 2-e édition. P., 1896.*

² *Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. P., 1873.*

³ *Ibid. P. 15.*

⁴ *Ibid. P. 19.*

После этой неудачи Леузон Ле Дюку пришлось отправиться в Петрозаводск, административный центр Олонецкой губернии. По его сведениям, там, в карельских краях, тоже добывали порфир. Местные дороги были еще хуже, но он таки добрался до места и поселился у одного крестьянина в селении Игнатьевское. Француз начал методично обследовать берега Онеги и реки Свирь – то пешком, то на лошадях, то на лодке, то в повозке. Спал на лавке, ел «черный мужицкий хлеб».

Местное население путешественнику не понравилось. Торгуя в городах, сельчане становятся жадными; среди тех, кто избежал этого порока, много наивных и суеверных людей. Например, местные жители воздерживаются от табака, поскольку Христос никогда не курил. Говорили в Олонецкой губернии на русском языке, смешанном с карельским или старым финским. По словам парижского очевидца, мужчины здесь весьма красивы, но женщины исключительно непривлекательны; он не встретил ни одной симпатичной девушки¹. Впрочем, такие суждения встречаются почти у всех французов, путешествовавших по России. Например, Ш. Сен-Жюльен писал, что русские женщины могут быть очаровательными только в молодости. «Как только они взрослеют, кажется, они теряют всю свою женственность. Ничто в них, даже одежда, не указывает на то, что они женщины. На всем пути между Санкт-Петербургом и Москвой мужчины более щедро награждены природой, нежели женщины»². Правда, в Торжке ему все-таки повстречались «красивые и кокетливые женщины»³.

Леузон Ле Дюк, как и прочие иностранцы, включает в свои сочинения анекдоты, выдавая их за чистую монету. Например, он рассказывает историю о том, как Петр I, повстречав однажды в этих краях тучного мужика, который никак не мог похудеть, отправил его с запиской к князю Меншикову, откуда он был препровожден прямо на работу в шахты, где за два года стал стройным, как тростиночка. А когда царь увидел мужика в руднике, то якобы сказал ему: «Я надеюсь, вы мной довольны. Вы избавились от лишнего веса! Какая тонкая талия! Превосходное лечение, не правда ли?! Идите, и помните, что труд – лучшее лекарство от вашей болезни!»⁴ В представлении француза, русский император с мужиками разговаривал исключительно на «вы»...

---

¹ Ibid. P. 29.

² *Saint-Julien Ch. Voyage pittoresque en Russie*. P. 146.

³ Ibid. P. 149.

⁴ Ibid. P. 31.

Наконец в старинном селе Шокша, где живут вепсы, Леузон Ле Дюк, как он утверждал в 1873 г., нашел шахту с неразработанным красным порфиром, однородность и цвет которого полностью отвечали всем требованиям¹. Профессора минералогии из Парижа и Санкт-Петербурга Жак Туре и Андрей Булах логично полагают, что путешественник «в одиночку не имел никакой возможности выполнить какую-либо геологическую оценку месторождения, обнаружить тип камня и просто выбрать дорогу к каменоломне». Место для шокшинской каменоломни выбрал Бугатти, именно он скорее всего и был тем самым «инженером», что прислал в Париж образцы камня².

Самое интересное, что найденный «порфир» даже с точки зрения геологии середины XIX в. таковым не был. Парижский профессор Пьер-Луи Кордые исследовал присланные из России минералы с помощью микроскопа, что в ту пору было новинкой, и установил, что «представленный минерал не порфир, а метаморфизованный песчаник»³. Современные специалисты предпочитают термин «шокшинский кварцит» и удивляются, что до XXI в. «доступные всем свидетельства явно не порфировой породы камня никем не отмечены»⁴. Впрочем, в департаменте искусств Министерства внутренних дел Франции по прибытии камня в Париж записали о появлении «античного русского красного порфира»⁵, и по сей день в различных источниках, в том числе и французских, привычно пишут именно о «порфире». Именно так, в кавычках, мы и будем именовать его далее.

Оставалось приступить к добыче минерала, но для этого требовалось получить разрешение российских властей, а потом договориться о его транспортировке во Францию⁶. Обе задачи были весьма сложными. Леузон Ле Дюк попытался заинтересовать русское правительство следующим аргументом: путешественнику было известно, что в Петербурге имелась коллекция французских рукописей из архива Бастилии, вывезенных из Франции русским дипломатом П.П. Дубровским⁷. В 1812 г. во время Отечественной войны было

---

¹ *Saint-Julien Ch.* Voyage pittoresque en Russie. P. 33.

² Туре Ж., Булах А.Г. Из Шокши в Париж. История поиска, добычи, доставки и обработки шокшинского кварцита для саркофага Наполеона // Труды Карельского научного центра РАН. 2016. № 10. С. 129–130.

³ Туре Ж., Булах А.Г. Цветной камень... С. 26.

⁴ Туре Ж., Булах А.Г. Из Шокши в Париж... С. 129.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ *Léouzon Le Duc L.* Le sarcophage de Napoléon... P. 33.

⁷ После штурма Бастилии 14 июля 1789 г. архивные документы, хранившиеся в тюрьме, были выброшены на улицу и буквально растащены. Часть

решено перевезти их в Олонецкую губернию, где французы, если бы они дошли до Петербурга, не смогли их найти¹. Однако Леузон Ле Дюк не знал, что рукописи были возвращены в столицу уже в декабре 1812 г.²

Взаимоотношения с властями у путешественника тоже складывались не особо удачно. По словам Леузона Ле Дюка, он оказался в центре конфликта компетенций двух административных центров, от которых зависело получение разрешения. В итоге за необходимым документом пришлось обратиться непосредственно к императору, а разрешение на аудиенцию к Николаю Павловичу обошелся посланцу Министерства внутренних дел Франции и Бугатти в 340 рублей серебром, ушедших в карманы «нужных людей»³.

Француз вспоминал, что подготовил документ, который князь Петр Михайлович Волконский, министр императорского двора,

---

документов попала к секретарю российского посольства в Париже и страстному коллекционеру рукописей П.П. Дубровскому. Доподлинно неизвестно, побывал ли он сам в те дни в Бастилии, набивая, подобно другим, карманы рукописями, или скупил, что было возможно. Потом Дубровский вывез их в Россию. Эти документы стали основой нынешней Российской национальной библиотеки и находятся в Отделе рукописей РНБ. Во Франции первые сведения о коллекции Дубровского появились в 1806 г., но тогда не привлекли особого внимания. Лишь с середины XIX в. французы начали систематически изучать эти документы. См.: Люблинская А.Д. Бастилия и ее архив // Французский ежегодник. 1959. М., 1959. С. 104–126.

¹ *Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon...* Р. 17. Петрозаводск стал временным убежищем для части сокровищ Академии художеств. Сюда же переехала Российская национальная библиотека, Министерство просвещения, дела Петербургской АН) // Олонецкая губерния: списки населенных мест 1879 года.

² Рукописи по предписанию министра народного просвещения эвакуировали в сентябре 1812 г. В сопровождении помощника библиотекаря В.С. Сопикова библиотечное имущество (в количестве 150 000 томов, упакованных в 189 ящиков), погруженное на бриг, отправилось по воде на Север. Здесь бриг и члены его команды, преодолев в бурю Ладожское озеро, зазимовали на реке Свирь, неподалеку от Лодейного Поля. Однако уже в декабре документы были возвращены на 108 подводках. См.: Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914. С. 71. По отчету А.Н. Оленина теперь не было (ящики не открывали). Но на деле, судя по всему, отдельные документы пропали (например, в начале 1840-х гг. в тех краях всплыла одна грамота из собрания Депо манускриптов). Но если пропажи и были, то единичных документов, и уж точно не большого комплекса. Как раз в 1842 г. был опубликован материал об этой грамоте. Возможно, Леузон Ле Дюк прочитал и решил, что их там много.

³ *Туре Ж., Булах А.Г.* Из Шокши в Париж... С. 130.

представил государю на заседании Государственного совета. Царь, начав читать, произнес торжественным голосом: «Какая судьба! Мы нанесли первый смертельный удар этому человеку пожаром нашей древней и святой столицы, и это к нам пришли просить о его могиле!» Николай I распорядился, чтобы было оказано всяческое содействие и чтобы налог за разработку и добычу «порфира» с французов не взимался¹. Как писал путешественник, между Россией и Наполеоном был в итоге достигнут высший компромисс: «На протяжении всей своей жизни он напрасно пытался превратить империю царей в самый прекрасный трофей своей славы. В результате великий полководец уже после своей смерти получил по крайней мере самое красивое украшение своей могилы»².

Какова же была цена вопроса о камне для наполеоновского саркофага? Во французских газетах написали, что царь сделал подарок Парижу. Действительно, концессия на разработку порфира была уступлена Франции (по данным Леузон Ле Дюка, патент стоил 6 тыс. франков³). Что касается добычи, то с учетом издержек по эксплуатации и транспортировке порфира она обошлась французам примерно в 200 тыс. франков. Но путешественник особо отмечал, что благодаря покровительству императора все административные препоны были преодолены, и отныне перед гостями из Парижа легко открывались все двери⁴.

Инженер Бугатти принялся за работу с большим рвением и энергией. Сам Леузон Ле Дюк, часто хворавший от накопившейся усталости, был вынужден время от времени возвращаться во Францию. В Олонецкой губернии его заменял атташе французского посольства Газене, фиксировавший ход работ. Путешественник был очень доволен результатом: удалось добыть однородные блоки для короба саркофага и его внутренней отделки, а также извлечь гигантскую глыбу для крышки и карниза⁵.

Когда все эти цельные, однородные, красного цвета блоки были извлечены, от каждого из них отделили по куску для сравнения. Когда тон совпадал, блок закрывали и зарисовывали. Чтобы найти 15 подходящих блоков (по версии Бугатти, их было 29), пришлось пересмотреть около двухсот. В результате этих работ окружающий Шокшу пейзаж изменился до неузнаваемости: «Берега Онежского

---

¹ *Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon...* P. 34.

² *Ibid.* P. 12.

³ *Ibid.* P. 35.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibidem.*

озера, испещренные шахтами, теперь являют собой картину жуткой природной катастрофы, достойной памяти прославленного мертвеца, которому они дали могилу»¹.

А как во Франции восприняли идею создания саркофага из российского камня? Ведь после публикации в 1843 г. книги маркиза Астольфа де Кюстина русофобские настроения были весьма распространены во французском обществе. По словам Леузон Ле Дюка, большинство газет отнеслись к идее создания саркофага из «карельского порфира» враждебно. Кто-то ставил в упрек русское происхождение минерала; другие находили сам «порфир» ломким и хрупким. Писали, будто красный порфир в изобилии можно было найти во многих местностях Франции, и, соответственно, совершенно бесполезно было отправляться за ним в столь далекую экспедицию.

Путешественник вспоминал, что все эти сомнения не повлияли на результат; архитектор Висконти организовал специальный конкурс, дабы самые компетентные специалисты могли высказать свое мнение.

Добыча камня была завершена; оставалась не менее сложная задача: транспортировать его во Францию; этим специально занимался Бугатти. Путь был таков: через Онежское озеро, реки Свирь и Волхов, Ладожский канал, Финский залив, Балтийское и Северное моря, и, наконец, через Гавр по Сене до Парижа. Время года было весьма неблагоприятным для такого предприятия, поскольку осень уже вступила в пору дождей и бурь. В самом начале груз чуть было не погубили на Онежском озере. Едва блоки были погружены на специально подготовленную для этого барку, налетел ужасный ураган; судно накренилось, и многие блоки слетели и затонули.

Большую часть груза удалось спасти, однако транспортировка «порфира» была отложена до следующего года. Наконец после трех сложнейших месяцев пути в 1849 г. камень был доставлен в Париж, на набережную д'Орсе, где им могли полюбоваться горожане. Потом глыбы доставили в Собор Инвалидов, где оставили на верфи еще на два года. Там с помощью паровой машины камню придавали форму саркофага².

Работы по созданию саркофага и реконструкции интерьеров растянулись на целых двадцать лет. За это время во Франции успело смениться несколько режимов. Могила Наполеона I была торжественно открыта только 7 апреля 1861 г. архиепископом Парижским в присутствии императора Наполеона III, окруженного принцами

---

¹ Ibid. P. 36.

² Ibid. P. 38–39.

крови, маршалами, высшим офицерством, членами Государственного совета и другими важными персонами. Скульптор Висконти до инаугурации не дожил¹.

Что касается Леузон Ле Дюка, то он побывал в России еще в 1852 г. и написал еще три книги о нашей стране: в 1853 г. вышли сочинения «Современная Россия» и «Русский вопрос», в 1854-м – работа «Россия и европейская цивилизация»². Эти публицистические творения были написаны накануне и во время Крымской войны, что во многом определило их антироссийскую риторику. Французский историк М. Кадо считает сочинения Леузон Ле Дюка враждебными России. На мой взгляд, это верно для последних книг путешественника, а вот что касается работы, в которой описывается экспедиция в Россию за «порфиром», то здесь вряд ли можно говорить о русофобской тональности. Это скорее свойственный французским авторам пересказ анекдотов и устоявшихся клише. А то, что дороги у нас плохие и бюрократия труднопреодолимая, мы и сами знаем, но и помощь российских властей и самого императора путешественник от своих читателей не утаил.

Пройдет еще тридцать пять лет, и уже император Николай II будет стоять с непокрытой головой у саркофага Наполеона Бонапарта...

---

¹ *Léouzon Le Duc L.* Le sarcophage de Napoléon... P. 7–8.

² *Cadot M.* Op. cit. P. 156.

Глава 4

ОБРАЗЫ ФРАНЦИИ И РУССКИЕ ВО ФРАНЦИИ: ДИПЛОМАТЫ И НЕ ТОЛЬКО

Наши люди в Париже

Как мы уже видели, император Николай I, опасаясь проникновения в Россию «тлетворного западного духа», стремился к предельному ограничению контактов с Европой. Непосредственно после Июльской революции российское посольство получило предписание составить список всех пребывавших во Франции российских подданных. Документ был подготовлен к 8 (20) сентября, в списке оказалось около 90 человек. Это была элита Санкт-Петербурга, а также представители других слоев русского общества: предприниматели, отставные военные, торговцы, медики, художники, студенты. Большинство русских подданных покинули Францию в начале сентября. Некоторые не смогли выполнить волю императора по причинам семейного или финансового характера. Они получили императорское разрешение остаться во Франции в качестве исключения. Это были граф Шувалов с семьей, граф и графиня Мусоргские, член Академии наук Остроградский, а также граф Я.Н. Толстой, отказавшийся покинуть Францию¹.

Несмотря на постепенную нормализацию двусторонних отношений царь крайне негативно относился к тому, чтобы русские подданные оставались на территории Франции и особенно Парижа. В соответствии с указом Его Императорского Величества от 27 апреля 1834 г. для российских подданных устанавливался следующий «срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом»: для дворян он составлял пять лет, для «всех прочих состоя-

---

¹ О русских подданных в Париже в это время см. подробнее: Российские подданные во Франции в 1830 году. Из фондов Архива внешней политики Российской империи (предисловие, публикация и комментарии В.Б. Михайлова и С.Л. Туриловой) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 166–179.

ний» – три года; для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что было явлением весьма редким¹. Даже родному брату, великому князю Михаилу Павловичу император не позволил поехать в Париж в 1837 г. Не побывал во Франции и цесаревич Александр Николаевич, совершая в 1839 г. путешествие по Европе.

В 1840 г. была повышена пошлина на оформление заграничных паспортов. В соответствии с Уставом о пошлинах 1842 г. заграничные паспорта выдавались либо бесплатно, либо с взиманием пошлины. Бесплатно паспорта получали только лица, направлявшиеся за границу по службе и по распоряжению властей². В 1843 г. положение, хоть и крайне незначительно, улучшилось: разрешение выехать во Францию было выдано 74-м российским подданным, причем император имел право приказать вернуться домой любому из тех, в ком возникнут сомнения. Уже в следующем году был установлен возрастной ценз для выезжающих за границу. Отныне туда мог попасть россиянин не моложе двадцати пяти лет. В этом же году пошлина достигла заоблачной суммы в 700 рублей, которые могли позволить себе заплатить только весьма состоятельные люди³.

Однако от уплаты пошлины освобождались лица, нуждающиеся, говоря современным языком, в санаторно-курортном лечении, причем исключительно на ставших тогда модными водах Бадена. Как писала Авдотья Яковлевна Панаева, супруга публициста и журналиста Ивана Ивановича Панаева, а с 1846 г. на протяжении около двадцати лет – гражданская жена Н.А. Некрасова⁴, от уплаты пошлины освобождались те, «кто предоставлял свидетельство от авторитетных докторов, что болезнь их пациента безотлагательно требует лечения заграничными водами. Понятно, что все богатые люди добывали себе легко такие свидетельства и даром получали паспорта»⁵. Это объясняет, почему русские аристократы сплошь и рядом оказывались такими «хворыми» и им всем срочно требовалось лечение на водах.

Несмотря на то что формально поездки русских во Францию не приветствовались, правила и действительность не всегда совпадали.

---

¹ Черкасов П.П. Я.Н. Толстой во Франции: период эмиграции (1826–1836) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 7. М., 2006. С. 188.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 151. Донесение Н.Д. Киселева от 8 (20) ноября 1841. Л. 3.

³ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 87.

⁴ Об А.Я. Панаевой речь пойдет впереди.

⁵ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 118–119.

Молодые дворяне, служившие в Министерстве иностранных дел, попадая в Париж проездом, с любезного разрешения российского посла графа Ш.-А. Поццо ди Борго задерживались на месяц с лишним и осматривали все парижские достопримечательности. Русские группировались вокруг российского посольства. Образцовым представителем парижского света можно считать графа Поццо ди Борго. Хотя в его бытность послом российское посольство не могло соперничать в роскоши с посольствами Великобритании или Австрийской империи, граф чувствовал себя полноправным парижанином, и окружающие разделяли это чувство. Однако по сравнению с другими иностранными колониями русская все равно оставалась немногочисленной: согласно тогдашним французским данным, в 1839 г. в Париже проживало 1830 русских¹.

В Париже жили и содержали салоны русские великосветские дамы, переселившиеся во французскую столицу по разным причинам. В особняке на улице Святого Доминика жила Софья Петровна Свечина, еще в России, в 1815 г., перешедшая в католичество и вскоре после этого уехавшая во Францию. Ее салон сыграл немалую роль во французском «религиозном возрождении» 1830-х гг. С 1835 г. в Париже проживала княгиня Дарья Христофоровна Ливен, супруга Христофора Андреевича Ливена, российского посла в Берлине, а затем в Лондоне. Поначалу княгиня обитала на улице Риволи, в 1838 г. переехала на улицу Сен-Флорантен, в знаменитый особняк Ш.-М. Талейрана, который после его смерти купил барон Ротшильд. Ее салон, по словам А. Тьера, был «обсерваторией для наблюдений за Европой». Она принимала цвет парижской политической элиты и европейской дипломатии, а главным украшением ее салона был известный политик Франсуа Гизо, ставший в 1840 г. министром иностранных дел².

Как отмечал французский исследователь Мишель Кадо, Париж оказывал мощное воздействие на русских людей, «запертых в своей стране как в казарме или тюрьме»³. А.И. Герцен, оказавшийся в Париже в 1847 г., приезжал в этот город «с трепетом сердца, с робостью, как некогда въезжали в Иерусалим, в Рим». «Мы привыкли к слову “Париж”, – писал он вскоре, – сопрягать воспоминания великих событий, великих масс, великих людей 1789 и 1793 года; воспоминания колоссальной борьбы за мысль, за права, за человеческое

---

¹ Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. С. 874–875.

² О Д.Х. Ливен см. следующий раздел.

³ Cadot M. Op. cit. P. 51.

достоинство... Имя Парижа тесно соединено со всеми лучшими упованиями современного человека...»¹ Случай Герцена не был уникальным. Самые смиренные подданные Николая I стремились провести, по крайней мере, несколько недель в этом городе обетованном. По словам Кадо, «русские аристократы были не в силах выносить русский климат, и только воды Бадена и Гамбурга могли восстановить их здоровье. Однако их главной болезнью была скука»².

Император делал исключения для отдельных лиц, например, таких как много лет проживавший за пределами России дипломат князь П.Б. Козловский или князь П.И. Тюфякин. Князь Петр Иванович Тюфякин, в прошлом директор российских императорских театров, получивший дозволение проживать в Париже еще от Александра I, был одной из колоритных фигур Парижа Луи-Филиппа. В январе он устраивал балы, на которые приглашал самых красивых женщин³.

Может быть, еще более известным русским парижанином был уже знакомый нам Анатолий Демидов. В 1837 г. он организовал научную экспедицию на Украину и в Крым. Геолог Ла Плай проводил изучение угольных залежей Донецка; Раффе составил замечательный альбом литографий, и целый штат редакторов, среди которых известный журналист Жюль Жанен, помогал Демидову составлять отчет о путешествии, появившийся сначала в 1838 г. в виде эссе, а в 1841–1842 гг. в виде отдельной книги.

Демидов пытался сделать литературную и политическую карьеру, опубликовав под псевдонимом Ни-Таг (от Нижний Тагил) серию статей, посвященных внутреннему положению России, обрисовав его в самых смешных тонах. Серия выходила в «*Le Journal des Débats*» в 1838–1839 гг., но была прекращена по распоряжению русского правительства.

Продолжая традиции своего отца, Анатолий попытался стать меценатом. Он спонсировал художника Андре Дюранда, в 1839 г. совершившего путешествие по России, добравшегося до Казани и привезшего интересные гравюры. Он помогал Эжену Делакруа, написавшему в 1837 г. его портрет⁴.

Однако французы, по словам М. Кадо, лишь глумились над литературными претензиями Демидова и его шиком, воспринимая его

---

¹ Герцен А.И. Полн. собр. соч. Т.V. С. 141.

² Cadot M. Op. cit. P. 52.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 53.

как парвеню. Однако тот весьма ловко смог привлечь на свою сторону влиятельных журналистов, в том числе упоминавшегося Ж. Жанена, которого он в 1837 г. направил в Россию, а в следующем – в Италию. Именно Жанену пришла в голову идея брака Демидова с принцессой Матильдой.

После возвращения в августе 1841 г. из России супруги Демидовы расположились в своем отеле на улице Сен-Доминик, где Анатолий начал устраивать пятничные приемы. Завсегдатаем салона Матильды был Адольф Тьер, с которым она познакомилась еще в 1837 г. в Италии, журналисты Ж. Жанен и Эжен Лами; Матильду принимали в Тюильри. У своего дяди принца Павла Вюртембергского, отца великой княгини Елены, она сблизилась с Н.Д. Киселевым, поверенным в делах России во Франции.

Между тем семейная жизнь постепенно разладилась. Императору Николаю во время путешествий по Италии в 1844 и в 1845 г. приходилось выслушивать жалобы Матильды. В конце 1846 г. после полугода ожидания она узнала, что ее супруг заявил о разрыве; у нее остаются драгоценности и пансион в 200 тыс. франков. В июле 1846 г. Демидов был отозван в Россию; возвращаться в Париж ему было запрещено. Во Франции он оказался только после смерти Николая I.

Составить полное впечатление о русской колонии в Париже весьма сложно, поскольку большинство ее представителей оставило мало информации о своем пребывании в столице Франции, не считая упоминаний в прессе или в воспоминаниях современников. Поскольку жизнь в Париже была слишком дорогой, русские аристократы были вынуждены периодически возвращаться на родину, дабы решать хозяйственные вопросы и компенсировать потери, порой огромные, от игры в курортных городах.

Уже знакомый нам граф Поль де Жюльвекур не понаслышке знал об этом нестабильном характере русской колонии в Париже: «Каждый год они [русские] появлялись как сверкающие метеоры и так же быстро исчезали...»¹ Настоящее движение происходило именно среди этих «перелетных птиц», а не постоянных членов колонии. Русские приезжали в Париж, как правило, в конце сентября, предпочитали селиться на улице Риволи, Итальянском бульваре и улице Мира и выбирали отели «Ваграм», «Виндзор», «Монморанси» и «Терраса»².

---

¹ *Joulvécourt P. de. Les Russes à Paris. P., 1843. P. 229.*

² *Ibid. P. 95.*

В первой части своего романа «Московское Предместье Сен-Жермен» Жюльвекур описал распорядок дня некоего графа Аксанина (фамилии героев весьма характерны, причем автор подчеркивает, что все имена вымышленные: генерал Снегов, мадемуазель Людмилофф, (графиня Аксанина), князь Рубецкой, Барышкин, Болтунофф¹. Утром он посещал Сорбонну, после обеда слушал знаменитых проповедников, в шесть часов обедал в модных ресторанах, потом шел на спектакль «и не возвращался домой, не посетив несколько значных мест». По словам Жюльвекура, русские 1840-го года были англичанами образца 1820-го².

Несмотря на то что англичане оставались самыми многочисленными иностранцами в Париже, русские пытались затмить их своим богатством, они вызывали особое любопытство, а иногда и усмешки. Например, Жильвекур говорит, что в России благородный человек имеет привычку путешествовать со всем своим скарбом: кроватью, кухней, слугами, поскольку без всего этого он рискует спать на земле и есть квас и щи. Оказавшись за границей, этот благородный человек не может понять, что во всем этом он не нуждается, и поэтому окружает себя этой смешной роскошью³.

Для наших соотечественников, оказавшихся в Париже, дни пролетали незаметно. Жюльвекур верно подметил эту деталь. Он писал, что если парижанам не хватало времени для дел, то иностранцам — для удовольствий. Князь Борис из его романа за два месяца пребывания в Париже не мог привыкнуть к быстрому течению дней и часов. Если в России он пытался тысячами способов убить скуку, то в Париже, наоборот, жизнь была наполнена развлечениями и праздниками⁴.

Русские аристократы, по словам Жюльвекура, были в Париже в моде: «Нынче нельзя отмахнуться от русских князей и княгинь. Предместье Сен-Жермен их приглашает, литературный мир их ищет, Шоссе-д'Антен на них надеется, торговля о них мечтает, а филипповское окружение (имеет в виду короля Луи-Филиппа. — *Н. Т.*) их умоляет!»⁵

В сборнике «Иностранцы в Париже», отмечалось: «Три лорда, пять русских князей, шесть величеств и Бог знает сколько маркграфов... Ступайте на Елисейские поля: самые дорогие экипажи при-

---

¹ *Joultvécourt P. de. Les Russes à Paris. P. 7.*

² *Ibid. P. 99.*

³ *Ibid. P. 97.*

⁴ *Ibid. P. 170–171.*

⁵ *Ibid. P. 230.*

надлежат русским и англичанам»¹. А.И. Тургенев писал из Парижа 9 апреля 1838 г., что самые красивые экипажи на Елисейских полях – экипажи княгини Багратион и Тюфякина. В «Le Corsaire» от 25 октября 1843 г. читаем: «Никто больше не верит в милордов. Наденьте очки и вы увидите только русского князя...» Дельфина де Жирарден в 1844 г. писала, что французские кутюрье, портные и модистки зависели от своих итальянских, немецких и русских клиентов.

По словам М. Кадо, начиная с 1840 г., «русский князь» был в моде в Париже, причем независимо от политической ситуации, а иногда и благодаря ей. По мнению историка, вероятно, Оноре Бальзак сам редактировал в своем «La Revue Parisienne» внутреннюю политическую хронику под названием «Русские письма», которые якобы один русский князь писал другому русскому князю. Как полагал Кадо, под этой удобной маской Бальзак мог стрелять раскаленными ядрами в «незаконнорожденный режим» Июльской монархии и выступать за союз с Россией. Хотя на самом деле, по мнению Кадо, Бальзак вовсе не любил русскую аристократию².

В Париже был и другой слой русских – люди, оказавшиеся там по политическим соображениям, в том числе и политические эмигранты: М. Бакунин, А.И. Герцев, Н.И. Сазонов, Н.И. Тургенев, И.Г. Головин. Какую жизнь эти русские вели в Париже? Предоставим слово немецкому демократу, записавшему позднее: «Бакунин и другие русские, среди которых я вспоминаю графа Толстого, только и делали, что читали газеты. Для них день смешался с ночью. Они вставали не раньше полудня, завтракали, потом обедали в шесть вечера и оставались в кафе до трех, четырех или пяти часов утра. Потом шли спать, и на завтра эта infernalная сарабанда повторялась»³.

Павел Васильевич Анненков, литературный критик, автор «Парижских писем», много путешествовавший по Европе и зимой 1846 г. оказавшийся в Париже, отрицал существование русской политической эмиграции в Париже при Луи-Филиппе. Однако, по мнению М. Кадо, император Николай в 1847 г. понимал возрастающую опасность для его консерватизма, исходившую от маленького очага русских демократов в Париже. Поэтому он отклонил проект обмена книгами между библиотеками Франции и России. Кто будет читать русские книги в Париже, вопрошал Николай, «...кроме на-

---

¹ Cadot M. Op. cit. P. 61.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 36.

ших предателей и перебежчиков? Кстати, еще двое из этих негодяев сбежали за границу, чтобы писать и интриговать против нас: некий Сазонов и этот знаменитый Герцен... который до этого писал под псевдонимом Искандер; однажды он попался нам в руки и был отправлен в тюрьму; но благодаря Жуковскому, обратились к Александру, и вот как мы отблагодарены за нашу милость»¹. О «предателях» и «перебежчиках» речь пойдет еще впереди.

Восемь лет без права переписки: княгиня Д.Х. Ливен

Как уже отмечалось, паспорта для проживания во Франции выдавались крайне неохотно, особенно если речь шла о длительных сроках. А уж обосноваться в Париже, не имея паспорта и императорского разрешения, было неслыханной дерзостью. Однако и такое случалось. Подтверждением этому является судьба Дарьи Христофоровны Ливен, родной сестры шефа жандармов Александра Бенкендорфа и супруги Христофора Андреевича Ливена, в 1812–1834 гг. занимавшего пост посла России в Великобритании².

Со стороны княгини отъезд из России был, действительно, очень смелым поступком. Муж – высокий сановник, особа, приближенная к императору, после возвращения из Лондона получивший почетное место попечителя цесаревича, наследника престола Александра Николаевича; брат – любимец Николая I. И вдруг, такой афронт: отъезд жены и сестры за границу. Дело в том, что после возвращения супругов Ливен из Лондона в России их ожидало несчастье: смерть двух младших сыновей от скарлатины. Монотонная и рутинная жизнь в Царском Селе в качестве воспитательницы цесаревича, которого Дарья Христофоровна должна была обучать светским манерам, и так была в тягость княгине, не мыслившей себя вне большой политики, политических интриг и салонов, а трагедия сделала ее пребывание в России невыносимым. Под предлогом восстановления физических и душевных сил Ливен отправилась в Баден, намереваясь зиму 1835 г. провести в Париже. В это время княгиня еще не решила окончательно, поселится ли она во Франции, поскольку не имела на то разрешения императора. Между тем в июне 1836 г. она получила письмо от мужа, который, действуя строго в соответствии

---

¹ *Cadot M.* Op. cit. P. 23.

² О княгине Ливен см.: *Таньшина Н.П.* Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

с указаниями царя, сообщал, что он «разрешает ей жить, где бы то ни было, где она пожелает, только не в Париже»¹.

Почему император был против проживания княгини в Париже? Представляется, что определяющим для Николая I фактором явился выбор Ливен именно столицы Франции, центра революционных потрясений и бунтов. То, что княгиня, особа, приближенная к императорской фамилии, предпочла Петербургу именно этот город, Николай никак не мог принять. Именно так полагала и сама Дарья Христофоровна. В письме к Франсуа Гизо, с которым у нее сложились многолетние близкие отношения, она отмечала: «В моей стране, сударь, я очень знатная дама; я стою выше всех по своему положению при дворе и, главное, в связи с тем, что я – единственная дама во всей империи, по-настоящему близкая к императору и императрице. Я принадлежу к императорской семье. Таково мое общественное положение в Петербурге. Вот почему так силен гнев императора; он не может допустить, что родина революций оказала мне честь и приняла меня»².

Кроме того, зная Ливен, которую многие сильные мира сего считали «опасной женщиной», царь понимал, что она не будет вести в Париже спокойное, размеренное существование, не привлекая к себе внимания, а вновь, как и в Лондоне, окажется в центре светской и дипломатической жизни, но теперь уже действуя абсолютно свободно, не будучи скованной официальным статусом и инструкциями.

Летние месяцы княгиня провела в Бадене, напрасно ожидая писем от мужа, послушно выполнявшего волю императора, о чем она сообщала графине Аппоньи, супруге австрийского дипломата: «Я не могу строить никаких планов относительно будущего; я не знаю, где я буду в сентябре»³. Княгиня все еще надеялась на встречу с мужем, и писала об этом своему другу, английскому политику лорду Абердину: «Мой муж приедет навестить меня, вероятно, в конце лета, и тогда мое будущее определится»⁴. Она не теряла надежды, что ей удастся получить разрешение остаться за границей, а именно в Париже; об этом она лично просила императора Николая. В письме от 18 (30) августа 1836 г. княгиня писала царю: «Мое пребывание в

---

¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. № 11. С. 427.

² *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*. Т. 1. Р. 121.

³ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 428.

⁴ *The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven*. 1832–1854. Т. 1. 1832–1848. L., 1938. Р. 55.

Париже – это вопрос не прихоти, но настоящей необходимости; рассмотрев его с этой точки зрения, Ваше Императорское Величество не откажет мне»¹. Она постоянно отправляла в Россию медицинские свидетельства, в которых отмечалось, что Италия, Германия и особенно Россия противопоказаны ей и что доктора настаивают на ее немедленном возвращении в столицу Франции. «Мне будет очень грустно, если мой муж не поверит мне», – писала она Христофору Андреевичу 5 (17) сентября 1836 г.²

В этом же месяце, еще находясь в Бадене, княгиня получила долгожданное письмо от брата Александра: «Его Императорское Величество Вам ничего не запрещает и предоставляет полную свободу действий, сожалея только о том, что Ваши привычки и вкусы отдаляют Вас от родины»³.

Итак, Дарья Христофоровна решила остаться в Париже и скоро стала вести тот образ жизни, который только и представлял для нее интерес. Однако завязавшийся вскоре роман с Гизо вновь поставил под вопрос возможность ее пребывания в столице Франции. О связи княгини и министра стали писать парижские газеты; вскоре об этом стало известно Христофору Андреевичу, для которого это был не просто вопрос супружеской чести: связь его жены с французом, к тому же буржуазного происхождения, пусть и министром, компрометировала его позиции при дворе, его положение в российском обществе. 19 августа он отправил супруге гневное письмо, в котором призывал ее вспомнить о долге жены и матери и поразмыслить над своим поведением. Через месяц он уже приказывал Дарье Христофоровне немедленно покинуть Париж и заканчивал свое письмо следующими словами: «Я настоятельно требую категорического ответа, ибо я сам обязан дать через некоторое время отчет относительно тех мер, какие будут приняты мною в случае отказа с твоей стороны»⁴. Понятно, что Христофор Андреевич должен был отчитаться перед императором, не меньше обманутого мужа взбешенного подобным своеволием княгини. 21 октября 1837 г. в письме Гизо Дарья Христофоровна передавала слова Николая, сказанные князю Ливену: «Ваша жена задела мою честь и достоинство, она единственная осмелилась подвергнуть сомнению мой авторитет.

---

¹ Цит. по: *Cromwell J.L. Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857.* Jefferson, 2007. P. 188.

² Ibidem.

³ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 332. Л. 48–48 об.

⁴ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven.* T. 1. P. 119.

Заставьте ее подчиниться, а если Вам это не удастся, я сам ее сотру в порошок»¹.

Ливен пыталась протестовать; она обратилась к вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде и графу А.Ф. Орлову, умоляя их замолвить за нее слово, чтобы смягчить гнев государя. Она писала Орлову: «Любезный граф, угрозы моего мужа станут свершившимся фактом, если я не выеду через неделю из Парижа, чтобы жить вместе с ним; он лишит меня своей поддержки, и я останусь без гроша. Вот к каким крайним мерам он будет вынужден прибегнуть, чтобы сдержать данное им, по-видимому, императору, слово вызвать меня во что бы то ни стало из Франции, ибо я вижу ясно из его писем, что он обязан дать ему отчет в принятом по отношению ко мне решении. Мои письма и отзывы врачей им получены; поэтому ясно, что он желает, чтобы я уехала отсюда живая или мертвая... Нет, не может быть, чтобы император приказал моему мужу поступить таким образом с его женою... Относительно меня вопрос как нельзя более прост; надобно выяснить, не хочу я или не могу уехать из Парижа... Если будет подтверждено, что я не в состоянии уехать, то я прибегну к покровительству императора и попрошу его сказать моему мужу, что он ошибется, полагая сделать ему приятное, ставя свою жену в безвыходное положение и предлагая ей на выбор либо рисковать жизнью, уехав из Парижа, либо жить в нищете, если она останется там. Во всяком случае, я избираю последнее. Но, любезный граф, нищета, на которую я буду обречена, будет всем известна. Г-на Ливена все считали до сих пор человеком чести, дворянином. Никто не поверит, чтобы он мог сделать поступок столь необъяснимый. А что касается меня, то я человек всем известный и живу на глазах у моих друзей, а вам известно, как много их у меня. Все будут доискиваться причин тех притеснений, коим я подвергнусь»².

О заступничестве княгиня просила и брата, решительно заявляя, что она не может покинуть Париж: «Предпринять путешествие – значит, обречь себя на смерть. Я не доставлю мужу постыдное удовольствие сказать императору: "Ваше Величество, я исполнил Ваше приказание, но моя жена умерла"»³.

Однако все ее доводы были напрасны; князь Ливен писал жене в конце сентября в ультимативной форме: «Надеюсь, ты вполне поняла из моих слов, что я настоятельно требую, чтобы ты вернулась. Я предупреждаю тебя, что в случае отказа я буду вынужден принять

---

¹ Ibid. P. 119, 148.

² Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 431.

³ Там же. С. 432.

такие меры, которые для меня очень неприятны. Поэтому объявляю тебе, что если ты не вернешься, то я прекращу высылку тебе денег. Я должен предупредить тебя также на случай, если настоящее письмо останется без ответа, что если таковой не будет получен мною через три недели, то я буду вынужден поступить так, как будто ты ответила мне отказом»¹.

В начале следующего года князь Ливен привел в исполнение свои угрозы: он распорядился прекратить все выплаты, причитающиеся княгине². С этого времени отношения между супругами были, по сути, прерваны; с Христофором Андреевичем княгиня так и не встретилась; писем от него почти не получала. 10 января 1839 г. князь Ливен, сопровождавший цесаревича Александра Николаевича в путешествии по Европе, скоропостижно скончался в Риме.

Итак, не имея официального разрешения и оставаясь в весьма щекотливой финансовой ситуации, княгиня приняла решение остаться в Париже. В июле 1838 г. с улицы Риволи она перебралась на улицу Сен-Флорантен, где сняла апартаменты в знаменитом особняке Ш.-М. Талейрана, скончавшегося в мае того же года. Здесь Ливен прожила двадцать лет, ежедневно принимая у себя, после полудня и по вечерам, виднейших европейских дипломатов и политиков.

Неопределенная ситуация вкупе с финансовыми сложностями, возникшими после смерти супруга, не оставившего завещания, очень беспокоили княгиню. Дарья Христофоровна обращалась за помощью к брату, пытаясь узнать, распространяется ли на нее российское законодательство, а именно царский указ от 27 апреля 1834 г., предусматривавший передачу в опеку имущество лица, отсутствовавшего в России без императорского разрешения более пяти лет. Она надеялась, что уже упоминавшееся письмо, адресованное ей Александром Христофоровичем в 1836 г. и содержавшее разрешение императора остаться за границей, освобождало ее от этого наказания.

Однако из очередного письма брата она узнала, что ее случай все-таки подпадает под действие означенного указа. Александр советовал ей немедленно обратиться к императору и просить о предоставлении отпуска на неограниченное время. Ливен оказалась на перепутье; ей было сложно написать непосредственно императору, а брат отказывался переговорить с Николаем Павловичем лично: «Вы считаете, что не можете поговорить с императором. Этот ужасный

---

¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 430.

² *Cromwell J.L.* Op. cit. P. 203.

император! Как мое письмо может быть лучше Ваших слов? Вот уже восемь лет как император меня судит со всей строгостью, даже суровостью!» Она сомневалась, что император, от которого на протяжении этих восьми лет она не услышала ни слова поддержки, будет к ней великодушен. Дарья Христофоровна была в отчаянном положении; неоднократно в ее письмах той поры звучала одна и та же фраза: «Мне страшно!»; она писала, что «стоит на краю бездны»¹.

В конце концов она решила последовать совету брата и обратиться лично к императору, надеясь добиться «отпуска на неограниченное время». Это письмо княгини, как и ответ императора Николая, приводятся в авторском переводе.

Письмо княгини Ливен императору Николаю I²

Париж, 24 марта (5 апреля) 1843 года

Сир,

Много лет прошло с тех пор, как мое имя не тревожит больше память Вашего Императорского Величества. Не имея никого, кроме Вас, сир, я в то же время сомневаюсь относительно благосклонного отклика на мое письмо; однако очень давнее чувство подсказывает мне, что я еще могу рассчитывать на отзывчивость и доброту императора по отношению к моей судьбе. Я доверилась этому чувству и низжайше осмелилась воззвать к милости Вашего Императорского Величества в этом важном деле личного характера.

Ваше Величество, может быть, не совсем забыли о несчастьях, вынудивших меня покинуть родину. Ваше Величество знает, что всегда, и особенно со времени постигшей меня трагедии (имеет в виду смерть сыновей. – *Н. Т.*), мое здоровье было слабым и хрупким, и что 25 лет моей жизни, проведенные в условиях мягкого климата, сделали меня не способной вынести иной. Возраст мне приносит только невзгоды и болезни, усугубляемые проблемами со зрением. Я старая женщина; я слабею день ото дня, и те дни, что мне еще остались, я могу прожить только здесь.

Я полагала, что обрела разрешение на проживание, получив в свое время письмо от брата, написанное по особому распоряжению Вашего Императорского Величества³; однако по прошествии ряда

---

¹ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 332. Л. 75–76 об. Письмо А. Бенкендорфу от 23 февраля (4 марта) 1843 г.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 91. 1843 г. Л. 2–8.

³ Имеется в виду письмо А. Бенкендорфа, полученное княгиней в сентябре 1836 г. в Бадене.

лет мне нужно знать, что мой Государь мне это разрешает, и милость, о которой я Вас сегодня прошу, сир, это продлить на неограниченное время мое отсутствие.

Если что-то с моей стороны могло вызвать недовольство Вашего Величества, я Вас нижайше прошу, сир, простить меня. Скажите мне, что Вы меня простили. Прошу Вас, вспоминайте иногда о временах Вашего расположения ко мне. С этими воспоминаниями непременно всплывут в памяти воспоминания о моей привязанности, такой преданной, такой искренней, такой живой! Я сегодня та же, что и прежде. Можете ли Вы, сир, вновь стать тем, кем Вы были для меня раньше? От Вашего ответа зависит моя судьба.

С глубочайшим уважением к Вашему Императорскому Величеству, самая почтительная, самая покорная, самая верная из Ваших подданных, княгиня Ливен».

Копию письма императору Ливен отправила и брату. Она писала ему в тот же день, 24 марта (5 апреля) 1843 г.: «Я прошу милости, это – правда, но я не прошу ничего такого, чего не было бы пожаловано другим»¹. Княгиня умоляла брата заступиться за нее, «защитить от ужасных русских чиновников»² (слово «*чиновники*» в тексте написано по-русски. – *Н. Т.*); повторяла, что она не совершила преступления, уехав из России. Она писала: «Двадцать пять лучших лет моей жизни я провела за границей. Мое короткое пребывание на родине было прервано ужасным несчастьем. У меня не было в России никаких привязанностей и никакого невыполненного долга. Я не была ограничена никем и ничем, врачи настоятельно рекомендовали мне уехать. Проходили годы, и я больше не надеялась выздороветь. Я прошу милости разрешить мне прожить мою жизнь спокойно. Это к вам, мой дорогой брат, я обращаюсь с этой просьбой. И если память обо мне не найдет благоприятного отклика в душе императора, напомните ему о моем муже и его полувековой непрерывной и преданной службе»³.

Не особо надеясь на благоприятный исход дела, на следующий день Ливен отправила брату еще одно письмо с пометкой «очень конфиденциально», в котором вновь сообщала о своих опасениях и снова подчеркивала свою верность интересам России и лично императору: «Я знаю, что я служила императору, и я продолжаю ему слу-

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 91. Л. 95.

² Там же. Л. 77 об.

³ Там же. Л. 95 об. – 96.

жить... Моя жизнь, спокойная и тихая – для меня, но моя жизнь полезная – для вас»¹.

Однако уже 20 апреля 1843 г. Дарья Христофоровна получила долгожданный ответ...

**Письмо императора Николая I от 20 апреля 1843 г.
княгине Ливен**

Я получил ваше письмо, любезная (далее слово «*любезная*» («*chère*») зачеркнуто, заменено на «*госпожа*». – Н. Т.) княгиня, и я признателен вам за подробнейшее изложение мотивов, побудивших к его написанию. Я отнюдь не сомневался в вашей преданности по отношению ко мне, хотя ваша отдаленность от Петербурга лишила меня удовольствия получать регулярные тому доказательства. Я понимал, что после несчастья, постигшего вас в России, пребывание здесь стало вам в тягость. Но я надеялся, что со временем эта боль утихнет. Я желал лично этому содействовать посредством внимания и заботы, которыми вас окружили я и мои близкие. Кроме того, я полагал, что, приближаясь к тому возрасту, когда мы становимся более сентиментальными, вы рано или поздно ощутите потребность вновь увидеть свое отечество и найти пристанище в кругу своей семьи. Если, однако, образ жизни, который выведете, является единственным подходящим для вас, и если суровость нашего климата вызывает у вас опасения за свое здоровье, не дай Бог, чтобы я насильно принудил вас подчиниться. Я в очередной раз дарую вам испрашиваемое вами разрешение, весьма сожалея о мотивах, вынудивших вас к этому [...].

Это разрешение, однако, не распространяется на ваших сыновей. Мне доставляет огорчение мысль об их продолжительном пребывании за пределами России (у княгини на тот момент осталось в живых два сына, Павел и Александр. – Н. Т.). Становясь все более и более чуждыми своей родине, они оказываются все дальше от того, чтобы идти по стопам своего отца, благородная и верная преданность которого своей стране могла вызывать у меня только самое искреннее уважение. Итак, я прошу вас, госпожа княгиня, использовать все свое материнское влияние, дабы обязать их [...] вернуться в Россию. Это соответствует их собственным интересам; это будет им выгодно, я вас заверяю. И в том, что касается вас, в том расположении, которое я проявил к вашим желаниям, вы найдете, я на это надеюсь, доказательства моей давней дружбы к вам, в чем я вас ис-

---

¹ Там же. Л. 102.

крenne заверяю (последний абзац является собственноручной припиской императора. – *Н. Т.*).

Итак, восьмилетнее противостояние между всесильным императором и своенравной княгиней закончилось победой женщины. Несмотря на всю свою принципиальность и весь свой гнев, вызванный непокорностью и независимостью Ливен, а также несмотря на негативное отношение к режиму Июльской монархии, рожденному революцией, Николай I поступил как весьма рациональный политик. Он понимал, что, находясь в Париже на легальном положении и обретя некоторую стабильность, княгиня может быть ему полезной, учитывая высокий авторитет ее имени во французских и европейских политико-дипломатических кругах. В России знали, что французы упрекали княгиню в непосредственном влиянии на принятие политических решений в их собственной стране; в Париже говорили, будто бы во Франции было два министра иностранных дел – Франсуа Гизо и Дарья Ливен.

Прожив большую часть жизни за границей, будучи по привычкам и складу ума совершенно западным человеком, княгиня Ливен все-таки оставалась русской, была неизменно преданна интересам России. В определенной степени ее пребывание в Париже явилось фактором, стабилизовавшим весьма непростые отношения между Россией и Францией.

* * *

Когда в разгар Крымской войны Дарья Христофоровна узнала о смерти императора Николая, она произнесла одну-единственную фразу: «Ну вот, теперь я могу спокойно здесь остаться». Правда, ненадолго: 27 января 1857 г. княгини Ливен не стало...

Париж на троих: П.А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин

Несмотря на то что контакты между странами были ограничены, и паспорта выдавались крайне осторожно, а русским рекомендовалось не посещать Париж, а уж тем более не наносить визит Луи-Филиппу, взаимный интерес и тяготение были неистребимы, а запретный плод сладок.

Так получилось, что в 1838–1839 гг. в Париже оказались трое русских интеллектуалов, для которых путешествие в Париж было мечтой всей жизни. Это – князь Петр Андреевич Вяземский,

Владимир Михайлович Строев и Михаил Петрович Погодин¹. Все они – публицисты, журналисты, литературные критики, писатели; Погодин и Строев – профессиональные историки. По политическим взглядам – весьма умеренные, по крайней мере к этому времени. Вяземский в 1821–1828 гг. находился в опале, был вынужден оставить «Московский телеграф» и даже думал об эмиграции, но после личного обращения к государю был принят на службу чиновником особых поручений при министре финансов. М.П. Погодин вместе с Н.Г. Устряловым развивал теорию официальной народности, придерживался консервативных взглядов.

Их интересовали сходные вещи, прежде всего – политика, образ жизни, интеллектуальные течения, культурная жизнь. Именно на это они обращали внимание и отражали в своих письмах и книгах. К режиму парламентского правления они относились априори настороженно, но политика их весьма интересовала, хотя Вяземского больше раздражала.

Каким образом эти люди оказались во Франции? Владимир Строев, как он сам пишет в предисловии к своей книге, следующим образом: некий «Д», один из русских аристократов, проживавших в Париже, понимая, что во Франции получали крайне недостоверные сведения о России, задумал распространить в чужих краях объективную информацию о своем отечестве. Под «Д» фигурировал уже известный нам Анатолий Демидов, состоявший при русском посольстве в Париже. Выбор пал на Строева, который должен был со-

---

¹ Князь Петр Петрович Вяземский (1792–1878), литературный критик, историк, переводчик, публицист, государственный деятель. Один из основателей и первый председатель Русского исторического общества (1866), действительный член Академии наук (1839). Близкий друг и постоянный корреспондент А.С. Пушкина. Во время зарубежных путешествий 1835 г. и 1838–1839 гг. Вяземский познакомился со многими европейскими писателями; наиболее близкие отношения у него возникли со Стендалем, Адамом Мицкевичем, Ш. Сент-Бёвом, неоднократно общался с Шатобрианом, Ламартином, Гюго, А. Мюссе. Начиная с 1840-х гг. Вяземский активно пропагандировал за рубежом русскую литературу и добился в этом заметных успехов. Михаил Петрович Погодин (1800–1875), историк, коллекционер, журналист, публицист, писатель-беллетрист, издатель. В 1826–1844 гг. – профессор Московского университета. Отстаивал норманскую теорию. В 1841–1856 гг. издавал близкий к славянофилам журнал «Москвитянин». Владимир Михайлович Строев (1812–1862) – историк, писатель, журналист и переводчик (один из лучших переводчиков своего времени с французского и немецкого, перевел А. Дюма и Э. Сю). Книга «Париж в 1838–1839 гг.» вышла в 1842 г.

бирать материалы и передавать их французам. Он приехал в Париж осенью 1838 г. Однако результатом этого путешествия стала книга не о России, а о Франции – «Париж в 1839 году».

Для друга А.С. Пушкина князя Вяземского поездка в Париж была заветной мечтой всей жизни. В детстве он находился под влиянием отца, европеизированного вельможи, стремившегося, по насмешливому замечанию современника, «в Пензе создать свой Лондон». Отец Вяземского женился на иностранке, исколесил в молодости всю Европу, он и в России окружал себя иностранцами, следил за иностранной литературой, был поклонником энциклопедистов и Наполеона. Его сын воспитывался гувернерами-французами и усвоил французскую речь раньше русской. Пребывание в пансионе иезуитов в Петербурге содействовало укреплению у мальчика европейских симпатий. Именно сочинения французских писателей оказали наибольшее влияние на формирование его либеральных взглядов¹. В 1820-е гг. Вяземский ежегодно покупал все доступные привозные новинки в книжных магазинах, выписывал из Парижа по оказии то, что нельзя было достать иначе, получал книги от друзей².

Учиться у Франции, чтобы потом культурный и политический опыт ее применить на родине, в России, – эта мысль была очень близка Вяземскому в молодые годы. Свое стремление во Францию для этой цели он объяснял, и очень справедливо, некоторыми особенностями своего характера, который делал ему особенно близкой французскую политическую и литературную школу. «Надобно непременно ехать в Париж года на два... Я не могу учиться по книгам...»³ Однако бывший долгие годы «невъездным» и опальным князь впервые выехал за границу в 1835 г., а во Франции оказался во время второй поездки летом 1838 – весной 1839 г. Получив служебный отпуск, о продлении которого он потом должен был несколько раз ходатайствовать, Вяземский выехал из Петербурга один, без семьи, морем в Германию, официально – для лечения глаз. Однако затаенная мысль о посещении Парижа или, вернее, сожаление, что не он является целью поездки, не оставляла его при отъезде. «Отчего не выкопаете вы целительных вод в Париже?» – шутя спрашивал он своего друга А. Тургенева в письме от 25 февраля 1838 г.⁴

---

¹ Нечаева В.С. Французская литература и П.А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху // Литературное наследство. 1937. Т. 31/32. С. 80–81.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 108.

⁴ Нечаева В.С. П.А. Вяземский в Париже в 1838–1839 гг. // Литературное наследство. 1937. Т. 31/32. С. 116.

Пройдя курс лечения в Киссингене, Вяземский должен был отправиться на морские купания в Булонь или в Англию. По пути к морю он решил заехать в Париж и провести там несколько дней. Выезжая за границу, Вяземский не имел разрешения на посещение Парижа и, вероятно, оформил это дело полулегально, через русских посланников во Франкфурте-на-Майне и Париже. Поэтому он предпочитал не называть в письмах к семье место своего путешествия, а заставлял лишь догадываться о нем¹. Первое упоминание о предполагаемой поездке в Париж появляется в письме к жене от 2 августа 1838 г.

В 1838 г., путешествуя по Европе, Париж увидел и историк М.П. Погодин. Книга В.М. Строева была опубликована в Петербурге в 1841 г.; «Дорожный дневник» М. Погодина отдельной книгой – в 1844-м в Москве (в 1841 г. заметки публиковались в его журнале «Московитянин»), а письма П.А. Вяземского – только в 1937 г. в сборнике «Литературное наследство».

Какими Франция и ее столица показались им? Все они просто сгорали от нетерпения увидеть ее. Для всех наших соотечественников уже сам факт того, что они оказались в Париже, был потрясением. Вот уж, действительно, «увидеть Париж и умереть!» У Вяземского просто не хватает слов для описания своих эмоций: «Не уж ли я в самом деле в... в... в... Сила крестная с нами! Выговорить не могу! Так дух и спирает. Чертенята в глазах пляшут, в глазах рябит, в ушах звучит, в голову стучит!»²

Сходные чувства переполняли и Погодина, когда в дилижансе он направлялся из Марселя в Париж: «Чем более приближались мы к Парижу, тем нетерпение увеличивалось... Признаюсь, я был неспокоен, почти в смятении. Мысль, что сейчас увижу Париж, о котором с молодых лет столько слышал, читал, думал, производила особое действие»³. И вот: «Наконец вот и Париж. Город как город, а все еще не верится мне, что я в Париже»⁴.

Однако самые первые впечатления от Франции как таковой и от Парижа оказались противоречивыми. В письме от 22 августа 1838 г., написанном по дороге из Страсбурга в Мец, Вяземский сообщал:

---

¹ Там же. С. 116–117.

² *Вяземский П.А.* Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. Ч. 2. М., 1937. С. 121.

³ *Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 1–2. М., 1844. С. 210.

⁴ *Он же.* Еще две недели в Париже // *Московитянин*. 1841. № 3. С. 77.

«Странное дело! Я не нахожу Франции... Все тихо, все безмолвно! Нет ни одной водевильной сцены. Ни слова не слышу о политике. *Cette belle France* – Тамбовская губерния... Воля ваша, смешно сказать, а что-то есть унылое, – может быть, болезненное и недовольное – в общем чувстве Франции». Правда, Петр Андреевич добавлял: «Может быть, и зеркало мое тускло, и, без сомнения, и эта причина должна войти в воображение, но должна быть и правда, независимая от меня»¹.

Париж тоже произвел неоднозначное впечатление на наших соотечественников. Он их поражал, оглушал своим разнообразием, ритмом, шумом, движением. «Народ так и кишит», – делился своим первым впечатлением М.П. Погодин². А вот как описывал свое знакомство с Парижем В.М. Строев: «Первые впечатления от Парижа очень странны. На улицах так много народа, что ходишь лавируя, а не прямо; такой шум, что хочешь заткнуть уши. В окнах магазинов так много изящного, замысловатого, что невольно останавливаешься по целым часам, забывая, что надобно идти далее... Все беспокойны, торопливы, как во время пожара или наводнения. Кажется, что какое-нибудь общественное бедствие взволновало массу жителей, что они доживают последний час и торопятся докончить важные дела. Даже гуляющие ходят скоро»³.

Что касается Вяземского, то для его впечатлений, описанных в письмах, характерно то, что он невольно сверяет свой воображаемый Париж, каким он представлял его себе десятки лет, с Парижем действительным. В Париж он прибыл 25–26 августа и пробыл десять дней. Там его встретили А.И. Тургенев и Ф.Ф. Гагарин, которые и были его гидами при осмотре Парижа⁴. Париж кажется ему недостаточно людным, кипучим, слишком смирным, «благочинным». Ему как раз недостает этого вечного движения и кипения жизни: «Но между тем я все-таки стою на своем: мое первое впечатление противоречит ожиданиям. Нет этой кипучей бездны под глазами»⁵.

Сама инфраструктура Парижа, его улицы и особенно санитария, точнее, ее отсутствие, русских однозначно поражала. «Город неправилен, некрасив и нечист, как все старинные города, построенные

---

¹ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 120.

² Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 3.

³ Строев В.М. Париж в 1838 и 1839 годах. Ч. 1. СПб., 1841. С. 3.

⁴ Нечаева В.С. Указ. соч. С. 118.

⁵ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 122.

мало-помалу, без определенного плана», – писал Строев¹. Именно грязь возмущала наших соотечественников прежде всего (а в России в это самое время император Николай приказывал надраивать центр города): «Улицы невыразимо грязны. Кухарки считают улицу публичною лоханью и выливают на нее помои, выбрасывают сор, кухонные остатки, и пр. Честные люди пробиваются по заваленным тротуарам, как умеют»².

По словам Строева, «первые впечатления Парижа не только странны, но даже неприятны. На грязных, безтротуарных улицах теснится неопрятный народ в синих запачканных блузах, в нечищенных сапогах, в измятых шляпах, с небритыми бородами...»³ Эту же неустроенность отмечал и князь Вяземский: «Между тем тут есть вонь, улицы... как трактирный нужник, и много шатающейся гадости в грязных блузках...» Вообще, как верно подметил Строев, «с первого взгляда видишь, что Париж город людей небогатых»⁴.

Не увидели наши соотечественники и пресловутой французской галантности. Горожане показались россиянам невежливыми и неучтивыми: «Эта неучтивость (на улицах) дошла теперь до того, что все толкаются, и никто не думает извиниться», – отмечал Строев⁵. Возмущается этим и князь Вяземский: «Толкаются, ходят по ногам, только что не по голове, и заботы нет. Если вы услышите: excusez, то знайте, что это иностранец»⁶.

Но вот что понравилось нашим путешественникам, так это возможность курить на улицах! Ведь на родине, в России, Николай I, не куривший сам и не выносивший курильщиков, запрещал курить на улицах столицы. Как писал Строев, «франты курят на улицах сигары и пускают дым под дамские шляпки»⁷. Вяземский вообще возможность курить на улицах называл «одной из главных вольностей здешней конституционной жизни». Вторая вольность – возможность справить нужду, где придется! Хотя в целом, по мнению Петра Андреевича, «как и везде здесь, и гораздо более запретительных мер, нежели у нас: тут не ходи, здесь не езд, и проч.»⁸.

---

¹ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 4.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 5–6.

⁶ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 138.

⁷ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 3.

⁸ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 126.

От чего все были без ума, так это от французской гастрономии. Гурман Вяземский писал: «Вообще здесь царство объедения. На каждом шагу хотелось бы что-нибудь съесть. Эти лавки, где продаются фрукты, рыба, орошаемая ежеминутно чистою водою, бьющею из маленьких фонтанов, вся эта поэзия материальности удивительно привлекательна»¹.

Ему вторит Строев: «Войдя в кафе, чувствуешь уже охоту полакомиться, пообедать. Только семейные люди обедают дома, а холостые всегда в кафе»².

Погодина и Строева поразили кипучий и бурлящий ритм многообразной парижской жизни. «Время течет здесь как вода, как деньги; не успеешь оглянуться, как уже нет дня, недели»³, – делится впечатлениями Погодин. «День проходит в Париже незаметно»⁴, – вторит ему Строев. «В Париже – жизнь легка, не давит своею медленностью; часы бегут с быстротою молнии, и человек приближается к могиле неприметно, по ровному скату, вовсе не замечая шагов своих. В Париже нет часов, дней и месяцев; вся жизнь – один день, веселый, разнообразный, пролетающий скоро, не отягчающий своим присутствием»⁵.

Ритм парижской жизни захватил и князя Вяземского, поначалу его не заметившего. Он сообщал: «Пишу как угорелый. Нет времени собраться с мыслями. Каждое утро здешнее стоустое и сторукое чудовище ревет и машет и призывает в тысячу мест. Как тут успеть, и как голове не кружиться»⁶.

Маршруты, места посещения и занятия у всех – одни и те же: парижские кафе, где можно вкусно перекусить и почитать газеты, многочисленные театры, обязательное посещение Палаты депутатов, светских салонов, Сорбонны, где можно послушать и увидеть светских и политических знаменитостей. Как писал Строев, «является непреодолимое желание посмотреть на людей, знакомых нам только по книгам, по газетным известиям и журнальным статьям. Мы редко отделяем литератора от человека, и личное знакомство с знаменитым писателем всегда нам приятно»⁷.

Знаменитых людей можно было увидеть в светских салонах и в Палате депутатов, причем это все были, как правило, одни и те же

---

¹ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 128.

² Строев В.М. Ч. 1. С. 8.

³ Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 82.

⁴ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 12.

⁵ Там же. С. 17–18.

⁶ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 124.

⁷ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 144.

персоны, поскольку в Париже времен Июльской монархии свет и политика являлись категориями взаимосвязанными. В Палате депутатов часто появлялись представители высшего света, а пространство светских салонов вечерами было в том числе территорией политиков. Эту черту очень тонко подметил князь Вяземский: свет и политика – «это два сросшиеся сиамца»¹. Июльская монархия ввела моду на политику, Палата депутатов стала модным местом, активно посещаемым светским бомондом. Заседание палат Вяземский называл не иначе, как «утренним спектаклем»².

Итак, заседание палат – утренний спектакль, светские салоны – спектакль дневной или вечерний. Очень активно наши соотечественники посещали салоны, где хозяйками были русские дамы. А. Тургенев очень рекомендовал Вяземскому посетить салон Свечиной. Но тот, отмечая, что Свечина умна, писал, что его к ней «не тянет». Зато очень тянуло его в другой салон – княгини Ливен. Именно в салоне Ливен Вяземский имел возможность пообщаться с Гизо, книгами которого зачитывался в юности. В конце 1820 г. он с большим вниманием читал работу Гизо «О правительстве Франции со времен Реставрации до нынешнего министерства», которая выдержала в Париже за один год три издания³. Он попытался перевести отрывки из книги Гизо на русский язык, предполагая напечатать их в «Сыне Отечества», послав работу А. Тургеневу для публикации. Однако перевод в печати так и не появился⁴. Именно княгиню Ливен и графиню Аппоньи, супругу австрийского посла, Вяземский особо выделял из всех парижских светских дам: только от них он «удостоился знаков приветливости и внимательности...» От прочих же видел «только учтивость банальную»⁵.

Вообще Вяземский из парижских салонов выделял именно русские: «Замечательно, что три русские дамы, каждая в своем роде, играют здесь первейшие роли: Свечина по духовному отделению, к. Ливен по политическому, Мейендорф⁶ по артистическому и эле-

---

¹ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 137.

² Там же. С. 132.

³ Нечаева В.С. Французская литература и П.А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху. С. 81.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 140.

⁶ Елизавета Васильевна Мейендорф, жена барона Александр Казимировича Мейендорфа (1773–1854), в 30-х гг. направленного департаментом мануфактур и внутренней торговли во Францию агентом по части мануфактурной промышленности и торговли. Его жена занималась живописью.

гантному. Причислите к ним Завадовскую (Заводовская Е.М., урожденная Влодек), которая, разумеется, первенствует здесь в пластическом мире, ибо красотой далеко превосходит всех прочих... и скажите невольно: знай наших!»¹

Из салонов, где хозяйками были парижанки, обязательным местом для посещения был салон знаменитой мадам Рекамье, когда-то одной из самых красивых женщин Франции, славившейся своим умением соединять в гостиной своего салона людей различных политических пристрастий; к ней стремились все, мечтающие о славе и признании. Там же можно было увидеть Шатобриана, Альфреда Мюссе, Бальзака, Проспера Мериме. В салон Рекамье Вяземского ввел А.И. Тургенев, бывший там завсегдатаем². Все русские, посещавшие мадам Рекамье, называли ее не иначе, как «старушкой», хотя постарела она очень достойно и красиво. Вот что писал о мадам Рекамье Вяземский: «Милая, приветливая старушка. Встретил там Шатобриана и Балланша... разговор был довольно посредственный, point de mots à citer. Вероятно, мое чужое лицо помешало»³.

В целом парижские салоны Вяземскому не понравились. В них, по его словам, «мало приветливости». «Все так сыты до пресыщения, до удушия, что нужно разве много времени, или особенный случай, чтобы залакомить собою. Общества все очень многолюдны и народ все кочующий из одного салона в другой: это непрерывная ярмонка»⁴.

А вот Палата депутатов была местом, куда наши соотечественники жаждали попасть, ведь это тоже светское и модное место. Россиян это, правда, возмущало. Строев писал: «Легкомысленные парижане превратили и палату депутатов в театр, и ходят туда как в спектакль, любоваться любимыми своими политическими актерами, смотрят на их парламентские поединки и потом рассуждают хладнокровно о трагедиях государственных, как будто дело идет о каком-нибудь водевильчике или балете. Чудный народ!»⁵

Конечно, для русских людей, не имевших подобного опыта представительного правления, Палата депутатов являлась крайне интересным местом. Строев писал: «Для всех путешественников, приезжающих в первый раз в Париж, палаты пэров и депутатов – самое любопытное явление. Тут, перед собранием любопытных, внима-

---

¹ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 144.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. 137–138.

⁵ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 139.

тельных слушателей, представители Франции рассуждают об ее нуждах, потребностях, финансах, законах. Беспрерывная стычка партий, борьба ораторов... падение одних и возвышение других – все это так ново, так интересно, так поучительно!»¹

В Палату попасть мог любой желающий, но предварительно нужно было отстоять очередь, особенно когда должны были выступать прославленные ораторы. Как писал Погодин, «думал было сходить в Палату депутатов, но собрание, говорят, незанимательное»². А вот когда намечалось заседание «занимательное», наши соотечественники послушно стояли в очереди, если им не доставался заветный пригласительный билет. Для них визит в Палату депутатов (палата пэров не была столь интересным местом) являлся настоящей авантюрой. Вот как описывал свое посещение парламента Погодин: «Князь Г. обещал достать билеты в Палату депутатов. Билетов не получили, пошли занимать очередь в Палату. Охотников было уже много, стоявших в ряд перед рогаткою, у крыльца, – гораздо больше 33-х, числа, которое имеет право занимать места в трибунах, или ложах для публики»³. В результате место в очереди Погодину пришлось купить: «Есть промышленники, которые живут местами; они приходят сюда с рассвета, становятся первые к рогатке, и потом за деньги продают их позднейшим гостям»⁴.

Церемонию допуска в Палату живописно описал князь Вяземский: «Толпа стоит у входа в палату и ждет; в известный час двери отворяются, и желающие входят по очереди, один за другим, точно как в театр. Как скоро все места заняты, двери затворяются, и любопытные, не попавшие в очередь, остаются на улице и отлагают на завтра намерение послушать Беррье или Тьера».

И вот счастливый момент, оказались внутри: «Надо было видеть, как впущенные поскакали по лестнице, через три ступеньки на четвертую, по портику, через сени и наконец на узкую лесенку, ведущую к публичным трибунам. Я опомнился только, когда уже сидел на месте, подле колонн. Пот катился с меня градом», – вспоминал Погодин⁵.

А дальше начинается действо: «В ложах сидят тихо, скромно, чинно; не смеют изъявлять ни гнева, ни удовольствия, ни печали, ни

---

¹ Там же. С. 107.

² Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. М., 1844. С. 12.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 36.

радости. За малейший шум президент прикажет очистить логи и всех без изъятия выгонят вон»¹.

Но в целом впечатления – неоднозначные. Погодину заседание не понравилось: «...палата, пустая, произвела во мне впечатление гораздо сильнее, чем после, наполнившись. Я воображал здесь выборных людей... представителей народа... приходящих сюда со всех сторон государства рассуждать о благе общественном... а в самом деле ораторы представились какими-то просителями, которые, всходя на кафедру, умоляли о внимании... А слушатели похожи на господ, которые из снисхождения уделяют им по несколько минут, предоставляя, однако ж, себе право изъяслять скуку, нетерпение...»²

Строев испытывал аналогичные чувства от посещения Палаты: «Когда войдешь в первый раз в палату, думаешь, что попал в огромный театр, в котором слушатели соскучились. Депутаты разговаривают, читают, пишут; некоторые повернулись спиной к оратору, который, углубляясь в огромную тетрадь, читает себе какое-то рассуждение; слова его, произносимые быстро и невнятно, не долетают до большей части слушателей. Так всегда бывает, когда оратор *читает* речь. Каждый депутат думает: я могу прочесть все это завтра в моем журнале...»³

Однако, по словам Строева, «палата принимает совсем другую физиономию, когда на кафедру входит оратор-импровизатор»⁴. Именно на таких ораторов, как на популярных театральных актеров, ходит публика. «Едва раздается голос Беррье, Тьера, Барро, Могена, Гизо, Вильмена, все превращается в слух. Депутат знает, что живая речь не может быть вполне, совершенно передана стенографами и журналами; потому он слушает внимательно, старается не пропустить ни одного слова»⁵.

Правда, некоторые «импровизаторы» тщательно заучивают речь дома, как, например, любимец светских дам Альфонс Ламартин. Строев писал о нем: «Когда Ламартин появляется на ораторской кафедре, вся Палата смеется: известно, что Ламартин пишет свои импровизации наперед, выучивает их наизусть и потом произносит в Палате. Речи его – прекрасный набор слов; плавны, звучны, но пусты и бесцветны»⁶. Однако, как мы увидим дальше, далеко не все наши соотечественники относились таким образом к Ламартину.

---

¹ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 139.

² Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 40–41.

³ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ч. 1. С. 145–146.

Самый горячий интерес у русских путешественников вызывал Адольф Тьер – и как политик, и как один из самых ярких ораторов. «Он – удивительный оратор-фокусник. Речи его не подготовлены, не выучены наизусть, но текут быстро, живо; слушать его занимательно и весело, и обо всем говорит он с равной легкостью. Дайте ему день срока, он станет спорить о чем хотите: об астрономии, артиллерии или канализации, ему все равно», – писал В. Строев. Однако, замечает он, «такой человек не годится в государственные люди, и Франция каждый раз терпела, когда он бывал министром»¹.

Все наши соотечественники высоко оценивали деятельность Франсуа Гизо равно как историка и как политика, особенно подчеркивая, в противоположность Тьеру, его честность и порядочность: «Что Гизо – человек честный и работает не для себя, в этом нельзя сомневаться, несмотря на все клеветы и крики журналов. Он был несколько раз министром, мог бы нажить богатства, а остался таким же бедным профессором, каким был при начале своего поприща»², – отмечал Строев.

Очень ценил Гизо – и как историка, и как политика, и как человека М. Погодин: «Я очень люблю Гизо... его труды, его исторические лекции... его скромную жизнь вне министерства... наконец, твердый, постоянный характер, верность своим правилам, кои показал он на поприще политическом»³.

Строев на страницах своей книги приводит весьма курьезный факт о всегда сдержанном и строгом Гизо: на трибуне выступал Тьер, постоянный политический оппонент Гизо, в адрес которого и произнес что-то оскорбительное. Гизо бросился к кафедре, с другой стороны – Луи Моле; Тьер «ухватился обеими руками за кафедру; Гизо и Моле тащили его каждый обеими руками, каждый со своей стороны. Шум в палате сделался невероятный. Скоро Гизо опомнился, и все пришло в прежний порядок; но лицо доктринера было ужасно: он побледнел, как полотно, губы его стиснулись, глаза кружились, как у гиены»⁴.

Что касается парламентского образа правления в целом, наши соотечественники его не понимали и не одобряли. Все они оказались в Париже в разгар очередного министерского кризиса. Строев писал: «Все жалуются на министров; все бедствия Франции относятся к нерадению или неспособности министров; а что могут сде-

---

¹ Там же. Ч. 2. С. 121.

² Там же. С. 126.

³ *Погодин М.П.* Месяц в Париже // *Московитянин*. 1841. Ч. 1. №. 2. С. 437.

⁴ Там же. С. 128.

лать умнейшие министры, когда встречаются в палатах ежеминутную оппозицию..? Министерство всегда имеет средства подкупить депутатов местами, деньгами, наградами»¹.

О министерской чехарде писал и Погодин: «Министры беспрестанно изменяются, и ни один дельный человек не может, следовательно, приносить надлежащей пользы»².

Весьма негативное впечатление партийная борьба, точнее, борьба «шаек», производила на князя Вяземского. Его просто «от всей этой каши тошнит»³. По убеждению князя, политическая борьба только ослабляла режим Луи-Филиппа: «Монархия июльская... не довольно еще оселась и раздобрела, чтобы можно было поминутно в глазах ее внутренних противников легитимистов, республиканцев и наполеонистов и в глазах недоброжелательной к ней Европы ажитировать вопросы, которые более или менее касаются до самого ее существования»⁴.

Столь же негативно Вяземский отзывался и о французских политиках как таковых: «Присвоили себе неограниченную свободу все говорить, все писать, не уважать ни единством времени, ни единством истины и святости некоторых начал, которые везде и всегда должны пребыть нерушими, присвоили себе выражение, но не присвоили смысла...»⁵ Французы, по словам Вяземского, все «...пересолили и перебагрили кровью, расшибая лоб себе и другим излишним усердием... Все понятия сбиты с места... Здесь, например, скульптор Давид влюблен не в Галатею, а в депутатство, спит и видит, как попасть в палату и попадает»⁶.

Смотреть на видных политиков, знаменитых людей ходили не только в Палату, но и в Академию наук, в Сорбонну, наносили личные визиты. Причем круг этих лиц – все тот же; не случайно Июльскую монархию называют правлением профессоров. Профессор Московского университета М.П. Погодин очень хотел познакомиться со своим коллегой-историком Гизо: для этого он бывал в Палате, регулярно посещал Сорбонну и нанес личный визит, отправившись к нему домой на улицу Виль Эвек. «Гизо принял меня очень ласково и начал тотчас расспрашивать об университете, курсах, профессорах, студентах, библиотеках, состоянии

---

¹ Погодин М.П. Месяц в Париже. С. 137.

² Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 69.

³ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 122.

⁴ Там же. С. 133–134.

⁵ Там же. С. 134–135.

⁶ Там же. С. 135–136.

ученых в России. Я видел в его вопросах уже не историка, не литератора, а министра»¹. Погодин рассказал Гизо и о своем впечатлении от «Истории цивилизации в Европе», заявив, что «работе недостает половины, а именно Восточной Европы, славянских государств»². Кстати, именно по этой причине современный швейцарский журналист и политолог Ги Меттан заносит Гизо в разряд русофобов³.

Погодина как преподавателя и историка интересовала особенно эта сторона жизни: «Все здешние профессеры читают обыкновенно по два раза в неделю и больше ничего не делают. Можно приготовиться»⁴. Впрочем, по мнению Михаила Петровича, дар слова, «физиологическая способность говорить, без всякого сомнения, дан преимущественно французам, у которых никто оспаривать его не смеет. Французы все говорят хорошо – и между слугами, сидельцами, почтальонами я встречал часто таких говорунов, что люблю слушать. Говорящие дурно – это исключение у них...»⁵ Впрочем, по мнению Погодина, дар красноречия не компенсировал отсутствие образования у простого люда и делал комплимент русскому народу: «Простой народ во Франции глуп и необразован, как будто другое племя. Тоже заметно и везде. Какое сравнение с русским народом, у которого, как говорит пословица, кафтан сер, а ум не черт съел»⁶.

Если Гизо вне Палаты можно было застать в салоне княгини Ливен, то Тьер имел собственный салон в роскошном особняке. Тьер для русских – персона удивительная. Если для западного человека Тьер – пример *self made man*, то для русских это вариант «из грязи в князи». И наши соотечественники подчеркивали, что это характерная тенденция во Франции эпохи Июльской монархии. А оказывавшихся в России французов как раз поражало отсутствие социальных лифтов. В.М. Строев писал о Тьере: «Осужденный рождением и бедностию на безвестность, но выброшенный из грязи на верхние ступени общества Июльской революциею. Странна участь этого необыкновенного человека! Никто не знает, кто был его отец; знают только, что он родился в Марселе, от бедных родителей.

---

¹ Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 105.

² Там же.

³ Меттан Г. Указ. соч. С. 216.

⁴ Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 74–75.

⁵ Там же.

⁶ Погодин М.П. Еще две недели в Париже // Московитянин. 1841. № 3. С. 55.

Говорят, он чистил сапоги у проходящих, на марсельском бульваре; но это, кажется, сказка»¹.

Бывал в салоне Тьера и князь Вяземский – как известно, Тьер не преуспел в светской жизни, а его жена и ее мать так и не стали настоящими великосветскими хозяйками салона. «Тут ни слова о Франции, о государственных началах, о нравственной политике, а сплетни о министрах и своих противниках. Видишь, что дело идет не о убеждениях совести и ума, а только о лицах. Теща Тьера, рыбачка настоящая... кричит и ругает противников зятя своего». Но Вяземский был в восторге от превосходного особняка Тьера: «Но дом их прекрасен, что-то италианское в наружности, с садом, двором, устланном по сторонам зеленым дерном»².

Не только политики интересовали наших соотечественников, но и писатели, тем более что годы Июльской монархии – это настоящий бум в развитии французской литературы. Особенно французские литераторы интересовали Владимира Строева – не только писателя, но и самого известного тогда в России переводчика с французского и немецкого: именно он переводил популярных в России Александра Дюма и Эжена Сю. Вот что он писал о развитии литературы во Франции: «Теперь Франция наводнена писателями. Кого ни увидишь в кафе, в театре, в Палате, в гостиной, – всяк написал что-нибудь, или повесть, или брошюру, и называет себя *homme de lettres* (литератором)». При этом, по его словам, «Франция не богата прозаиками; есть человек двадцать замечательных, остальные умрут вместе с поколением, для которого пишут, принаравливаясь к его привычкам, льстя его страстям и порокам»³. Гюго, Дюма, Бальзак, Жорж Санд – Строев создал целую галерею превосходных образов французских писателей.

Вот как он описывал Виктора Гюго и Александра Дюма: «Виктор Гюго и Александр Дюма – два соперника; им тесно во французской литературе. Успех одного вредит успеху другого. По личному характеру Гюго более уважаем, чем Дюма»⁴. «Дюма – франт, весь в цепочках, в бархате, в белом, которому позавидует любой английский турист. Видно, что он хочет нравиться женщинам, чтоб о нем говорили, считали его законодателем вкуса и моды. Виктор Гюго – совсем противное: одет скромно и просто, говорит тихо и несмело, держит себя по старине, т. е. пристойно и прилично»⁵.

---

¹ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 120.

² Вяземский П.А. Указ. соч. С. 134.

³ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 168.

⁴ Там же. Ч. 1. С. 153.

⁵ Там же. С. 155.

«Виктор Гюго очень любит Россию и чрезвычайно желает видеть Кремль; долгое путешествие его пугает; жаль оставить жену и детей. В душе он роялист, приверженец Бурбонов; но оставил легитимистов, когда увидел, что они употребляют все средства, даже бунт, в пользу своих мнений»¹. Правда, как писал исследователь творчества Гюго М.П. Алексеев, любовь Гюго к России – лишь уловка, принимаемая во внимание его полонофильские гимны времен Польского восстания 1830–1831 гг., цикл стихов, посвященных Наполеону, хотя это, на мой взгляд, вовсе не является свидетельством русофобии. Для Гюго этих лет, по мнению Алексеева, Россия была страной «казака»².

Ф.-Р. Шатобриана Строев называл «лучшим французским прозаиком». Правда, к концу 1830-х гг., по его мнению, Шатобриан «уже сошел с литературного и политического поприща»: «Величественная развалина, свидетель новой истории Франции, лицо гомерическое, современный Нестор... он ездил с Людовиком XVI на охоту, видел ужасы революции, ссорился с Наполеоном за академические речи, встречал Бурбонов при возвращении их, потом провожал их в изгнание и теперь смотрит на бедное свое отечество, раздираемое партиями, бабувистами, фурьеристами, фанатиками всех сортов и видов»³.

«Другая руина французской литературы» – Оноре Бальзак, «у нас славный, знаменитый, во Франции почти забытый и развенчанный. Успех его объясняется достоинством его романов, а падение – непонятная загадка. Литературная его участь может быть объяснена только непостоянством парижан, которые беспрестанно ищут новых идолов, новых имен. Бальзак славился пять лет; это надоело парижанам. Все Бальзак, да Бальзак, скучно! В отставку его!»⁴ Можно сказать, Строев очень тонко подметил особенность французского национального характера, проявившуюся спустя десять лет, в феврале 1848 г.

Строев делился своими впечатлениями о Бальзаке: «Теперь находят, что он изображал общество ложными, неверными красками... Со времени падения своего Бальзак переменился, одевается неопрятно и нечисто. Я видел его в старом синем сюртуке и желтых нанковых панталонах. Шляпа его была помята, как будто на ней просидел кто-нибудь в продолжение целого дня. Он уже не носит

---

¹ Там же. С. 157.

² Алексеев М.П. Виктор Гюго и его русские знакомства. С. 801.

³ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 169.

⁴ Там же. С. 180.

той знаменитой, исторической трости, о которой написан целый роман, а заменил ее тоненькою тросточкою, которою играет, без всякого уважения к проходящим. У себя, дома, он сибарит: у него высокие комнаты, великолепные ковры, мраморные каминь, дорогие картины в золотых рамах. Письменный его стол похож на выставку изящных безделушек и может быть сравнен только с роскошным туалетом самой причудливой кокетки. Бальзак очень богат и может удовлетворять прихотям, покупать все, что ему нравится... Чистота, опрятность, богатство его комнаты составляют странную противоположность с его простым, почти бедным нарядом...»¹

Правда, к этому времени Бальзак нисколько не походил на изящных поэтов позднего романтизма, пленивших русского дипломата Виктора Балабина (о нем разговор впереди) своими аристократическими манерами. Житейская борьба уже давно стряхнула с него все остатки его раннего дендизма. Давно миновала пора его модных фраков с точеными золотыми пуговицами, тонким полотняным бельем, шелковыми чулками и легендарной тростью с набалдашником, осыпанным драгоценными камнями. Давно миновала пора его собственных выездов, кабриолетов, тильбюри, обедов в Роше де Канкаль и вечеров в легитимистских салонах, где модный романист появлялся, блистая перстнями, распространяя запах дорогих духов и ослепляя общество остроумием и легкостью своей непринужденной импровизации². Накануне поездки в Петербург он был весь во власти своего жестокого рабочего режима: ложился спать в семь часов вечера, сразу же после обеда, и вставал в три часа утра. Он собирался вставать в два часа ночи и работать шестнадцать часов без перерыва. «Большую часть времени я не слежу за своим телом, — писал он. — У меня нет времени принимать ванны, купаться или бриться. А сколько людей хотят меня видеть наряженным, как денди, который тратит столько же времени на свой туалет, сколько я на писание»³.

Особенно Строева интересовал такой феномен, как женская литература. Относился к этому явлению он явно неоднозначно, хотя и отмечал несомненный успех дам-писательниц: «С тех пор, как политика завладела парижским обществом, как все стали судить и рядить о государственных делах и действиях правительства, женщины покорились общему направлению и захотели участвовать в судьбе государства [...] Вторжение их было удачно, и теперь многие мужчи-

---

¹ Строев В.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 181–182.

² Гроссман Л. Бальзак в России. С. 152.

³ Там же. С. 153.

ны принимают женские псевдонимы, чтобы поймать и оковать парижское внимание»¹.

В то же время, по словам Строева, «польза, приносимая женскими литературными трудами, едва ли превосходит вред, терпимый обществом от страсти женщин к литературе. Писательница пренебрегает занятиями своего пола: бросает мужа, не заботится о детях, небрежет хозяйством. Исключения из общего правила редки»².

Жорж Санд ему явно не симпатична: «Пристрастие к женщинам и отвращение к мужчинам – вот характер сандовских романов. Освобождение женщины от всех законов, кроме естественного закона любви, – вот основная их мысль. Нелепость такой мысли очевидна»³. Об образе жизни писательницы Строев отзывался примерно так же: «С некоторого времени г-жа Санд преобразилась в мужчину; носит сюртук, жилет; курит сигары, говорит о том, чего женщина знать не должна. В ее гостиной нет женщины, нет туалета; все мужчины, табашный дым и другие принадлежности мужской беседы»⁴.

Другая знаменитая дама – писательница Дельфина де Жирарден, супруга влиятельного журналиста и издателя газеты «La Presse» Эмиля Жирардена, по словам Строева, «журналиста-спекулятора, пользующегося в Париже самою дурною репутациею», тоже не удостоилась его похвалы. Более того, она, по словам Строева, «спустилась на болото жизни и утонула в нем»⁵.

Вяземский, Строев, и Погодин – профессиональные журналисты и публицисты. Отсюда их пристальное внимание к французской прессе. Всех их поражало ее невиданное развитие, огромное количество выходивших газет, а также влияние прессы на жизнь в стране; она – настоящая четвертая власть. Строев писал: «Сила парижских журналов во Франции невообразима... При легкомысленности, при смешении мнений, если журналы захотят повторять одну и ту же мысль в продолжение трех месяцев, нет сомнения, что она укоренится во французском народе и удержится до тех пор, пока те же журналы не заменят ее другою»⁶.

Характерная черта, отмечаемая нашими соотечественниками, – партийный характер прессы. Русских раздражало отсутствие объек-

---

¹ Там же. С. 199.

² Там же. С. 200.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же. С. 208.

⁶ Строев В.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 67–68.

тивности, продажность парижской прессы. Вот что писал Строев: «Парижский журналист – человек продажный. Торговля журнальной совестью так обыкновенна в Париже, что не почитается за стыд или преступное дело [...] наглые продавцы торгуют своим убеждением, как лавочники мылом или слесари замками»¹.

Как писал Строев, «в политике журналы не стыдятся сообщать ложные факты, когда на таких фактах можно основать рассуждения, подкрепляющие систему журнала. Сообщая речи палаты, журнал передает вполне только речи своих депутатов, а из речей противников выпускает весь смысл, всю сущность, оставляя самые незначительные фразы»². «Одна и та же речь хороша и дурна, и глупа, и умна, смотря по журналу, в котором вы ее прочли. С некоторого времени вошло в привычку печатать в самих речах и действия палаты, т. е. ее одобрение, согласие или смех. И что же вышло? После речи Гизо журнал Прений ставит: *палата рукоплескает*, а National, после той же речи, печатает: *палата шикает*. Сравните два журнала: вам покажется, что вы читаете отчет о двух разных заседаниях!..»³ Аналогичное мнение высказывал Погодин, перечитывая за завтраком вчерашние речи в Палате депутатов: «Всякой журналист передает их по-своему, смотря по видам партии, под покровительством которой издает свою газету [...] даже действие речи на слушателей передается различно. Тихий смех в одних журналах представляется хохотом, а в других чуть ли не слезами»⁴.

А князь Вяземский подчеркивал, что именно пресса являлась источником социальной напряженности во Франции: «Здесь народ не беспокойнее другого, но ему подливают каждое утро чашку дурмана: журналы, вот что мутит народ»⁵.

Особое негодование русских вызывала сатирическая газета «Charivari» («Шаривари»), традиции которой уже в XXI столетии плодотворно развивает скандальное издание «Charlie Hebdo» («Шарли Эбдо»). Как писал Строев, «у Шаривари нет друзей, нет приятелей: все его враги, на всех он нападает, начиная с короля до последнего водоноса»⁶. Погодин возмущался, говоря об этом изда-

---

¹ Строев В.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 71.

² Там же. С. 86–87.

³ Там же. С. 87.

⁴ Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 42.

⁵ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 123.

⁶ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 85.

нии: «Вещи непозволительные! Что останется священного в государстве после таких выходов»¹.

Какая Франция без мятежей и бунтов! Оказаться в Париже, в этом эпицентре революций, и не увидеть хоть какой-нибудь заварушки – практически понапрасну съездить. Нашим соотечественникам так хотелось стать свидетелями «бунта», что они готовы были увидеть его там, где ничего подобного не было. Так, например, Вяземский, оказавшийся в Париже в разгар карнавала, поначалу принял ночной шум за беспорядки: «Карнавал бесится: ночью по улицам такой шум, вой, что подумаешь, не (дни) глаorioзные затеваются?»² Нет, ничуть. Маски изволят забавляться... Когда эти дьяволы успевают бунтовать, помышлять о ниспровержении престолов и ставить все вверх дном?»³ Хотя однажды Петру Андреевичу все-таки удалось увидеть нечто, похожее на бунт. В письме от 29 ноября 1838 г. он сообщал, что теперь может со спокойной совестью оставить Париж, ибо видел главное – бунт, «*émeute*, не большую, но порядочную»: выступление студентов против профессора⁴.

Свидетелем ночных беспорядков с перестрелкой оказался и М.П. Погодин. Утром из газет он узнал, что «какая-то толпа негодяев, человек 400, разграбила вчера в 4 часа оружейный магазин Лепаж, напала на присутственные места, убила офицера и устремилась в префектуру полиции и городскую думу с криком: за здравствует Республика!..»⁵

Конечно, какой Париж без парижанок и театров! Эти темы интересовали всех русских без исключения. Характерно, но парижанки не произвели на наших путешественников ожидаемого впечатления. По мнению П. Вяземского, в Париже вообще мало красивых женщин: «На улице красивых хорошеньких женщин очень мало, этих картинных гризеток нет, следовательно, глазам заглядываться нечего»⁶. Если красивая – значит иностранка. Ему вторит Строев: «Разберите парижанку по частям: в ней нет ничего особенно прекрасного. Нет огненных, жгучих итальянских глаз; нет русской сладострастной полноты; ни английской благородной белизны тела; ни

---

¹ Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 101.

² Имеются в виду «три славных дня», как французы именуют события Июльской революции.

³ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 122.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 61–63.

⁶ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 139.

немецкой очаровательной свежести лица». Однако «отчего же Парижанка производит такое магическое действие, покоряет самых холодных, самых разочарованных байронов и оставляет глубокое впечатление на всех, кто имеет случай с ней поговорить или потанцевать»? Все дело, по мнению Строева, в том, что парижанка «...рождена кокеткою; умеет пользоваться малыми своими средствами; умом, одушевлением, чувством, часто притворным, заменяет и белизну, и румянец»¹. «Надобно родиться, вырасти и воспитываться в Париже, чтобы стать парижанкой...»² Погодин о женщинах не пишет; возможно, потому, что путешествовал с женой.

Что безумно нравилось всем – это театры и театральная жизнь. Главная прелесть Парижа для князя Вяземского – именно спектакли и актрисы. И Вяземский, и Строев без ума от «упоительной» Фанни Эльслер (в 1848–1851 гг. она выступала в Петербурге и Москве с исключительным триумфом), от знаменитой танцовщицы Тальони (1804–1888), все хотят видеть «сумасводительную» качучу (один из наиболее популярных номеров Эльслер).

Владимир Строев очень точно подметил суть французского театра: «У нас театр служит средством *убить время*, повидаться с знакомыми, посмотреть на ту или на другую. В Париже театр не средство, а цель...»³ «С утра до вечера, за завтраком и обедом, в гостиной и мастерской – парижане говорят о театре... театр там не шутка, а необходимая потребность, дополнение к жизни. В Петербурге едва достает зрителей на три театра; в Париже двадцать пять театров едва могут приютить любителей сценических представлений»⁴.

У Погодина восприятие театра несколько иное: «...французы хохотали там, где мы только что улыбались»⁵. «Парижане смотрят и хлопают. Смотрим и мы, а на сердце кошки скребут». Однако Фанни Эльслер и Тальони и он оценил высоко, особенно выделяя вторую: «Тальони танцует для меня стихами, а Фанни прозою, хотя и изящною»⁶.

Каковы же итоги путешествия в Париж и впечатления от Франции? Очень неоднозначные. Это не то чтобы разочарование от увиденного, но далеко не эйфория. Вяземский, понимая, что его письма получают весьма критическими, отмечал: «Довольно ли

---

¹ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 120.

² Там же. С. 118.

³ Там же. Ч. 2. С. 140.

⁴ Там же. С. 147.

⁵ Погодин М.П. Год в чужих краях. Ч. 3–4. С. 45.

⁶ Там же. С. 61.

наблевал я желчи на Париж?» В то же время, по его словам, он все-таки питал «какое-то тайное, внутреннее убеждение, что здесь со временем можно ужитья и хорошо устроиться». Вяземский, в отличие от других, не опьянел от Парижа сразу, ему нужно было время¹. Да и вообще, по мнению Петра Андреевича, Париж жил «старою славою своею».

Вероятно, князь Вяземский как аналитик, рассуждающий и болеющий за судьбу России, размышлял и о будущем Франции, причем без особого оптимизма. По его мнению, полагать, что ситуация во Франции нормализуется, значит «... не знать Франции и мечтать о золотом веке, когда чугунный век так и несется по железной дороге и мнет и сокрушает все, что ему навстречу ни попадается»². Он был уверен, что «французы еще долго будут безумствовать и пакостить. Унять же нельзя... а сами они не уймутся. Разве два-три поколения передирежируют эту кашу, а не прежде»³.

Главная причина социальной нестабильности Франции, по мнению Вяземского, заключалась в том, что «...представительное правление не годится для французов». Он очень верно подметил, что французы «...не умеют обходиться с свободою: свобода должна быть религия, а французы или фанатики, или кощуны. Французы болтуны и краснобаи: трибуна для них театр, а не судилище, не святилище. Из представительного правления взяли они одну театральную, декоративную представительность». Как и Николай I, Вяземский опасался, что Франция будет постоянным источником нестабильности для Европы и сравнивал ее с больницей, «...в которой содержатся бешеные без присмотра: они могут разбежаться и наделать много шума и бед, но скоро сами перебесятся и перепадают в изнеможении. Нельзя предвидеть, чем все это окончится, но так устоять не может»⁴.

В то же время, не испытывая никаких симпатий к представительному правлению и критически воспринимая Июльскую монархию, Вяземский рассматривал ее как меньшее из зол: «Если французы неспособны к представительной монархии, то еще менее способны они к республике...» Он справедливо отмечал, что «после революции, после Наполеона Франции нельзя возвратиться к тому же и сознаться, что она попусту проливала кровь свою, бесилась и страдала

---

¹ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 140.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 136.

четверть века»¹. И далее он очень здраво рассуждает о позиции европейских держав, которую они должны были занять после Июльской революции: «...зная французов, должно было сказать им спасибо и за то, что они не сделали хуже. Теперь, может быть, сделают хуже, и Европе нужно будет вмешаться... Новому правительству должно было дать руку помощи, *поп roue son beaux yeux*, но для собственной пользы, ибо в лице Филиппа, как ни называй его *usurpateur*, все-таки сосредоточилось правило монархическое, хотя несколько искаженное, но еще довольно могущее»².

Если Вяземский причины нестабильности усматривал в представительном правлении, то для Строева они крылись в менталитете и нравах, а именно – в честолюбии и жажде обогащения: «Много вредит парижанам их непомерное честолюбие. Пути к почестям, к высшим достоинствам открыты для всех [...] Всяк хочет быть первым, начальствовать, управлять, забывая, что на такое огромное число начальников не достанет наконец подчиненных»³. В то же время Строев писал об обратной взаимосвязи между честолюбием и политической нестабильностью. Причину честолюбия он (Строев) усматривал в «...бесконечных переворотах, потрясавших Францию и доставивших известность таким людям, которые, казалось, родились для горького забвения. Давно ли Тьер жил бедняком в маленьком провинциальном городе? Давно ли знаменитая Рашель сбирала милостыню, с гитарой в руках? Такие примеры сильно действуют на французов... Все они метят в маршалы, в министры; от этого французская молодежь живет в вечном беспокойстве, в нервическом движении...»⁴ Непомерное честолюбие влечет за собою другое зло, чрезвычайную жажду золота: «Кратчайший путь в министры идет через депутатство; нельзя быть министром, не быв депутатом, а нельзя быть депутатом, не быв богатым человеком... Стало быть, парижские честолюбцы, стремящиеся в депутаты, непременно должны начать свое поприще обогащением»⁵.

Как видим, и на бытовом уровне, и на уровне политической системы, и в отношении нравов Париж и парижане оставили весьма противоречивые впечатления у наших соотечественников. Вяземскому и «бороду долго бреют», и «белый хлеб не хорош», и «мороженое снеговато», и «портные здешние мучители», но все это,

---

¹ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 136.

² Там же. С. 137.

³ Строев В.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 111.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Там же. С. 112.

по-видимому, мелкие придирки. Скорее всего на восприятие французской столицы Вяземским наложили отпечаток его личные проблемы, смерть детей, – поэтому нет у него такой радости от Парижа. Хотя, подводя «общий итог здешней недели», Петр Андреевич делает такой вывод: «...я далеко не обворожен, хотя многое и нравится. Но по уму и соображениям полагаю, что здешнее житье должно со временем иметь большую и непобедимую прелесть привычки... Чувствуешь, что здесь можно жить, как хочешь»¹. Тем не менее общий итог – разочарование. В письме жене он писал: «Англия – рай человеческий, рай рукотворный, умотворный, как Италия – рай небесный (в Италии Вяземский был в 1835 г. – *Н. Т.*). Только эти две страны и стоят чего-нибудь, а все прочее хоть потопом залей»². Франция, как земля обетованная, не существовала больше для Вяземского. Указание Вяземского на политику как главную причину его разочарований бесспорно.

В.М. Строев, обвиняя парижан в честолюбии и корыстолюбии, в то же время именно Париж выделял из европейских столиц за его способность соединять материальное и духовное: «В Лондоне люди слишком заражены меркантильностью и не умеют переноситься от дел к наслаждению. В Вене жизнь материальна, как в Москве. Париж соединяет материальную жизнь с умственной, и мастерски находит наслаждения, как в той, так и в другой»³. После Парижа он отправился путешествовать дальше: его ожидали Англия, Бельгия, Голландия, Швейцария и Италия. У М.П. Погодина был примерно тот же маршрут. 19 мая он писал: «...мы не можем оставаться здесь больше двух недель, чтобы поспеть на воды по крайней мере к половине июня, заглянув на неделю в Англию и неделю посвятив Бельгии, Голландии, Рейну. Надо хоть взглянуть на все»⁴. О Париже он вспоминал легко и непринужденно: «Кончил покупки, расчеты и сказал прости любезному, умному, веселому, буйному и развратному Парижу!»⁵

Что касается князя Вяземского, то он еще вернется в Париж. Утром 5 сентября 1838 г. вместе с А.И. Тургеневым он выехал через Булонь в Англию, где пробыл в Лондоне и Брайтоне до середины ноября. На обратном пути из Англии вновь заехал в Париж, предполагая остаться в нем всего на четыре дня, но пробыл около двух не-

---

¹ *Вяземский П.А.* Указ. соч. С. 129.

² *Нечаева В.С.* П.А. Вяземский в Париже в 1838–1839 гг. С. 119.

³ *Строев В.М.* Указ. соч. Ч. 1. С. 18.

⁴ *Погодин М.П.* Месяц в Париже // *Московитянин*. 1841. Ч. 1. № 2. С. 431.

⁵ *Он же.* Еще две недели в Париже // *Московитянин*. 1841. № 3. С. 77.

дель, с 16 по 29–30 ноября. В декабре он уже был во Франкфурте-на-Майне.

Следующее посещение Парижа состоялось очень скоро и имело, очевидно, вполне легальный характер. Встретившись во Франкфурте с женой и дочерью и прожив там два месяца, Вяземский в конце января вместе с семьей направился, по совету франкфуртского доктора, для дальнейшего лечения в Париж. Здесь он смог пробыть немногим более двух месяцев и за этот промежуток написал несколько длинных писем с описанием парижской жизни. Письма эти адресованы его дочери Марии Петровне, в замужестве Валуевой.

Пребывание в Париже для Вяземского закончилось служебной неприятностью. Его длительный отпуск приходил к концу, и нужно было хлопотать о его продлении. Между тем в Петербурге стали смотреть на пребывание Вяземского в Париже как на развлечение и забаву, а не как на серьезное лечение, и прямой начальник Вяземского граф Канкрин отказался хлопотать перед Николаем о продолжении отпуска. Вяземский, предполагавший провести летом еще один курс лечения в Киссингене, был чрезвычайно взволнован и возмущен отказом. Он просил Валуевых принять все меры к тому, чтобы выхлопотать отпуск, используя протекцию великого князя Михаила и его жены через А.О. Смирнову. Однако получить отпуск ему не удалось. В начале апреля 1839 г. Вяземский был вынужден спешно выехать из Парижа. 15 апреля он был во Франкфурте, а в мае вернулся в Петербург¹.

Надо сказать, что наши соотечественники успели побывать за границей вовремя. В 1839–1840 гг. обострился Восточный вопрос, спровоцировав осложнение российско-французских отношений и русофобскую волну во Франции. Россия пошла на еще большее ограничение контактов с Европой: в 1840 г. была повышена пошлина на оформление паспортов. В том самом году, когда наши соотечественники посетили Париж, в России побывал маркиз Астольф де Кюстин, а в 1843 г. увидела свет его книга «Россия в 1839 году», ставшая самой известной работой о России, в массовом сознании воспринимавшаяся не иначе как русофобская.

---

¹ Нечаева В.С. П.А. Вяземский в Париже в 1838–1839 гг. С. 118–119.

Париж Виктора Балабина

Итак, несмотря на все запреты, порой окольными путями, «наши люди» в Париже бывали и оставляли о нем интереснейшие наблюдения. Но одно дело – провести в запретном городе несколько недель, или даже месяцев, а другое – много лет. Конечно, тот же князь Вяземский был воспитан в традициях французской культуры, и для него Франция, Париж ментально близки, но внешне – это новая среда и атмосфера. Другое дело – взгляд изнутри. Такой Париж в описаниях день за днем предстает на страницах «Дневника» русского дипломата Виктора Балабина, описывавшего хронику своей парижской жизни. Глазами тонкого и внимательного наблюдателя мы можем взглянуть на Париж 1840-х гг., с его салонами, театрами, кафе и ресторанами, политиками, светскими знаменитостями и простыми горожанами. О Париже тех лет оставили свои наблюдения многие интеллектуалы той эпохи: Доротея Дино, возлюбленная и многолетняя спутница жизни князя Талейрана, мадам Адель де Буань, хозяйка влиятельного салона эпохи Реставрации и Июльской монархии, секретарь австрийского посольства граф Рудольф Аппоньи. Письма Виктора Балабина с полным правом стоят в одном ряду с этими блестящими свидетельствами эпохи.

Что особенно ценно, Виктор писал не для публики. Привязанный к семье, он на протяжении многих лет переписывался со своей матерью, вовсе не предполагая, что его письма будут опубликованы. В 1914 г. как «Дневник Виктора Балабина» их опубликовал французский историк и издатель Эрнест Доде, правда, вышел только первый том, повествующий о событиях 1842–1847 гг. Второй том, как говорилось в предисловии к первой книге, должен был увидеть свет через несколько месяцев. Но умер издатель, началась Первая мировая война, и вторая книга так и не вышла...

Итак, начнем путешествие по Парижу вместе с Виктором Балабиным. Но сначала немного познакомимся с нашим гидом. Виктор Петрович Балабин, сын генерал-лейтенанта Петра Ивановича Балабина и француженки Варвары Осиповны Пари. Он родился в Петербурге в 1813 г. В 1832 г., едва достигнув 19 лет, вступил на дипломатическое поприще. В 1842 г., после десятилетней стажировки в Министерстве иностранных дел был назначен секретарем посольства в Париже и в этом качестве пробыл там 9 лет.

В Париже Балабин должен был заменить второго секретаря посольства князя Ивана Сергеевича Гагарина, которого отправляли в Вену. Интересы России в отсутствие графа Палена, как мы знаем, представлял поверенный в делах советник посольства Н.Д. Киселев.

Функции Киселева, по мнению Э. Доде, сводились лишь к тому, чтобы не допустить окончательного разрыва отношений между Петербургом и Парижем. Это объясняет недоверие, которое, как полагает исследователь, Балабин испытывал к французам и Франции. По словам историка, по манере письма Балабина видно, что французы ему не нравятся. Доде задается вопросом: это политическая позиция или личное мнение дипломата? Историк полагал, что дипломаты Николая как официальные лица не могли демонстрировать свои симпатии по отношению к Франции. Равным образом очевидно, по словам Доде, что образование Балабина, среда, в которой он жил, его преданность государю и православной вере приводили к тому, что он воспринимал католиков как врагов и сурово судил своих соотечественников, обратившихся в католичество (младший брат Балабина, Евгений, перешел в католичество и в 1852 г. вступил в орден иезуитов). Виновными в этом Балабин, по мнению Доде, считал Францию и француз¹. Однако так ли было на самом деле? И не находился ли Доде в плену национальных стереотипов и представлений?

Итак, 26 мая 1842 г. Балабин через Кронштадт прибыл в Гавр, затратив на дорогу 8 дней и 9 часов, включая 10 часов, проведенных в Копенгагене и 6 часов в Гавре².

На первую неделю он снял квартиру в одном из лучших отелей Парижа, «Ваграм», на улице Мира, недалеко от российского посольства, располагавшегося с 1839 г. в доме № 12 на Вандомской площади. Ожидая начала службы, он вел праздную жизнь, жизнь Парижа, бульваров, Елисейских полей, Булонского леса, «жизнь огромной толпы, зарабатывающей, чтобы тратить, живущей, чтобы наслаждаться, продающей утром, чтобы покупать вечером...»³

Не знает, что его больше поразило – Нормандия или «чудовищный» Париж. Если Нормандия для него – идеал деревенской жизни, то Париж – адская печь⁴. От Парижа у него не захватывает дух, как у князя Вяземского, Погодина или Строева. Он более сдержан, и хотя Париж его поразил, он просто не хочет делать поспешных выводов: «Но что Париж? Я о нем еще ничего не знаю. Париж – это бездна, водоворот, где крутится столько всего сразу, и все это нужно сразу

---

¹ *Balabine B. Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie: Paris de 1842 à 1852, la cour, la société, les mœurs. 1842–1847. Publ. par Ernest Daudet. P., 1914. P. V–VI.*

² *Ibid.* P. 1–2.

³ *Ibid.* P. 2.

⁴ *Ibid.* P. 3.

схватить. Я увидел всего лишь несколько сторон этого драгоценного камня с тысячей граней»¹.

Поэтому первым делом Балабин принялся исследовать город. Его «Дневник» – это прекрасный источник по истории повседневности. Он очень много пишет о деньгах; первые страницы «Дневника» – сплошные подсчеты. Местами он похож на скрягу, до тошно высчитывающего каждый франк. Например, сообщает, что пошел ужинать в «Роше» (как он пишет, только приезжие говорят «Роше де Канкаль» или «Булонский лес», свои говорят просто: «Роше», «Буа» и т. д.) И заказал: суп с крутонами «а ля-Конде»; филе кабана, палтус с соусом из устриц; зеленый горох по-английски, клубнику со сливками; за все заплатил 12 франков, включая вино².

К вопросу питания Балабин подошел основательно: он отобедал в пяти разных ресторанах и сделал вывод: в Париже нет возможности удовлетворить свой голод меньше чем за 5–6 франков. Далее приводит пример: хлеб: 25 сантимов, полбутылки вина – 2 франка, бифштекс с картошкой – 1 франк 25 сантимов, жареный морской язык – 1,75–2 франка, кофе – 40 сантимов; итого: 5 франков 25 сантимов, плюс чаевые. Когда ужинаешь и заказываешь еще фрукты или мороженое, набегает еще 2–3 франка. Итак, кофе утром с хлебом и маслом – 1,5 франка, обед – 6 франков, десерты – 2,5 франка. В день получается 10 франков. И ежемесячные расходы: экипаж – 250 франков, стол – 300 франков, лакей – 100 франков; итого – 600 франков. «Портной, угольщик, прачечная, всегда большая статья непредвиденных расходов, спектакли, книги, перчатки, подписки, и я прихожу к выводу, что жизнь в Париже – одна из самых затратных», – таков итог подсчетов и вычислений Балабина³.

Столь же тщательно дипломат подошел к выбору лакея. По рекомендации одного из старейших работников посольства, служившего там 24 года, Балабин взял на службу некоего Луи Таллара, 40-летнего интеллигентного вида мужчину, бдительного, прослужившего 20 лет в России, 7 лет – в Лондоне, говорившего по-русски, немецки, французски и английски. Стоили услуги этого замечательного малого 100 франков в месяц со столом и одеждой. Осталось только подписать договор в 40 статей. По статье 13-й лакею предписывалось быть любезным со всем персоналом посольства, избегать распрей и признавать, после Балабина, юрисдикцию метрдотеля. В статье 14-й особо оговаривалось, что он должен демонстрировать

---

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 7–8.

³ Ibid. P. 14.

величайшую любезность по отношению ко всем, кто мог войти в переднюю Балабина и не только вставать самому, но и поднимать всех тех, кто мог находиться вблизи квартиры или встретиться на пути Балабина¹.

Отдельная история – парижский транспорт². Балабин был наслышан, что в Париже он замечательно организован: экипаж можно найти на каждом шагу, и он вас отвезет из одного пункта в другой. На самом деле, пишет дипломат, дилижансы, коляски и прочие средства передвижения, названий которых он и не запомнил, отвезут вас вовсе не туда, куда хотите вы, а куда хотят они: это первое несоответствие. Кроме того, у экипажей нет привычки стоять ни у дверей отеля «Ваграм», ни у посольства России. И надо начинать путь пешехода, чтобы найти карету, поскольку они останавливаются там, где им заблагорассудится, не принимая в расчет, что клиенту нужно долго идти пешком или же ждать экипаж, который сможет его подвезти. Наконец, вы увидели экипаж, но на нем слово: «complet», то есть занято!³

Или, например, кабриолеты, где вы, по словам Балабина, сидите рядом с «вонючим и грязным прохвостом». Еще он описывает кареты, именуемые «каролинами». Стоят они 1 франк 65 сантимов в час, с учетом чаевых выходит все 2 франка. Для того, кто уезжает и возвращается в фиксированный час, каролина весьма удобна. Но не для Балабина. «Ваш покорный слуга, который в три часа хочет искупаться в Сене, потом вернуться к себе, привести себя в порядок и нанести визит герцогине де Брой, потом пообедать у графа Сен-Прие, съесть мороженое у Тортони, наконец провести вечер у графини Разумовской. Как можно пользоваться каролиной? Какой дьявол принес эту каролину?»⁴

Наконец он приступает к обязанностям (когда время-то остается!). В посольстве ему отведены бывшие апартаменты князя И.С. Гагарина. Тот год назад заново меблировал одну из комнат, одновременно служившую салоном и кабинетом. У Балабина был выбор: купить мебель или вернуть ее князю. Но она была настолько удобной и элегантной, что Балабин решил ее приобрести. Тем более что Гагарин уступал ее с 50-процентной скидкой. В результате за 1808 франков Балабин получил замечательную обстановку.

---

¹ *Balabine B.* Op. cit. P. 8–9.

² О парижском транспорте см. подробно: *Мильчина В.А.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. Гл. 14.

³ *Balabine B.* Op. cit. P. 9.

⁴ *Ibid.* P. 10–11.

Служба его не утомляла. Он так описывал свой рабочий день: между десятью и одиннадцатью часами он спускался в канцелярию, визировал паспорта, потом приступал к разного рода дипломатическим делам, затем разбирал архивы посольства за 14 лет¹. Однажды в посольство явился Бальзак, который, как мы уже знаем, собирался в Россию и пришел визировать паспорт. «Впустите! – заявил я мальчишке-помощнику. Тут же передо мной появился грузный человек, с фигурой пекаря, осанкой сапожника, габаритами бочара, походкой торговца трикотажем [...] У него нет ни гроша, значит, он едет в Россию; он едет в Россию, значит, у него нет ни гроша»².

Осмотр Парижа Балабин начал с посещения Версаля, стараниями Луи-Филиппа превращенного в 1837 г. в национальный музей Франции. Открытие его было приурочено к свадьбе герцога Орлеанского, старшего сына короля. Версаль произвел на дипломата странное впечатление: «...это жизнь в смерти»³. Луи-Филипп хотел превратить Версаль в музей национальной славы, соединив важнейшие вехи французской истории, включая период Революции и наполеоновской эпохи; легитимируя Наполеона, Луи-Филипп легитимировал таким образом и собственную власть. Однако Балабина такое соединение поразило. «Идея объединить в одном месте представителей и воспоминания двух самых великих эпох в истории Франции, без сомнения, прекрасна. Однако нет ничего более несогласованного, чем это собрание. Победители, великие (маршалы. – *Н. Т.*) Наполеона выглядят как смиренные побежденные. [...] Наполеоновская эпоха в Версале – это вторжение героев бивуака в среду небожителей Двора»⁴. По словам дипломата, создавалось впечатление, будто император и империя хотели, чтобы было забыто их революционное происхождение.

Еще одна вещь поразила Балабина в этой фузии: «У всех правителей, царствовавших во Франции, есть одна потаенная мысль. Повсюду, наряду с античными героями, присутствует народ, являющийся одновременно и хозяином положения. Народ – это и есть главный герой, а высшая власть лишь исполняет его волю, то ли не в силах ему сопротивляться, то ли потому, что в данный момент она сама отождествляет себя с народом. Таковы маршалы Наполеона во дворе Версаля и в музее, таковы полотна, живописующие наполеоновские победы...»⁵

---

¹ Ibid. P. 14.

² Ibid. P. 141.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid. P. 16.

⁵ Ibidem.

А общее настроение от посещения Версаля таково: «Каким бы грандиозным ни было первое впечатление от собрания в одном пространстве воспоминаний о королевстве, революции и империи, когда проникаешь глубже, видишь лезть и трусость, с одной стороны, а с другой – все эти маленькие страсти парвеню»¹.

После Версаля Балабин отправился в Дом Инвалидов. «В добрый час! Здесь империя представлена во всей красе; император, окруженный своими старыми солдатами, двор, эспланада, купол, церковь – все это превосходно»². Больше всего Балабина поразила посмертная власть Наполеона. «Ни в одном дворце, ни в одной церкви вы не встретите такого глубокого молчания, которое царствует в часовне. Вы здесь больше не увидите парижского буржуа, и нет более жалкого зрелища, чем победитель Июля (имеется в виду Июльская революция 1830 г. – *Н. Т.*), пришедший отдать дань императору. Говорят, что народ забывчив, однако иногда у него хорошая память»³. Балабин весьма тонко подметил формирующийся во Франции культ Наполеона и развитие «наполеоновской легенды», которую Луи-Филипп сам неосторожно задел.

Начавшийся дождь вынудил Балабина укрыться на галерее и вступить в разговор с инвалидами. «Где вы были ранены? – Аустерлиц, Ваграм и т. д. И нескончаемые рассказы, смешанные с политическими размышлениями, смесь правды, вымысла, абсурда и т. д. – Но где солдаты, побывавшие в России? Мне хочется их увидеть. Зачем? – спрашивает меня один, без рук и без ног. – Потому что я хочу поговорить о моей стране. – А, вы русский? Знаю я вас, идите отсюда! Я был там, и я едва оттуда вырвался!»⁴

«Дневник» Виктора Балабина – это не только прекрасное свидетельство повседневности Парижа 1840-х гг., но и зарисовки политической жизни столицы, ведущих политиков, света, двора, королевской семьи.

Балабин прибыл в Париж незадолго до трагедии в королевской семье, а именно гибели наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского 13 июля 1842 г. Париж ждал похорон наследника трона. Для Луи-Филиппа и всей Франции это была огромная потеря. Герцог Орлеанский был известен своими либеральными взглядами и популярен в народе. Все это Балабин верно подметил. Он писал: «Не странно ли, но для того, чтобы узнать, насколько он был любим

---

¹ *Balabine B. Op. cit. P. 17.*

² *Ibidem.*

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibidem.*

и популярен в своей стране, принц должен был умереть? Любимый в армии за храбрость, проявленную под палящим солнцем Африки, буржуазией и народом за либеральные идеи, семьей и окружением за душевные качества – о нем скорбят все. Я опрашивал по этому поводу торговцев, кучеров, солдат, рабочих предместий, у всех был один ответ: О, сударь, это ужасное несчастье для Франции!»¹

Российский дипломат подробнейшим образом описал траурную церемонию, состоявшуюся в холодный пасмурный день 30 июля. Парижане высыпали на улицы; по сведениям Балабина, было порядка 400 тыс. человек, не считая 40 тыс. Национальной гвардии. Народ заполнил все пространство от Собора Парижской Богоматери до Триумфальной Арки на площади Звезды. Главное, что поразило Балабина, – это отсутствие скорби у парижан: «Парижане пришли на церемонию, как на спектакль, призванный удовлетворить их праздное любопытство; в поведении, в лицах, в глазах людей напрасно вы бы стали искать выражение сожаления или даже легкой печали, ничего подобного. И слезы, и рыдания были замечены только господами редакторами правительственных газет»².

Однако дальше он пишет: «Можно ли сделать вывод о том, что смерть герцога Орлеанского не произвела никакого впечатления на народ? Вовсе нет! Напротив, впечатление было более живым и массовым, нежели это ожидали»³. «Ну, вот, – сказал Балабин на завтра одному продавцу фруктов с улицы Сент-Оноре, – пропали ваши июльские праздники! (имеется в виду празднование годовщины Июльской революции. – *Н. Т.*) – Без разницы, плевать, у нас всегда есть что-нибудь!»⁴

Если император Николай I категорически был против того, чтобы его подданные посещали Париж и уж тем более наносили визит королю Луи-Филиппу, то Балабин был вынужден делать это по долгу службы. Впервые королевскую семью он увидел на ужине в Тюильри 4 декабря, куда были приглашены российские дипломаты. В назначенный вечер в 20.45 карета привезла Н.Д. Киселева, секретаря посольства князя Куракина и Балабина во дворец. Они пересекли галерею Дианы, потом квадратную залу, где обычно находились адъютанты короля и принцы, и наконец вошли в красивый салон⁵. Там перед большим камином расположились министры; в

---

¹ Ibid. P. 24–25.

² Ibid. P. 32.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 33.

⁵ Ibid. P. 91.

глубине зала стоял большой круглый стол, за ним сидели дамы всех возрастов, одетые в траур; перед каждой находилась сумка с рукоделием из черного шелка; они работали в благотворительных целях.

Церемония приема, по словам Балабина, была проста. Киселев доложил о своем прибытии адъютанту короля графу Шабанну; тот представил российских дипломатов королеве Марии-Амелии: «У королевы нежное и доброе лицо. Оно хранит отпечаток недавних несчастий и дышит нежной меланхолией. У нее почти седые волосы; черные платье и шляпка только добавляют ее облику траура и печали»¹.

После приветственных фраз, которыми российские дипломаты обменялись с Марией-Амелией, они продолжили тур вокруг королевского стола и были представлены сестре короля, мадам Аделаиде. «Насколько бледна королева, настолько ярка мадам Аделаида. Нет ничего благородного и возвышенного в выражении ее лица, но зато ощущается много ума. Как по внешнему виду, так и по характеру, она напоминает брата, короля»².

В это самое время Луи-Филипп, прохаживавшийся с маршалом Сультом в соседней комнате, заметил российских дипломатов и приблизился к ним, по словам Балабина, с самым приветливым видом в мире, будто он только и делал, что ждал их. «Одетый по-буржуазному... внешне он ничем не отличался от своих гостей. Ничто в его облике не указывало на монарха. Напрасно вы будете искать в его походке, манерах, осанке признаки величия, благородства и чувства внешнего превосходства. Однако это первое впечатление, неблагоприятное поначалу, рассеивается, как только король начинает с вами говорить, и вы различаете в чертах этого простоватого лица яркие признаки высшего ума, силы духа, остроумия и добродушия»³.

После того, как дипломаты были представлены королю, он обратился к ним с несколькими репликами, адресовав каждому по фразе, «говоря с легкостью, отличающей его разговор, к удовольствию собеседника, если он того захочет»⁴.

Побыв минут двадцать в салоне, наши дипломаты откланялись. Вернувшись к себе, Балабин обнаружил приглашение на ужин в королевский дворец. Как видим, никакого предубеждения в отноше-

---

¹ *Balabine B.* Op. cit. P. 91.

² *Ibid.* P. 91–92.

³ *Ibid.* P. 92.

⁴ *Ibidem.*

нии Луи-Филиппа и приемов в Тюильри у Балабина не возникло. Король и королева были ему весьма симпатичны.

Тем временем, Балабин успел познакомиться с Парижем, который воспринимался им как целая Вселенная. Спустя 8 месяцев после прибытия во Францию он писал: «Париж – это целый мир, и, правда или нет, для европейской молодежи он является столицей развлечений. Европа легкомысленная ждет от него его вдохновения; Европа элегантная – его модных новинок и статей о модах; глаза всех устремлены к политическому вулкану; внимательное ухо прислушивается к его рокоту. Европа политическая... слушает: мир или война. Какая алгебраическая формула, какой иероглифический знак мог бы выразить эту странную бигатуру (*бигатура* – крупномасштабная модель. – Н. Т.), эти наряды Арлекина, это переплетение настоящего и будущего? Что это за общество, где каждый день встречаются старый конституционалист, солдат Империи, камердинер Людовика XVIII, исповедник Карла X, профессор или адвокат министров Июльской монархии? ...Это античный герб, к которому добавлена... революционная пика и шапка маленького капрала... Наконец, это лаборатория дьявола, или я не знаю что!»¹

Конечно, Париж – это свет. Балабин блестяще описывает парижские салоны, давая им характеристику в духе Дельфины Жирарден. Он выделяет салоны литературные; политические, разделяя их на легитимистские и салоны «золотой середины» (то есть правительственные); салоны дипломатические, среди которых особо выделяет салоны княгини Ливен и графини Кастеллан. В салоне Ливен властвовал Гизо; «звездой» салона Кастеллан был граф Луи Моле. Именно Гизо и Моле Балабин выделял среди политической элиты Франции.

Когда в салоне княгини Ливен Балабин впервые увидел Франсуа Гизо, он был поражен контрастом между его интеллектом, политическим влиянием и внешним видом. «Никогда не мог я представить Гизо, государственного деятеля, великого оратора, главу кабинета [...] прославленного историка, худым, щедедушным человеком, показавшимся мне утонувшим в кресле и беседующим приглушенным голосом с княгиней Ливен. Барант, манеры которого просты, скромны и вовсе не аристократичны, по сравнению с Гизо выглядит Талейраном или Меттернихом. Вообразите себе что-то среднее между профессором французского языка и актером на пенсии, и вы получите представление о внешности Гизо. Между тем, когда видишь

---

¹ Ibid. P. 103–104.

его большие глаза, блестящие и умные, его высокий лоб и общее выражение лица, начинаешь признавать его таланты»¹.

Салон княгини Ливен, по словам Балабина, – «это привычное место встреч дипломатов; англичан, оказавшихся в Париже и щеголей, принимаемых во всех салонах. Разговор здесь редко бывает интересным и последовательным; обязанность хозяйки дома сказать слово каждому; состязание дипломатов, представляющих различные интересы, присутствие некоторых важных элегантных иностранцев – все это заставляет поддерживать разговор на уровне светской беседы. Княгиня Ливен восседает на своем канapé и составляет центр общества и салона. Напротив, перед камином, находится группа из пяти или шести человек; Гизо перемещается от одного гостя к другому»².

Балабин затрудняется ответить на вопрос, интересам России или Англии служит салон Ливен? В Париже, по его словам, представлен весь спектр мнений; «одни полагают, что в этом салоне защищаются интересы России, другие – что Англия вершит там свои дела. Есть и те, кто считает, что Англия и Россия имеют там равное влияние и тем самым прекрасно друг друга нейтрализуют»³.

По словам Балабина, именно «близость Ливен с Гизо позволяет ей общаться со всеми, имеющими политический или скорее дипломатический вес». Балабин полагал, что Дарья Христофоровна всего лишь использовала министра иностранных дел: «Гизо для нее лишь подножка, пьедестал, и она готова пожертвовать им, если таково условие ее возвышения!»⁴

Совершенно иным, по мнению Балабина, был салон графини Корделии де Кастеллан, где царствовал Луи Моле. «Графиня – дама пятидесяти лет; “весь Париж” привлекает ее блестящий прирожденный ум, богатство, обширное воображение, искусство ведения беседы. Идеи, развиваемые у нее в салоне, всегда облечены в элегантную форму, полны тонкого и изящного вкуса»⁵. Поскольку Моле, по мнению Балабина, в это время симпатизировал России, салон графини Кастеллан был выгоден российским интересам.

Самого же графа Моле Балабин считал одним из самых влиятельных французских политиков, высоко оценивая его не только профессиональные, но и моральные качества: «Граф Моле – это человек лет пятидесяти-шестидесяти, с благородной осанкой и изящ-

---

¹ *Balabine B.* Op. cit. P. 23–24.

² *Ibid.* P. 104–105.

³ *Ibid.* P. 105.

⁴ *Ibid.* P. 23.

⁵ *Ibid.* P. 105.

ной фигурой. Он всегда прекрасно одет; это можно заметить уже по его обуви. Его речь возвышенна, серьезна; манеры почтительны и достойны; он являет собой истинный тип благородного человека. Моле – может быть, самый значительный, самый достойный из всех государственных мужей Франции. Он всеми уважаем за целостность характера, уверенность, благородство души и, что редко бывает, за незапятнанную репутацию. Прибавьте к этому значительное состояние, замечательный довесок, который, обеспечивая независимость, вызывает уважение толпы и позволяет рассматривать Моле как преемника нынешнего кабинета»¹.

Конечно, Балабин не мог обойти вниманием Адольфа Тьера. Он создал потрясающий портрет одного из самых ярких персонажей политической жизни Парижа (в светской жизни Тьер, как мы знаем, не особенно преуспел). «Я мало знаю Тьера и редко его вижу. Вообразите себе голову филина на теле мальчишки, серые и гладкие волосы, маленькие живые глаза, коренастую фигуру, крючковатые черты, вальяжный шаг – таков замечательный облик этого лилипута. Достоинство, прекрасный образ, изысканные манеры – ничего этого вы не найдете. В обществе, отдадим ему должное, он ведет себя достойно, сидит, скрещая попеременно то ноги, то руки, а то, вдруг, начинает извиваться, будто хочет скинуть свою одежду, но потом все-таки решает ограничиться телодвижениями»².

Однако внешнее впечатление обманчиво: «Если мы от тела обратимся к духу, то тогда филин превращается в орла и переносит нас внезапно в самые возвышенные сферы истории и политики. Он говорит просто, одухотворенно, импровизируя, поражая своим практичным умом и справедливыми умозаключениями»³.

И еще одного политика особо выделяет Балабин – любимца светских дам Альфонса Ламартина. «Своими манерами он больше походит на английского джентльмена, нежели на поэта или французского депутата»⁴. Ламартин принимает по субботам; «благодаря мадам Ламартин его салон – это святилище искусств. У нее замечательный разговор, возвышенный ум, потрясающий талант к живописи и скульптуре»⁵.

Балабин создал прекрасный поэтический портрет Ламартина-романтика. «Для политического мира Ламартин – это музыкант,

---

¹ Ibid. P. 106–107.

² Ibid. P. 107–108.

³ Ibid. P. 108.

⁴ Ibid. P. 109.

⁵ Ibidem.

звуками своей лиры, ее мелодичными аккордами удивляющий публику [...] Его личное благородство, его красноречие, его искренность, добросовестность – все это обеспечивает ему достойное, даже выдающееся место среди прославленных ораторов французской трибуны...»¹ Гизо был не менее известным оратором, однако сравнение Балабина двух политиков явно не в пользу последнего: «Чтобы оценить по достоинству ораторские способности Ламартина, послушайте Гизо, поднимающегося вслед за ним на трибуну»².

Из «Дневника» Балабина мы узнаем и о других не менее важных и увлекательных сферах парижской жизни: музыке, театре, литературе, включая полемику вокруг книги маркиза де Кюстина, даже о солнечном затмении, случившемся 9 июля 1842 г.!

Последнее письмо Виктора Балабина из Парижа датируется 13 июля 1847 г. В 1852 г. он был отправлен в Константинополь, откуда в следующем году вернулся во Францию в качестве советника посольства, оставаясь на этом посту до начала Крымской войны. После разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией Балабин вернулся в Петербург, но уже через несколько месяцев был направлен в Вену. Там занимал пост советника посольства, потом был поверенным в делах, а в 1860 г. стал чрезвычайным посланником и полномочным министром. Балабин надеялся, что получит титул посла, но в 1864 г. в возрасте 52 лет он скоропостижно скончался...³

Разночинцы в Париже: зарисовки Авдотьи Панаевой

Если русские аристократы поражали французов своим богатством и роскошью, то оказывавшиеся во Франции разночинцы представляли собой совсем иную социальную категорию. И Францию они воспринимали иначе, и к ним, как им казалось, относились по-другому. Весьма интересные наблюдения о своем пребывании в Париже (но не о самом Париже) оставила писательница и мемуаристка Авдотья Яковлевна Панаева. Муж Панаевой, по ее словам, «...мечтал давно о путешествии за границу, тем более что его приятели, бывшие в Париже, описывали парижскую жизнь, как магометов рай». «В то время все русские помещики, когда им нужны были деньги, закладывали в Опекунский совет своих мужиков; то

---

¹ *Balabine B.* Op. cit. P. 109–110.

² *Ibidem.*

³ *Ibid.* P. I–II.

же сделал и Панаев для своей поездки за границу. Программу путешествия он составил обширную: ему хотелось побывать во всех замечательных городах Франции, Италии, Германии и Англии»¹.

Супруги отправились в поездку в сентябре 1844 г. Сначала посетили Берлин, потом Дрезден и Брюссель, откуда направились в Париж. Там была целая компания их друзей: В.П. Боткин, Н.П. Огарев, М. Бакунин.

Василий Петрович Боткин был гидом Панаевых по Парижу. Друг Герцена, Анненкова и всей группы Московского университета, он вовсе не был «аристократом», а происходил из семьи известного московского торговца чаем.

Еще в начале 1843 г. Боткин сообщил о намечаемой женитьбе с юной француженкой Арманс Руйяр, которая, по словам Анненкова, приехала в поисках удачи в Россию, не особенно думая о законном браке. Друзья Боткина попытались отговорить его от этой затеи, но он настоял, и в Казанском соборе Санкт-Петербурга состоялось венчание. Увы! Спустя несколько месяцев Боткин и слышать не хотел об Арманс. Он оставил Россию, а супругу предоставил своей собственной судьбе.

Боткин, как знаток местных нравов, повел всю компанию обедать в недорогой ресторан, наставляя, как надо заказывать обед, чтобы он обошелся дешевле². В этой среде уже не все русские знали французский язык. Как вспоминала Авдотья Яковлевна, с ними были два помещика, еще в России заучивавшие дежурные фразы, дабы общаться с прислужой.

По словам Панаевой, Боткин «был мучеником в это время, ему всюду мерещились шпионы, которые будто бы следят за русскими в Париже, и в каждом посетителе, одиноко обедающем за столом, он видел шпиона и страшно сердился на спорящих» – в этом дешевом ресторане, являвшимся сборным пунктом русских путешественников, часто происходили дискуссии³.

Василий Петрович, как писала Панаева, «до смешного претендовал казаться парижанином, он удивил меня, спрятав в карман два куска сахара, который остался у него от поданного ему кофе. Я спросила, для чего он это делает, и получила в ответ, что настоящие парижане всегда так делают, одни русские стыдятся экономии. Я проверяла его слова, но не заметила парижан, прячущих кусочки сахара

---

¹ Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1986. С. 119.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 130–131.

в карманы»¹. Между тем так оно и было на самом деле: согласно неписанному правилу, клиент имел право унести кусочки сахара с собой².

Кроме того, как писала Панаева, Боткин сердился на нее за то, что она говорила по-русски на улице и в ресторанах, «доказывая, что этого нельзя делать, потому что русских считают дикими, татарами, и везде берут с них дороже, чем с других иностранцев»³. Правда, по словам Авдотьи Яковлевны, эти аргументы ее не пугали, и она продолжала говорить по-русски. Что касается не говоривших по-французски помещиков, то они для практики французского языка «свели знакомство с гризетками и восторгались как их веселостью, так и своими успехами во французском языке»⁴.

Вскоре Панаевой надоело ходить в ресторан, тем более что иногда она оставалась без обеда до восьми часов вечера, поскольку Панаев с Боткиным пропадали целыми днями и запаздывали зайти за ней. Тогда она договорилась с квартирной хозяйкой, чтобы та готовила обед, но тогда гости стали являться на обед к ней, а не в ресторан. «В.П. Боткин восхищался моей мыслью иметь домашний стол в Париже. Он являлся к обеду с хреном для вареной говядины, потому что хрен продавался только в аптеке. Он потирал от удовольствия руки, если, придя к обеду, узнавал, что будут свежие щи или уха, которые я научила готовить квартирную хозяйку»⁵.

Однако заграничное путешествие закончилось весьма быстро: Панаев обнаружил, что деньги быстро закончились, о посещении Швейцарии и Италии не было и речи, надо было возвращаться в Россию. В мае 1845 г. Панаевы были уже в Петербурге⁶. Характерно, что собственно Парижу, впечатлениям об этом городе, писательница Авдотья Яковлевна в своих «Воспоминаниях» не посвятила ни строчки.

Боткин же в конце 1846 г. отправился в Россию, продолжая вести переписку с группой Герцена. Революция 1848 г. окончательно отвратила его от либеральных идей, и он стал решительным консерваторм, черпая в Шопенгауэре и Карлейле презрение к толпе и культ власти.

---

¹ Панаева А.Я. Указ. соч. С. 131.

² См.: Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. С. 398.

³ Панаева А.Я. Указ. соч. С. 131.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 132.

Образ победы над наполеоновской Францией в николаевской России

Если во Франции в 1830–1840-е гг. были сильны антирусские настроения, то в России по-прежнему наблюдалась галломания. Даже в разгар Восточного кризиса 1839–1841 гг. франкофобия не захлестнула русское общество. Барон де Барант, например, отмечал, что высшее столичное общество не было настроено антифранцузски. Французский дипломат был убежден, что россияне не разделяли гнева и раздражения императора Николая против Франции, а, напротив, испытывали к ней искренний интерес. Он сообщал: «Мнение русского общества по отношению к нам отнюдь не враждебно. В целом здесь не любят англичан, не аплодируют их успехам, не радуются не выгодным нам возможностям»¹. Действительно, если относительно политики Великобритании стереотипным стало выражение «англичанка гадит», то по отношению к Франции ничего подобного не замечалось.

Аналогичное мнение содержалось в отчете III отделения за 1839 г.: «...во всех обществах, где только заговорят о политике, обвиняют правительство в излишней уступчивости Австрии и Англии и в излишней ненависти к правительству французскому, особенно к Людовику-Филиппу»². В документе подчеркивалось, что российское общество не разделяло официальной позиции: «Насчет Франции все убеждены в той истине, что если б не было на престоле Людовика-Филиппа, то Европе не миновать общей революционной волны, которая была бы весьма опасна для монархий. Он один удерживает Францию в монархических узах, и все убеждены, что после Людовика-Филиппа будет замешательство во Франции, которое непременно выбросит пламя в Европу и зажжет ее. Людовик-Филипп жаждет искренней дружбы с Россией. Говорят в шутку, что он исправляет во Франции должность русского полицмейстера и, наблюдая за польскими выходцами, доносит об них русскому правительству. Общее мнение утверждает, что лишь только Людовик-Филипп закроет глаза – Франция будет республикой...»³

Император Николай, ненавидевший режим Июльской монархии, к Франции как таковой, к ее цивилизации относился с большим уважением. В частности, барон де Барант в депеше главе правительства герцогу Л.-В. де Брою от 1 августа 1836 г. привел разговор им-

---

¹ *Barante P., de. Souvenirs...* Т. 6. Р. 523.

² Россия под надзором... С. 198.

³ Там же.

ператора с графом Артуром де Кинемоном, французским атташе в Копенгагене, оказавшимся в России в качестве путешественника. Император оказал гостю самый любезный прием; по своему обычаю повез его на маневры артиллеристов. Довольный учениями, государь обратился к Кинемону со словами: «Ну вот, друг мой, как Вы все это находите? Я надеюсь, что эти пушки никогда не будут вести огонь по французским орудиям! Господь убережет нас от войны. Но если, к несчастью, война разразится, французы и русские должны действовать заодно. Тогда ничто не устоит против двух наших армий»¹. Эти слова, писал Барант, были обращены не к современной Франции, а к Франции воспоминаний, к Франции воображаемой, монархической и милитаризованной, о которой Николай Павлович сожалел, не веря в ее возрождение².

Вместе с тем победа над наполеоновской Францией явилась существенным фактором роста национального самосознания, предметом национальной гордости и славы. Уже знакомый нам Шарль Сен-Жюльен писал, что социальные последствия войны были не менее важными, чем последствия политические: «Главным результатом войны стало пробуждение в сердце и сознании москвитов всей силы национального чувства, поднявшегося на небывалую высоту. Новость, что французская армия перешла Неман, стала электрическим разрядом, вызвавшим вибрацию во всех русских душах. Писатели взялись за перья; кто-то оставил перо ради шпаги. Энтузиазм охватил всех»³.

Николай I испытывал одновременно и гордость за одержанную победу, и уважение к Наполеону I как мощному политическому и военному противнику, подчинившему всю континентальную Европу. Если во Франции в годы Июльской монархии формируется культ Наполеона, то в России – культ победы над императором французов: Александровская колонна и торжественное открытие Арки Главного штаба, начало строительства Храма Христа Спасителя, прославление Бородинской битвы, – все, что напоминало о великой победе, должно было символизировать мощь и силу России.

Победа над Наполеоном стала настоящим источником вдохновения для Николая Павловича, укрепила в нем веру в собственное предназначение, его во многом мессианское сознание. Россия внесла решающий вклад в победу над Наполеоном, и он, Николай, са-

---

¹ Barante P., *de. Souvenirs...* Т. 5. P. 448.

² Ibid. P. 449.

³ *Saint-Julien Ch. Voyage pittoresque en Russie.* P. 208–209.

ним Богом призван сохранить устройство Европы, оформленное на конгрессе в Вене. Николай I, как мы знаем, выполнял заветы императора Александра с особым старанием. А одной из его главных забот была безопасность Европы, в том числе и России как ее составляющей. Перед своей последней поездкой на юг в 1825 г. император наставлял сына Александра: «В Европе повсюду революционное настроение умов. Оно проникло в Россию, хотя и притаилось. Мы должны при помощи Божественного Провидения усугубить свою бдительность и свое рвение. Государи ответственны перед Богом за сохранение порядка и благоустройства среди своих подданных. Тебе, любезный брат, предстоит совершить важное дело, начатое мной основанием Священного союза царей»¹.

Итак, Николай, продолжатель дела своего брата, несет ответственность за систему, созданную в Европе. Отсюда и постоянное напоминание и своим соотечественникам, и всей Европе о том, что именно России Европа обязана разгромом Наполеона – сначала в Отечественной войне, потом – в кампаниях 1813–1814 гг., завершившихся вступлением союзной армии в Париж.

Император всегда помнил о победе над Наполеоном и всячески ее прославлял. Во времена внешнеполитических затруднений он обращался к исторической памяти; обосновывая роль и позиции России в Европе, постоянно напоминал о ее вкладе в разгром Наполеона. В своей «Исповеди», документе, относящемся к 1831 г., написанном по следам революционных потрясений, охвативших Европу, он писал, негодуя из-за позиции Австрии и Пруссии, проявивших осторожность летом 1830 г.: «...воспоминания о благодеяниях [...] когда Россия, победив и уничтожив неслыханное нашествие Наполеона, в качестве освободительницы помогала Европе скинуть угнетавшее ее иго», забываются. Австрия и Пруссия уже вовсе не те союзники².

В 1833 г. заключение Ункяр-Искелессийского договора, как уже отмечалось, вызвало резкое противодействие Англии и Франции; английский и французский флот демонстративно заняли позиции у берегов Османской империи. Несмотря на то что это вызвало озабоченность российской дипломатии, Николай, подчеркивая, что Россию не сломить, в письме к И.Ф. Паскевичу писал: «...разве забыли, с чем пришел и с чем ушел Наполеон?»³

---

¹ Цит. по: *Олейников Д.* Указ. соч. С. 269.

² Император Николай Первый. С. 179.

³ Там же. С. 209.

Императрица Александра Федоровна, бывшая прусская принцесса, имела все основания лично ненавидеть Наполеона. Фрейлина императрицы А.О. Смирнова-Россет писала, что государыня «ненавидит, когда говорят о Наполеоне; относительно него у нее остались самые ужасные воспоминания»¹. Императрица живо помнила свое пребывание в Мемеле, когда по бедности не могли топить старого замка, а она должна была носить всю зиму летние ситцевые платья, старую соломенную шляпу и красный платок; под ноги детям и в их кровати клали горячие кирпичи. Она, как и ее брат Вильгельм, сохранила культ матери и знала, как ужасно обошелся с ней Наполеон и что делали войска в Берлине и Кенигсберге.

Николай, уважительно отзываясь о Наполеоне, в то же время видел его просчеты и недостатки. По словам Смирновой-Россет, в разговоре он якобы однажды сказал: «Он не Карл Великий, не Александр Великий, не Карл Пятый... У Наполеона в победах не было ни рыцарства, ни великодушия. У него были дурные манеры; он был высокомерен и фамильярен, а его генералы во всем подражали ему». Считая Талейрана самым «несимпатичным» из наполеоновского окружения – Талейран «очень рано предал Наполеона»², царь отмечал: «Во всяком случае, Наполеон был гениален, а Талейран только хитер и умен»³.

Формирование Николаем культа победы над Наполеоном вполне сочеталось с культом самого Наполеона, причем не только во Франции, но и в России⁴. Если в народной среде сохранялось явное отвращение к завоевателю и французам в целом⁵, то в высших слоях этого не наблюдалось. Например, Проспер де Барант, изучая настроения придворного общества, писал: «Бутики и салоны наполнились портретами Наполеона, гравюрами с изображениями его сражений, всем тем, что связано с его именем. Культ его гения находит здесь еще больше почитателей, чем во Франции. Начиная с императора и заканчивая простым офицером, о нем говорят только с восхищением. Я еще не встречал здесь литографии Людовика XVIII

---

¹ Император Николай Первый. С 496.

² Там же.

³ Там же. С. 497.

⁴ См. об этом, например: *Секиринский С.С.* Наполеоновский миф в России XIX – XX вв. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 401–407.

⁵ Подробнее см.: *Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012.

или Карла X, и никто мне даже не упоминал о них. Когда я выразил удивление по этому поводу, мне ответили, что отношения между Францией и Россией были особенно тесными во времена империи; что тогда русские были приняты и обласканы в Париже, что двор Наполеона был военным, все на лошадях, тогда как Людовик XVIII начал с того, что повел себя по отношению к императору Александру в самой шокирующей манере, не выражая ему никакой признательности; что русских в Париже стали плохо принимать, они не могли установить никаких связей с прежними политиками, а благородные люди Палаты были иных нравов и принадлежали к иной эпохе»¹.

О культе Наполеона в России писал и Ш. Сен-Жюльен: «Великий поверженный капитан не прекращает быть у русских предметом постоянного восхищения. Изображения Наполеона украшают их жилища. Их можно увидеть в самых роскошных дворцах и самых скромных избах (жилищах русских крестьян)»². То есть Сен-Жюльен простодушно полагал, что культ Наполеона был распространен во всех слоях российского общества, даже в народе. Он писал: «...русский народ имеет врожденное чувство справедливости и чести. Русские brave солдаты, а не разбойники. Они относятся к имени Наполеона с уважением»³. Мы читаем его весьма наивные рассуждения: «Нет ни одного ребенка в российской деревне, которому не было бы знакомо его имя. Память о французах 1812-го года без всякого привкуса горечи живет в душе этого замечательного народа»⁴.

В своей работе Сен-Жюльен привел разговор с одним тверским купцом, спросившим его, что означает слово «камарад» (именно в таком варианте). Между ними состоялся диалог:

«– Вы хотите сказать «камарад», без сомнения?– Да, сударь, камарад, – повторил тот, настаивая на своем произношении.

Я был доволен его вопросом. – Почему вы задаете мне этот вопрос?– Потому что в 1812 году французские солдаты, расположившиеся у моего отца, сажали меня, тогда мальчика, на колени, и называли своим юным камарадом. – Какие воспоминания сохранили вы об этих французах? Ваши родители на них жаловались?– О, нет, сударь, это были хорошие и очень веселые люди, не причинившие нам никакого зла, напротив»⁵.

---

¹ Barante P., *de. Souvenirs...* T. 5. P. 286–287.

² Saint-Julien Ch. *Voyage pittoresque en Russie*. P. 37.

³ Ibid. P. 210.

⁴ Ibid. P. 37.

⁵ Ibid. P. 37–38.

Эта последняя фраза даже Сен-Жюльену показалась наивной¹.

По словам М. Кадо, Николай ощущал себя не только продолжателем дела Петра Великого; он хотел быть одновременно и Людовиком XIV, и Наполеоном. Все требования, связанные с легитимностью власти, он предъявлял исключительно Луи-Филиппу, а о Наполеоне думал как о старом русском генерале: «Он был самым достойным управлять Францией, следовательно, он был легитимным». Для императора Наполеон был «примером необходимой и энергичной власти, чтоб укротить неповиновение народов в нашем веке»². По словам П. Бургоэна, непосредственно после Июльской революции Николай в разговоре с герцогом Мортемаром, послом Франции в России, указав на изображавшее Наполеона бронзовое пресс-папье, сказал ему: «Вот кто умел управлять вами»³. Мортемар, однако, на это заметил: «Ваше величество совершенно правы, он так хорошо управлял нами, что захватил с этим и всю Европу»⁴.

Император Николай в 1839 г. отдал свою дочь Марию в супруги герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому, младшему сыну Евгения Богарне, внуку императрицы Жозефины. Как мы видели, он оказал блестящий прием принцессе Матильде, дочери Жерома Бонапарта. Во время пребывания в Москве в 1841 г. Николай даже заявил Матильде, «что он горд показать своему народу племянницу Наполеона»⁵.

Культ победы над Наполеоном проявлялся в самых разных формах. Это и строительство монументов в честь сражений 1812 г., и празднования годовщин Бородинской битвы, и многочисленные высказывания Николая, и его поведение по отношению к дипломатическим представителям Франции.

Спустя полгода после вступления на престол Николай занялся перестройкой Галереи героев войны 1812 г., созданной в Зимнем дворце еще при Александре I. Зал, в котором разместилась галерея, был спроектирован архитектором Карлом Росси и строился с июня по ноябрь 1826 г. Он заменил несколько маленьких комнат в середине главного блока Зимнего дворца – между белым Тронным залом и Большим Тронным залом, в нескольких шагах от дворцовой

---

¹ *Saint-Julien Ch.* Voyage pittoresque en Russie. P. 38.

² *Cadot M.* Op. cit. P. 145.

³ Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 843.

⁴ Там же.

⁵ *Mathilde, princesse*, Op. cit. // *Revue des Deux Mondes*. 1928. 15 janvier. P. 379.

церкви. Торжественная церемония открытия состоялась 25 декабря 1826 г.

А спустя два года, 24 октября 1828 г., была торжественно открыта Арка Главного штаба тоже по проекту Росси. Арка была построена как главный и завершающий монумент, посвященный Отечественной войне 1812 г.

Испытывая чувство национальной гордости за победу над Наполеоном, Николай не испытывал к поверженному неприятелю какой-либо неприязни. Несмотря на то что отношения между Россией и Францией в эти годы были весьма натянутыми, многие шедевры, прославляющие победу русского воинства над Наполеоном были созданы в России именно французами, причем непосредственными участниками Наполеоновских войн. По приглашению Николая в России, как мы уже знаем, дважды побывал художник-баталист Орас Верне. Но, наверное, самым известным из французов, трудившихся во славу России, был Огюст Рикар Монферран. Кроме Исаакиевского собора, он создал Александровскую колонну, монумент, прославлявший силу русского духа и оружия.

В 1813 г. Огюст Монферран, окончив Школу Архитектуры, поступил на военную службу в наполеоновскую гвардию. Отличившись в сражении при Арно, был награжден орденом Почетного легиона и получил должность старшего квартирмейстера. Вскоре после Лейпцигской битвы он вышел в отставку. Апрель 1814 г. коренным образом изменил его судьбу. Монферран привлек к себе внимание Александра I, преподнеся ему выполненный собственноручно «Альбом разных архитектурных проектов, посвященных Его Величеству Императору Всероссийскому Александру I». Это произошло сразу же после вступления русских войск в Париж. Среди рисунков в альбоме были проекты конной статуи, колоссальногоobeliska, Триумфальной арки «Храброму Российскому воинству» и «Колонны в честь всеобщего мира», в которой прослеживаются мотивы будущей Александровской колонны. Рисунки альбома были аннотированы кратким перечнем необходимых строительных материалов, и там же указывалась стоимость затрат. Показав себя не только прекрасным рисовальщиком и любителем классического искусства, но и технически подкованным специалистом, Монферран получил официальное, но весьма любезное приглашение приехать в Санкт-Петербург.

В 1816 г. он прибыл в северную столицу, не побоявшись изменить свою судьбу. Более сорока лет, до самой смерти, он жил и работал в Петербурге, став на русский манер Августом Августовичем.

Монолит из красного гранита для Александровской колонны был добыт и обработан в Пютерландской каменоломне близ Выборга, погружен на судно и двумя пароходами отбуксирован в Петербург. Колонна высотой 47,5 метра и массой 600 тонн была поднята с помощью системы блоков и 60 кабестанов и без каких-либо креплений установлена на постамент. В подъемных работах, продолжавшихся около двух часов, участвовало три тысячи человек. Венчает колонну фигура ангела (скульптор Б.И. Орловский), лицу которого приданы черты Александра I¹. По словам Бургоэна, Монферран предложил сделать внутри колонны винтообразную лестницу и требовал для этой работы, которую предполагалось выполнить в течение десяти лет, только двух человек: мужчину с молотом и резцом и мальчика с корзиною, в которой тот выносил бы обломки гранита. Но Николай отклонил идею, опасаясь, что резчик может случайно повредить внешнюю сторону колонны².

Открытие колонны должно было предшествовать открытию в Петербурге Триумфальной арки в честь победы в Отечественной войне. Первоначально Триумфальные ворота были построены (за один месяц) для встречи русских войск, возвращавшихся из Европы в 1814 г., на Нарвской заставе, на границе города вблизи Обводного канала по проекту Джакомо Кваренги из дерева и алебаstra. В 1814 г. русские войска прошли под аркой 4 раза: 30 июля, 8 сентября, 18 октября, 25 октября. Однако ворота из дерева и алебаstra быстро пришли в негодность. Генерал-губернатор Санкт-Петербурга, участник войны М.А. Милорадович выступил в их защиту, и на высочайшем уровне Николаем I было принято решение о постройке новых каменных ворот на берегу реки Таракановки, несколько южнее прежнего места.

Архитектор В.П. Стасов в целом сохранил замысел Кваренги и 26 августа 1827 г. в годовщину Бородинского сражения был заложен первый камень. Особенность проекта новых ворот состояла в том, что конструкцию создавали из кирпичной кладки, обшиваемой медными листами. Из медных листов создана и скульптурная группа: шестерка коней (первая серьезная работа Петра Клодта) и фигура Славы (работы С.С. Пименова). По бокам ворот имеются надписи: «Начаты 26 августа 1827 г. Открыты 17(29) августа 1834 г.» Посмотреть на новые ворота прибыла императорская семья. Разумеется, члены дипломатического корпуса были приглашены на

---

¹ Россия под надзором... С. 123.

² Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 219.

эти торжества. Отсутствовал лишь посол Франции маршал Мэзон. Не присутствовал он и на открытии Александровской колонны: ветеран Наполеоновских войн, маршал не пожелал участвовать в унижительном для своей страны праздновании ее поражения в войне с Россией. Как писал Сен-Жюльен, «это был отличный день для России, но очень печальный для Франции, участь которой была решена в этих далеких краях. Это воспоминание никогда не оставляет»¹.

По всей видимости, маршал Мэзон долгое время искренне полагал, что колонна, воздвигаемая на Дворцовой площади, будет просто памятником покойному императору Александру, лишенным какой-либо политической окраски. Он не знал, что Николай I еще на стадии утверждения проекта Монферрана внес свои коррективы в замысел архитектора, став, по сути, его соавтором. Об этом Мэзону сообщил сам Монферран, спешно вызванный для разъяснений во французское посольство. Мэзон нашел благовидный предлог для своего отсутствия: незадолго до открытия колонны, сопровождая императора на маневрах, он упал с лошади, и именно в этот момент его состояние ухудшилось².

В 1835 г. Франция, как мы знаем, направила в Петербург нового посла, теперь штатского – барона Проспера де Баранта. Будучи предельно любезным с послом ненавистного ему Луи-Филиппа, Николай не упускал возможности задеть честолюбие Баранта и показать ему свое истинное отношение к режиму Июльской монархии, а заодно продемонстрировать чувство гордости за победы, одержанные над Наполеоном. Например, такой случай представился в середине июля 1836 г., когда посол присутствовал на организованном в Кронштадте смотре 26 трехпалубных кораблей. Изучая список кораблей, Барант сразу обратил внимание на весьма показательную деталь: большинство судов были названы в честь побед, одержанных русскими над французами. Император, видя, как внимательно посол изучает список, подошел к нему и дружелюбно сказал: «Я думаю, Вам еще сложно бегло читать по-русски, давайте-ка, я Вам помогу». Первым в списке значился корабль с гордым названием «Березина». Николай, как бы пытаясь сгладить впечатление, поспешил успокоить посла, заметив: «В ваших эскадрах есть «Аустерлиц» и «Фридланд»; все гордятся воспоминаниями о военной славе. Все

---

¹ *Saint-Julien Ch.* Voyage pittoresque en Russie. P. 37.

² См. об этом подробнее: *Черкасов П.П.* Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. С. 102–110.

это очень просто». — «Это свойственно всем нациям, сир, — ответил Барант, — и мы также умеем чтить наши победы». Хотя колкий подтекст этого разговора был очевиден, Барант в донесении сделал все-таки вывод, что в словах императора не было «ничего ранящего»¹.

К 25-летию юбилею Бородинской битвы было приурочено начало строительства второго Храма Христа Спасителя в Москве. Строительство первого храма было начато еще при Александре I: 25 декабря 1812 г., когда последние наполеоновские солдаты покинули пределы России, император подписал Высочайший Манифест о построении церкви в Москве, лежавшей в то время в руинах. Храм задумывался как коллективный кенотаф воинов Русской императорской армии, погибших в войне с Наполеоном, — на стенах храма начертаны имена офицеров, павших в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах. 12 октября 1817 г., в пятилетнюю годовщину ухода французов из Москвы, в присутствии Александра I был заложен на Воробьевых горах первый храм по проекту Витберга. По восшествии на престол Николая I строительство пришлось остановить из-за растрат.

Торжественная закладка нового собора произошла в день 25-летия Бородинского сражения — в августе 1837 г. На церемонии присутствовали митрополит Филарет, император Николай I, великие князья Александр Николаевич и Михаил Павлович. Строительство второго храма велось по проекту архитектора К.А. Тона и продолжалось почти 44 года, с 23 сентября 1839 г. по 26 мая 1883 г., когда храм был освящен.

В наследство от старшего брата досталась Николаю и задача увековечить память М.И. Кутузова и М.Б. Барклая-де-Толли, скончавшихся в 1813 и 1818 г. соответственно. Император Александр издал соответствующий рескрипт 23 сентября 1818 г. Однако скульпторы Императорской Академии художеств отказывались от участия в конкурсе на проект памятников, поскольку в нем содержалось обязательное условие изобразить военачальников в современных военных мундирах, а не в туниках или античных мантиях, как было принято в те времена. Поэтому даже через полгода после открытия конкурса не было представлено ни одного эскиза памятника. Модели памятников поручили изготовить немецкому скульптору Эдуарду Лауницу, однако его работа не была принята, поскольку ему не удалось создать убедительный образ русских полководцев. В 1829 г. Николай во исполнение воли брата организовал конкурс

---

¹ Barante P., *de. Souvenirs...* Т. 5. Р. 364, 437–439.

на создание памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли, в котором приняли участие вернувшиеся из Рима скульпторы Б.И. Орловский и С.И. Гальберг. Выбор пал на эскиз Орловского, и он в январе 1830 г. начал работу над памятниками.

По предложению Монферрана постамент к памятнику вначале предполагалось сделать из красного гранита и украсить бронзовыми барельефами, Орловский предполагал выполнить их из менее помпезного и более дешевого северного гранита, но в итоге Николай I принял вариант архитектора В.П. Стасова. Постаменты в исполнении известного каменотеса С.К. Суханова были изготовлены из полированного гранита весной 1837 г. Монферран предложил выполнить надписи на постаментах накладными бронзовыми буквами, однако Орловский, указав на непрочность этого варианта, решил высечь буквы на камне.

Сами памятники были отлиты известным мастером В.П. Екимовым в литейной мастерской Академии художеств: в 1832 г. – скульптура Кутузова, в 1836 г. – Барклая-де-Толли.

Под руководством архитектора К.А. Тона статуи были установлены на постаменты: 30 мая 1837 г. – фигура М.И. Кутузова, 15 июня 1837 г. – М.Б. Барклая-де-Толли. Торжественная церемония открытия памятников состоялась 25 декабря 1837 г. в честь 25-й годовщины победы в Отечественной войне. На церемонии присутствовали вся императорская семья и многие знаменитые особы. Через несколько дней памятникам были отданы воинские почести.

В целом празднование годовщин Бородинской битвы было для Николая важнейшим событием, когда можно было в очередной раз продемонстрировать мощь России, апеллируя к славным временам.

26 августа (7 сентября) 1839 г. во время празднования Бородинского сражения на Бородинском поле был торжественно открыт монумент-часовня, а также проведена реконструкция Бородинского сражения (29 августа (10 сентября)), на которых присутствовал император. Практически ни один представитель дипломатического корпуса на эти торжества допущен не был, что очень насторожило дипломатов. Очень неоднозначно был воспринят ими и текст приказа Николая I, произнесенного перед войсками, собравшимися на поле битвы. Какие же слова шокировали Европу? «Ребята! Перед Вами памятник, свидетельствующий о славном подвиге ваших товарищей! Здесь, на этом самом месте, за 27 лет перед сим надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за Веру, царя и Отечество! Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана разметаны кости дерзких пришельцев – и мы вошли в

Париж. Теперь настало время воздать славу великому делу»¹. Казалось бы, слова не воинственные, обращенные к славному прошлому, о том, что необходимо помнить о заслугах России. Но в условиях роста русофобских настроений в Европе эти слова могли восприниматься европейцами чуть ли не как прямая угроза. Вот как описывал Барант впечатление, произведенное на него этим приказом: «Общество смотрит с удивлением, осуждением и печалью на поступок, который может иметь очень серьезные последствия, ибо вызовет большое раздражение во Франции. Все те члены дипломатического корпуса, которые остались в Петербурге, сожалеют об этом происшествии, которое может нарушить отношения двух держав и осложнить и без того непростое положение дел». По словам дипломата, даже Нессельроде был «...весьма смущен и опечален демонстрацией, столь мало соответствующей его политическим взглядам [...] Не в моих силах было сделать вид, будто я не придаю этому приказу никакого значения. Он произвел здесь такое сильное впечатление, что, вырази я равнодушие, это было бы равносильно занятию определенной позиции, на что я вовсе не имею указаний»². Впрочем, бородинский инцидент не произвел радикальной перемены в отношениях между Россией и Францией, и так неважных. Спустя два года Барант, как мы знаем, был вынужден покинуть Петербург, а граф П.П. Пален – Париж...

---

¹ Император Николай Первый. С. 235.

² Цит. по: *Мильчина В.А., Основат А.Л.* Указ. соч. С. 944.

Глава 5 ФИНАЛ

Почему французы изменили традиции и устроили революцию зимой: мнение Н.Д. Киселева

Еще Геродот говорил, что о человеке, государственном деятеле можно судить только в финале его политической карьеры. А финал у обоих монархов, героев книги, был трагичный. Луи-Филипп пришел к власти в результате революции, и низвергла его с престола тоже революция. Восшествие Николая I было омрачено восстанием декабристов, а закончилось Крымской войной. При этом многие современники считали, что не случись Крымской войны, восприятие и оценка царствования Николая Павловича могли бы быть совершенно иными.

Оба они устали. Если Николай устал от власти, да и от жизни, по сути, отказавшись бороться за нее на фоне неудач Крымской войны, то с Луи-Филиппом произошло нечто подобное, когда он отказался защищать свою власть и корону в дни Февральской революции. Тогда в глазах французов король впервые в своей жизни проявил малодушие и трусость...

* * *

Февральскую революцию 1848 г. во Франции многие исследователи воспринимают как естественный выход из того «тупика», в котором, по их мнению, оказался орлеанистский режим во главе с королем Луи-Филиппом¹. Что касается современников, то февральские события стали неожиданностью для самых разных французских политиков – от орлеанистов до решительных республиканцев. Последние надеялись на успех своего дела только в относительно да-

---

¹ См., например: *Droz J.* De la Restauration à la Révolution. 1815–1848. P., 1967; *Castries D., de.* La fin des rois, 1815–1848. T. 1–5. P., 1972; *Agulhon M.* 1848 ou l'apprentissage de la République. P., 1992; *Caron J.-C.* La France de 1815 à 1848. P., 1993; *April S., Huard R., Lévêque P., Mollier J.-Y.* La Révolution de 1848 en France et en Europe. P., 1998.

леком будущем и никак не ожидали столь быстрого падения режима. Подобная развязка вызвала удивление и среди правящих кругов. По словам видного политика тех лет, умеренного либерала герцога Л.-В. де Броя, «февральские события обрушились на него, как удар молнии»¹, а обычно прагматичный и осторожный король Луи-Филипп и вовсе не поверил известию о начавшемся восстании, заявив, что его подданные не устраивают революцию зимой.

Действительно, начиная со штурма Бастилии 14 июля 1789 г. революционные события потрясали Францию лишь в жаркие летние месяцы. Смена режимов в ходе Революции конца XVIII в. происходила тоже летом. 10 августа 1792 г. пала монархия, в результате восстания 30 мая – 2 июня 1793 г. жирондисты были изгнаны из Конвента монтаньярами, и, наконец, 27 июля 1794 г. в ходе термидорианского переворота потеряли власть робеспьеристы. В XIX столетии эта традиция была продолжена: в июле 1830 г. произошла революция, приведшая Луи-Филиппа к власти.

Традиционно историки отмечают следующие причины революции: упорный отказ правительства от парламентской и избирательной реформ, узость политической базы режима, осторожная внешняя политика, безразличие к положению рабочего класса, углубление экономического кризиса, нечувствительность властей к критике, рост коррупции. Однако помимо названных, необходимо учитывать и причины психологического свойства, лаконично выраженные Альфонсом Ламартином в известной фразе: «Франция скучает».

К чему ведет такая «скучная» жизнь, прекрасно понимали и в России. Так, во Всеподданнейшем отчете III отделения за 1839 г. отмечалось: «Продолжительный мир и продолжительная война, две крайности, производят в людях одинаковые последствия: колебания умов, жажду перемены положения, а это самое производит толки, из которых образуется мнение общее»².

Революция 1848 г. явилась неожиданностью не только для французов. Она застала врасплох и многих иностранцев, находившихся в стране, в частности, поверенного в делах России во Франции, уже знакомого нам Н.Д. Киселева.

Начиная с академика Е.В. Тарле в отечественной исторической науке сформировалось мнение, будто бы Киселев в значительной степени был наделен опаснейшим для России пороком всех николаевских дипломатов: он систематически стилизовал свои донесения так, чтобы жадно и внимательно читавший и испещрявший их заме-

---

¹ Цит. по: *Rosanvallon P. Le moment Guizot. P., 1985. P. 321.*

² Россия под надзором... С. 198.

чаниями царь был вполне удовлетворен¹. Конечно, Е.В. Тарле был прав, подчеркивая подобострастность дипломатов и их стремление угодить государю. В то же время, даже если согласиться, что Киселев был «царедворцем с ног до головы», его донесения, отличавшиеся взвешенным и глубоким анализом ситуации, резко контрастировали с сухими реляциями графа Палена, который действительно был послушным инструментом политики Николая I. Киселев же в феврале 1848 г. совершил отнюдь не раболопный поступок: он рискнул послушаться императорского приказа и остался в революционном Париже, полагая, что его присутствие может оказаться полезным для русских подданных, находившихся в столице Франции.

Как известно, революционному взрыву февраля 1848 г. предшествовала так называемая «банкетная кампания» 1847 г., явившаяся своеобразной формой протеста республиканской оппозиции правительству Франсуа Гизо, запретившему уличные собрания и демонстрации². Оппозиция нашла выход – она стала устраивать антиправительственные собрания и демонстрации в кафе и ресторанах под видом банкетов по надуманным поводам. С 18 июля 1847 г., когда в Париже был организован первый политический банкет, в 28 департаментах Франции прошло 70 подобных акций и в них приняли участие более 20 тыс. человек³. Запрет правительством одного из банкетов, который должен был состояться 22 февраля 1848 г. в 12-м округе Парижа, вызвал взрыв негодования среди республиканцев, став прелюдией к народному восстанию, переросшему в революцию.

Киселев очень хорошо осознавал нестабильность социально-политической обстановки во Франции и готовность оппозиции к решительным действиям. Сообщая в начале февраля об обсуждении в палатах парламента ответного Адреса на тронную речь короля, он подчеркнул, что оппозиция сделает все возможное, чтобы ниспровергнуть не только кабинет Гизо, но и сам режим Июльской монархии, то есть доведет дело до революции. Тем не менее он выразил уверенность, что правительству удастся получить большинство в ходе обсуждения Адреса⁴. Адрес и в самом деле был одобрен большинством обеих палат, и в этом Киселев усматривал личную победу Гизо. Он очень высоко ценил этого министра, отмечая его уме-

---

¹ Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Соч. в 12 т. Т. 8. М., 1959. С. 217.

² О банкетной компании сам.: Robert V. Le temps des banquets. Politique et symbolique d'une génération (1818–1848). Р., 2010.

³ Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). С. 270.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 118. Л. 43 об. – 44.

ренность, верность принципам, отсутствие склонности к популизму, приверженность миролюбивому и компромиссному внешнеполитическому курсу. Более того, по словам Киселева, Гизо был единственным политиком, способным управлять Францией, а Европа воспринимала его как гаранта умеренного и миролюбивого курса страны¹.

Несмотря на победу сторонников правительства, Киселев опасался, что намеченные на 22 февраля 1848 г. банкет и шествие могли иметь крайне опасные последствия. По его словам, достаточно было одного неосторожного выстрела, одной провокации, чтобы события приобрели неконтролируемый характер. 21 февраля он писал: «По мере приближения реформистского банкета [...] опасения и беспокойство охватывают все классы парижского населения [...] Очевидно, что малейший инцидент, малейшая неосторожность какого-нибудь отчаянного или недовольного человека, выхода какого-нибудь сорванца против представителя власти может спровоцировать возмущение [...] и привести к взрыву, который окончится кровопролитием, чем поспешат воспользоваться анархисты [...] Завтра все будет зависеть от случая [...] Никто не может предположить, какой оборот может принять уличная демонстрация, в которой будут участвовать тысячи более или менее возбужденных людей, принадлежащих ко всем слоям общества»².

Вывод Киселева относительно социального состава участников шествия, запланированного на 22 февраля, весьма показателен: только в нескольких донесениях, написанных непосредственно в дни восстания, то есть 22–24 февраля, он сообщал, что в акции протеста участвовали представители всех слоев парижского общества, в том числе члены палаты депутатов и пары Франции, а люди в рабочих блузах составляли «значительное большинство»³. В донесениях, составленных после восстания, Киселев настойчиво проводил мысль о том, что главной движущей силой революции была уличная шпана, бездельники, всегда готовые к бунту и возмущению.

Осознавая степень опасности запланированного шествия для правящего режима, российский дипломат тем не менее никак не ожидал, что правительственный запрет на проведение банкета и шествия в поддержку реформы избирательного права выльется, как он писал, в «ужасную социально-политическую революцию». По его словам, ее «никто не мог предвидеть; расползлись застигнуты да-

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 118. Л. 85.

² Там же. Л. 171 об. – 172.

³ Там же. Л. 178 об.

же те, кто неожиданно оказался у кормила власти в этой стране»¹. В то же время Киселев признавал, что призывы левой оппозиции попали на благодатную почву – нестабильную внутривластную ситуацию и экономические сложности в стране, – и подчеркивал, что оппозиция, планируя банкет с целью ниспровержения кабинета Гизо, не имея возможности одержать победу в ходе парламентской борьбы, использовала «возбуждение в умах и некоторое расстройство в делах»².

Хотя оппозиция уступила требованию правительства и отказалась от запланированного банкета, взрывоопасный механизм был запущен. У оппозиционеров «уже больше не было времени для того, чтобы успокоить разбушевавшиеся страсти, предупредить о новой тактике поведения всех участников шествия [...] и заставить низшие классы, которых призывали выйти на улицы, отказаться от участия в празднике, обещанном либералами со свойственным им шарлатанским популизмом»³. В результате 22 февраля «весь парижский сброд смешался с прочими слоями населения, которые скорее из-за любопытства, нежели из-за чувства открытой ненависти, стали собираться в кварталах, где должен был состояться запланированный и отложенный банкет, и которым изначально отводилась роль свидетелей объявленного шествия. Уже этот первый день выдался очень беспокойным, особенно в кварталах, соседних с Тюильри, однако вся эта шумиха была спровоцирована исключительно сборищем сорванцов, бесчисленных в этом городе с более чем миллионным населением, готовых на все и от безделья развлекающих себя всяческими злобными выходками, оказываясь там, где пахнет возмущением или беспорядком»⁴.

Это наблюдение Киселева является весьма точным в свете современных подходов к изучению революции 1848 г., суть которых сводится к тому, что Июльская монархия пала под влиянием весьма своеобразного проявления народного недовольства, а Февральская революция началась со стихийного всплеска народного протеста. Как отмечает английский исследователь Т. Зелдин, «это было проявление недовольства исключительного рода – не кампания в прессе, не партийная агитация, а восстание неорганизованных, никем не руководимых рядовых парижан, порвавших с привычкой к рутине и

---

¹ Там же. Л. 119. Л. 21.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 22 об.

⁴ Там же. Л. 22 об. – 23.

выразивших свой протест таким способом, который трудно с чем-либо сравнить»¹.

Значение событий 1848 г. определялось тем, что в политику включились народные массы, привлеченные под свои знамена республиканцами. Уже 22 февраля, как сообщал Киселев, «среди этой массы бездельников» оказались «вожаки и члены демократических обществ, присутствовавшие на этих сборищах скорее в качестве пассивных наблюдателей, нежели активных участников, с целью подсчитать свои силы и прозондировать почву относительно будущих действий, подготовиться как для наступления, так и для обороны»².

В первой половине этого тревожного дня Киселев еще допускал, что правительство сможет удержать ситуацию под контролем: «Есть все основания надеяться, что сила останется на стороне закона, однако сейчас никто не может предсказать, чем закончится кризис, приобретший вдруг столь серьезный характер»³.

Обстановка действительно стремительно менялась. «С каждым часом, – свидетельствует Киселев, – беспорядок и враждебность нагнетались все больше и больше. Разбирали мостовые и останавливали экипажи, особенно самые большие, чтобы соорудать из них баррикады. Сокрушали ограды вокруг церквей и домов, чтобы сделать из них оружие, которым пока еще никто не был оснащен. На муниципальную гвардию начали обрушиваться удары камней; в разных частях города произошли ожесточенные столкновения; были раненые и даже несколько убитых. Повсюду, однако, войскам удавалось с помощью одной лишь демонстрации своей силы и нескольких сабельных ударов подчинять мятежников, и линейные войска еще не принимали участия в подавлении выступлений, ограничиваясь простыми перемещениями. Не подвергаясь атакам со стороны бунтовщиков и, соответственно, не имея необходимости защищаться, войска ограничились тем, что к вечеру дислоцировались в стратегически важных точках города. После дневной суматохи вечер прошел достаточно спокойно, и войска оставались под открытым небом вплоть до восхода солнца [...]. У каждого солдата в ранце был хлеб, сыр и колбаса в расчете на один день»⁴.

А как вели себя в эти тревожные часы первые лица государства? Какие меры предпринимали они для собственной защиты и восстановления порядка в столице? «Король не проявлял никаких призна-

---

¹ Зелдин Т. Указ. соч. С. 410.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 119. Л. 23 об.

³ Там же. Д. 118. Л. 180.

⁴ Там же. Д. 119. Л. 24–24 об.

ков беспокойства, — докладывал Киселев в Петербург, — королева также не подавала виду. Принцам было запрещено показываться на улице, дабы не быть спровоцированными стрелять в народ. До вечера правительство полагало, что еще можно будет обойтись без привлечения Национальной гвардии и подавить возмущение силами одной только армии». Однако к вечеру «спохватились и обратились с призывом к гвардейцам, на который те реагировали очень вяло, и ни одна из частей Национальной гвардии не явилась на зов правительства в полном составе»¹. Между тем Национальная гвардия всегда считалась опорой режима, и ее поведение стало очень тревожным симптомом.

Назавтра, в среду 23 февраля, в первые утренние часы ничто, казалось, не предвещало, что кабинет Гизо находится у власти последний день. Киселев полагал, что волна возмущения спала и не представляет серьезной опасности для правительства. «Вчерашние волнения, несмотря на настойчивые попытки возведения баррикад и демонстрацию самых враждебных намерений, — говорилось в его донесении, — не имели такого серьезного характера, как многочисленные прежние парижские бунты. Было очевидно, что нарушители порядка не были вооружены, не имели ни вожаков, ни знамени и стремились только к тому, чтобы удовлетворить свои деструктивные и враждебные власти инстинкты. Вчерашнее возмущение можно назвать восстанием сорванцов, поскольку основными участниками беспорядков явились молодые люди в рабочих блузах в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, хитрые и дерзкие бездельники, которых всегда полно в столице»².

Тем временем в районе Монмартра 1-й легион Национальной гвардии перешел на сторону восставшего народа с криками «Долой Гизо!», «Да здравствует реформа!» Вскоре против правительства выступили почти все остальные легионы. Именно поведение Национальной гвардии, по мнению Киселева, явилось фатальным для режима: оно «изменило природу бунта, а республиканская партия воспользовалась обстоятельствами, чтобы изменить порядок вещей»³.

Королева, напуганная поведением Национальной гвардии, умоляла короля отправить Гизо в отставку. В Тюильри прибыл министр внутренних дел Ш.-М. Дюшатель, которого король попросил привезти к нему и Гизо. В 14 часов 30 минут они были в Тюильри. В зале их

---

¹ Там же. Л. 25–25 об.

² Там же. Л. 118, л. 185 об.

³ Там же. Л. 194.

встретили король, королева Мария-Амелия и их сыновья – герцог Немурский и герцог Монпансье. Российский дипломат так описывал эту сцену: «Король был очень взволнован. Он велел позвать королеву и принцев. В их присутствии он заявил, что скорее предпочел бы отречься от престола, чем отправить в отставку министров. Королева заплакала и на коленях просила склониться ко второму варианту. Герцог Монпансье поддержал это мнение; герцог Немурский смирился с ним с чрезмерным сожалением. Наконец, король спросил г-на Гизо, кого ему следует назначить главой кабинета. Министр посоветовал г-на Моле, желая прежде всего сохранить власть за консервативной партией¹. Король отправил за графом Моле. Королева и принцы в знак благодарности обняли г-на Гизо. Король, прощаясь с ним, сказал: “К вашей чести и к моему стыду”»².

После встречи с королем Гизо возвратился в Палату депутатов, где медленно и торжественно сообщил: король только что поручил графу Моле сформировать правительство. «Удивление было огромным, – писал Киселев о реакции парламентариев на это известие, – и наиболее дальновидные почувствовали, что эта уступка перед бунтом приведет к самым фатальным последствиям. Это сообщение поразило Палату: левая ликовала, большинство же было в состоянии подавленности и отчаяния»³.

А что же столица? «Новость сразу же разлетелась по городу, и первой реакцией улицы было удовлетворение. Бунт на мгновение затих, но вскоре вслед за людьми, принадлежавшими к Движению⁴, все стали полагать, что было достигнуто слишком мало, и утверждали, что Моле немногим лучше Гизо и что он не умеет говорить, как Гизо», – сообщал Киселев⁵.

Время, однако, было упущено, и назначение главой правительства Луи Моле вряд ли могло кардинально изменить ситуацию. «Граф Моле [...] приступил к формированию министерства, но его старания были тщетны, и к девяти часам вечера он продемонстрировал столь явные признаки слабости, что его отставка стала очевидной. Он, действительно, отказался от власти, и между одиннадцатью часами и полночью король послал за г-ном Тьером, который взял на себя обя-

---

¹ Имеются в виду умеренные либералы-орлеанисты, сторонники политики Соппротивления и возглавляемого им правоцентристского парламентского блока.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 119. Л. 27–27 об.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Напомним, Движение и Соппротивление – два фланга орлеанизма, т. е. либерализма времен Июльской монархии.

⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 119. Л. 28–28 об.

зательство сформировать министерство с одним лишь условием: чтобы в него вошел О. Барро. Король со всем согласился»¹.

Отставка Моле означала полное бессилие власти. Либеральные политики Адольф Тьер, лидер левого центра, и Одилон Барро, глава династической оппозиции, пытались не допустить разрастания восстания, но тем же вечером у резиденции Гизо на бульваре Капуцинов произошла трагедия. «Прибыв к министерству иностранных дел, толпа обнаружила там охранявшее его соединение 14-й линии, преградившее проход к зданию, – писал Киселев. – В ходе столкновения между толпой и войсками одним залпом линейных войск, явившимся ответом на спровоцированный выстрел из толпы, было убито и ранено пятьдесят человек»². Этот инцидент, интерпретируемый главным образом как фатальная ошибка [...] стал сигналом к действию для тайных обществ и республиканцев, которые немедленно рассредоточились по всем кварталам с криками: «К оружию! Мстить!». С целью возбуждения народа через весь город в окружении факелов провозили повозку с телами погибших на бульваре Капуцинов». Киселев допускал, что этот инцидент являлся провокацией: «Сегодня говорят, что он был заранее спланирован вожаками бунта... Поговаривают, что эта повозка держалась наготове еще до этого события»³. В результате, по словам дипломата, бунт «приобрел черты всеобщего восстания, открыто возглавляемого демократическими обществами»⁴.

Утром 24 февраля впервые раздались призывы к свержению короля и ликвидации монархии. «К восходу солнца в четверг, 24 февраля, тысячи баррикад заполнили Париж, – сообщал Киселев. – Армия, не получая приказа, бездействовала, но к девяти часам ей было приказано отступить. Именно тогда распространилась новость о формировании министерства Тьера – Барро. Несмотря на все усилия двух новых министров подавить восстание, их ждало поражение; их решение отвести войска могло только ускорить развязку. Именно тогда один из легионов Национальной гвардии направился к Тюильри, требуя отречения короля, который без колебаний отказался от престола в пользу своего внука, девятилетнего графа Парижского, при регентстве герцогини Орлеанской»⁵.

---

¹ Там же. Л. 28 об.

² Киселев приводит здесь достоверные сведения о числе погибших. По официальной версии их было 16.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 119. Л. 30 об. – 31 об.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 31 об. – 32 об.

«Неоспоримым является тот факт, что на фоне самого внушительного министерского большинства в обеих Палатах и самого очевидного согласия между королем и министрами Палаты, министры и король были сметены всего лишь одним дуновением бунта, управляемого несколькими газетами и демократическими обществами», — констатировал российский дипломат¹.

Итак, 24 февраля 1848 г. Луи-Филипп после продолжительных колебаний подписал отречение от престола в пользу своего внука, графа Парижского, однако это не спасло режим: во Франции была провозглашена республика.

* * *

В России о начале новой революции во Франции узнали 22 февраля 1848 г., в день завершающего Масленую неделю бала у наследника. Казалось, в мирную обстановку Петербурга ворвался 1789-й год. Этот момент император Николай и считал началом «борьбы между справедливостью и силами ада». Однако его порыв отправить армию к границам Франции² (как и в 1830 г.!) был остановлен разумным доводом: у России нет денег на войну в Европе. Пример антинаполеоновской коалиции, на который ссылались Николай и фельдмаршал Паскевич, не годился. Тогда деньги давала Великобритания, а теперь, уверяли здравомыслящие головы, «не дадут ни гроша»³.

Пришлось искать компромисс между духом Священного союза и политической реальностью. Было решено сдерживать революционный пожар, не давая ему распространяться по Европе. Николай пояснял свой отказ от активных действий тем, что Россия не должна вмешиваться во внутренние дела Франции, позволив французам истреблять друг друга, но она обязана не допустить революционных движений в немецких землях⁴. Тем не менее весной 1849 г. Николай направил русскую армию в Европу.

Как и революция 1830 г., события 1848 г. не явились для русского монарха неожиданностью. Падение Луи-Филиппа лишь подтвердило его прежние предположения. Получив известие о революции во Франции, Николай испытал и удовлетворение, и страх. Ему не могло не импонировать, что «узурпатора» Луи-Филиппа изгнали с престо-

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 119. Л. 37 об.

² Николаю приписывают, как известно, следующую фразу, произнесенную на балу у наследника: «Седлайте своих коней, господа! Во Франции провозглашена республика!» См., например: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 489.

³ *Олейников Д.* Указ. соч. С. 277.

⁴ Там же. С. 279.

ла. Он приветствовал энергичные меры генерала Г. Кавеньяка по подавлению Июньского восстания, но опасался, как бы «либеральная болезнь» не пересекла границы Франции и Европы. Своему окружению Николай говорил, что Луи-Филипп получил по заслугам. Император уверял присланного Кавеньяком генерала Лефло, что Россия готова признать новый французский режим и сотрудничать с ним для поддержания европейского мира. Но о своих истинных чувствах он писал прусскому королю, сообщая, что момент крушения режима Июльской монархии он предсказывал уже 18 лет¹. Еще в начале 1848 г., накануне Февральской революции, император отметил в своем аналитическом обзоре, что Европа представляла собой «колоссальную картину все возрастающего потрясения»².

Европейские революции 1848–1849 гг. вызвали состояние, названное современным историком М.М. Шевченко «охранительной тревогой»³. Даже либеральный критик Виссарион Белинский принял известие о революции «почти с ужасом»⁴.

22 февраля Николай пригласил к себе французского поверенного в делах Мерсье, к которому был весьма расположен. Принимая его уже в качестве частного лица, государь откровенно высказал ему свои мысли о короле Луи-Филиппе, сводившиеся к тому, что Июльская монархия погибла так же, как и возникла, путем революции.

Все находившиеся в Петербурге французы были направлены к шефу жандармов графу А.Ф. Орлову. Именем государя он передал им, что они будут продолжать пользоваться покровительством императора и русских властей при условии соблюдения ими спокойствия и с сохранением за каждым из них права выезда из России»⁵.

Н.Д. Киселеву, как мы уже знаем, было предписано покинуть Париж. Но он, как в свое время Поццо ди Борго, на свой страх и риск решил остаться и продолжил контакты с французским послереволюционным правительством. Российским консулам и консульским агентам было предписано остаться во Франции, дабы покровительствовать российским подданным, особенно в делах коммерции и мореплавания⁶. Кроме того, в отношении французских консулов и кон-

---

¹ Труайя А. Указ. соч. С. 185.

² Выскочков Л. Человек в мундире. Николай I – «консерватор с прогрессом»? С. 14.

³ Шевченко М.М. Конец одного величия. М., 2003. С. 142.

⁴ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 363.

⁵ Император Николай Первый. С. 575.

⁶ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 77. П–З. Д. 3. Л. 1.

сульских агентов, пребывающих в России, предписывалось признавать их в их звании и оказывать им в случае необходимости содействие. Также оговаривалось, что на французские торговые суда продолжало распространяться действие русско-французского договора о торговле и мореплавании 1846 г., и они допускались в российские порты¹.

* * *

Король Луи-Филипп сдался практически без боя. При содействии английского консула королевская семья, за исключением невестки короля, вдовствующей герцогини Елены Орлеанской, и графа Парижского, бежала в Великобританию, без денег и даже без сменной одежды. Французы восприняли это именно как бегство. Луи-Филиппа, не раз доказывавшего свою храбрость и отнюдь не являвшегося трусливым человеком, французы осуждали. Как отмечал современник событий Ч. Гревилл, в эти дни королю вовсе не угрожала опасность. По его мнению, он мог бы попытаться снизить накал страстей и пойти французам на уступки².

Уже после революции Луи-Филипп в беседе с одним журналистом говорил, что все свое царствование он стремился обуздать революционный пыл и в то же время гарантировать поступательное развитие принципов 1789-го года. Он полагал, что если бы реформаторское движение восторжествовало, то власть оказалась бы в руках революционеров, ввергнувших Европу в войну. Поэтому он предпочел отречься от престола, но не становиться королем революции³.

В Великобритании королевскую семью приютил зять Луи-Филиппа, бельгийский король Леопольд, предоставивший в распоряжение королевской семьи свой замок в Клермонте. Королева Виктория была раздражена на Луи-Филиппа из-за дела об «испанских браках», в котором в результате сложных дипломатических манипуляций победу одержала Франция. Правда, как показало ближайшее время, мнимую. Виктория, подстрекаемая министрами Пальмерстоном и Расселом, некоторое время даже колебалась относительно самой возможности пребывания Луи-Филиппа на английской земле.

Луи-Филипп прожил в Клермонте до конца своей жизни. Он работал над воспоминаниями, которые так и остались незавершенными. К середине 1850 г. у 76-летнего короля-изгнанника обострилась

---

¹ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 77. II–3. Д. 3. Л. 1 об.

² *Greville Ch.* Op. cit. P. 366.

³ *Ibidem.*

тяжелая болезнь печени. В ночь на 24 августа он почувствовал резкое ухудшение самочувствия и поспешил исполнить свой последний христианский долг, хотя никогда прежде не был замечен в особом пристрастии к религии. В восемь часов утра 26 августа 1850 г. он тихо скончался. 2 сентября его похоронили в частном склепе на кладбище Вейбриджа. Однако, говорили современники, он умер задолго до этого дня, поэтому его смерть осталась почти незамеченной. Как отмечал упоминавшийся выше Чарльз Гревилл, «это событие, три года назад вызвавшее бы сенсацию в Европе, сегодня не произвело большого эффекта [...] говоря политическим языком, он был уже давно мертв»¹. 9 июня 1876 г. останки Луи-Филиппа и его супруги, пережившей мужа на шестнадцать лет, были перевезены из Англии и перезахоронены в королевской часовне Сен-Луи в Дрё, в департаменте Эр и Луар.

Может быть, наиболее емко итог деятельности Луи-Филиппа подвел хорошо знавший короля Виктор Гюго. По словам писателя, Луи-Филипп «...занял бы в истории место среди самых прославленных правителей, если бы немного больше любил славу и если бы обладал чувством великого в той же степени, в какой обладал чувством полезного». «...Наделенный чем-то от Карла Великого и чем-то от ходатая по делам... был основателем династии и ее стряпчим; в целом, личность значительная и своеобразная, государь, который сумел упрочить власть, вопреки тревоге Франции, и мощь, вопреки недоброжелательству Европы, Луи-Филипп будет причислен к выдающимся людям своего века...»² По словам Гюго, «...уже в настоящее время... мы можем сказать, что Луи-Филипп, как бы о нем ни судили, сам по себе, по своей человеческой доброте, останется, если пользоваться языком древней истории, одним из лучших государей, когда-либо занимавших престол. [...] Луи-Филипп был мягок, как Людовик IX, и добр, как Генрих IV». «А для нас, знающих, что в истории доброта – редкая жемчужина, тот, кто добр, едва ли не стоит выше того, кто велик». И даже политический оппонент Луи-Филиппа Шатобриан признавал, что Луи-Филипп был «единственным властителем, которого могут вынести французы»³.

---

¹ Ibid. P. 442.

² Гюго В. Отверженные. С. 18, 17.

³ Шатобриан Ф.-Р. де. Указ. соч. С. 553.

Крымская война и смерть Николая I: мнение А.Д. Блудовой

У императора Николая с годами накопилась моральная и физическая усталость от власти, от тяжких обязанностей, от постоянного давления монаршего долга. Он все чаще говорил об этом с близкими ему людьми¹.

Как и Луи-Филипп, Николай не был готов к компромиссам и отстаивал свои взгляды до конца. В результате к началу 1850-х гг. внешняя политика России вызывала неприязнь сразу у всех солистов «европейского концерта»: Великобритании, Франции, Австрии и Пруссии.

Для Николая Павловича события, связанные с Крымской войной, стали огромной трагедией. Оказалась разрушена вся система взаимоотношений, существовавшая в Европе с 1815 г., которую он так трепетно и старательно поддерживал. Война показала и слабость самой России, и ее неготовность бороться с мощной коалицией.

Казалось, совсем недавно, в 1850 г., император и вся страна торжественно отметили 25-летие его царствования. По этому случаю были представлены блестящие отчеты обо всех сферах жизни, в том числе о замечательной армии, эффективной судебной системе, прекрасном управлении, благоденствии жителей, в том числе крепостных крестьян. И вдруг такой афронт!²

Анна Федоровна Тютчева, дочь знаменитого поэта и фрейлина будущей императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, жила вместе с семьей наследника престола в Петергофе. Она писала о том, что Николая видели по ночам в петергофских парках — он молился и плакал. Переписка находившегося в Крыму будущего министра народного просвещения А.В. Головнина с другим царским сыном, великим князем Константином Николаевичем содержит мольбы Константина о том, что император не должен узнать о том, что русские бегут. Головнин же писал о том, что миллионная русская армия в Крыму не может противостоять 200-тысячному экспедиционному корпусу союзников. Русские не сумели организовать подвоз продовольствия, боеприпасов и вооружений. В то же время англичане, чтобы снабжать свой экспедиционный корпус, привезли с собой рельсы и шпалы и провели от Балаклавы железную дорогу³.

Военные поражения Николай Павлович переживал очень тяжело. Известие о неудачной попытке отряда генерал-лейтенанта

---

¹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 194.

² Мироненко С.В. Указ. соч. С. 3.

³ Там же. С. 3.

С.А. Хрулева выбить противника из Евпатории, когда потери убитыми и ранеными составили почти 700 человек, были последним сообщением, полученным уже больным императором из Крыма. Весьма вероятно, что именно нравственное потрясение и психологический шок стали причиной его преждевременной кончины 18 февраля 1855 г. Тютчева была во многом права, рассуждая о причинах неожиданной и преждевременной смерти императора, полагая, что его убили последние политические события. Не столько сама война и поражения, сколько низость тех, кого император называл друзьями и союзниками и на помощь которых рассчитывал¹. Ведь в начале Крымской войны Николай Павлович ждал ответных шагов от своих союзников и прежде всего от Австрии – таких, какие бы предпринял сам в силу своего характера и принципов².

О трагических событиях Крымской войны и последних днях жизни императора Николая оставила воспоминания еще одна современница событий – Антонина Дмитриевна Блудова, дочь Дмитрия Николаевича Блудова, литератора и государственного деятеля, и Анны Андреевны, урожденной княжны Щербатовой.

Воспоминания о Николае были записаны Блудовой в октябре 1873 г. и хранятся в Российском государственном историческом архиве. Крымская война, по словам Блудовой, стала настоящим потрясением не только для Николая, но и для всей России: «Никто в России не предвидел, до каких крайних бедствий доведет двуличная политика Австрии, государь еще меньше других»³.

Антонина Дмитриевна составила прекрасный психолого-политический портрет государя: «По пылкости характера, по долгой привычке повелевать и встречать безусловное повиновение, бывали у него примеры своеволия, но никогда это не было в пользу свою личную; – даже его ревнивое охранение монархической власти всюду и самодержавия у нас истекало из глубокого убеждения, что такая власть была необходима для хорошего управления. Конституционное правление он не любил потому, что считал эти непрерывные интриги, искательство у избирателей или лесть и заискивание у депутатов самую опасною игрою, которая должна была в конце концов вводить фальшь и неприязнь между народом и царем». Николай говорил отцу Блудовой: «Я понимаю республику – и я понимаю самодержавное управление; это честные и открытые отношения, mais la ponderation

---

¹ Выходяков Л.В. Николай I (фрагмент). С. 738.

² Там же. С. 737–738.

³ РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

des pouvoirs, это вечная борьба, которая зарождает двоедушие и междоусобную моральную войну»¹.

Блудова подчеркивала такую черту характера Николая, как прямодушие. В качестве примера она приводила историю брака Наполеона III, который, объявляя о своем намерении, якобы сказал: «В царствующих домах на меня всегда будут смотреть как на выскочку». Николай Павлович сказал тогда отцу Блудовой: «Eh bien, j'aime cela! Voila un homme avec qui je pourrais m'entendre» (Ну вот, мне это нравится! Это человек, с которым я бы мог иметь дело. – Н. Т.). Антонина Дмитриевна записала: «Увы! Его собственная прямодушная натура поверила прямодушию у этого фигляра из фигляров, олицетворенная ложь и шарлатанство»².

При этом самодержец Николай вполне принимал конституционный образ правления в Великобритании. Блудова писала: «Воротясь последний раз из Англии, государь, однако, сказал отцу моему: “Вот в Англии я понимаю Конституцию и помирился с ней. Там они как-то умеют соединять свободу с горячей любовью к монарху”»³. Разделяя эту позицию, Блудова отмечала: «И точно, в одной Англии и есть хорошее парламентское управление, потому что оно не сочиненное, а выросло мало-помалу из разных обстоятельств в течение веков, выросло на исторической почве вследствие особенностей национального характера»⁴.

По ее словам, главное, что отличало Николая как государя, – это чувство долга и интересы государства: «...не он лично, а Он и Россия, Он и армия, Он и народ были нераздельные. На свой высокий сан, на свою власть и силу он смотрел не как на средство к превозношению себя, к наслаждению и беззаботной жизни, в роскоши и гордости; – нет; хотя он ошибался не раз, и был не раз обманут, и не раз обманывал себя, хотя человеческая слабость и человеческие страсти и всеобщее поклонение и искательства Европы могли завлечь его в многие ошибки, – все же мелкого эгоизма или беспощадного самолюбия у него не было никогда, и то, что многие считали самопоклонением в некоторых его требованиях по отношению к верховной власти, далеко не имело такого характера. Для него это было род священнодействия, служба Отечеству, назначенная ему самим Богом, обязанность, для которой он готов был жертвовать собою всегда»⁵.

---

¹ РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 16 об. – 17.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 17–17 об.

⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵ Там же. Л. 18–18 об.

Николай, как уже отмечалось, воспринимал действия Австрии, вступившей в войну против России, как самое настоящее предательство. При этом он всегда предельно заботливо относился к императору Францу-Иосифу. Блудова вспоминала, что императрица Александра Федоровна рассказала, откуда у государя была такая привязанность к молодому тогда еще Францу-Иосифу: «Еще в Мюнхенграце старый император Франц I сожалел, на кого он оставляет империю: “Я стар и схожу со сцены. Наследника моего вы видели, – Вы знаете, что это такое. Второй сын мой (эрцгерцог Франц) немного лучше. Одна надежда на ребенка – на внука – но он младенец, – кто его поддержит. Я поручаю его Вашему Величеству, не оставляйте его!”. “Обещаю Вам, – отвечал он, – что я его не оставлю никогда, что я буду смотреть на него, как на сына!”»¹. Блудова писала: «И как свято он сдержал свое слово! И как низко и злостно Франц-Иосиф ему отплатил!»²

По словам Антонины Дмитриевны, перед смертью Николая Александра Федоровна спросила его: «Не правда ли ты прощаешь всем? – Всем, конечно, – был ответ. – И даже Султану? – спросила императрица. Государь улыбнулся. Бедный султан, – сказал он, – конечно прощаю, он может быть всех меньше виноват передо мною. – А императору австрийскому ты простил? – Улыбка исчезла с лица умирающего, и с глубоким вздохом он отвечал: “И императору австрийскому я прощаю, хотя он прямо в сердце нанес мне удар, да еще повернул ножом в ране”»³.

Блудова вспоминала, что видела государя последний раз за две недели перед его кончиной. В тот день у императрицы был зачитан манифест о формировании ополчения. В этот момент вошел государь: «Он был в сюртуке, без эполет, по-домашнему и необыкновенно хорош»⁴. По ее словам, за четыре месяца до этого она встретила Николая Павловича на Невском и не узнала: «Он исхудал, состарился, даже слегка согнулся; цвет лица был серый, глаза тусклые. Только поравнявшись с коляской так близко, что я бы могла тронуть его рукой, узнала его, нашего красавца-богатыря, в этом истомленном, больном генерале!.. Сколько было на этом лице неописанной скорби, невыразимых мучений»⁵.

---

¹ Там же. Л. 18 об. – 19.

² Там же.

³ Там же. Л. 19–19 об.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 20 об.

Но в начале февраля, по ее словам, «душевная борьба была кончена». В то же время, вспоминала Антонина Дмитриевна, «глядя на государя, никто не мог думать, что смертельная физическая болезнь уже развивается в нем»¹. Доктор советовал Николаю надевать мягкие велюровые сапоги. Когда Блудова напомнила ему об этом, он ответил, улыбаясь: «Нет! Пока я на этом месте, я должен служить во всем по порядку. А уж если стану дряхл, так уже в чистую отставку пойду»². «Но побережись, – возразила я, – не значит дряхлеть. – Нет, нет! Я этого места не искал и не желал; меня Бог поставил. Если не гоюсь на службу, уйду, но пока есть сила, буду перемогаться до конца»³. По словам Блудовой, «все это он говорил так спокойно и как бы равнодушно...»⁴

18 февраля Блудова с отцом прибыла во дворец. Доктор Маркус сообщил, что у императора и подагра, и воспаление легких. «Но с его богатырской натурой он бы выдержал. Государь умирает от болезни, которую англичане называют “a broken heart”. Он давно приговоренный к смерти человек»⁵.

Блудова прекрасно проиллюстрировала отношение к Николаю простых людей: «В самый день кончины Николая Павловича один наш знакомый ехал на извозчике. Парень сильно приуныл. Что, тебе очень жаль Государя? – спросил у него ездок. – Как не жалеть, барин, отвечал тот, добрый был царь для нас. – Да и новый государь добрый, – сказал наш знакомый... Да говорят, он любит вас, господ, а тот, родимый, нас любил, простой народ, – и парень утер слезу рукавом»⁶.

Внезапная смерть императора, здоровье и энергия которого казались современникам несокрушимыми, стала совершенной неожиданностью не только для народа, но и для его ближайшего окружения. Все это породило необычайно устойчивую легенду о завуалированном самоубийстве императора. Это мнение подтверждается в основном мемуарными источниками, написанными и опубликованными спустя много лет после событий 1855 г. Поэтому вопрос о смерти Николая, видимо, навсегда останется одной из тайн истории.

Смерть Николая I вызвала целый спектр его оценок как человека и монарха. Прежде всего, она послужила поводом для инвектив в

---

¹ РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об. – 21.

² Там же. Л. 21 об. – 22.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 24 об.

⁶ Там же. Л. 36–36 об.

адрес государя со стороны демократически настроенной части российского общества. На страницах рукописного журнала «Слухи», составлявшемся в 1855 г. молодым Николаем Добролюбовым, писалось о «разврате» николаевского двора и императора Николая I¹.

Александр Герцен, которого император простил за его прегрешения в молодые годы и в 1847 г. даже разрешил выехать за границу, тоже не щадил Николая Павловича, которого видел всего два раза в молодости в Москве: один раз на коронации и позднее на одном из балов. Однако их заочное знакомство посредством III отделения и герценовских публикаций длилось более двадцати лет, а в 1848 г. император приказал «немедленно возвратить Герцена в Россию». Однако Александр Иванович на требование российского правительства ответил отказом и продолжал воевать с самодержавно-крепостнической реальностью «оружием» слова². В наиболее ярком варианте негативный портрет Николая I представлен в очерках Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851) и «14 декабря 1825 и император Николай» (1858)³, а также в мемуарах «Былое и думы». Как писал Герцен, «ярчайшее выражение его царствования – девиз деспотизма: “Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой”»⁴. «Оловянный взгляд», «зимние глаза» и «упорность» Николая I, доходившая «до безумия беременных женщин, когда они хотят чего-нибудь животом», – это все оттуда...

---

¹ *Ляшенко Л.М.* Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 11.

³ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994.

⁴ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 т. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М., 1956. URL: http://az.lib.ru/g/hercen_a_i/text_0360.shtml (дата обращения: 27.03.2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, война, поражение, болезнь и скоропостижная смерть – итог жизни и правления императора Николая I. Революция, отречение от престола, бегство в Великобританию и скорая смерть – финал жизни короля Луи-Филиппа. Однако каковы результаты их деятельности в исторической перспективе? На мой взгляд, вовсе не столь однозначно негативные. Процессы, происходившие во время царствования Николая I, в значительной степени им же инициированные, способствовали формированию экономических основ нового общества, формированию национальной культуры. Правление Николая I подготовило грядущие – после Крымской войны – преобразования, когда дворянство и правящая элита страны оказались готовы поступиться рядом своих корпоративных преимуществ во благо России¹. Умеренный консерватизм Николая I, выступавшего за «реформы сверху», способствовал этому эволюционному процессу². А за восемнадцать лет правления короля Луи-Филиппа были заложены основы современной Франции. Конституционализм, парламентаризм, правовые нормы, практикуемые в этой стране по сию пору, своими корнями уходят в годы Июльской монархии. Время все расставляет по своим местам, и в исторической памяти деятельность столь разных, но и столь похожих монархов, во многом реабилитирована.

Что касается русско-французских отношений этого времени, то император Николай I, убежденный сторонник принципа легитимизма, противник революций, все же был вынужден признать режим Июльской монархии и «короля баррикад» Луи-Филиппа. Несмотря на то что отношения между странами вплоть до Февральской революции 1848 г. оставались весьма прохладными, культурные, экономические и научные связи не прерывались. Более того, со второй половины 1840-х гг. у Николая Павловича прежняя нетерпимость к «фальшивой» Июльской монархии и Луи-Филиппу лично в определенной мере ослабла. Это доказывает, что император был политиком весьма рационального типа: человек принципов, с рыцарскими пред-

---

¹ *Высочков Л.В.* Николай I (фрагмент). С. 738.

² *Андреева Т.В., Высочков Л.В.* Николай I: pro et contra (зеркало для героя). С. 62.

ставлениями о чести и долге, он в своих действиях исходил прежде всего из национальных интересов России, в его, разумеется, понимании. Русско-французские отношения этого периода можно рассматривать как первый опыт взаимодействия российского самодержавия и французского либерализма, как исторический пример возможности согласования национальных интересов и европейской безопасности в условиях многополярного мира.

В то же время это рыцарство обернулось для Николая I и России в целом катастрофой. Во многом он остался во власти представлений о могуществе России времен своего восшествия на престол, не сумев сохранить баланс между прошлым и настоящим, между идеями и реальной ситуацией. А она к началу 1850-х годов была совсем непростой. Если в 1814 г. император Александр I воспринимался как гарант стабильности в Европе, то к началу 1850-х европейские лидеры сочли политику Николая скорее фактором ее дестабилизации, нежели спокойствия.

Любовь же русского человека ко всему, связанному с Францией, ее культурой, историей, общеизвестна. Даже несмотря на то, что порой эта любовь оставалась безответной. Более того, временами это была нелюбовь, и не просто нелюбовь, а страх, отсюда и такое явление, как русофобия, характерная для общественного мнения не только Франции, но и всей Европы. Используя ксенофобские настроения, проще формировать нужное общественное мнение, затушевывать собственные проблемы, ссылаясь на внешнего врага, не важно, реального или мнимого; для оппозиции это надежное средство дискредитации власти, борьбы за министерские кресла и привилегии, а также за голоса избирателей, падких на подобного рода идеи. В последней трети XIX столетия русофобия во Франции резко сменилась русофилией. Произошло это после франко-прусской войны 1870–1871 гг. Униженная и обескровленная, Франция жизненно нуждалась в поддержке России и кардинально изменила свой взгляд на нашу страну, а русско-французский союз, говоря словами Ш. Корбе, из «брака по расчету» перерос в «союз по любви»¹. Однако революция 1917 г. разрушила эту идиллию.

Русофобия, на мой взгляд, это в большей степени явление политического порядка, и ее всплески были связаны, как правило, с политическими событиями. Французы, бывавшие в России, по крайней мере те, с которыми мы познакомились, русофобами отнюдь не являлись. Не был таковым даже маркиз де Кюстин, и в России ему далеко не все не понравилось, просто об этом в Европе было не принято го-

---

¹ Corbet Ch. Op. cit. P. 464.

ворить; в результате из его книги надергали цитат, превратив ее в пасквиль. Российские дворяне, воспитанные на французской культуре, французскими гувернерами, несмотря на ограничения контактов, всеми силами стремились оказаться во Франции, тем более что запретный плод был еще более сладок. «Русский князь» был тогда в моде в Париже, хотя порой на наших аристократов и смотрели с усмешкой. Оказывавшиеся во Франции разночинцы, которые уже не могли жить на широкую ногу и порой имели проблемы с языком, чувствовали себя там менее уютно, и им могло казаться, что русских недолюбливают. Но в целом, на бытовом уровне, особых антирусских предубеждений наши соотечественники не замечали. Все это говорит о том, что политика – политикой, а люди остаются людьми. И несмотря на порой весьма непростые двусторонние отношения, политическое, а еще больше взаимное культурное притяжение России и Франции непреходяще.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

1. Ф. 187. Посольство в Париже. 1835–1838. Оп. 524. Д. 121, 100, 116.
2. Ф. 133. Канцелярия Министра иностранных дел. Оп. 469. Д. 144, 145, 151, 198, 197, 199, 211, 91, 161, 169, 118, 119.
3. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 39.
4. Ф. 182. Оп. 783. Д. 11.
5. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 9.
6. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. Оп. 77. II–3. Д. 3.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

7. ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 4 а. Д. 60.
8. ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Бенкендорфы. Д. 332.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

9. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Блудовы. Воспоминания А.Д. Блудовой о Николае I.
10. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 13. Д. 82.
11. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 12. Д. 493.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

12. Собственноручная записка Николая о Польше // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 53. Корф М.А., 1831–1874.
13. Поццо ди Борго об устройстве Королевства Польского, записка на имя Александра I. 1814 г. // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 542. Ед. хр. 699. Оленины.

Опубликованные источники

Официальные документы

14. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия I. Том VIII. Май 1814 – ноябрь 1815. М., 1972.
15. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия II. Том VIII (XVI). Октябрь 1828 – июль 1829. М., 1994.
16. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Том XVII. Август 1830 – январь 1832 М., 2005.
17. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1–15. СПб., 1877–1905.
18. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.
19. Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896.

Воспоминания, мемуары, переписка, работы современников, художественная литература

20. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983.
21. Бре О., де. Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra, антология. СПб., 2011.
22. Бургоэн П. Воспоминания барона Бургоэна, французского посланника при с.-петербургском дворе, с 1828 по 1832 г. // Отечественные записки. 1864. № 11, 12.
23. Вел. кн. Николай Михайлович. Из беседы Поццо ди Борго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 году. СПб., 1910.
24. Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и комм. Д. Васильева. М., 2008.
25. Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. 1842–1843 // Николай I: pro et contra, антология. СПб., 2011.
26. Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32.
27. Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гелль. Вступ. статья, подготовка текста и коммент. А.С. Немзера. М., 1990.
28. Гюго В. Отверженные // Гюго В. Собрание соч. в семи томах. М., 1995.
29. Гюго В. Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007.
30. Император Николай Первый. М., 2002.
31. Кюстин А., де. Россия в 1839 году. Т. 1–2. М., 1996.

32. Мещерский А.В. Из моей старины // Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011.
33. Николай I: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой, Л.В. Выходилова. СПб., 2011.
34. Николай I. Рыцарь самодержавия / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Тарасова. М., 2007.
35. Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011.
36. Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008.
37. Оммер де Гелль А. Письма и записки (вступ. статья М.М. Чистяковой). М.; Л., 1933.
38. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. IV.
39. Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1986.
40. Письма Шопена. М., 1929.
41. Погодин М.П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 1–4. М., 1844.
42. Строев В.М. Париж в 1838 и 1839 годах. Ч. 1–2. СПб., 1841.
43. Николай I: pro et contra. Антология. СПб., 2011.
44. Шатобриан Ф.-Р. де. Замогильные записки. М., 1995.
45. Фикельмон Д. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. М., 2009.
46. Фредерикс М.П. Из воспоминаний // Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011.
47. Apponyi R. Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P., 2008.
48. Balabine B. Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie: Paris de 1842 à 1852, la cour, la société, les mœurs. 1842–1847. Publ. par Ernest Daudet. P., 1914.
49. Barante P., de. Notes sur la Russie. P., 1875.
50. Barante P., de. Souvenirs du Baron de Barante. 1782–1866. T. 1–8. P., 1895.
51. Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. T. 1–4. P., 1875–1876.
52. Blânc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. P., 1848.
53. Boigne A. Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1–4. P., 2006.
54. Joulvécourt P. de. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. P., 1837.
55. Joulvécourt P. de. Les Russes à Paris. P., 1843.
56. Léouzon Le Duc L. Souvenirs et impressions de voyage dans les pays du Nord de l'Europe, Suède, Finlande, Danemark, Russie. 2-е édition. P., 1896.

57. Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. P., 1873.
58. Memoires et correspondances du prince de Talleyrand. Édition intégrale présentée par Emmanuel de Waresquiel. P., 2007.
59. Capefigue I.-B. Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. T. 1–2. Bruxelles, 1836.
60. Dino Dorothée (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Cronique de 1831 à 1862. T. 1–4. P., 1909–1910. (rééd. 2005).
61. Duez Ch. Critique des Mystères de la Russie et de l'ouvrage de M. de Custines: La Russie en 1839, suivie de l'extrait du voyage de l'Empereur. P., 1844.
62. Durande A. Joseph, Charle et Orace Vernet. Correspondance et biographies. P., 1864.
63. Gaimard J.P. Voyage en Islande et au Groënland exécuté pendant les années 1835 et 1836 sur la corvette La Recherche, commandée par M. Tréhouart, dans le but de découvrir les traces de La Lilloise. T. 1–7. P., 1838–1852.
64. Greville Ch. Les quinze premières années de regne de la reine Victoria. P., 1889.
65. Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 1–8. P., 1858–1867.
66. Hommaire de Helle A. Équipée dans les steppes de Russie 1840–1844. P., 1868 (переизд. в 1993 г.).
67. Hommaire de Helle X. Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. T. 1–3. P., 1843–1845
68. Hommaire de Helle A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. P., 1860.
69. Louis Philippe. Pénécées et opinions de Louis Philippe sur les affaires de l'état. P., 1850.
70. Mathilde, princesse de. Souvenirs des années d'exil // Revue des Deux Mondes. 1927. 15 déc. 1928. 1, 15 janvier.
71. Saint-Julien Ch. de. Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M.R. Bourdier. P., 1854.
72. Vyazemsky P.A. Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844 // Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. P., 1967.

Литература

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017.
2. Айрапетов О. Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 годов: истоки и начало // Родина. 2013. № 3.
3. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX века // Николай I: pro et contra, антология. СПб., 2011.
4. Андреева Т.В., Высочков Л.В. Николай I: pro et contra (зеркало для героя) // Николай I: pro et contra, антология. СПб., 2011.
5. Асслэн Ж.-Ш. Экономическая история Франции с XVIII века до наших дней. М., 1995.
6. Высочков Л. Человек в мундире. Николай I – «консерватор с прогрессом»? // Родина. 2013. № 3.
7. Высочков Л.В. Николай I (фрагмент) // Николай I: pro et contra, антология. СПб., 2011.
8. Высочков Л.В. Николай I. М., 2006.
9. Гончарова Т.Н. Посольство Франции и светская жизнь Санкт-Петербурга в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2.
10. Гончарова Т.Н. Посольство Франции в Санкт-Петербурге (1814–1848 гг.). Представители конституционной монархии в самодержавной России // Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. (Серия «Санкт-Петербург и мир»). СПб., 2010.
11. Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32.
12. Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32. Русская культура и Франция.
13. Зелдин Т. Франция. 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004.
14. Жерихина Е.И. Французский мир Санкт-Петербурга. СПб., 2015.
15. Житомирская С. Голос с того света // Тургенев Н. Россия и русские / Пер. с фр. и статья С.В. Житомирской. М., 2001.
16. Куриев М.М., Пономарев М.В. Век Наполеона: люди и судьбы. М.: Мирос, 1997.
17. Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.
18. Ляшенко Л.М. Николай I. Случайный император. М., 2013.
19. Мазон А. Князь Элим // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32.

20. Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или как возник «весь Париж». М., 1998.
21. Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2016.
22. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016.
23. Мильчина В. Париж в 1814–1848 годах. Повседневная жизнь. М., 2013.
24. Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004.
25. Мильчина В.А. «"Французы полезные и вредные". Надзор за иностранцами в России при Николае I». М., 2017.
26. Мильчина В.А., Осповат А.Л. Комментарии к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008.
27. Мироненко С.В. Тридцать лет одиночества // Родина. 2013. № 3.
28. Нечаева В.С. Французская литература и П.А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32. Русская культура и Франция.
29. Нольде Б.Э. Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915.
30. Олейников Д. Николай I. М., 2012.
31. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2010.
32. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.
33. Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 г. Вильна, 1866.
34. Россия и черноморские проливы. (XVIII–XX столетия). Отв. ред.: Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999.
35. Рохау А.Л. История Франции от низвержения Наполеона до восстановления Империи. 1814–1852. Ч. 1–2. СПб., 1865–1866.
36. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I // Николай I: pro et contra. Антология. СПб., 2011.
37. Рэй М.-П. Александр I. М., 2013.
38. Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. Серия «Санкт-Петербург и мир». СПб., 2010.
39. Слонимский Л.З. Франко-русская политика в начале столетия // Вестник Европы. 1891. № 2.

40. Соколова А.И. Император Николай и васьковские дурасства // Николай I: pro et contra, антология. СПб., 2011.
41. Соловьев Д. Верне О. Живописец трех императоров // Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. М., 2008.
42. Сперанская Н.М. Шарль де Сен-Жюльен – французский журналист в России // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013.
43. Таньшина Н.П. Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.
44. Таньшина Н.П. Франсуа Гизо: политическая биография. М., 2016.
45. Таньшина Н.П. Антирусские настроения во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. № 4. 2017. С. 91–108.
46. Таньшина Н.П. «Наполеоновская легенда» во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 26–44.
47. Таньшина Н.П. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67–85.
48. Таньшина Н.П. Польский вопрос по запискам императора Николая I и графа Ш.-А. Поццо ди Борго // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 15–26.
49. Таньшина Н., Борисёнок Ю. Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. С. 105–109.
50. Тарле Е.В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг. // Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. Т. 4. М., 1959.
51. Тарле Е.В. Крымская война // Сочинения в 12 т. Т. 8. М., 1959.
52. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887.
53. Томашевский Б. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32. Русская культура и Франция.
54. Труайя А. Николай I. М., 2003.
55. Туре Ж., Булах А.Г. Из Шокши в Париж. История поиска, добычи, доставки и обработки шокшинского кварцита для саркофага Наполеона // Труды Карельского научного центра РАН. 2016. № 10.
56. Туре Ж., Булах А.Г. Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 1.

57. Феклова Т.Ю. Экспедиции академии наук в первой половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.
58. Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013.
59. Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867). М., 2008.
60. Черкасов П.П. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.
61. Черкасов П.П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3.
62. Черкасов П.П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М., 2008.
63. Черкасов П.П. Я.Н. Толстой во Франции: период эмиграции (1826–1836) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 7. М., 2007.
64. Черкасов П.П. Россия и Франция: 300 лет совместной истории // Экономические стратегии. 2010. № 10.
65. Черников Г.П. Экономика Франции: традиции и новейшие тенденции. М., 2002.
66. Хартанович М.Ф. Французские ученые на службе в России и в Императорской академии наук в первой половине XIX в. // Санкт-Петербург–Франция. СПб., 2010.
67. Храпунов Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825.
68. Шевченко М. «Возложить надежды на поколение новое». Как Николай I и министр Уваров давали Польше шанс // Родина. 2013. № 3.
69. Шевченко М.М. Конец одного величия. М., 2003.
70. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М., 2010.
71. Щербакова Е. Нянюшкины сказки // Родина. 2013. № 3.
72. Antonetti G. Louis-Philippe. P., 2002.
73. Beltran A. et Griset P. La croissance économique de la France 1815–1914. P., 1988.
74. Bertaut J. Louis-Philippe intime. P., s.a.
75. Broglie G. Guizot. P., 1990.
76. Broglie G. L'Orleanisme. La ressource libéral de la France. P., 1981.
77. Broglie G. de. La Monarchie de Juillet. 1830–1848. P., 2011.
78. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. P., 1967.

79. Caron F. Histoire économique de la France XIXe–XXe siècles. P., 1981.
80. Caron J.-C. La France de 1815 à 1848. P., 1993.
81. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P., 1967.
82. Cromwell J.L. Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857. Jefferson, 2007.
83. Dayot A. Les Vernet. Joseph, Carle, Horace. P., 1898.
84. Droz J. De la Restauration à la Révolution. 1815–1848. P., 1967.
85. Lucas-Dubreton J. Louis-Philippe. P., 1938.
86. Maggiolo A. Corse, France et Russie. Pozzo di Borgo. 1764–1842. P., 1890.
87. McErlean J. Napoléon et Pozzo di Borgo. 1764–1821. P., 2007.
88. Nicoud G. Horas Vernet, un modern Rubens français en Russie? // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013.
89. Remond R. La vie politique en France. 1789–1848. T. 1–2. P., 1965.
90. Rémond R. La droite en France. De la première Restauration à la V-ème République. P., 1963.
91. Robert V. Le temps des banquets. Politique et symbolique d'une génération (1818–1848). P., 2010.
92. Rosanvallon P. Le moment Guizot. P., 1985.
93. Rosanvallon P. La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. P., 1994.
94. Tanchina N. Pozzo di Borgo et le Tzar // Autour de Charles-Andrée Pozzo di Borgo (1764–1842). Ajaccio, 2018. P. 57–66.
95. Vergé-Franceschi M. L'ennemi juré de Napoléon. P., 2016.
96. Vergé-Franceschi M. Paoli: Un Corse des Lumières. P., 2005.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абердин Дж.Г.Г. 157, 239
Аделаида, мадам 28, 31, 32, 39, 278
Адлерберг В.Ф. 26, 204
Александр I, император России 5, 16, 34–37, 50, 68, 83, 88, 92–96, 99, 110, 127, 131, 196, 198, 199, 234, 287, 289, 290–294, 317
Александр II (Александр Николаевич, цесаревич) 11, 21, 38, 45, 60, 110, 132, 135, 158, 171, 232, 238, 242, 287, 310
Александр Николаевич, цесаревич см. Александр II
Александра Федоровна (Шарлотта Фредерика Луиза Вильгельмина), императрица России 75, 76, 125, 208, 288, 313
Алексеев М.П. 261
Амио П.Ф. 146
Англе Р. 220
Ангулемский Л., герцог 112
Андре Ж.М.А. 124, 126, 136, 147
Анна Павловна, великая княгиня 95
Анненков И.А. 139, 283
Анненков П.В. 237
Анненкова П.Е. (урожд. Гебль) 139
Антонетти Г. 20
Аппоньи А. 125
Аппоньи Р. 71, 75, 109, 117, 118, 130, 271
Арленкур В. 164, 165
Бакунин М.А. 237, 283
Балабин В.П. 77, 175, 262, 271–282
Балабин П.И. 271
Бальзак О. 19, 145, 150–152, 162, 167, 237, 254, 260–262, 264, 275
Барант П.Б. 7, 8, 42, 108, 119–126, 144, 149, 177–200, 206, 207, 209–216, 222, 279, 285, 286, 288, 293, 294, 296
Барант Э. 122
Барклай-де-Толли М.Б. 294, 295
Барро О. 64, 140, 141, 256, 305
Бастиа Ф. 57
Бевале Л. 220
Белинский В.Г. 123, 307
Бенкендорф А.Х. 67, 81, 124, 150, 180, 238, 243
Берзелиус 220
Берлиоз Г. 172, 173
Бернадотт 92
Беррийская М.К., герцогиня 39
Беррийский Ш.Ф., герцог 95
Беррье П. 255, 256
Берто Ж. 29, 70, 72, 78
Блан Л. 58
Блоссевиль Ж. 219, 220
Блудов Д.Н. 38, 50, 149, 150, 311
Блудова А.А. (урожд. Щербатова) 311
Блудова А.Д. 310–314
Богарне Гортензия 80
Богарне Евгений 290
Бонапарт Жером — 169, 170, 290
Бонапарт Мария Летиция 90
Бонапарт Матильда 169–172, 235, 290
Бордоский Г., герцог де Бурбон 6, 23, 40, 112
Боткин В.П. 283, 284
Брой Л.-В. 63, 86, 102, 118, 120, 136, 137, 274, 285, 298
Бруннов Ф.И. 132
Брэ О. 63
Буань А. (урожд. д' Осмон) 90, 91, 93, 271
Буасси д'Англа Ф.А. 142

- Бугатти Дж. 224, 226–229
 Булах А.Г. 223, 226, 227
 Бургоэн П. 83–85, 110–117, 128, 290, 292
 Бэр К.М. 216, 217
 Бюлоз Ф. 163
- Васильев Д.** 14, 200, 201, 203, 205
 Верже-Франчески М. 88
 Верне Ж. 199
 Верне О. 7, 8, 14, 63, 66, 67, 80, 138, 139, 172, 198–216, 291
 Виардо Л. 165, 166
 Виардо П. 165, 166
 Вигель Ф.Ф. 149, 150
 Виельгорский М.Ю. 173
 Виктория, королева Великобрита-
 нии 30, 144, 206, 308
 Висконти Л. 223, 229, 230
 Волконский Г.П. 67, 164, 204
 Воронцов М.С. 175, 194–196, 198
 Воронцов С.Р. 26
 Воронцов-Дашков И.И. 164
 Всеволожский Н.С. 154
 Вюртембергская Екатерина 169, 170
 Вюртембергский Адам 26, 102
 Вюртембергский Павел 170, 235
 Вяземская М.П. (в замужестве Валу-
 ева) 270
 Вяземский П.А. 8, 42, 73, 74, 87, 110, 121, 122, 127, 150, 152, 153, 158, 163, 164, 165, 172, 176, 246, 247, 248, 249, 250–254, 255, 258, 260, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 271, 272
 Вяземский П.П. 176, 247
- Гагарин И.С. 271, 274
 Гагарин Ф.Ф. 250
 Гальберг С.И. 295
 Ганская Э. 150
 Гедеонов А.М. 173
 Геккерн Л. 164
 Гемар Ж.-П. 8, 216–222
 Генрих IV 71, 309
 Геродот 297
- Герцен А.И. 131, 159, 163, 233, 234, 237, 238, 283, 284, 315
 Гизо Ф.П.Г. 7, 48, 52, 53, 58, 61, 65, 71, 86, 102, 107, 144, 147, 233, 239, 240, 246, 253, 256–259, 264, 279, 280, 282, 299–301, 303–305
 Глинка М.И. 172
 Гогенлоэ Г. 123
 Гоголь Н.В. 163, 165
 Голицын Н.Б. 164
 Головин И.Г. 157, 158, 159, 237
 Головин А.В. 310
 Гончарова Т.Н. 12
 Гревилл Ч. 19, 308, 309
 Гренвил, леди 107
 Греч Н.И. 149, 150, 172
 Грибоедов А.С. 110
 Грюнвальд К. 15
 Гумбольдт А. 221
 Гюго В. 19, 20, 30, 32, 70–72, 74, 77, 80, 99, 127, 162, 166, 223, 247, 260, 261, 309
- Давыдов И.И. 45
 Дайо А. 200
 Даллас Дж. 121
 Даль В.И. 165
 Данилова О.С. 13, 14
 Дантес Ж. 121, 123, 164
 Дармес 73
 Делакура Э. 234
 Демидов А.Н. 169, 170, 171, 172, 200, 234, 235, 247
 Демидов Н.Н. 170
 Демидов П.Н. 149
 Джентили 90
 Дибич И.И. 84, 128
 Дино Д., герцогиня де Саган 64, 108, 148, 271
 Добролюбов Н.А. 315
 Дубельт Л.В. 149, 150
 Дюма А. (отец) 19, 134, 139, 140, 200, 247, 260
 Дюмон-Дюрвиль Ж.С. 218, 220
 Дюмурье Ш.Ф. 32
 Дюран Ш. 135, 136, 139
 Дюранд А. 203, 234
 Дюзз Ш. 157

- Екатерина II, императрица России 23, 24, 68, 155, 196, 199
- Елена Павловна, великая княгиня 170
- Жанен Ж.** 234, 235
- Жанлис С.Ф. 28–30, 32, 35, 72
- Железнов Н.И. 222
- Жерихина Е.И. 161, 162
- Жирарден Д. 237, 263, 279
- Жирарден Э. 134, 203, 263
- Жуковский В.А. 42, 47, 76, 121, 122, 238
- Жюльевекур П. 153–156, 235, 236
- Зелдин Т.** 52, 63, 72, 301, 302
- Зинин Н.Н. 216
- Зиновьев И.А. 222
- Ибрагим-паша** 118
- Кабе Э.** 58
- Кавеньяк Г. 307
- Кадо М. 9, 15, 146, 147, 152, 156, 158, 164, 165, 167, 171, 174, 176, 177, 192, 230, 233, 234, 237, 290
- Канкрин Е.Ф. 51, 148, 270
- Каподистрия И. 95
- Карамзин А.Н. 109
- Каратыгины 134
- Карл X, Артуа Ш.-Ф., Бурбон, король Франции 18, 23, 34, 35, 38–41, 52, 70, 75, 80, 83, 84, 95, 96–98, 111, 118, 279, 289
- Каррель А. 134
- Кастеллан К. 279, 280
- Кастеллан Э. 64
- Кваренги Дж. 292
- Кесслер К.Ф. 222
- Кинемон А. 286
- Киселев Н.Д. 8, 74, 110, 150, 235, 271, 272, 277, 278, 297–305, 307
- Киселев П.Д. 12, 50
- Клодт П.К. 292
- Ключевский В.О. 23
- Ковалевский А.О. 216
- Кожина Л.Н. 154
- Козловский П.Б. 151, 234
- Констан Б. 59
- Константин Павлович, великий князь 23, 36, 37, 125, 310
- Корбе Ш. 9, 15, 16, 154, 193, 317
- Кордые П.-Л. 226
- Корф М.А. 62, 131, 315
- Костюшко Т. 25
- Куа Ж.-Р.-К. 218
- Кузен В. 102, 221
- Кукольник Н.В. 139
- Куракин, князь 277
- Кутузов М.И. 294, 295
- Кушелев-Безбородко А.Г. 164
- Кювийе-Флери А. 20, 77
- Кюстин А. 7, 8, 14, 42, 144–153, 156–160, 163, 164, 166, 176–178, 206–215, 229, 270, 282, 317
- Ла Плай** 234
- Ла Ферроне П.Л. 111, 125
- Лабенский К. 149
- Лайон В. 25
- Лайон Е.В. (в замужестве Вечеслова) 24, 25
- Ламартин А.-М. 61, 126, 162, 166, 247, 256, 281, 282, 298
- Ламздорф М.И. 26, 37, 30
- Лами Э. 235
- Лауниц Э. 294
- Лафайет-М.-Ж. 39, 40, 42, 129
- Лаффит Ж. 39, 48, 143
- Леопольд I, король Бельгии 77, 78, 102, 308
- Леопольд II, герцог Тосканский 170
- Лермонтов М.Ю. 121–124, 176
- Леузон Ле Дюк Л.-А. 223–230
- Ливен Д.Х. 7, 62, 107, 125, 233, 238, 239, 240–246, 253, 259, 279, 280
- Ливен Х.А. 97, 113, 233, 238, 240–242
- Ливен Ш.К. 24, 25
- Лист Ф. 172
- Лоттен В. 220
- Луи-Наполеон Бонапарт (см. Наполеон III)
- Луи-Филипп Орлеанский, король Франции 5–10, 18–20, 22, 23, 28–

- 36, 38–44, 48, 51, 52, 58, 59, 61–65, 68–75, 77, 78, 80–82, 84–87, 97, 99–106, 108, 109, 115–120, 125, 128, 132–135, 144, 151, 172, 198, 199, 201–206, 219, 223, 234, 236, 237, 246, 258, 275–279, 290, 293, 297, 298, 306–310, 316
- Луи-Филипп, граф Парижский 305, 306, 308
- Лунин М.С. 149
- Людовик IX, король Франции 169, 309
- Людовик XIV, король Франции 23, 52, 69, 199, 290
- Людовик XVIII, король Франции 33, 34, 75, 93–96, 279, 288, 289
- Магницкий М.Л.** 45
- Маджиоло А. 88
- Мазон А. 130, 136
- Майер О. 220
- Мария Александровна, супруга цесаревича Александра 290, 310
- Мария Федоровна, императрица России 23, 24, 25, 31
- Мария-Аделаида де Бурбон-Пентьевр 28
- Мария-Амелия, супруга Луи-Филиппа 33, 34, 70, 78, 278, 304
- Мария-Антуанетта, королева Франции 33, 81
- Мармье К. 163, 164, 220
- Махмуд II 138
- Медем П.И. 117, 118
- Мейендорф П.К. 67, 253
- Мекленбург-Шверинская Елена, герцогиня Орлеанская 102
- Мельбурн 107
- Мельгунов Н.А. 165
- Менделеев Д.И. 216
- Менелас А.А. 78
- Меншиков А.Д. 225
- Меншиков А.С. 110, 125
- Менье 73
- Мериме Г. 165
- Мериме П. 165, 254
- Мерсье А. 126, 307
- Меттерних-Виннебург К.В.Л. 62, 279
- Мещерский А.В. 156
- Мещерский П.С. 136
- Мещерский Э.П. 136, 137
- Мигел I 85
- Милорадович М.А. 292
- Мильчина В.А. 13, 14, 73, 81, 109, 121, 122, 136, 138, 145, 148, 150, 163, 177, 178, 181, 185, 187, 190, 192, 233, 274, 284, 296
- Минье Ф.-О. 221
- Мирабо О.Г.Р. 90
- Михаил Павлович, великий князь 23, 24, 26, 27, 31, 51, 170, 232, 270, 294
- Мицкевич А. 110, 131, 146, 247
- Моген Ф. 142, 143, 256
- Моденский, герцог, Франческо IV д'Эсте 85
- Моле Л.-М. 102, 177, 183, 209, 210, 257, 279, 280, 281, 304, 305
- Монталамбер Ш.-Ф. 140
- Монталиве К.Б. 69, 80
- Монтескьё Ш.Л. 30
- Монтеспан Ф.-А. 28
- Монферран О.Р. 224, 291–293, 295
- Морней Ш. 221
- Мортемар К.Л.В. 111, 115, 116, 290
- Мортье Э.А. 34, 73, 102, 117, 118, 119
- Мусин-Пушкин И.А. 110, 223
- Мусоргские 231
- Мустафа-Решид 142
- Мухаммед-Али 138
- Мэзон Н.Ж. 86, 118–200, 293
- Мюссе А. 162, 247, 254
- Наполеон I**, император Франции 5, 19, 28, 33, 34, 48, 68, 74, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 96, 101, 119, 126, 136, 163, 169, 170, 199, 201, 202, 218, 223, 224, 226, 228, 229, 230, 248, 261, 267, 275, 276, 286–291, 293, 294
- Наполеон III** (см. Луи-Наполеон Бонапарт) президент Француз-

- ской республики, император Франции 11, 80, 146, 229, 312
- Нарышкин Л. 198
- Нарышкина М.А. 198
- Некрасов Н.А. 232
- Нелидова В.А. 76, 77
- Нелидова Е.И. 77
- Нессельроде К.В. 38, 64, 88, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 104, 105, 106, 107, 113, 117, 127, 128, 138, 148, 150, 241, 296
- Нессельроде М.Д. 120, 158, 164
- Николай I, император России 5–10, 13, 14, 16, 18, 20–31, 33–38, 41, 42, 44–51, 60–63, 66–69, 72–86, 94, 96–98, 100, 110–120, 124–128, 130–132, 135, 137–140, 148–151, 154, 156–158, 164, 166, 168–173, 183, 184, 189–191, 196, 198–202, 204–216, 218, 227, 228, 231, 234, 235, 237–240, 242, 243, 245, 246, 251, 267, 270, 272, 277, 285–288, 290–297, 299, 306, 307, 310–317
- Ободовский П.Г. 139
- Огарев Н.П. 283, 315
- Одоевский В.Ф. 150, 163
- Оже И. 149, 150
- Оммер де Гелль А. 173, 174, 176, 194
- Оммер де Гелль К. 173
- Орлеанская Клементина, герцогиня Саксон-Кобургская 77, 102
- Орлеанская Мария, герцогиня Вюртембергская 77
- Орлеанская Мария-Луиза, королева Бельгии 77, 102
- Орлеанский Антуан, герцог Монпансье 102, 304
- Орлеанский Генрих, герцог Омальский 20, 77, 102, 147
- Орлеанский Луи Филипп Жозеф, герцог Шартрский, Эгалите 5, 7, 8, 18, 22, 23, 28, 32, 35, 97
- Орлеанский Луи, герцог Немурский 65, 78, 102, 304
- Орлеанский Фердинанд, герцог Шартрский 77, 199, 202, 276, 277
- Орлеанский Франсуа, герцог Жуанвильский 65, 77, 102, 223
- Орлов А.Ф. 67, 84, 114, 128, 157, 180, 204, 241, 307
- Орловский Б.И. 292, 295
- Осват А.Л. 145, 148, 178, 185, 187, 190, 192, 296
- Остроградский М.В. 216, 231
- Павел I, император России 22, 23, 26, 27, 77, 91, 140, 199, 211
- Пален П.П. 108, 109, 110, 124–126, 144, 222, 271, 296, 299
- Пальмерстон Г.Дж.Т. 107, 308
- Панаев И.И. 232, 283, 284
- Панаева А.Я. 232, 282, 284
- Паоли П. 89, 90
- Пари В.О. 271
- Парсамов В.С. 13, 14
- Паскевич И.Ф. 67, 73, 207, 287, 306
- Перье К. 127, 128
- Перье О.К. 125, 126, 183, 204
- Петр I, император России 42, 62, 154, 166, 168, 169, 188, 225, 290
- Пименов С.С. 292
- Погодин М.П. 8, 133, 134, 246, 247, 249, 250, 252, 255–259, 263–266, 269, 272
- Полевой Н.А. 139
- Полиньяк Ж. 38, 39, 70, 71, 97, 142
- Потемкин И.А. 170
- Поццо ди Борго Ш.-А. 5, 7, 8, 64, 87–108, 111, 114, 117, 119, 129, 133–135, 137, 233, 307
- Прево А.Ф. 68
- Прудон Ж. 58
- Пушкин А.С. 110, 121–123, 154, 181, 247, 248
- Пушкин С.Л. 122
- Райневаль А. 126
- Ралле Э. 162
- Раморино Дж. 130
- Рассел Дж. 106, 308
- Раффе 234
- Резанов А.И. 110
- Рекамье (урожд. Бернар) Ж. 254

- Ришар 69
 Ришельё Э.О. 5, 95, 110
 Робер Э. 219, 220
 Роберт К. 133
 Росси К. 290, 291
 Ротшильд Дж. 54, 233
 Руайе-Коллар П.П. 221
 Руйяр А. 283
 Рунич Д.П. 45
 Руссо Ж.-Ж. 28, 30
 Рэй М.-П. 16, 127
- С**азонов Н.И. 237, 238
 Санд Ж. 19, 68, 162, 260, 263
 Свечина С.П. 149, 233, 253
 Себастьяни О.Ф.Б. 117, 129
 Сен-Жюльен Ш. 66, 166–169, 171, 225, 286, 289, 290, 293
 Сен-Марк Жирарден 165, 174
 Сен-Феликс Ж. 154
 Слонимский Л.З. 88, 94–96
 Смирнова-Россет А.О. 270, 288
 Соболевский С.А. 165
 Соколова А.И. 72
 Соловьев С.М. 88
 Сперанский М.М. 44
 Сталь Ж. 67, 152, 192
 Стасов В.П. 292, 295
 Стендаль 19, 39, 247
 Строганов А.Г. 170, 186
 Строганова Е.А. 170
 Строев В.М. 8, 133, 134, 246, 247, 249–252, 254, 256, 257, 259–266, 268, 269, 272
 Сульт Н.Ж. 52, 65, 102, 135, 143, 144, 278
 Суханов С.К. 295
 Сю Э. 67, 247, 260
 Талейран-Перигор Ш.-М., князь Бенеventский 34, 64, 89, 93, 96, 105, 148, 233, 242, 271, 279, 288
- Т**альони М. 266
 Тарле Е.В. 50, 120, 183, 184, 209, 298, 299
- Татищев Д.П. 129
 Толстой Я.Н. 11, 109, 137, 149, 165, 231, 232, 237, 299
 Труайя А. 23, 26–28, 76, 78–80, 307
 Тургенев А.И. 42, 121–123, 158, 163–165, 172, 237, 248, 250, 253, 254, 269
 Тургенев И.С. 165, 166
 Тургенев Н.И. 158, 159, 237
 Туре Ж. 223, 226, 227
 Туссэн И. 89
 Тьер А.Л. 39, 63, 74, 134, 138, 143, 144, 233, 235, 255, 256, 257, 259, 260, 268, 281, 304, 305
 Тютчев Ф.И. 127, 148, 152
 Тютчева А.Ф. 310, 311
 Тюфякин П.И. 234, 237
- У**варов С.С. 47, 48, 88, 91, 137, 139, 150, 163, 164, 191, 217
- Ф**айбисович В.М. 123
 Фердинанд Неаполитанский, король неаполитанский 33
 Феррье И. 139
 Фиески Дж. 73
 Фикельмон К.-Л. 63, 122
 Франц I, австрийский император 313
 Франц-Иосиф, император Австрийской империи 313
 Фредерикс М.П. 60, 61, 68
 Фридкин В.М. 121
 Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии 35, 84
- Х**омяков А.С. 147, 163
 Храпунов Н.И. 194
 Хрулев С.А. 311
- Ц**ербиков А.Р. 79
 Цербиков Н.Р. 79
 Цербикова М.А. 79

Чарторыйский А., князь 91, 131

Чебышев П.Л. 216

Черкасов П.П. 9, 11, 12, 108, 109, 137,
146, 180, 183, 210, 211, 232, 293,
299

Чернышев А.И. 84, 112–114

Чернышева Е.И. 136

Чернышевский Н.Г. 64, 65

Шампольон Ж.-Ж. 221

Шатобриан Ф.-Р. 19, 26, 65, 68, 99,
247, 254, 261, 309

Шевалье М. 57

Шевченко М.М. 307

Шевырев С.П. 163

Шильдер Н.К. 25, 34, 37, 306

Шод-Эгу Ж. 149

Шрептович (урожд. Нессельроде)
148

Шувалов, граф 231

Щербакова Е. 23–25, 46

Эллиот Ж. 90

Эльслер Ф. 266

Научное издание

Таньшина Наталия Петровна

**Самодержавие и либерализм:
эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского**

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*

Редактор *В. Т. Веденеева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Т. Г. Суворова*

Р № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 18.10.2018.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21.

Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),

8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА

“Политическая энциклопедия”

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН РОССПЭН

Москва, ул. 3-й проезд Марьиной Рощи,
д. 40, стр. 1
тел. +7 (495) 111-32-75
ст. м. «Марьиная Роща»

КИОСК 1

Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
тел. +7 (499) 126-94-18
ст. м. «Академическая»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ИСТОРИКА

Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15
тел. +7 (495) 694-50-07
ст. м. «Пушкинская», «Охотный ряд»,
«Театральная»

интернет-магазин издательства

<http://www.rosspen.su>

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Россия в годы царствования императора Николая I (1825–1855) и Франция в эпоху правления конституционного короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848). Это был период резкого ограничения контактов, что было вызвано негативным отношением российского самодержца к режиму, рожденному революцией. Однако, несмотря на жесткое, порой на грани конфронтации, противостояние, между нашими странами происходило и постоянное взаимодействие. Это был первый опыт сложных и противоречивых отношений между российским самодержавием и французским либерализмом.

На первый взгляд, самодержавие Николая I и либеральный режим Луи-Филиппа — две крайности. Но это только на первый взгляд. То же самое можно сказать о личностях государей:

в исторической памяти сформировались устойчивые представления о противоположности двух монархов, да и сами они никогда бы не согласились со своей общностью. Один — «жандарм Европы», «рыцарь самодержавия», «душитель революций». Другой — «король баррикад», «король-буржуа», получивший корону в результате Июльской революции 1830 г. Все это верно, но это одна сторона медали. А если взглянуть на другую сторону, то при внимательном рассмотрении окажется, что при всем внешнем различии монархов между ними было очень много общего.

С одной стороны, неприятие российским императором Июльской монархии, а также линия на свертывание двусторонних контактов только подогревали интерес русского человека к Франции. С другой стороны, к России и русским французы, особенно после Июльской революции и подавления Николаем I Польского восстания, испытывали, как правило, крайнюю настороженность, временами переходившую в откровенную русофобию. Почему нас не любили? Связано ли это было с глубинными цивилизационными отличиями, или же антирусские настроения подогревались активной внешней политикой Российской империи? Любовь же русского человека к Франции была неизбывной. Даже несмотря на то, что порой она была безответной...

Наталья Петровна Танышина —

доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник «Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исследований» Государственного академического университета гуманитарных наук.

